Российская академия наук
Отделение истории и филологии
Научный совет по исторической демографии
и исторической географии
Институт российской истории

НАСЕЛЕНИЕ РОССИИ В XX ВЕКЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

ТОМ 3. КН. 1. 1960 - 1979

Москва
РОССПЭН
2005

ББК 60.7
Н 31

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) проект № 04-06-87054

Ответственный редактор издания
академик РАН Ю.А.Поляков

Ответственные редакторы тома 3, книги 1
доктор исторических наук В.Б.Жиромская
доктор исторических наук В.А.Исупов

Рецензенты:
доктор исторических наук В.М.Лавров
доктор экономических наук В.В.Минаев

Н 31 **Население России в XX веке: Исторические очерки: В 3-х т.** / Т. 3, кн. 1: 1960—1979. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2005. — 304 с.

Первая книга третьего тома продолжает историю населения России в XX в. Период 60—70-х годов дал возможность авторам проследить естественное течение демографических процессов, не прерываемых войнами и социально-политическими катаклизмами. Разработана концепция дискуссионного в науке вопроса об особенностях демографического перехода в России к новому типу воспроизводства населения. На новых материалах показаны демографические последствия урбанизации, миграции и эмиграции населения; основные тенденции развития городской и сельской семьи. Поставлены проблемы социально-демографических групп: молодежи, пожилых людей, мужчин и женщин. Книга представляет интерес не только для специалистов, но и для широкого круга читателей.

ISBN 5-8243-0016-X
ISBN 5-8243-0664-8

© Коллектив авторов, 2005.
© Институт российской истории РАН, 2005.
© «Российская политическая энциклопедия», 2005.

Предисловие

Первая книга третьего тома продолжает историю демографического развития населения России в XX веке.

Хронологическими рубежами изучаемого периода являются переписи населения 1959—1979 гг. Этот двадцатилетний период характеризуется стабильным развитием демографических процессов в мирных условиях, не прерываемых социальными и политическими катаклизмами и многомиллионными потерями населения в связи с мировыми войнами и военными конфликтами. Отсутствие такого рода экзогенных факторов дает возможность наблюдать естественное течение демографических процессов, развитие демографического перехода к новому типу воспроизводства населения с его малодетной семьей, снижением смертности, рождаемости, увеличением продолжительности жизни. Этот период истории населения привлекал к себе внимание многих исследователей 1980-х гг. Однако при том, что об этом периоде написано немало, изучен он явно недостаточно. Некоторые оценки демографических явлений в нем на сегодняшний день требуют осмысления на современном уровне, ряд проблем остался в тени и не освещался вовсе.

Не было в руках исследователей для изучения этого периода и достаточной источниковой базы, в частности были недоступными материалы текущего учета населения.

Данное исследование опирается на обширный круг источников, как опубликованных, так и архивных. Это, прежде всего материалы переписей населения и их фондов, данные текущего учета населения, санитарно-медицинской статистики. Использована изданная справочная литература, в некоторых случаях произведена корректировка опубликованных в ней данных.

Привлечены материалы периодической печати как центральной, так и местной.

Наконец, опорой служили и многочисленные социологические обследования довольно широко проводившиеся, особенно в 1970-е годы.

Авторы по-прежнему придерживаются проблемно-хронологического принципа, оправдавшего себя при написании двух первых, уже изданных томов. Также, как и в первых двух томах, даны характеристики демографического состояния общества на начало и конец периода, демографические процессы, происходящие в изучаемое двадцатилетие, освещаются, прежде всего, на территории РСФСР, и в то же время учитывается и общесоюзный фон, поскольку РСФСР была в то время частью СССР.

Учтены изменения территориально-административного порядка.

Работа выполнена коллективом сотрудников Института российской истории Российской академии наук, с привлечением специалистов Центра по изучению народонаселения при экономическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова.

Авторы: Введение — Ю.А.Поляков, В.Б.Жиромская; Гл. I, XII, XIII — В.Б.Жиромская; гл. II — А.С.Сенявский; гл. III, VIII — Н.А.Араловец; гл. IV, IX — О.М.Вербицкая; гл. V — М.Б.Денисенко; гл. VI — В.М.Моисеенко; Гл. VII — Н.А.Араловец, А.С.Сенявский; гл. X — В.Б.Жиромская, Н.А.Араловец, С.Д.Морозов; гл. XI — И.П.Остапенко, А.И.Репинецкий, Л.С.Рогачевская.

Коллектив авторов выражает глубокую благодарность генерал-полковнику Г.Ф.Кривошееву за предоставленные материалы о потерях Советских вооруженных сил в 1960-е — 1970-е годы.

Ю.А.Поляков

В.Б.Жиромская

Глава I
Население и территория СССР и РСФСР в начале 1960-х гг.

СССР занимал в 1960 г. территорию 22,4 млн кв. км и включал 15 союзных республик: РСФСР, Украинскую ССР, Белорусскую ССР, Литовскую ССР, Латвийскую ССР, Эстонскую ССР, Молдавскую ССР, Грузинскую ССР, Азербайджанскую ССР, Армянскую ССР, Узбекскую ССР, Туркменскую ССР, Таджикскую ССР, Казахскую ССР, Киргизскую ССР.

Население СССР на 1 января 1961 г. составляло 216,0 млн человек[1].

РСФСР занимала площадь в 17,1 млн кв. км или 76% от всей территории СССР, население же ее на 1 января 1961 г. насчитывало 120,6 млн человек (120554,4 тыс.) или 56% от всего населения СССР[2]. По архивным данным 1960 г. республику населяло 119884,1 тыс. человек[3].

В городах 1960 г. по тем же архивным данным проживало 63856,4 тыс. чел., а в сельской местности — 56027,7 тыс. чел., то есть городское население превышало сельское на 3,3%. На 1 января 1961 г. соотношение городского и сельского населения еще больше изменилось в пользу первого — 54,9 и 45,1%, а в абсолютных цифрах соответственно — 66195,3 и 54359,1 тыс. чел[4]. Опубликованные данные на этот счет не расходятся с архивными.

Плотность населения составляла 7,1 чел. на 1 кв. км[5].

Процесс урбанизации в силу своей интенсивности даже на протяжении одного года отчетливо заметен: произошел рост городского и уменьшение сельского населения и в абсолютных и в относительных величинах. При этом городское население увеличивалось преимущественно за счет естественного прироста почти во всех регионах. Лишь в некоторых областях преобладал механический прирост населения. Это свойственно высокой стадии урбанизации.

Сельское население убывало в основном за счет механического отрицательного прироста населения.

Административно-территориальное деление РСФСР

РСФСР в административном плане делилась на районы, которые включали в себя области, края, автономные республики, автономные области и национальные округа.

Как уже отмечалось, состав населения в РСФСР был многонациональным. Многие из народов имели свою государственность: автономные республики, автономные области, национальные округа. При этом все автономии были полиэтничными по составу населения и кроме представителей коренной национальности на их территориях проживало немало и других народов. Например, в Коми АССР кроме коми проживали

русские, украинцы, белорусы, татары и чуваши. Марийская АССР кроме марийцев была населена русскими, татарами, чувашами, украинцами, удмуртами. В Татарской АССР кроме татар были представлены русские, чуваши, мордва, удмурты, украинцы, марийцы, евреи. В Хакасской автономной области кроме хакасов проживали русские, украинцы, мордва, татары, белорусы, чуваши. Корякский национальный округ кроме коряков населен чукчами, ительменами, эвенами, русскими, украинцами, татарами, корейцами[6].

Многонациональными являлись и области РСФСР. Так, в Архангельской области проживали русские, украинцы, белорусы, коми, ненцы; в Псковской — русские, эстонцы, украинцы, белорусы, коми, ненцы; в Калининской — русские, карелы, украинцы; в Ярославской — русские, украинцы, татары; в Воронежской — русские, украинцы, евреи; в Саратовской — русские, украинцы, казахи, татары, мордва, евреи, чуваши; в Ставропольском крае — русские, украинцы, карачаевцы, черкесы, армяне, абазины, греки, народности Дагестана; в Пермской области — русские, татары, коми-пермяки, украинцы, башкиры, белорусы, удмурты, чуваши; в Новосибирской — русские, украинцы, татары, казахи, евреи, белорусы; в Иркутской — русские, украинцы, буряты, татары, белорусы, евреи[7].

Очень многие из этих народов, в том числе и проживавшие вне своих государственных образований, сохраняли свой родной язык и свою культуру.

Административно-территориальные районы различались по занимаемой площади и плотности заселения.

Северо-Западный район насчитывал 11,7 млн чел. Плотность населения была несколько ниже средней по РСФСР и составляла 7,0 чел. на 1 кв. км. В состав района входило 7 областей: Архангельская, в том числе Ненецкий национальный округ, Вологодская, Калининградская, Ленинградская, Мурманская, Новгородская, Псковская, а также две автономные республики: Коми и Карельская АССР.

Ленинградская область, включая г. Ленинград, превосходила все остальные по численности населения — 4,7 млн чел. Наименьшее число жителей приходилось на Ненецкий национальный округ — 37 тыс. чел., Мурманскую и Калининградскую области — по 0,6 млн человек.

Самой высокой плотность населения была в Ленинградской и Калининградской областях — 54,9 и 42,6 чел. на 1 кв. км соответственно, а низкой — в Ненецком национальном округе — 0,2 чел. на 1 кв. км. Незначительно превышали этот показатель Коми АССР — 2 чел. на 1 кв. км, Карельская АССР — 3,8 чел. на 1 кв. км и Архангельская область — 2,2 чел. на 1 кв. км.

Такие области, как Вологодская, Новгородская, Псковская и Мурманская имели также относительно невысокую плотность населения — от 9,0 чел. на 1 кв. км в Вологодской до 16,6 чел. на 1 кв. км в Псковской области[8].

Центральный район концентрировал значительную часть населения России и насчитывал 25,1 млн жителей. Была высокой и плотность

населения — 54,4 чел. на 1 кв. км, при том, что район занимал обширную территорию.

В административном отношении в Центральный район входили 11 областей — Брянская, Владимирская, Ивановская, Калининская, Калужская, Костромская, Московская, включая г. Москву, Рязанская, Смоленская, Тульская, Ярославская.

Население Московской области с г. Москвой насчитывало 11,2 млн чел. Большое число жителей приходилось и на другие области — Калининскую — 1,8 млн, Тульскую — 1,9 млн, Рязанскую — 1,5 млн, Брянскую — 1,6 млн. Слабее были населены Костромская и Калужская области — по 0,9 млн чел. каждая.

Плотность населения Московской области, включая г. Москву, была самой высокой — 238,4 чел. на 1 кв. км. Но и в других областях этот показатель, хотя и был ниже, чем в Московской области, достигал в Тульской 75,0 чел. на 1 кв. км, в Ивановской — 55,8 чел., во Владимирской — 49,7 чел. и т.д. Наиболее низкой плотность населения была в Костромской области — 15,1 чел. на кв. км[9].

Волго-Вятский район по занимаемой территории и по численности населения заметно уступал Центральному району, его жители составляли 8,3 млн. В район входили Горьковская и Кировская области и три автономные республики: Марийская, Мордовская, Чувашская. Показатель плотности населения района был значительно выше среднего по РСФСР в целом — 31,5 чел. на 1 кв. км. Самой крупной областью по числу жителей была Горьковская область — 3,7 млн. Довольно значительную численность населения имела Кировская область — 1,9 млн. В Мордовской и Чувашской АССР проживало более 1 млн чел. в каждой. Ниже этот показатель в Марийской АССР — 0,7 млн чел. При этом Кировская область, охватывавшая обширную территорию, имела минимальную для данного района плотность населения — 15,3 чел. на 1 кв. км, а максимальную — Чувашская АССР, где на небольшой сравнительно площади плотность населения равнялась 62,2 чел. на 1 кв. км. Несколько уступала ей Горьковская область — 48,9 чел. на 1 кв. км. Выше средней по району была плотность населения в Мордовской АССР — 38,3 чел. на 1 кв. км. Этот показатель несколько меньше был в Марийской АССР и равнялся 28,5 на 1 кв. км[10].

Центрально-Черноземный район отличался «густой» заселенностью: 8,8 млн чел., плотность — 45,7 чел. на 1 кв. км, хотя был не особенно велик по территории. Он включал шесть областей: Белгородскую, Воронежскую, Курскую, Липецкую, Орловскую, Тамбовскую. Самая большая численность жителей приходилась на Воронежскую область — 2,4 млн человек.

Значительное количество населения было сосредоточено и в других областях Центрально-Черноземного района: в Тамбовской — 1,6 млн, в Курской — 1,5 млн, в Белгородской — 1,3 млн и т.д. Минимальное число жителей фиксировалось в Орловской области — 0,9 млн.

Плотность населения во всех областях ЦЧР почти одинакова и довольно высока — от 50,6 чел. на 1 кв. км в Курской до 45,1 чел. на 1 кв. км

в Тамбовской. Несколько ниже показатель плотности населения был лишь в Орловской области — 37,9 тыс. чел. на 1 кв. км[11].

Поволжский район был довольно сильно населен — 12,9 млн чел. Однако плотность населения была ниже, чем в большинстве районов Европейской части РСФСР — 27,8 чел. на 1 кв. км. В составе Поволжского района находились: Астраханская, Сталинградская, Куйбышевская, Пензенская, Саратовская, Ульяновская области и Татарская АССР. Наиболее крупными по территории были Сталинградская и Саратовская области. Плотность населения в этих областях была ниже средней по региону 16,9 и 22,2 чел. на 1 кв. км. Столь же невысок этот показатель был в сравнительно небольшой по территории Астраханской области — 16,6 чел. на 1 кв. км. Число ее жителей — всего 0,7 млн чел. (меньше, чем в любой другой области Поволжского района).

Самым многочисленным в районе было население Татарской АССР — 3,0 млн и Куйбышевской области — 2,4 млн человек. Здесь же наблюдались самые высокие показатели плотности населения: соответственно 43,3 чел. и 44,1 чел. на 1 кв. км[12].

В Северо-Кавказском районе население насчитывало 12,4 млн чел. В среднем, как и в Поволжье, — на 1 кв. км приходилось 28,8 чел. В административном плане на территории района были расположены: Краснодарский край, в том числе Адыгейская автономная область; Ставропольский край, в том числе Карачаево-Черкесская автономная область; Ростовская область, Дагестанская АССР, Кабардино-Балкарская АССР, Калмыцкая АССР, Северо-Осетинская АССР, Чечено-Ингушская АССР. Самыми многочисленными по числу жителей были Краснодарский край — 3,9 млн чел., в том числе 0,3 млн в Адыгейской автономной области, Ростовская область — 3,5 млн чел., Ставропольский край — 2,0 млн, в том числе в Карачаево-Черкесской автономной области — 0,3 млн. Свыше миллиона жителей насчитывала Дагестанская АССР, 0,8 млн — Чечено-Ингушская АССР, 0,5 млн — Северо-Осетинская АССР, 0,5 млн — Кабардино-Балкарская АССР. Наименее населенной была Калмыцкая АССР — 0,2 млн чел.

Самая высокая плотность населения была в Северо-Осетинской АССР — 58,6 чел. на 1 кв. км и в Адыгейской автономной области (Краснодарский край) — 65,9 чел. В Краснодарском крае в целом наблюдалась высокая плотность населения — 46,6 чел. на 1 кв. км. Ниже показатель плотности населения был в Ростовской области и Ставропольском крае — 34,3 и 24,3 чел. на 1 кв. км. В автономиях эти показатели колеб-ались в пределах от уже называвшейся Адыгейской АО — 65,9 чел. до 2,5 чел. в Калмыцкой АССР[13].

Уральский район, крупный по занимаемой территории, был населен 19,2 млн чел. Плотность населения была невысока — 8,5 на 1 кв. км. Однако, этот показатель превосходил средний по РСФСР.

В Уральском районе находились: Курганская, Оренбургская, Пермская, Свердловская, Тюменская, Челябинская области, Башкирская и Удмуртская АССР, а также Коми-Пермяцкий национальный округ (в составе Пермской области) и Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий национальные округа (в составе Тюменской области). По обширности терри-

тории выделяется Тюменская область. Эта территория была очень слабо населена. Так, в целом в Тюменской области проживал 1,1 млн чел., а плотность населения составляла 0,8 чел. на 1 кв. км. В Ханты-Мансийском округе — 0,1 млн чел., плотность — 0,3 чел. на 1 кв. км, в Ямало-Ненецком округе население составляло 64 тыс. чел, а плотность 0,1 чел. на 1 кв. км.

Уральский район в целом отличался неравномерным расселением. Высокая плотность наблюдалась в Челябинской области — 35,3 чел. на 1 кв. км, в Удмуртской АССР — 32,5 чел. на 1 кв. км, в Башкирской АССР — 24,1, в Свердловской области — 21,4 чел. на 1 кв. км. Зато в Оренбургской области этот показатель уже значительно ниже — 15,4 чел. на 1 кв. км, в Курганской — примерно на том же уровне — 14,4 чел. на 1 кв. км. Среднее положение между самыми высокими показателями в районе и более низкими занимает Пермская область — 18,9 чел. на 1 кв. км., но при этом во входящем в нее Коми-Пермяцком национальном округе приходилось на 1 кв. км. всего 7,1 человек.

Более других была населена Свердловская область, в ней проживало 4,2 млн чел. В Башкирской АССР насчитывалось 3,5 млн, в Челябинской и Пермской по 3 млн жителей в каждой, при этом в Коми-Пермяцком национальном округе было всего 0,2 млн чел. В Оренбургской области поживало 1,9 млн чел, в Удмуртской АССР — 1,4 млн, в Курганской области — 1 млн[14].

В Западно-Сибирском районе проживало 10,5 млн чел. Плотность была выше средней по РСФСР и составляла 10,5 чел. на 1 кв. км. Район включал: Алтайский край, в том числе Горно-Алтайскую автономную область, Кемеровскую, Новосибирскую, Омскую, Томскую области. Самой обширной по территории была Томская область. Она отличалась низкой плотностью населения — всего 2,3 чел. на 1 кв. км. На территории этой области находилось всего 0,7 млн человек. Наибольшее число жителей было сосредоточено в Кемеровской области — 2,9 млн и Алтайском крае — 2,8 млн. В Кемеровской области была самая высокая плотность населения —30,5 чел. на 1 кв. км. В Алтайском крае этот показатель был близок к среднему по району — 10,6 чел. на 1 кв. км. При этом Горно-Алтайская АО (Алтайский край) имела самую низкую в Западно-Сибирском районе плотность — 1,7 чел. на 1 кв. км и очень малое по численности население — 159 тыс. чел. Обширные по площади, Новосибирская и Омская области сосредотачивали довольно значительное число жителей — 2,4 и 1,7 млн человек. Но плотность населения на их территориях была немногим выше средней по району — 13,3 и 12,2 чел. на 1 кв. км[15].

Восточно-Сибирский район занимал огромную территорию. Население насчитывало всего 7,3 млн человек. В силу величины территории плотность населения была очень низкой — 1 чел. на 1 кв. км. В Восточно-Сибирский район входили Красноярский край, Иркутская и Читинская области, Бурятская, Тувинская, Якутская АССР.

В Красноярском крае проживало — 2,7 млн человек при плотности заселения в 1,1 чел. на 1 кв. км. Исключение составляла Хакасская автономная область, находившаяся в составе края. На ее относительно не-

большой территории показатель плотности населения был близок к среднему показателю по РСФСР — 6,9 чел. на 1 кв. км. В Хакасской АО насчитывалось 0,4 млн жителей. Красноярский край включал также Таймырский (Долгано-Ненецкий) и Эвенкийский национальные округа с населением 33,0 тыс. и 10,0 тыс. чел., а следовательно с очень низкой плотностью населения — 0,04 и 0,01 чел. на 1 кв. км.

Население в 2,1 млн чел. и выше среднего по району показатель плотности населения — 2,7 чел. на 1 кв. км имела Иркутская область. Входивший в ее состав Усть-Ордынский Бурятский национальный округ насчитывал 150 тыс. жителей, но в связи с относительно небольшой территорией плотность населения была довольно высокой для данного региона — 6,8 чел. на 1 кв. км.

Читинская область была меньше Иркутской по площади. Численность населения не превышала 1 млн чел., плотность — выше средней по району, но ниже, чем в Иркутской области — 2,4 чел. на 1 кв. км. Читинская область включала Агинский Бурятский национальный округ с 53 тыс. жителей и плотностью населения 2,6 чел. на 1 кв. км.

Среди автономных республик, входивших в Восточно-Сибирский район, наибольшую численность населения имела Бурятская АССР — 0,7 млн чел. с соответствующей плотностью населения — 2,0 чел. на 1 кв. км. В Тувинской АССР с населением в 186 тыс. чел. плотность была на уровне среднего показателя по району — 1,1 чел. на 1 кв. км. На территории Якутской АССР было зафиксировано всего 0,5 млн чел. с очень низкой плотностью населения — 0,2 чел. на 1 кв. км[16].

В Дальневосточном районе, обширном по территории, проживало 4,4 млн чел. при плотности населения 1,4 чел. на 1 кв. км, что было значительно ниже среднего показателя по Российской Федерации. В Дальневосточный район входили Приморский и Хабаровский края, Амурская, Камчатская, Магаданская, Сахалинская области.

Самым многонаселенным в Дальневосточном районе был Приморский край, где проживало 1,4 млн чел. Довольно высокой для данных мест была и плотность населения — 8,4 чел. на 1 кв. км, т.е. выше среднего показателя по РСФСР.

Выше среднего показателя по району была плотность населения в Амурской и Сахалинской областях. В Амурской области зафиксировано 0,7 млн населения и плотность 2 чел. на 1 кв. км. Сахалинская область имела примерно такую же численность жителей на сравнительно небольшой территории, соответственно и плотность населения здесь была выше — 7,2 чел. на 1 кв. км.

Довольно значительное число жителей Дальневосточного района было сосредоточено в Хабаровском крае — 1,4 млн чел., однако плотность населения была ниже, чем в вышеназванных областях (1,4 чел. на 1 кв. км). Еврейская автономная область (в составе Хабаровского края) насчитывала 161 тыс. чел. при плотности населения 4,5 чел. на 1 кв. км.

Камчатская область была слабо населена — всего 0,2 млн жителей при плотности 0,5 чел. на 1 кв. км. В Корякском национальном округе, входившем в Камчатскую область, население насчитывало 32 тыс. чел., а показатель плотности равнялся 0,1 чел. на 1 кв. км. Население Мага-

данской области, в составе которой был Чукотский национальный округ, составляло 0,3 млн чел., в т.ч. в Чукотском национальном округе — 52 тыс. чел. Показатели плотности населения были низкими: в области на 1 кв. км приходилось 0,2 чел., а в округе — 0,1 человек[17].

Возрастнополовой состав населения

Возрастнополовая пирамида формировалась на рубеже 1950-х — 1960-х гг. под воздействием ряда факторов: последствий потерь населения в годы Великой Отечественной войны, послевоенной демографической компенсации, вступившего в завершающую стадию демографического перехода. Играла роль и активизировавшаяся в 1950-е — начале 1960-х гг. политика по охране здоровья, прежде всего детского.

В 1960 г. по своей возрастной структуре население РСФСР продолжало оставаться довольно молодым. Результаты процесса старения общества в России из-за названных социально-экономических и политических, а также демографических причин еще в полной мере не сказались. В итоге молодежь до 30 лет составляла 55%, то есть более половины всего населения. Это заметно меньше, чем до войны, но все же молодежная группа представлена значительным показателем. В населении России был в рассматриваемый период относительно высок процент детей, в том числе самых маленьких — от 0 до 4-х лет — 11,4%, вместе же детская и подростковая группы от 0 до 14 лет составляли почти 30% населения (см. таблицу 1). Разумеется, здесь сказались последствия послевоенной демографической компенсации, которая имела место в РСФСР, хотя была менее результативна, чем в ряде стран Западной Европы.

Молодежи от 15 до 29 лет — было более четверти всего населения — 26,4%. Среди мужского населения молодежи больше — 30%. При этом среди детской и молодежной групп выделяются малочисленностью возрасты 10—14 и 15—19 лет. Их удельный вес заметно ниже удельного веса граничащих с ними возрастных групп. Так, если группа 5—9-летних составляет 10,6% от всего населения, а группа 20—24 лет — 9,8%, то 10—14 лет — 7,2%, а 15—19 лет — 7,6%. Те, кому в 1960 г. было 10—19 лет, родились в военные годы и первое послевоенное пятилетие. Низкая рождаемость и высокая детская смертность во время войны, тяготы военного детства, а также неблагополучная ситуация с детской смертностью в первые послевоенные годы обусловили малочисленность этих возрастных групп. Нашли здесь отражение и последствия послевоенного голодного 1947 года.

При рассмотрении более старших возрастных групп обращают на себя внимание две демографические ямы. Первая касается возраста 25—29 лет, на которой видны следы неизгладимых потерь в голодные 1932—1933 гг., а вторая, еще более глубокая, охватывает возраст 35—44 года и связана с гибелью населения в годы Великой Отечественной войны. На них пришлись основные военные призывы и тяжелый труд в

тылу. Если 25—29-летние женщины, так же как и мужчины, понесли потери, то в возрастных группах 35—49 лет мужчины пострадали гораздо больше, чем женщины. Это ясно прослеживается при сопоставлении мужской и женской возрастных пирамид. Так, в мужской возрастной пирамиде группы 35—39 и 40—44-летних имеют гораздо меньший удельный вес, чем соответствующие по возрасту группы в женской пирамиде: на долю мужчин 35—39 лет приходилось 4,7%, а женщин — 6,1%; на долю 40—44-летних соответственно — 4,5 и 5,9%, 45—49 — 5,1 и 6,9%.

Таблица 1

Возрастнополовой состав населения РСФСР в 1959—1960 гг.

Возраст	Мужчины	Женщины	Всего
0—4	13,0	10,1	11,4
5—9	12,1	9,4	10,6
10—14	8,2	6,4	7,2
15—19	8,6	6,9	7,6
20—24	11,1	8,8	9,8
25—29	10,0	8,2	9,0
30—34	9,6	9,3	9,4
35—39	4,7	6,1	5,5
40—44	4,5	5,9	5,3
45—49	5,1	6,9	6,1
50—54	4,1	5,8	5,1
55—59	2,8	5,0	4,0
60—64	2,2	3,7	3,0
65—69	1,6	2,8	2,3
70—74	1,2	2,3	1,8
75—79	0,7	1,3	1,0
80—84	0,3	0,7	0,5
85—89	0,1	0,3	0,3
90—94	0,0	0,1	0,0
95—99	0,0	0,0	0,0
100 и более	0,0	0,0	0,0
Возраст не указан	0,0	0,0	0,0
Все население	100,0	100,0	100,0

Составлено по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Ч. 2. Д. 1530. Л. 37—39; Народное хозяйство РСФСР в 1960 году: Сб. стат. сведений. М., 1960. С. 7—8 (подсчеты автора).

В результате военных потерь средние возрастные группы (30—49 лет), составляющие обычно значительную часть населения, оказались в возрастной структуре ослабленными. Их удельный вес в возрастной структуре — 26%, а среди мужчин — еще меньше — 24%, т.е. близкий к показателям конца 1930-х гг., хотя в связи с развивающимся процессом демографического перехода доля этих возрастов в населении должна была бы заметно увеличиться.

Доля пожилых и престарелых людей в возрастном составе населения также все еще относительно невелика. Лиц старше 60 лет было 9%. Людей же, перешагнувших 70-летний рубеж — всего 3,7%. В пожилых возрастных группах было значительно меньше мужчин, чем женщин в связи с большей продолжительностью жизни женщин. Так, удельный вес возрастной группы 70 лет и старше среди мужчин всего 2%, а соответствующей группы среди женщин — 4,5%.

Долгожителей — людей старше 100 лет в тот период насчитывалось 9,5 тыс. чел., в основном — это были женщины (7,5 тыс.).

В городском и сельском населении прослеживались те же демографические ямы, что и в возрастной пирамиде населения в целом. При этом в селе лиц в возрасте 35—39 и 40—44 года по удельному весу было еще меньше, чем в городе, равно как и лиц 25—29 лет, пострадавших от голода 1932—1933 гг. В деревне зато было больше, чем в городе, детей и пожилых людей, старше 55 лет.

Региональная специфика находит отражение в соотношении возрастных групп. Процент детей в возрасте от 0 до 4-х лет по всем регионам довольно высок и близок к среднему показателю по РСФСР. Несколько ниже он был в районах, где были сосредоточены крупнейшие промышленные центры — Северо-Западном и Центральном — по 10,3% от всего населения региона[18]. Рождаемость быстрее понижалась в регионах с наибольшей степенью урбанизации. На Урале, в Западной и Восточной Сибири удельный вес этих возрастов заметно выше — 12,3; 13,2; 13,7% соответственно[19].

В принципе детей и подростков в возрасте от 0 до 14 лет по всем регионам много — возрастная структура, как уже отмечалось, была в начале 1960-х гг. еще довольно молода. Процент детских и подростковых возрастных групп в населении заметно ниже среднего по России в Северо-Западном и Центральном районах — 27,1—27,2%. На Северном Кавказе этот показатель, хотя и ниже республиканского, но уже не столь сильно (27,6%), в Поволжье (29,1%) — приближается к среднероссийскому, а на Урале, в Западной и Восточной Сибири и на Дальнем Востоке превосходит его, достигая соответственно 31,7; 32,4; 33,4 и 33,3% от всего населения указанных районов[20].

Молодежь в возрасте от 15 до 29 лет составляет в большинстве регионов четверть всего населения. При этом в Восточных регионах ее удельный вес был несколько значительнее, чем в Западных: в Европейской России, как правило, 25—26% от всего населения соответствующего региона, а на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке — зачастую более 28%[21].

Итак, несмотря на совершающийся демографический переход, возрастная структура содержит еще значительное число молодежи и детей: возрастные группы от 0 до 29 лет составляли более 50% населения в Северо-Западном, Центральном, Поволжском, Северо-Кавказском районах и более 60% на Урале, в Западной и Восточной Сибири и на Дальнем Востоке[22]. С точки зрения исторических особенностей демографического перехода в России закономерным является более быстрое его протекание в Западных и Центральных районах страны. Обращают на себя внимание не особенно значительные, но все же устойчивые региональные различия демографических показателей, подтверждающие, что и в начале 1960-х гг. сохранялась неравномерность протекания демографического перехода в России.

Что касается отмеченных при общей характеристике возрастной структуры российского населения групп с пониженной численностью — 10—14 и 15—19 лет, — то это явление наблюдалось по всем регионам. Группа 15—19-летних (военных лет рождения) имеет значительно более низкий удельный вес в возрастной структуре по сравнению с граничащей с ней группой 20—24 лет. И это несмотря на то, что 20—24-летние родились перед войной в условиях шквала репрессий, пережили тяжелые детские эпидемии второй половины 1930-х, на их долю пришлось тяжелое военное детство. Конечно, сказалось и действие закона о запрещении абортов, но оно было краткосрочным и во многом было нивелировано указанными причинами. Различие же в удельном весе и численности этих групп ощутимо.

Итак, в Центральном районе 20—24-летних от всего населения 9,1%, а 15—19-летних — 7,5%, в Поволжье — 9,6 и 8,0; в Северо-Западном районе — 10,4 и 6,7; на Северном Кавказе — 9,9 и 8,1; на Урале — 10,4 и 7,8; в Западной Сибири — 10,3 и 7,6; в Восточной Сибири — 10,7 и 7,9; на Дальнем Востоке — 10,4 и 7,8%[23]. Иными словами, эти данные свидетельствуют, что возрасты военных лет рождения отличаются малочисленностью во всех без исключения регионах России. Разумеется, районы, где шли боевые действия, пострадали в этом смысле больше тыла. Так, наиболее низкий удельный вес этой возрастной группы — ниже среднего по России — фиксируется в Центральном и Северо-Западном районах. Но и в глубоком тылу, где было довольно много мужчин, занятых на военном производстве, мы видим отчетливо «демографическую яму» — результат понижения рождаемости, а в первые годы войны и повышения смертности, в том числе детей, чьи родители были изнурены тяжелым трудом и постоянным недоеданием. Много детей погибло при бомбежках и обстрелах, во время бегства из оккупированных районов. Если бы рождаемость и смертность тылу, в районах эвакуации, оставались бы близкими к довоенному уровню, послевоенная реэвакуация смогла бы сгладить эту «демографическую яму», но этого не произошло, так как война привела к глубинным деформациям демографических процессов на всей территории страны.

Сходная ситуация — пониженная численность и удельный вес — отмечается также по всем районам России и для возрастной группы 10—14 лет, то есть уже послевоенных лет рождения.

Так, в Центральном районе возрастная группа 10—14 лет от всего населения составляет 7,1%, а граничащая с ней группа 5—9-летних — 9,8%, в Северо-Западном районе — 7,0 и 9,8; на Северном Кавказе — 6,7 и 10,1; в Поволжье — 7,3 и 10,5; на Урале — 7,3 и 11,6; в Западной Сибири — 7,5 и 11,7; в Восточной Сибири — 7,5 и 12,2; на Дальнем Востоке — 8,9 и 12,2%. Таким образом, имеет место заметное снижение численности и удельного веса 10—14-летних, что стало причиной столь резкого перехода от одной группы к другой. И здесь выделяются прежде всего районы Центральный и Северо-Западный, а также Северный Кавказ, где, кроме последствий войны и голода 1947 г. сказывалось негативное действие депортаций[24].

Следует также отметить, что в ряде районов — Северный Кавказ, Поволжье, Центральный — ощутимо пострадала группа 25—29 лет. На ее численности сказался голод 1932—1933 гг. В названных районах удельный вес этой группы ниже среднего показателя по РСФСР (соответственно — 7,7, 8,5, 8,8% от всего населения района)[25]. И на Урале, и в Западной Сибири удельный вес и численность этой группы также заметно понижены[26]. Если в более благополучном в этом плане Северо-Западном районе удельный вес 25—29-летних поднимается до 10,1%[27], то на Урале и в Западной Сибири он не превышает 9,3%.

На численности и удельном весе лиц среднего возраста (30—49 лет) сказалось влияние военных потерь почти во всех регионах. Прежде всего, речь идет о пониженной численности и удельном весе возрастной группы 35—44 лет. Например, в Центральном районе группа 30—34 лет составляет в возрастной структуре — 9,4%, 35—39 — 5,7%, 40—44 — 5,4%, 45—49 — 6,5%; на Северном Кавказе соответственно — 9,0, 5,0, 5,4, 6,7; в Поволжье — 9,4, 4,8, 5,3, 6,2; на Урале — 9,6, 4,9, 4,9, 5,4; в Западной Сибири — 9,5, 5,3, 4,9, 5,3 и т.д. Таким образом, возрастная яма видна отчетливо. В итоге доля в возрастной структуре регионов России лиц среднего возраста ниже, чем могла бы быть и чем обычно бывает при нормальном течении демографических процессов. Их удельный вес близок к общероссийскому показателю и составляет от 25 до 28% от всего населения соответствующего региона. Однако здесь, в отличие от детских и молодежных возрастных групп, удельный вес лиц среднего возраста больше в Европейской части России, особенно в Северо-Западном районе и Центральном — соответственно 28,1 и 27,0%; в Поволжье и на Северном Кавказе он уже ниже — 25,7 и 26,1%; на Урале же и в Сибири — 24,8—25,0%. Это уже является результатом процесса старения. Иными словами, процесс старения идет на Востоке и Юге России медленнее, чем в Центральных и Северо-Западных районах[28].

Как и в России в целом удельный вес мужчин среднего возраста заметно ниже, чем женщин. Причины этого — и гибель на фронтах, и более ранняя смертность мужчин в пожилом возрасте. Так, по разным регионам удельный вес мужчин среднего возраста колеблется от 23 до 25%, а женщин — 26—29%[29].

Доля пожилых и престарелых людей в возрастном составе населения в регионах, также как и в центре, невелика. При этом она заметно выше в европейской части страны, где лиц старше 60-ти лет было 9—10%.

Более всего их на Северном Кавказе — 11%. На Урале — 8%. В Западной и Восточной Сибири — 6—7[30]. Малочисленностью этих возрастных групп отличается Дальний Восток в силу интенсивной миграции в этот район именно молодежи — людей старше 60 лет там всего 4%[31]. Людей же, перешагнувших 70-летний рубеж — всего 3,7%. В пожилых возрастных группах было значительно меньше мужчин, чем женщин в связи с большей продолжительностью жизни женщин. Так, удельный вес возрастной группы 70 лет и старше среди мужчин всего 2%, а соответствующей группы среди женщин — 4,5%. По регионам несколько больше удельный вес возрастной группы 70 лет и старше там, где раньше начался демографический переход, например, в Центральном районе — 4,3% населения. На Северном Кавказе, где традиционно люди живут дольше, — также — 4,3%. В Поволжье уже меньше — 4,0%. На Урале же и в Сибири — 3,0—3,3%. При этом женщин всюду значительно больше — практически во всех регионах удельный вес этой возрастной группы среди женщин вдвое выше, чем среди мужчин. Например, на Северном Кавказе мужчин от всего мужского населения региона — 2,6%, а женщин от всего женского населения региона — 5,3%, на Урале соответственно — мужчин — 2,0%, а женщин — 3,9%[32].

Людей в возрасте 100 лет и старше было более всего по численности на Северном Кавказе, традиционном в плане большого числа долгожителей. Их насчитывалось там более 3 тыс. чел. — 2,5 тыс. женщин и 0,6 тыс. мужчин. Довольно велика эта группа по численности в Центральном районе — 1,9 тыс. чел.; а так же — в Западной Сибири — 1,8 тыс. чел. В остальных регионах долгожителей значительно меньше — в Поволжье и на Урале — по 700 тыс., в Восточной Сибири — 450 тыс., в Северо-Западном районе еще меньше — 417 тыс. Менее всего лиц столь почтенного возраста на Дальнем Востоке — всего 126 тыс.[33] Феномен долгой и сверхдолгой жизни изучен недостаточно, ясно лишь то, что здесь сливается влияние многих факторов: социальных, экономических, этнических, экологических, физиологических и проч.

В конце 1950-х — начале 1960-х гг. все еще давала себя чувствовать диспропорция полов[34]. Как уже говорилось выше, сказывались последствия потерь населения в годы Великой Отечественной войны и повышенной мужской смертности в послевоенные годы от ран, полученных на фронтах травм, а также в связи с общим ухудшением состояния здоровья у людей, пострадавших во время военных действий. В РСФСР удельный вес мужчин в населении составлял 44,7, а женщин — 55,3%. О значительных нарушениях в соотношении полов говорят и абсолютные данные. Женщин было больше, чем мужчин в населении России на 12,7 млн чел. В городском населении диспропорция полов была выражена слабее, чем в деревне. Так, в городах РСФСР мужчин было 45%, а в селах — 44,3.

В возрастной пирамиде, самыми пострадавшими от людских потерь группами были возрасты 35—39 и 40—44, т.е. те, кому было в 1941 г. 18—27 лет. В этих группах соотношение мужчин и женщин было нарушено гораздо существеннее, чем это следует из общих показателей по всем возрастам. На долю мужчин в этих группах приходилось 38, а на

долю женщин — 62%. (Для сравнения — в возрастной группе 30—34 года мужчин — 45%, а женщин — 55%.)

В селах эта диспропорция выглядела еще более резко: в группе 40—44 года мужчин было всего 35,6%. Даже в городах в той же возрастной группе мужчины составляли только 40%.

В дальнейшем, в более старших возрастах доля женщин постепенно увеличивается, уже без столь резких скачков, но неуклонно. Это явление свидетельствует о существенной разнице в продолжительности мужской и женской жизней.

При анализе возрастной структуры российского населения рубежа 1950-х — 1960-х гг. отмечается еще одно явление, уже другого плана, которое характеризует качественные изменения возрастной структуры в связи с развитием демографического перехода. Больший удельный вес лиц мужского пола, имеющий место при рождении, в младших возрастных группах сохраняется очень долго — вплоть до 20—24 лет. Это говорит о преодолении повышенной мужской смертности в раннем возрасте, характерной для населения с традиционным типом воспроизводства.

Те же явления мы наблюдаем по регионам. Свойственный при рождении перевес мужчин сохраняется по всем районам значительно дольше, чем, например, в начале века или в 1920-е гг. В Центральном районе, в Поволжье, на Северном Кавказе, в западных областях Северо-Западного района мужчин становится меньше, чем женщин (или же наступает равновесие) в возрастной группе 15—19 лет. В северных областях, на Урале, в Западной и Восточной Сибири, на Дальнем Востоке — удельный вес мужчин становится выше, чем женщин соответствующей возрастной группы с 24, в некоторых случаях — с 29 лет. При том, что были достигнуты успехи в преодолении ранней мужской смертности, в районах, где непосредственно проходили боевые действия, ситуация хуже, чем в тыловых. В частности, сохраняется повышенная смертность мальчиков у возрастных групп военных лет рождения. У детей, родившихся в послевоенный период, несмотря на все переживаемые в то время трудности, эти показатели улучшаются.

В возрастных группах 35—44 лет, т.е. среди лиц основных призывных возрастов во время Великой Отечественной войны, — во всех районах, даже в тыловых, наблюдается резкое нарушение в соотношении полов в пользу женщин. Так, в Центральном и в Северо-Западном районах женщин в этих возрастных группах — 63—64%, в Поволжском районе — 61—62%, на Северном Кавказе и на Урале, в Западной Сибири — 61%, в Восточной Сибири — 57—58%. На Дальнем Востоке наибольший дисбаланс полов наблюдается в возрасте 35—39 лет — 59% женщин[35].

Практически во всех районах сохраняется значительный перевес женщин в старших возрастных группах. Лишь на дальнем Востоке в возрастных группах от 45 до 54 лет происходит некоторое выравнивание соотношения полов, затем оно резко нарушается в пользу женщин.

Любопытно соотношение полов в группе долгожителей[36] — женщины преобладают везде, но их процент снижается с Запада на Восток — если в Северо-Западном районе их среди всех столетних жителей этого

района — 88,7%, в Центральном и в Поволжье по 82,3%, на Северном Кавказе — 80,0%, на Урале — 79,9%, то в Западной Сибири — 74,5%, а в Восточной — 68,1%. На Дальнем Востоке доля женщин среди долгожителей вновь несколько увеличивается — 78,5%, но все равно остается меньше, чем в Западной и Центральной частях страны. В показателях соотношения мужчин и женщин среди долгожителей проявляется свойственная населению районов разница в продолжительности и мужской, и женской жизни.

Потери населения в годы Великой Отечественной войны повлекли за собой деформацию возрастнополового состава практически всех народов, населявших РСФСР[37]. Видны потери прежде всего в мужских возрастных группах 35—44 лет. Так среди татар группа 35—39 лет составляла 4,% от всего мужского населения, группа 40—44-летних — 4,3%. Для сопоставления можно привести удельный вес пограничной возрастной группы 30—34 лет, которые составляли 9,1% среди возрастных групп. Подобная же возрастная структура наблюдалась и у башкир, и у народов Кавказа, и у якутов, и у др. У некоторых народов эта возрастная яма охватывает возраст 45—49 лет.

В этих возрастных группах было нарушено и соотношение полов. Например, у башкир в возрастной группе 35—39 лет мужчин было 37%, а женщин — 63%, у татар соответственно — 38 и 62%, у удмуртов — 32 и 68%, у аварцев — 40 и 60%, у лезгин — 41 и 59%, у якутов — 43 и 57% и т.д. В целом же нарушение соотношения полов у всех этих народов, хотя и фиксируется, но не столь резкое, как в этих пострадавших группах. Кроме этих демографических ям народы Поволжья, Северного Кавказа и других регионов, пострадавших от голода 1932—1933 гг., имеют в своих возрастных структурах и демографические ямы, связанные с людскими потерями голодных лет.

Особенностью возрастных структур неславянских народов РСФСР является несколько больший удельный вес детей до 9 лет, чем у славян: у удмуртов он составляет 24, у татар — почти 26, у народностей Дагестана — 26—28, у башкир — 29, а у якутов — даже 30. Однако разница в числе детей у всех этих народов по сравнению со славянскими не так велика, как в 1920—1930-е гг., особенно у народов, проживавших в европейской части страны, в том числе относящихся к тюркской и угрофинской группам.

Зато у народов, проживавших в Сибири и на Дальнем Востоке, рождаемость продолжала оставаться очень высокой и доля детей до 9-летнего возраста была весьма велика.

Выше, чем у славянских народов, у неславянских и удельный вес молодежи в возрастном составе населения. Порой он достигал более 60%. Но в ряде случаев, например, у удмуртов процент молодежной группы был несколько ниже — 51%.

Процесс старения населения развивался у этих народов также медленно, как и у славянских. Лица старше 60 лет составляли у тюркских и угро-финских народов в среднем от 8 до 9%. Исключение составляли народы Северного Кавказа (осетины, кабардинцы, аварцы), у которых пожилых людей было больше — 12%, поскольку у них традиционно, как

уже говорилось и как мы видели по вышеприведенным статистическим материалам, было больше долгожителей.

Таким образом, хотя деформации в развитии демографических процессов и состоянии возрастнополовой структуры на рубеже 1950-х — 1960-х гг. продолжали еще ощущаться, хотя на большинстве возрастных групп сказываются последствия войны, но уже начала пробивать себе дорогу тенденция к нормализации демографических процессов.

Глава II
Демографические последствия урбанизации

1960-е — 1970-е гг. относятся к той стадии урбанизации, когда продолжалась концентрация населения: перемещение его из села в город, из малых и средних городов — в большие и крупные, развернулось формирование агломераций, а вместе с тем, повышалась урбанизированность села — происходило распространение городской инфраструктуры на сельскую местность, в деревне утверждались городские ценности и стандарты жизни. На этом этапе сельская местность «все более насыщается ответвлениями города — автодорогами, энергосетями, телефонными линиями, торговыми точками... и т.п.»[1] Происходит и резкое изменение ценностных ориентаций сельских жителей, когда их традиционный уклад жизни для большинства молодежи перестает быть привлекательным. Это — универсальный процесс для урбанизирующегося общества, который в СССР был осложнен огосударствлением средств производства и «раскрестьяниванием» деревни.

К началу 1960-х гг. немногим более половины жителей РСФСР проживало в городах. Это означало, с одной стороны, резкий скачок в уровне урбанизированности в течение трех с небольшим десятилетий с конца 1920-х гг., с другой, наличие значительных резервов урбанизации, в том числе, ресурсов сельского населения. Миграция из села в город продолжалась весьма активно, однако демографические резервы российского села на протяжении периода постепенно сокращались, а абсолютные показатели сельско-городской миграции несколько снижались.

Определенный резерв села сохранялся благодаря несколько большей рождаемости, чем в городе, на протяжении почти всего периода 1960-х — 1970-х гг. Так, в 1960 г. на 1000 человек в городских поселениях рождалось 20,4, а в сельских — 26,5 человек[2].

Являясь основной составляющей механического прироста городского населения (помимо преобразования сельских поселений в городские), сельско- городская миграция с течением времени несколько сокращала свой вклад в увеличение численности горожан. Общая картина изменения источников прироста городского населения в межпереписные периоды отражена в таблице 2.

Темпы роста городского населения в РСФСР постепенно снижались. Так, в 1959—1969 гг. прирост городского населения составил 19,4 млн, в 1970—1978 гг. — 14,4 млн, в 1979—1988 гг. — 13,0 млн. Снижались и суммарные количественные показатели как естественного, так и механического прироста численности горожан. Так, величина естественного прироста составила в 1959—1969 гг. 7,4 млн, в 1970—1978 гг. — 5,6 млн, в 1979—1988 гг. — несколько больше, 6,4 млн. Снижение объемов механического прироста было более выраженным в те же периоды: 12,0 млн, 8,8, 6,6 млн. За большинство лет источники по РСФСР не выделяют сальдо миграции между селами и городами, с одной стороны, и

прирост за счет преобразования сельских населенных пунктов в городские, с другой. Однако в целом по СССР их соотношение было в 1960-е гг. примерно как 10:3, в 1970-е — как 10:2, и эта тенденция сокращения доли преобразований сел в городские поселения в общем росте численности горожан продолжалась[3].

Таблица 2

Прирост городского населения РСФСР по периодам между переписями (млн чел.)

Прирост городского населения	1959—1969	1970—1978
Весь прирост	19,4	14,4
В том числе:		
естественный	7,4	5,6
механический	12,0	8,8

Составлено по: Население СССР, 1987: Стат. сб. М., 1988. С. 8, 112; Население СССР: Стат. ежегодник. М., 1989. С. 8, 40; Демографический ежегодник СССР: 1990. М., 1991. С. 31, 91, 509; Народное хозяйство РСФСР в 1989 г.: Стат. ежегодник. М., 1990. С. 58; Народное хозяйство РСФСР в 1990 г.: Стат. ежегодник. М., 1991. С. 77.

Однако в рамках самих межпереписных периодов были определенные колебания в численности как естественного, так и механического прироста населения. В 1950-х — начале 1970-х гг. естественный прирост горожан РСФСР приближался к 900 тыс., тогда как к концу 1960-х гг. сокращался, причем очень стабильно, вплоть до показателей менее 500 тыс. С 1969 г. наметился рост, и все 1970-е гг. естественный прирост продержался на уровне 550—650 тыс. Перепады в показателях механического прироста были за отдельные годы более резкими, однако в целом период 1960-х — 1980-х гг. достаточно четко делится на два — до середины 1970-х гг., когда объемы механического прироста колебались между 1000—1200 тыс., за отдельные годы опускаясь ниже отметки 900 тыс., и после, когда более 950 тыс. прироста не было, а основным показателем были 700—800 тыс[4].

Изменение абсолютных показателей естественного и механического прироста довольно существенно изменило структуру прироста городского населения, соотношение между основными его составляющими источниками (см. таблицу 3).

Основной тенденцией было увеличение вклада естественного прироста, причем основную роль в этом изменении соотношения источников сыграло сокращение объемов механического прироста при относительной стабильности естественного прироста.

Удельный вес механического прироста сокращался с 62,2% в 1959—1969 гг. до 61,1% в 1970—1978 гг. В целом же за весь период 1959—1989 гг. доля естественного прироста городского населения составила

41,4%, а механического — 58,6%, что было существенным изменением в структуре прироста городских жителей относительно предыдущих периодов, особенно 1930-х годов.

Таблица 3

Структура прироста городского населения РСФСР по периодам между переписями (в % ко всему приросту)

Виды прироста городского населения	1959—1969	1970—1978	1979—1988	1959—1988
Весь прирост	100	100	100	100
В том числе:				
естественный	37,8	38,9	49,2	41,4
механический	62,2	61,1	50,8	58,6

Составлено по: Население СССР, 1987: Стат. сб. М., 1988. С. 112; Население СССР. 1988: Стат. ежегодник. М., 1989. С. 8, 40; Демографический ежегодник СССР. 1990. М., 1991. С. 31, 91, 509; Народное хозяйство РСФСР в 1989 г. Стат. ежегодник. М., 1990. С. 58; Корель Л.В. Перемещения населения между городом и селом в условиях урбанизации. Новосибирск, 1982. С. 38.

Хотя показатели рождаемости в городах отнюдь не увеличивались, а, напротив, сокращались, общее увеличение численности городского населения РСФСР привело к относительно стабильным цифрам естественного прироста горожан в 1970-е годы.

Абсолютное сокращение численности сельского населения при снижении его репродуктивных показателей (вследствие постарения и др.) уменьшили миграционный потенциал российского села[5]. В то же время, хотя в течение 1960-х — 1970-х гг., процесс нового градообразования и не был равномерным, однако нараставший уровень урбанизированности, сеть уже существовавших городов и поселков медленно, но снижали масштабы нового градообразования.

Все эти факторы закономерно вели к уменьшению доли механического прироста при увеличении процента естественного в общем объеме роста численности городского населения. Поэтому, если ранее, вплоть до конца 1950-х гг., механический прирост городского населения был доминирующим, а в нем абсолютно преобладал миграционный прирост, в течение трех десятилетий воспроизводство городского населения расширяет свое значе-ние и постепенно приближается по абсолютным объемам к миграционному вкладу села, а затем — к сумме двух других источников роста городского населения. Происходит существенное изменение и в структуре самих миграционных процессов: растет значение миграционного обмена между городами, причем вклад отдельных факторов в формирование населения отдельных городов зависит от их размеров, иерархического ранга, функциональной структуры, места в системе расселения и региональной специфики. Эти наблюдения и выводы были сделаны специалистами уже на рубеже 1960-х — 1970-х гг.[6] В пос-

ледующие два десятилетия дифференцирующая роль этих факторов в росте численности конкретных поселений, так же как межгородская миграция, неуклонно увеличивалась.

Урбанизация везде существенно повышает миграционную подвижность населения, задавая основное направление перемещений населения: из села — в город, из малых и средних городов — в большие и крупные. Еще в 1926 г. почти $^4/_5$ всего населения СССР проживало в месте своего рождения, в 1979 г. таких было 52,9%.

Миграционная подвижность горожан была еще выше, и в 1979 г. в городах СССР проживало в месте постоянного жительства с рождения 43,5% (в РСФСР — 40,8%)[7]. Миграционная подвижность населения за полвека (1926—1979 гг.) увеличилась более чем вдвое, причем эта тенденция нарастала и в 1960-е — 1970-е гг. Так, в 1970 г. в городах менее двух лет проживало 6,1 млн (7,5% всех горожан), а в 1979 г. — 8,5 млн человек, или 9,0% всех горожан республики[8].

Основную структуру миграционных потоков определяла внутриреспубликанская миграция. Так, в 1960-е — 1970-е гг., этот источник обеспечивал 76,2% перераспределения городского населения, что было больше, чем, например, на Украине (67,7%), но несколько меньше, чем в Литве (76,9%)[9].

Межтерриториальная миграция меняла преимущественно географию населения, тогда как межпоселенная — социальный статус мигрантов[10]. Во многом поэтому малые и средние города с относительно ограниченным выбором мест приложения труда, вариантов самореализации личности являлись как источником миграционного прироста крупных и крупнейших городов, так и промежуточным звеном на пути мигрантов из села в большие и крупные города. Так, по данным социологических исследований конца 1970-х — начала 1980-х гг. структуры миграционных установок населения молодых городов в зоне Канско-Ачинского топливно-энергетического комплекса (КАТЭКа) — Шарипово и Назарово — из старожилов (то есть проживших 10 и более лет) хотели остаться от более половины до $^2/_3$ опрашиваемых, тогда как из новоселов — $^1/_3$ опрошенных[11].

Еще в начале 1960-х гг. специалисты на основании проведенных исследований выявили формировавшуюся тенденцию в изменении источников механического прироста населения городов в зависимости от их величины: чем больше город, тем выше удельный вес прироста за счет городского населения и меньше — за счет сельского. В целом усиливалась тенденция роста роли миграции городского населения в перераспределении населения между городами различной величины, а малые и средние города занимали промежуточное положение в перемещении населения из села в крупные промышленные города[12].

В дальнейшем эта тенденция становилась все более отчетливой. Так, перепись 1970 г., зафиксировала, что из 1,8 млн чел., проживавших в городах с численностью населения от 100 до 500 тыс. менее двух лет, то есть недавних мигрантов, из городов и поселков приехало более 1 млн, то есть 56%, а из села — 0,8 млн (44%), из мигрантов-горожан около (45,4%) приехало из небольших городов (с численностью жителей до

100 тыс.). Доля сельских мигрантов в крупных городах (свыше 500 тыс. жителей) была еще меньше (41,5%), так же, как несколько меньшим был и процент горожан из небольших городских поселений относительно всех городских мигрантов (43,4%)[13]. В то же время более половины мигрантов из больших и крупных городов перемещалось в рамках этой же категории поселений, а их общий вклад в миграционный прирост численности жителей малых и средних городов был не более 20—30% (для разных категорий небольших городов)[14]. То есть основной миграционный поток был «снизу вверх» по иерархии сети расселения, в том числе межгородской.

Миграция из села в город была абсолютно преобладавшим направлением перемещения населения между ними. Однако, в 1970-е гг. в некоторых регионах республики наметилась и обратная тенденция, в основном в западной части РСФСР. Этот обратный поток состоял преимущественно из специалистов по плановому распределению и части сельских жителей, не сумевших адаптироваться в городе, и лишь в незначительной степени — из городских «старожилов» и коренных горожан[15]. На миграционном балансе между городом и деревней в целом по республике этот процесс существенно не отразился.

Обратный приток в категории городов более «низкого ранга» (из средних и малых городов в деревню, из крупных городов — в малые и средние) был ничтожен.

Так, в малых и средних городах весь механический прирост населения обеспечивался за счет села[16].

Помимо величины и административного статуса городов в структуре и интенсивности миграционных процессов все большую роль в 1970-е гг., начинают играть агломерационные связи[17]. В целом миграционная активность населения сформировавшихся агломерациях была существено выше, чем на территориях спреобладавшими изолированными поселениями. Агломерация, с одной стороны, создавала условия для рассредоточения, несколько сдерживая рост центра агломерации, ее ядра. В целом существовала зависимость: чем больше был прирост ядра агломерации, тем меньше прирост других поселений, и наоборот[18].

Как правило, чем больше был город, тем большую часть прироста его населения обеспечивала миграция, однако в малых городах это была абсолютно преобладавшая миграция из села, в больших как из села, так и из других городов, а в крупных городах — межгородская миграция и воспроизводство. Так, по данным социологического исследования конца 1970-х — начала 1980-х гг. ряда городов (преимущественно РСФСР), в сельской местности родились от 55 до 63% обследованных жителей малых и средних городов, от 45 до 44% — больших и крупных, и 32% — миллионных. Так же по убывающей распределились и родившиеся в рабочих поселках: от 12% жителей малых городов до 6% — миллионных. Обратным было распределение в городах: от 33 до 27% жителей малых и средних городов, 44—47% — больших и крупных, и до 62% жителей миллионных городов. Последняя категория как раз и состояла из коренных жителей данного города и мигрантов из других городов[19]. Как правило, в приросте жителей города доля межгородских

мигрантов увеличивалась прямо пропорционально величине города, поскольку существовала весьма устойчивая закономерность: «рождаемость по всем категориям городских поселений, — как заметил Б.С.Хорев еще в 1970-х гг., — уменьшается по мере роста их величины»[20].

Усиленный приток мигрантов в 1960-е — 1970-е гг. в крупные города свидетельствовал о том, что потребности огромного числа людей не могли быть удовлетворены в малых и средних городских поселениях. Крупный город вследствие концентрации многообразных видов деятельности, мест приложения труда создавал значительно большие возможности для социальной мобильности, для удовлетворения культурных и бытовых запросов чем село или малый город. Этим обусловливалась привлекательность и «престижность» крупных городов. Не случайно, по данным того же социологического обследования конца 1970-х — начала 1980-х гг., не хотели уезжать из малых городов 69% опрошенных, из крупных — 77%, а из миллионных городов — 87% жителей. В малых городах жители в среднем меняли место работы 2,4 раза, а в миллионных — 1,3 раза, что свидетельствует о существенно больших возможностях выбора места работы соответственно склонностям, квалификации, «призванию» и т.д. — в крупных городах по сравнению с малыми. Этот вывод подтверждают и следующие данные: по специальности в малых городах работали лишь 61%, тогда как в миллионных — 73% опрошенных жителей[21].

Источниками механического прироста населения крупнейших городов, как правило, в основной своей части являлись выходцы из городов с населением свыше 100 тыс. человек и из небольших городов. По данным выборочного опроса в 1973—1974 гг. эта часть мигрантов пополняла в основном кадры служащих госучреждений (55—60% среди данных профессий — приезжие), рабочих квалифицированного (52%) и неквалифицированного труда (58%). Значительно меньше приезжих среди работников сферы обслуживания и творческих работников (33—37%). Наибольшее число приезжих из других городов составляли преподаватели вузов и техникумов, студенты, учителя и врачи (38—46% в каждой группе), наименьшее — квалифицированные рабочие и работники сферы обслуживания. Очевидно, основными мотивами переезда из других городов было получение образования и реализация личностного потенциала, для чего, например, такой крупный город, как Ленинград, предоставлял значительно больше возможностей, нежели большинство других городских поселений. Переезжавших из села было существенно меньше, и пополняли они в основном ряды работников госучреждений и рабочих[22].

Особенно миграционно активной была такая социально-демографическая категория, как молодежь: основной возраст активной миграции приходился на 16—24 года, когда происходит социальное и профессиональное становление личности[23]. Широкий приток молодежи в малые и средние города шел за счет выпускников ПТУ. В целом наиболее интенсивно мигрировали после окончания средней школы и до 25-летнего возраста, хотя и молодежь старшей возрастной когорты имела более высокие показатели миграционной подвижности в сравнении с другими ка-

тегориями населения. Таким образом, основная часть прироста городского населения за счет миграции состояла главным образом из молодежи, которая являлась основным контингентом «новых горожан».

Это само по себе уже порождало массу проблем как для самой молодежи, так и для города, его социально-экономического развития. Для молодежи это, прежде всего проблема адаптации к городским условиям жизни, получение образования и профессии, материального уровня жизни, бытовых условий, комплекс проблем молодой семьи, создание и развитие которой в чужом городе сопряжено с дополнительными материально-бытовыми проблемами, особенно жилищной.

Несмотря на значительное строительство в 1960-е — 1970-е гг. жилищная проблема не только была далека от решения, но во многих городах обострялась. Для города это оборачивалось (в совокупности с другими проблемами) снижением уровня рождаемости, проблемами семьи, необеспеченностью значительных слоев горожан, прежде всего молодежи, бытовыми условиями. Вместе с тем, широкие миграционные потоки в города ограничивали возможности коренных горожан в быстром улучшении жилищных условий. Далеко не всегда эта массовая миграция была оправдана экономически, поддерживая экстенсивное развитие производства за счет привлечения дополнительной рабочей силы, способствуя гипертрофированному росту крупных городов.

Сельские и межгородские мигранты пополняли все социальные категории общества. Так, городской рабочий класс в значительной степени пополнялся из рядов сельской молодежи. Например, во второй половине 1960-х гг. в Таганроге, развитом индустриальном городе, выходцы из крестьянства составляли среди молодых рабочих около 20%. Среди машиностроителей Ленинграда дети крестьян составляли 22%. Конечно, удельный вес молодых пополнений городских рабочих из села был неодинаков в различных регионах и городах, причем в одних из них подавляющее большинство рабочих были коренными горожанами, в других — выходцами из села[24].

Источники пополнения городских слоев — рабочего класса, интеллигенции, служащих-неспециалистов — за счет молодого поколения в значительной части зависели от механического прироста городского населения в конкретных поселениях. Так, в крупных городах — Калуге, Орле и Мурманске роль механического прироста численности населения была весьма велика: ее доля составила в 1960-е — 1970-е гг. в Калуге более 70%, в Мурманске — в среднем 65%, в Орле — 70—75%[25]. Естественно, в городах место молодых мигрантов, в том числе из села, в источниках пополнения всех социальных групп города было весьма значительным. Особенно велика роль выходцев из сельской молодежи в формировании социальной структуры города. Если российское село могло в 1960-е — 1970-е гг. предоставить работнику в лучшем случае выбор между 8—9 родами деятельности, то город — уже от 30 до 60 наименований. В то же время социальная дистанция между городом и селом была значительно меньше, чем между селом и крупными городами, что облегчало процессы социальной адаптации. Не случайно в городах коренное население зачастую составляло лишь около половины жителей,

причем только 1/4 их жила постоянно. А остальные — то есть 3/4 — были мигрантами[26]. Вместе с тем, в формировании социально-экономической структуры трудовых ресурсов малого города значительную роль играли сельские маятниковые мигранты, занимавшие от 10 до 16% рабочих мест[27].

Неудовлетворенность трудом была в ряду важнейших мотивов оттока из деревни. По этим причинам уезжало около 40% всех мигрантов из села в город[28]. Причем в различных регионах страны при всех их особенностях около 90% выезжающих из села в город составляла молодежь от 14 до 29 лет[29]. Среди мотивов отъезда в город наряду с неудовлетворенностью трудом — повышение квалификации, учеба, невозможность в полной мере удовлетворить культурные потребности, плохие бытовые условия. Таким образом, сохранившиеся существенные социально-экономические различия между городом и деревней делали город весьма привлекательным для сельской молодежи.

В целом миграционная активность молодежи была связана с конкретными этапами ее жизненного пути: получением образования, приобретением профессии, выбором места работы и т.д. При этом наименьшее значение имели узкоматериальные соображения, так как на селе в тот период молодой работник мог иметь сразу же после окончания школы более высокий уровень заработной платы, чем его городской сверстник. Главными причинами миграции сельской молодежи в город оставались различия в уровне и масштабах возможностей профессионального выбора, лучшие условия труда, возможности для удовлетворения культурных потребностей в городе по сравнению с деревней. В целом именно город предоставлял наибольшие возможности для социальных перемещений мигрантов, прежде всего молодежи на основе получения более высокого уровня образования и широкого выбора специальностей. Вместе с тем город предъявлял к ним большие требования в сфере как общеобразовательной, так и профессиональной подготовки. Как правило, коренные горожане имели большие возможности по сравнению с выходцами ив села в получении высшего образования, а значит, и в более быстром социальном перемещении в состав специалистов с образованием.

По данным специалистов, среди мигрантов в город из сельской местности лишь 16,7% имели специальную профессиональную подготовку[30]. В свою очередь, возможность массового привлечения сельской неквалифицированной рабочей силы консервировала технический уровень производств, еще более сдерживала экономические реформы, создавая иллюзию возможности сохранять и дальше экстенсивные формы ведения хозяйства.

Остро вставали перед городом проблемы, вызванные массовой миграцией. Город напрягал свои силы, пытаясь угнаться за темпами прироста населения, прежде всего приезжего, в уровне обеспечения жильем, всеми параметрами социальной инфраструктуры, что, особенно при ведомственном механизме финансирования, удавалось далеко не во всех городах и с большим трудом. Существенную проблему представляла личностная адаптация мигрантов, особенно из села, к условиям в больших и крупных городах. Большинство из них оказывалось в ряду соци-

альных маргиналов, не вписывающихся в городской образ жизни и социальные нормы. Не случайно, например, уровень правонарушений среди мигрантов был в 3—6 раз выше, чем среди постоянного населения[31].

Таким образом, процесс миграции обеспечивал в значительной степени прирост городского населения, что было закономерным и естественным для той стадии урбанизации, на которой находилась Россия в 1960-е — 1970-е годы.

Влияние миграции на российский город было противоречивым. Ее результатом был не только экстенсивный рост города, но и значительная консервация социальных параметров городского насе-ления, продолжение «окрестьянивания» города, хотя и в меньших масштабах, чем в предыдущие десятилетия.

Глава III
Демографическое развитие городского населения РСФСР в 1960—1970-е гг.

В 1960—1970-е гг. городское население численно увеличилось. Выросли крупные города. Однако прирост городских жителей из-за сокращения числа сельских снижался. Это обусловило специфику воспроизводства населения в городах РСФСР.

В городах Российской Федерации уровень рождаемости по сравнению с 1960-ми гг. снижался, несмотря на его некоторое увеличение в 1970-е гг. Если в 1960 г. на 1000 населения рождаемость была равна 20,5, то в 1970 г. — 14,8, в 1979 г. — 15,7. Снижение общего коэффициента рождаемости обусловило численное сокращение возрастных групп 0—4, 5—9, 10—14 лет в 1979 г. по сравнению с 1959 г. (см. табл. 3).

Сокращался и суммарный коэффициент рождаемости. В 1961—1962 гг. он составлял 1,935, в 1968—1969 гг. — 1,696. В начале 1970-х гг. было зафиксировано его повышение, а в последующие годы снижение: в 1970—1971 гг. — 1,773, в 1971—1972 гг. — 1,825, в 1972—1973 гг. — 1,800, в 1975—1976 гг. — 1,734, в 1978—1979 гг. — 1,714, в 1979—1980 гг. — 1,698. Суммарный коэффициент рождаемости в городах был значительно ниже, чем в селах[1], что сказывалось на численности городского населения.

В городах доля младенцев, у которых отец имел другую национальность, была равна 12,4%. В основном младенцы, родившиеся в межнациональных браках, чаще встречались у украинцев, евреев, армян[2].

Горожанки в основном рожали в возрастах 20—24 года и 25—29 лет. Однако в 1960—1970-е гг. интенсивность деторождения была выше в возрасте 20—24 года, а не в 25—29 лет, как это было в предшествующие годы. С увеличением возраста женщин видно снижение коэффициента рождаемости. В изучаемые годы наблюдался рост рождаемости в возрасте 15—19 лет. Из статистических данных видно, что на 1000 женщин в этом возрасте рождаемость составляла 22,7, в 1968—1969 гг. — 27,5, в 1978—1979 гг. — 36,4, в 1979—1980 гг. — 38,4[3].

В городах Российской Федерации женщины в возрастах 15 лет и старше в большинстве случаев рожали 1—2 детей. Из данных переписи населения 1979 г. видно, что женщины, родившие 1 ребенка, составляли 28,4%*, 2 детей — 27,2%. В городах СССР — соответственно 27,0% и 27,3%. Доля женщин, родивших 3, 4, 5 и более детей, была низкой. В то же время в городах наблюдался высокий процент не рожавших женщин. В городах РСФСР он был равен 26,3, а в городах СССР — 26,8.

* Ко всем женщинам в возрасте 15 лет и старше.

Женщины, родившие 1 ребенка, были зафиксированы среди городского населения Северо-Западного, Центрального, Центрально-Черноземного, Волго-Вятского районов. В таких районах, как Поволжский, Северо-Кавказский, Уральский, Западно-Сибирский, Восточно-Сибирский, Дальневосточный женщины чаще рожали 2, 3 и более детей.

Проведенные в 1960—1970-е гг. обследования в городах СССР показали раннее завершение женщинами процесса детопроизводства. Из его данных видно, что женщины, достигшие возраста 70—74 лет, родили последнего ребенка в среднем в 39 лет, а женщины в возрастах 50—54 лет — в 34 года[4].

Число детей, родившихся у женщин, определялось среди прочих факторов, и их национальной принадлежностью. В РСФСР русские, украинки, белоруски, калмычки, еврейки, балкарки в среднем рожали 1—2 детей. Однако женщины других национальностей рожали больше. Так, например, армянки, бурятки, кабардинки, осетинки, карелки, марийки, мордовки, татарки, адыгейки рожали 2—3 детей, а казашки, башкирки, аварки, кумычки, лезгинки — 7 и более детей[5].

Снижение уровня рождаемости, увеличение числа малодетных семей, раннее завершение процесса детопроизводства свидетельствовало о распространении в российских городах нового типа рождаемости. Изменялся и тип смертности городских жителей.

Уровень смертности городского населения в 1960—1970-е гг. постепенно увеличивался. Так, на 1000 населения было умерших в 1960 г. — 6,7, в 1970 г. — 7,9, в 1980 г. — 10,0. Это было характерно для городского населе-ния таких регионов как, например, Западная Сибирь, Урал. Так, смертность горожан Западной Сибири составляла — соответственно 6,4, 7,5, 9,6; Урала — 6,7, 6,7, 8,6. Однако в городах РСФСР уровень смертности населения был ниже, чем в селах[6]. Из приведенных данных видно, что уровень смертности населения в городах Западной Сибири и Урала был ниже, чем в РСФСР.

Существовали региональные различия в общих показателях смертности населения. В Латвии, Эстонии, где был высокий удельный вес жителей пожилых возрастов, общие показатели смертности возрастали. В республиках Средней Азии, в Азербайджане, Казахстане с молодым возрастным составом населения общие показатели смертности населения были низкими.

Рост уровня смертности городского населения был обусловлен увеличением доли старших возрастных групп в возрастном составе населения, жизнеспособность которых была значительно подорвана в годы Великой Отечественной войны. Негативное влияние оказывал высокий уровень смертности мужчин в трудоспособных возрастах. Огромное значение также имел высокий уровень младенческой и детской смертности.

В городах Российской Федерации коэффициент смертности возрастал у мужчин и у женщин. Так, за период с 1960—1961 гг. по 1970—1971 гг. у мужчин он поднялся с 7,3 до 8,3‰, а у женщин — с 6,1 до 7,1‰.

Высокий уровень смертности наблюдался в младенческих и детских возрастах — 0—4 года. В возрастных группах 5—9, 10—14, 15—19 лет

он понижался. С возраста 20—24 года и старше показатели смертности, как у мужчин, так и у женщин возрастали. В средних возрастах 30—34 года и 40—49 лет видно значительное численное преобладание умерших мужчин над женщинами. Это было связано с тем, что в 1961 г. в этих возрастах находились поколения, пережившие Великую Отечественную войну. Причем в возрасте 40—49 лет и старше вошло поколение, вынесшее также тяготы мировой и гражданской войн. Показатели смертности росли до возраста 75—79 лет включительно. В последующих возрастных группах он снижался.

Важно отметить, что практически во всех возрастах от 0—4 года до 55—59 лет смертность мужчин была выше, чем женщин, особенно в трудоспособных возрастных группах. Превалирование смертности мужчин в трудоспособных возрастах над смертностью женщин имело существенные различия по союзным республикам. Так, в РСФСР, на Украине, в Белоруссии, в Казахстане и в Прибалтийских республиках смертность мужчин в этих возрастах была высокой и превышала смертность женщин в 2,5—3 раза. Наиболее высокие показатели смертности женщин были характерны для Средней Азии и Казахстана. По сравнению с Белоруссией они были выше в 2 раза. В возрастах 60 лет и старше, включая 90—95 лет, 95—99 и 100 лет и старше, преобладала смертность женщин[7].

В 1960—1970-е гг. продолжительность жизни городского населения в Российской Федерации в среднем составляла 68—69 лет. Ее показатель рос до середины 1960-х гг. В 1961—1962 гг. она была равна 68,7 лет, а в 1964—1965 гг. — 69,4 лет. Если с 1961—1962 гг. до 1964—1965 гг. продолжительность жизни городских жителей выросла с 68,7 до 69,5 лет, то в 1965—1966 гг. и в 1966—1967 гг. наблюдалась ее стабилизация на уровне 69,4—69,5 лет. В 1967—1968 гг. и до 1970—1971 гг. произошло небольшое и непродолжительное сокращение продолжительности жизни с 69,4 лет до 68,5 лет. Однако к 1973—1974 гг. она вновь выросла до 69,3—69,4 лет. После 1974 г. продолжительность жизни горожан снижалась. В 1974—1975 гг. она составляла 69,2 лет, а в 1979—1980 гг. — 68,0 лет.

В городах РСФСР продолжительность жизни у мужчин была ниже, чем у женщин: у мужчин — 63—64 года, у женщин — 72—73 года. При этом с 1961—1962 гг. по 1964—1965 гг. продолжительность жизни у мужчин возросла с 63,4 лет до 64,7 лет. С 1965—1966 гг. по 1969—1970 гг. снизилась с 64,6 лет до 63,6 лет. С 1970—1971 гг. по 1973—1974 гг. возросла с 63,7 лет до 64,1 лет. Однако во второй половине 1970-х гг. вновь снизилась с 63,8 лет в 1974—1975 гг. до 62,3 лет в 1979—1980 гг. Таким образом, продолжительность жизни у мужчин в целом сократилась с 63,4 лет в 1961—1962 гг. до 62,3 лет в 1979—1980 годах.

В отличие от мужчин продолжительность жизни у женщин увеличивалась в 1960-е гг. и в первой половине 1970-х гг. Так, в 1961—1962 гг. женщины в среднем жили 72,5 лет, в 1969—1970 гг. — 73,3 лет, а в 1973—1974 гг. — 73,7 лет. Во второй половине 1970-х гг. продолжительность жизни у женщин также сократилась с 73,5 лет в 1974—

1975 гг., до 73,1 лет в 1979—1980 гг. Однако в целом продолжительность жизни у женщин в конце 1970-х гг. по сравнению с началом 1960-х гг. изменилась незначительно. В 1960—1961 гг. она составляла 72,5 лет, а в 1979—1980 гг. — 73,0 лет.

В 1970-е гг. в городах Западной Сибири средняя продолжительность жизни у мужчин сократилась на 4,5 года, а у женщин выросла на 1,13. В сельской местности продолжительность жизни уменьшилась у мужчин на 2,6 года, у женщин — на 1,6 года. В городах Урала, например, в Свердловске продолжительность жизни у мужчин с 1965 по 1979 г. в среднем сократилась на 3,8 года, у женщин — на 1,9 года[8].

Сокращение продолжительности жизни увеличивало риск овдовения женщин в средних и пожилых возрастах.

В 1960—1970-е гг. в условиях значительного увеличения загрязнение воды, воздуха, почвы, особенно в городах. На структуру причин смерти горожан огромное влияние оказывал экологический фактор. Существенную роль продолжало играть качество жилищных и санитарно-гигиенических условий, питания, а также уровень медицинского обслуживания населения. В изучаемые годы значительно выросла смертность от болезней органов кровообращения, новообразований. Распространялась смертность от «несчастных случаев». Одновременно значительное место в структуре причин смерти занимали традиционные болезни — заболевания органов дыхания, пищеварения, инфекционные болезни.

В городах РСФСР наиболее высокий уровень смертности фиксировался от болезней системы кровообращения. Из данных статистики видно, что в 1960 г. на — 100 000 жителей смертность от этого класса болезней составляла 187,4. Высокий удельный вес смертности горожан от этих болезней был в Новосибирске — 22,3%, Казани — 22,3%, Москве — 19,9%. В городах западноевропейских районов эти болезни также имели широкое распространение. Смерть от болезней органов кровообращения увеличивалась с возрастом населения. Наиболее высокие ее показатели наблюдались в пожилых возрастных группах. Однако в Российской Федерации высокий уровень смертности от болезней органов кровообращения фиксировался в возрастах моложе 60 лет. Так, в 1970 г. доля умерших в этих возрастных группах среди всех умерших от болезней системы кровообращения была у мужчин 15,3%, а у женщин — 5,1%.

Смертность городского населения от новообразований играла огромную роль в увеличении уровня смертности. В городах РСФСР в 1960 г. — на 100 000 жителей от рака умерло 136. Высокий удельный вес умерших городских жителей от онкологических заболеваний был зафиксирован в крупных индустриальных городах. Так, в Москве он составил 25,2%, Ленинграде — 24,9%, Куйбышеве — 21,9%, Магнитогорске — 20,0%, Казани — 19,9%.

Показатели смертности от онкологических болезней у мужчин были выше, чем у женщин. В Российской Федерации — на 100 000 жителей смертность от них в 1970 г. была равна у мужчин — 288,9, у женщин — 146,7. Показатели смертности у мужчин были значительно выше, чем у женщин от рака желудка, легких, кишечника и прямой кишки. Так, на

100 000 жителей умерло мужчин от рака желудка 102,3, лёгких — 72,0, кишечника и прямой кишки — 14,8. У женщин — соответственно 48,9, 8,7, 12,0. Наиболее распространенными заболеваниями у женщин был рак молочной железы (10,2) и особенно матки (17,7).

В Российской Федерации росли показатели смертности населения от «несчастных случаев» — травмы, отравления, несчастные случаи в результате дорожно-транспортных происшествий, убийства, а также самоубийства и т.д. В основном они фиксировались в возрастах до 45 лет. На 100 000 жителей в 1970 г. умерло от несчастных случаев мужчин — 240,7, женщин — 51,5. Смерть от самоубийств составляла — соответственно 61,3 и 11,7. Показатели смертности в дорожно-транспортных происшествий и убийств были существенно ниже, особенно у женщин — 28,1 и 5,9, 11,1 и 4,6. Уровень смертности населения от «несчастных случаев» в РСФСР был намного выше, чем в западноевропейских странах — на 100 000 жителей в 1970—1971 гг. погибло мужчин — 100,2, женщин — 43,1. В городах Российской Федерации в 1960 г. от травм непроизводственного характера — на 100 000 жителей умерло 23,6. Удельный вес умерших горожан от травм составил в Новосибирске — 4,5%, Челябинске — 4,5%, Магнитогорске — 4,4%, Куйбышеве — 4,2%, Свердловске — 3,9%.

Однако в отличие от Европы значительное влияние на общий уровень смертности и продолжительности жизни населения в Российской Федерации продолжали оказывать заболевания органов дыхания, пищеварения, инфекционные болезни. В Российской Федерации — на 100 000 населения в 1970 г. смертность у мужчин от болезней органов дыхания составляла 198,4, инфекционных болезней — 56,0, заболеваний органов пищеварения — 44,1; у женщин — соответственно 89,2, 24,3, 21,0. Из приведенных данных видно, что показатели смертности у мужчин по этим группам причин смерти была намного выше, чем у женщин. Наиболее высокий уровень смертности населения был зафиксирован от болезней органов дыхания. Это наблюдалось в городах РСФСР. Так, в 1960 г. на 100 000 жителей умерло от воспаления легких (все формы) — 35,3, туберкулеза — 29,2, инфекционных болезней — 9,8, заболеваний органов пищеварения — 2,5[9].

В Российской Федерации сохранялся высокий уровень младенческой смертности, несмотря на некоторое его понижение: на 1000 новорожденных умерло младенцев в 1960 г. — 34,9, 1964 г. — 25, 1970 г. — 23,0, 1975 г. — 22,5, 1980 г. — 22,1. В городах — соответственно в 1960 г. — 35,4, а в 1980 г. — 21,2.

Снижение уровня младенческой смертности в Российской Федерации оказывало влияние на сокращение рождаемости. За счет этого фактора показатель эффективной рождаемости в 1963—1964 гг. уменьшился на 8,6%. Однако ведущая роль оставалась за другими факторами. Их доля составляла 91,4%[10].

В изучаемые годы в СССР сохранялись региональные различия в уровне младенческой смертности. Если в Латвии, Эстонии он был самый низкий, то в республиках Средней Азии, Казахстане, Азербайджане — наиболее высокий[11].

Наиболее высокие показатели детской смертности были зафиксированы в возрастах до 1 года включительно. Особенно высока была смертность младенцев до 1 месяца. В этих возрастных группах мальчиков умирало численно больше, чем девочек. С увеличением возраста детей показатели смертности снижались[12].

Дети в основном умирали от воспаления легких (все формы). В городах РСФСР в 1960 г. удельный вес этого заболевания в структуре причин смерти детей в возрасте до 1 года был равен 35,4%. Смерть младенцев от врожденных пороков развития составляла 7,6%, от инфекционных болезней — 6,9%, в том числе от дизентерии — 4,8%. Младенцы также умирали от гастроэнтероколита — 1,9%[13].

Обследования, проведённые в конце 1950-х и в начале 1960-х гг. в Челябинске, Ступино, Копейске, Днепродзержинске свидетельствовали о широком распространении среди детского населения, как этих болезней, так и заболеваний уха, горла, носа в основном за счет острого катара верхних дыхательных путей. Из полученных результатов видно, что по этим классам болезней — на 1000 детей было инфекционных болезней 323, среди мальчиков — 317, девочек — 328; заболеваний уха, горла, носа — соответственно 298, 294, 302; болезней органов дыхания — 124, 126, 121. У детей часто наблюдались заболевания органов пищеварения — 66, 66, 66; травмы — 50, 63, 37; болезни кожи — 46, 44, 48; органов зрения — 29, 28, 30.

Наиболее высокие показатели общей заболеваемости были у детей в возрастах 1—2 года, 2—6 лет. Однако с увеличением возраста уровень детской заболеваемости снижался. В возрасте 13—15 лет он был минимальным. Это было обусловлено значительным распространением болезней уха, горла, носа, острого катара верхних дыхательных путей, инфекционных заболеваний именно у детей младших возрастов и их сокращением в старших возрастных группах[14]. В индустриально развитых городах Российской Федерации с высоким уровнем загрязнения у детей наблюдалось увеличение врожденных пороков развития, болезней органов дыхания, онкологических и аллергических заболеваний[15]. Это ослабляло защитные функции организма ребенка, что негативно сказывалось на его состоянии с увеличением возраста.

Таким образом, до середины 1960-х гг. уровень смертности городского населения снижался, в том числе смертность детей в возрасте до 1 года, продолжительность жизни росла, ее уровень был высоким. С середины 1960-х гг. смертность горожан стала увеличиваться. Продолжительность жизни сокращалась. Показатели средней продолжительности жизни у женщин были выше, чем у мужчин. Одним из факторов сокращения продолжительности жизни было ухудшение экологической ситуации в городах и возрастание среди горожан смертных случаев от болезней системы органов кровообращения, онкологических болезней, «несчастных случаев». Экологическое неблагополучие оказывало негативное влияние на развитие детского организма. У детей росло число заболеваний органов дыхания, болезней онкологического и аллергического характера, а также врожденных пороков развития.

Повышение средней продолжительности жизни городского населения, снижение уровня смертности в детских и молодых возрастах, изменения в структуре причин смерти — эти признаки соответствовали новому типу смертности населения. Однако в структуре причин смерти населения важную роль продолжали играть традиционные болезни — органов дыхания, пищеварения, инфекционные заболевания. Уровень смертности горожан, несмотря на его сокращение, оставался высоким, включая младенческую смертность. Можно говорить о том, что в новом типе смертности населения сохранялись традиционные черты.

Сокращение в городах Российской Федерации уровня рождаемости и повышение смертности к концу 1970-х гг. оказывали влияние на естественный прирост населения: 13,8‰ в 1960 г. и 5,9‰ в 1979 г.[16] Однако в последние десятилетия доля естественного прироста в городах РСФСР возросла с 42% (к общему приросту) в 1960 г. до 34% в 1966—1970 гг., до 37% в 1971—1975 гг., до 45% в 1970—1980 гг., главным образом за счет сокращения миграционного потока.

В 1960—1970-е гг. динамика половой структуры городского населения РСФСР была положительной. Доля мужчин и женщин в общей численности горожан постепенно сближалась, за счет роста удельного веса мужского населения — на 1000 населения в 1959 г. мужчин было 449, женщин — 551; в 1970 г. — соответственно 459 и 541; в 1979 г. — 461 и 539. Однако из-за огромных потерь среди мужского населения в годы Великой Отечественной войны в изучаемые годы все еще сохранялось численное преобладание женщин над мужчинами. Это соотношение полов было характерным для городских жителей как в Российской Федерации в целом, так и в отдельных ее регионах. Так, в 1979 г. — на 1000 населения в городах Центрального района было зафиксировано мужчин 448, женщин — 552, в Москве — соответственно 441 и 559; Волго-Вятского района — 456 и 544; Центрально-Черноземного — 457 и 543; Северо-Кавказского — 458 и 542; Западно-Сибирского — 468 и 532; Восточно-Сибирского — 481 и 519. В то же время в городах Дальневосточного района мужчин было численно больше женщин — 501 и 499[17].

Из данных переписей населения 1959 г. и 1979 г. видно, что в младенческих и детских возрастах 0—4 года, 5—9 лет, 10—14 лет число мальчиков было больше, чем девочек. Однако фиксируется численное преобладание девушек над юношами в 1959 и 1979 гг. с возраста 15—19 лет, а в 1970 — с возраста 30—34 года. Численное преобладание женщин усиливалось в средних и, особенно в пожилых возрастах. Это были поколения, пережившие Первую мировую и Гражданскую войны, голод 1921 г. и 1932—1933 гг., массовые репрессии, Отечественную войну 1941—1945 гг. (см. табл. 4). Сказывалось и влияние более низкого показателя продолжительности жизни у мужчин, чем у женщин.

Однако в конце 1970-х гг. наблюдалось сокращение диспропорции полов, особенно в активных брачных возрастах. Среди ровесников в наиболее активных брачных и репродуктивных возрастах 20—24 года, 25—29 лет, а также в возрасте 30—34 года произошло выравнивание в

соотношении мужчин и женщин. С увеличением возраста (35—39 лет) число женщин возрастало. В возрастных группах 40—44 года и 45—49 лет фиксировалось значительное численное превалирование женщин над мужчинами.

Таблица 4

Распределение городского мужского населения РСФСР, 1959—1979 гг.

Число мужчин на 1000 женщин			
Возраст	1959 г.	1970 г.	1979 г.
0—4	1040	1041	1035
5—9	1031	1040	1033
10—14	1020	1032	1030
15—19	966	1009	976
20—24	959	1026	994
25—29	978	1011	996
30—34	855	971	994
35—39	626	947	947
40—44	669	873	921
45—49	665	605	884
50—54	616	627	760
55—59	498	582	528
60—64	487	465	527
65—69	458		476
70—74	387	360	386
75—79	338		291
80 и старше	276	271	256
Всего	814	847	855

Составлено по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: РСФСР. М., 1963. С. 62—63, 79—85, 98; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. М., 1972. Т. 2. С. 18—19; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. М., 1989. Т. 2. Ч. 1. С. 40—41.

В группе, где мужчины были старше женщин на 5 лет, число женщин сократилось в возрасте 35—39 лет. Небольшое численное преобладание женщин над мужчинами наблюдалось в возрастах 20—24 года и 30—34 года. Численный перевес женщин над мужчинами был виден в возрастных группах 25—29 лет, 40—44 года и 45—49 лет (см. табл. 5).

Таблица 5

Число мужчин на 100 женщин в поколениях в 1959 г. и в 1979 г.

Поколения женщин, родившихся в годы	1959 г.			1979 г.		
	Возраст женщин в годах	На 100 женщин было мужчин		Возраст женщин в годах	На 100 женщин было мужчин	
		ровесников	на пять лет старше		ровесников	на пять лет старше
1930—1934	25—29	98	98	45—49	88	85
1935—1939	20—24	96	86	40—44	92	76
1940—1944	15—19	97	132	35—39	95	113
1945—1949	10—14	102	112	30—34	99	95
1950—1954	5—9	103	76	25—29	100	69
1955—1959	0—4	104	100	20—24	99	93

Составлено по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: РСФСР. С. 62—63, 79—85, 98; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. Т. 2. Ч. 1. С. 40—41. См. также: *Ильина И.П.* Влияние войны на брачность советских женщин // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., 1977. С. 50—61.

Возрастная структура городского населения РСФСР характеризовалась относительным постарением. Так, удельный вес горожан моложе трудоспособного возраста (до 16 лет) сократился с 27,1% в 1959 г. до 22,0% в 1979 г. Однако мальчиков в этих возрастах было численно больше, чем девочек — на 1000 девочек приходилось мальчиков в 1959 г. — 1030, в 1970 г. — 1036, в 1979 г. — 1031. Наблюдалось уменьшение доли детей (0—9 лет) — соответственно с 19,4% до 15%. Снизился, хотя оставался достаточно высоким, процент молодежи до 30 лет — с 55 до 50. Удельный вес городских жителей в трудоспособных возрастах (мужчины до 60 лет, женщины — до 55 лет) был подвержен небольшим колебаниям, но в целом оставался стабильным. В 1959 г. он составлял 62,7%, в 1970 г. — 60,9%, в 1979 г. — 63,3%. В то же время в возрастах от 16 до 59 лет численно преобладали женщины, особенно в 1959 г. Так, на 1000 женщин было мужчин в 1959 г. — 853, в 1970 г. — 958, в 1979 г. — 979. Удельный вес горожан старше трудоспособного возраста возрастал — соответственно 10,2%, 13,9%, 14,7%. В этих группах наиболее сильно была выражена диспропорция полов — 286, 293, 326[18].

Таким образом, возрастной состав городского населения Российской Федерации в 1960—1970-е гг. характеризовался сокращением доли лиц

моложе трудоспособного возраста и увеличением старших трудоспособных возрастных групп.

Последствия Великой Отечественной войны и социальных катаклизмов отразились в существовании демографических ям в возрастной структуре городских жителей. В 1959 г. удельный вес в возрастном составе городского населения поколения 1940—1944 гг. рождения (возраст 15—19 лет) был равен 7,9%. Однако мужчин было численно меньше, чем женщин — на 1000 женщин мужчины составляли 966. Это поколение достигло средних возрастов 45—49 лет в 1979 г. Его доля сократилась до 6,6%. Усилилась также диспропорция полов — на 1000 женщин приходилось 884 мужчин.

Горожане, рожденные в 1930—1934 гг., существенно пострадали от голода 1932—1933 гг. и лишений военных лет. В 1959 г. они достигли возраста 25—29 лет. Удельный вес этой группы составлял 9,7% и был ниже, чем в соседних возрастах: 20—24 года — 10,9%, 30—34 года — 10,4%. В 1979 г. они достигли возраста 45—49 лет. Неслучайно, что удельный вес лиц этого возраста понизился до 6,6%, тогда как в соседних возрастных группах 40—44 года — 7,8% и 50—54 года — 6,9%.

Значительно пострадало поколение, рожденное в 1920—1924 гг., 1915—1919 гг. и 1910—1914 гг. В 1941 г. его представителям было — соответственно 18—21 год, 22—26 лет, 27—31 год. В 1959 г. — 35—39 лет, 40—44 года и 45—49 лет, а в 1979 г. — 55—59 лет, 60—64 года, 65—69 лет. Это поколение понесло огромные потери в годы войны. Тяжелейшие условия фронта и тыла, первых послевоенных лет способствовали ослаблению состояния здоровья, высокой заболеваемости и смертности, особенно среди мужчин. Если в 1959 г. удельный вес этих возрастных групп был равен — соответственно 6,0%, 5,6%, 6,4%, то в 1979 г. он снизился до 3,9%, 3,4% и 3,6%. В этих возрастах видна существенная диспропорция полов. Так, на 1000 женщин приходилось мужчин в возрастных группах 35—39 лет — 626, 40—44 года — 669, 45—49 лет — 665, 55—59 лет — 528, 60—64 года — 527, 65—69 лет — 476.

Малочисленными также были группы городских жителей, рожденных в 1905—1909 гг. и 1900—1904 гг. В годы Отечественной войны 1941—1945 гг. им было 32—36 лет и 37—41 год, а в 1959 г. — соответственно 50—54 и 55—59 лет, в 1979 г. — 70—74 и 75—79 лет. Удельный вес этих возрастов в составе горожан сокращался. Так, в 1959 г. удельный вес возрастов 50—54 года составлял 5,2%, 55—59 лет — 3,9%. В 1979 г. он был равен в возрастах 70—74 года — 2,5%, а в 75—79 лет — 1,5%. Из-за высокой смертности мужчин в пожилых и старческих возрастах видно существенное численное преобладание женщин. Так, на 1000 женщин приходилось мужчин в возрастах 50—54 года — 615, в 55—59 лет — 498, в 70—74 года — 386, в 75—79 лет — 291. Многие представители этих возрастных групп воевали не только в Великую Отечественную, но и в Гражданскую.

Горожане, рожденные во второй половине XIX в., были непосредственными участниками русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн, а также революционных событий. Пережили голод 1921 г. и 1932—1933 гг., массовые репрессии. В 1914 г. они перешли в молодые и

средние возрастные группы. В годы Великой Отечественной войны — в средние и пожилые, в 1959 г. — 60 лет и старше, в 1979 г. — 80 лет и старше. Из данных переписей населения 1959 г., 1970 г. и 1979 г. видно понижение удельного веса этих возрастов и значительное численное преобладание женщин, особенно в старческих возрастных группах (см. табл. 4—6).

Поколение, рожденное после окончания Великой Отечественной войны, имело в составе городского населения высокий удельный вес, более равномерное численное соотношение мужчин и женщин, прежде всего, в молодых возрастах.

Таблица 6

Распределение городского населения РСФСР по возрасту, 1959—1979 гг. (в %)

Возраст	Год рождения	1959 г.	1970 г.	1979 г.
0—4	1955—1959	9,9	6,6	7,6
5—9	1950—1954	9,5	8,0	6,9
10—14	1945—1949	7,0	8,7	6,1
15—19	1940—1944	7,9	10,4	9,3
20—24	1935—1939	10,9	9,0	10,2
25—29	1930—1934	9,7	6,2	9,5
30—34	1925—1929	10,4	9,9	6,6
35—39	1920—1924	6,0	7,4	6,5
40—44	1915—1919	5,6	8,7	7,8
45—49	1910—1914	6,4	5,3	6,6
50—54	1905—1909	5,2	4,1	6,9
55—59	1900—1904	3,9	5,1	3,9
60—64	1895—1899	2,8	4,0	3,4
65—69	1890—1894	1,9	2,9	3,6
70—74	1885—1889	1,5	1,8	2,5
75—79	1880—1884	0,8	1,0	1,5
80 и старше	1879	0,6	0,9	1,1

Составлено по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: РСФСР. С. 62—63, 79—85, 98; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. 2. С. 18—19; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. Т. 2. Ч. 1. С. 40—41.

Городские жители 1955—1959 гг. рождения в 1959 г. находились в возрасте 0—4 года, а в 1979 г. — 20—24 года. Удельный вес этих возрастных групп составлял — соответственно 9,9% и 10,2%. В младенческих

и детских возрастах численно преобладали мальчики, а в молодом возрасте численное соотношение между девушками и юношами было практически равное. Из данных переписей населения 1959 г. и 1979 г. видно, что на 1000 женщин приходилось мужчин 1040 и 994.

Демографически благополучно обстояло положение у поколения, рожденного в 1950—1954 гг. Так, в 1959 г. горожанам этих годов рождения исполнилось 5—9 лет, а в 1979 г. — 20—29 лет. Удельный вес этих возрастов составлял — соответственно 9,5% и 9,5%, а число мужчин на 1000 женщин — 1031 и 996.

Удельный вес городских жителей первых послевоенных лет рождения (1945—1949 гг.) был ниже, чем у появившихся на свет в 1950-е гг. В 1959 г. они достигли возраста 10—14 лет. Удельный вес их был равен 7,0%, а число мужчин на 1000 женщин составляло 1020. Через 20 лет горожане этих годов рождения вступили в возраст 30—34 года. Удельный вес их сократился до 6,6%. Наблюдалось численное преобладание женщин — на 1000 женщин мужчин 994 (см. табл. 4 и 6).

Однако несмотря на существование диспропорции полов, постарения населения, демографических ям в 1960—1970-е гг. возрастнополовая структура городского населения сохраняла демографический потенциал из-за значительной доли репродуктивных возрастов.

Глава IV
Демографическая характеристика сельского населения в 1960—1979 гг.

Миграционные процессы

Демографические процессы на селе уже с середины XX в. во все большей степени определялись урбанизацией и последствиями миграционного оттока его жителей в города. Масштабные процессы обмена населением между городом и деревней соответствующим образом отражались на количественных и качественных характеристиках их жителей.

Всего за период с 1926 по 1979 г. численность сельских жителей в РСФСР снизилась на 34,1 млн чел. (с 76,3 млн до 42,2 млн), в том числе только с 1959 по 1979 г. — на 13,7 млн чел. Соответственно упала доля деревни в общем населении России. Из страны с огромным преобладанием сельского населения (в 1926 г. — 83%) она быстро превращалась во вполне урбанизированную, где городское население становилось подавляющим — 52% (в 1959 г.) и 69% (в 1979 г.)[1]. Приведенные цифры свидетельствуют о многолетнем и устойчивом сокращении сельского населения, о постепенном запустении села. Некоторые исследователи называют этот процесс с известной долей условности депопуляцией российской деревни[2].

Постоянная убыль сельского населения РСФСР на этапе 1959—1979 гг. иллюстрируется данными таблицы 7:

Таблица 7

Численность сельского населения РСФСР (оценка на начало года) в 1959—1979 гг.

Годы	Численность (млн человек)	Удельный вес (% во всем населении)
1	2	3
1959	55,9	48
1960	55,3	46
1961	54,7	45
1962	54,4	44
1963	54,1	44
1964	53,5	43
1965	53,1	42
1966	52,5	41

1	2	3
1967	51,6	40
1968	50,9	40
1969	50,0	39
1970	49,1	38
1979	42,2	31

Составлено по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. 1. М., 1972. С. 10—11; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. Т. 1: Стат. сб. М., 1989. С. 29; Народное хозяйство РСФСР в 1970 году: Стат. ежегодник. М., 1971. С. 11.

Как следует из таблицы 7, в целом за 20 лет, прошедшие между Всесоюзными переписями 1959 и 1979 гг., население сельской местности РСФСР сократилось на 1/4. Столь масштабная убыль проходила довольно высокими темпами — ежегодно почти по 700 тыс. чел. В начале и конце 1960-х гг. это сокращение было относительно невелико: по 300 тыс. чел. или на 1% по сравнению с предшествующим годом, затем масштабы возросли — до 700 тыс. (1967 г.), 900 тыс. (1968 и 1969 гг.), или соответственно по 2 и 4% ежегодно. В 1970-е гг. убыль становится стабильной, примерно по 700 тыс. чел. в год.

В Российской Федерации — огромной по территории и разнообразной по составу населения — процесс сокращения жителей села в различных регионах отмечен своеобразными чертами. С 1959 по 1970 г. уменьшение общей численности в разной мере коснулось 7 регионов из 10 (кроме Северного Кавказа, Поволжья и Дальнего Востока, где сельское население выросло). При этом в наибольших масштабах сократилось население Центрально-Черноземного (почти на 25%) и Волго-Вятского (21,5%) районов. Главной составляющей столь значительной убыли являлась, безусловно, миграция сельской молодежи в ближайшие и более отдаленные города и связанное с этим сокращение воспроизводства сельского населения. Характерно, что именно эти два региона в предыдущие годы заметно отставали от других по темпам миграционго оттока из села. 1960-е гг. отмечены их своеобразным «подтягиванием» по данному показателю до уровня остальных областей.

С 1970 по 1979 г. процесс дальнейшей убыли сельского населения охватил уже все регионы России, кроме Дальнего Востока. Но и там его прирост ограничился всего лишь 5,4% (вместо 24,8% — за 1960-е гг.). В ранее быстро растущих по численности сельского населения районах Северного Кавказа и Поволжья, в 1970-е гг. прирост сменился уже обратным процессом — довольно быстрым сокращением. Как и в 1960-е гг. наиболее значительная убыль населения шла из деревни Центрально-Черноземного и Волго-Вятского районов (по 21% к уровню 1970 г.). Но в конце 1970-х гг. к ним вновь присоединился Центральный экономический район (21,2%)[3].

Повсеместно главным вектором в сокращении населения деревни оставался миграционный отток в города. Его масштабы напрямую зависели, с одной стороны, от состояния социально-экономической конъюнктуры и наличия рабочих вакансий в городах, а с другой, диктовались возможностями, складывавшимися под влиянием реальной демографической ситуации в разных областях. Поэтому в одно и то же время в каких-то областях Центра темпы выбытия из деревни замедлялись, а в других — наоборот, ускорялись.

Но если в целом по Центральному району убыль сельских жителей оставалась рекордно высокой, то в ряде областей уже наметилось снижение оттока в город, вызванное отсутствием резерва мигрантов. Многие области (Владимирская, Ивановская, Калужская, Костромская и Ярославская) свой максимум миграционных потерь сельского населения прошли еще к 1959 г. Поэтому в последующие годы масштабы выбытия из их сельской местности сильно уменьшились.

С 1966 г. территориями постоянной убыли и соответствующего сокращения сельского населения стали Ивановская, Новгородская, Псковская, Тверская, Костромская, Рязанская, Смоленская, Тульская и Ярославская области. В 1970-е гг. к ним присоединились Белгородская, Владимирская, Калужская и еще 10 центральных областей. В то же время некоторые области Центра, например, Брянская, в стадию интенсивной миграции еще только вступали в начале 1970-х годов[4].

Всего по областям российского Нечерноземья к середине 1980-х гг. сельское население уменьшилось по сравнению с 1965 г. на треть: с 19,4 до 12,4 млн чел. Следует учесть, что в сельской местности Центрального района доля занятых непосредственно в аграрном производстве была сравнительно невысока — всего 38% от общего числа трудоспособных работников. В то же время на Украине, Закавказье и в республиках Средней Азии доля работавших в сельском хозяйстве достигала 60—70% общей численности сельских жителей[5]. Наличие в сельской местности высокой доли работников, занятых вне аграрного производства, говорило, что там еще имелся значительный контингент потенциальных мигрантов из села.

Численное сокращение сельского населения сопровождалось снижением его относительной доли в общем составе населения. В Центральном экономическом районе, например, в процессе непрерывного оттока в город его удельный вес в 1959—1970 гг. сократился на 11% (с 40 до 29%), т.е. шел почти в том же темпе, что и в среднем по России (10%). Довольно быстро снижался процент жителей села и в других районах РСФСР; и это стало характерной чертой динамики сельского населения в 1960—1970-е гг. Лишь на Дальнем Востоке, куда по разным каналам прибывало население из других областей страны, оно за 20 лет выросло на 170 тыс. чел., но и при этом его относительная доля в населении региона также понизилась (см. табл. 8).

Из табл. 8 видно, что примечательной чертой количественной динамики в 1960—1979 гг. стало заметное выравнивание российских регионов по доли сельского населения. В этот период быстрее всего оно убы-

вало там, где на исходный момент (1959 г.) доля его была выше средней по РСФСР. Так, наиболее заметно процент сельских жителей понизился в Волго-Вятском районе — только за 1960-е гг. с 61% до 47%, и в 1970-е гг. — еще на 9%. В центрально-черноземных областях, где еще в конце 1950-х гг. население деревни представляло значительное большинство (73%), его доля понизилась до 60% (в 1970 г.) и 48% (в 1979 г.).

Таблица 8

Абсолютная численность и удельный вес жителей села в общем составе населения РСФСР и отдельных экономических районов в 1959, 1970 и 1979 гг.

Территория	1959		1970		1979	
	(тыс.)	%	(тыс.)	%	(тыс.)	%
РСФСР, в т.ч. регионы:	55923,2	48	49098,1	38	42177,1	31
Северо-Западный	3841,7	35	3244,1	27	2722,2	21
Центральный	9722,1	41	7948,9	29	6266,8	22
Волго-Вятский	5038,6	61	3935,7	47	3148,5	38
Центр.-Черноземн.	5652,3	73	4783,8	60	3732,1	48
Поволжье	8627,5	54	7891,7	43	6663,3	34
Северный Кавказ	6639,8	57	7174,4	50	6991,0	45
Урал	5320,6	37	4745,6	31	3981,8	26
Западная Сибирь	5527,3	49	4678,2	39	4190,6	32
Восточная Сибирь	3059,6	47	2851,4	38	2552,9	31
Дальний Восток	1569,1	32	1648,7	29	1738,2	25

Составлено по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. 1. С. 10—15; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. Т. 1. С. 28—35.

Минимальной доля сельских жителей в населении своего региона к 1979 г. оказалась на Северо-Западе и в Центре (21% и 22% — соответственно), а также на индустриально развитом Урале и Дальнем Востоке (26% и 25%). В остальных же регионах она измерялась от 31—32% (в Западной и Восточной Сибири) до 45% — на Северном Кавказе и 48% — в центрально-черноземных областях (см. табл. 8).

Максимальной миграционная мобильность и соответствующая этому убыль сельского населения оставалась в высоко урбанизированном Центральном экономическом районе. Исследователи сельской миграции отмечают, что, как правило, быстрее урбанизировались более плотно заселенные населенные пункты. При этом если раньше средние по типу селения еще вполне способствовали ведению сельского хозяйства и тем

самым тормозили распространение городского влияния, то к концу 1970-х гг. они тоже были охвачены урбанизацией[6].

В 1959—1979 гг. в северо-западных областях Европейской части и в районах Сибири сокращение сельского населения несколько замедлилось (всего 8 и 10% соответственно). Это было заметно меньше, чем в предыдущие 20 лет (1939—1959 гг.), когда оно соответственно достигало 17 и 16%, в том числе в Западной Сибири — 23% (см. табл. 8).

Уменьшение доли деревни в общем населении Российской Федерации означало, что урбанизация продолжала углубляться и расширяться, захватывая новое пространство. Соотношение населения деревни и города все более менялось в пользу последнего. В 1970 г. городское население доминировало в подавляющем большинстве экономических регионов Российской Федерации, за исключением лишь центрально-черноземных областей и Северного Кавказа (там это соотношение было равным). В 1979 г. таких исключений уже не было.

Причин сельско-городской миграции было множество, но базовой оказалась неудовлетворенность значительного числа жителей деревни условиями жизни и труда в сельском хозяйстве. Особенно непривлекательными моментами в колхозах и совхозах являлись — прежде всего ненормированный рабочий день, низкий заработок и тяжелый физический труд. С другой стороны, в связи с ускоренным индустриальным развитием городов сельская миграция набирала обороты благодаря значительному числу вакантных рабочих мест в городах, главным образом на мало привлекательных для коренных горожан стройках и заводах. Из села более всего стремилась уехать молодежь, соглашаясь на любую работу в городе, даже в самой отдаленной местности[7].

В Западной Сибири в начале 1960-х гг. масштабы миграционных потерь деревни еще были сравнительно невелики и брешь от миграции почти полностью покрывалась естественным приростом населения. Однако позже убыль из сибирской деревни резко выросла. В 1959—1962 гг. ее население ежегодно сокращалось в среднем на 0,4%, а в 1963—1970 гг. — на 2,1%, и естественный прирост населения деревни компенсировал уже лишь $^1/_3$ миграционных потерь. Общее сальдо миграции по западно-сибирской деревне оказалось отрицательным: число выбывших почти на 1,5 млн превысило количество прибывших. Особенно быстро «таяло» сельское население на Алтае (на 31,5%) и в Кемеровской области (на 32,3%), менее всего — в Тюменской области (на 11,3%)[8].

Говоря о миграции из села в 1960-е — 1970-е гг., следует учитывать, что одной из причин ускорения подвижности сельского населения в эти годы послужили изменения в его социальном составе. К концу 1960-х гг. резко уменьшилось количество членов колхозов, которые не так давно представляли собой наиболее многочисленную социальную группу села. Соответственно этому выросла численность рабочих и служащих совхозов и других государственных предприятий, расположенных в сельской местности.

Социальные перемены оказались очень важны, поскольку параллельно изменению социального статуса вчерашних крестьян постепенно

трансформировалось и их отношение к земле и хозяйству. Если раньше в колхозах население закреплялось посредством специфических форм (особенно благодаря его горячей привязанности к подсобному хозяйству), то в государственном секторе деревни это уже не удерживало[9].

При формировании миграционных потоков из сельской местности определенную роль сыграли и особенности сельского расселения. В Нечерноземье, например, особенно отчетливо прослеживалась зависимость размеров миграционного оттока от типа сельского населенного пункта (отдаленные деревни, пригородные зоны, селения вдоль крупных транспортных артерий и т.д.). Оказалось, что в поселениях, находившихся в пределах 1—2-х-часовой транспортной доступности крупных городов, население сокращалось медленнее, чем по сельской местности в целом. Если в целом с 1959 г. до начала 1980-х гг. численность сельских жителей по областям Нечерноземья сократилась на 43%, то в зонах влияния крупных городов — гораздо меньше. Например, в Калининской области разрыв между этими показателями составлял 52% и 24%, в Костромской — соответственно 52% и 19%[10]. Иными словами, в сельских населенных пунктах, расположенных в пригородной зоне, сельское население сокращалось медленнее, чем в отдаленных деревнях, не имевших регулярного транспортного сообщения.

Последствия сокращения сельского населения в различных регионах России оказались неоднозначными. Отток трудовых ресурсов из сельского хозяйства далеко не всегда становился следствием прогресса производительных сил деревни. Во многих районах их сокращение принимало масштабы, никак не сопоставимые с достигнутым ростом производительности труда. Так, с 1961 по 1975 г. рост уровня технической оснащенности сельского хозяйства в целом по СССР позволил заменить около 8 млн работников, а убыль сельского населения только по одной России за это время оказалась больше этой цифры[11].

Однако анализ структуры деревенских мигрантов и региональное изучение масштабов оттока из сельской местности показывают их максимальную интенсивность именно в «трудонедостаточных» районах, т.е. там, где существовал острый дефицит трудовых ресурсов. Таковыми попрежнему оставались северо-западные и центральные области РСФСР, а также Сибирь, Урал и Дальний Восток, в которых недостаток работников сельского хозяйства приобрел угрожающие размеры. Рост механизации труда и его производительность не покрывали дефицита в рабочей силе, который еще больше усилился в 1970-х годах[12].

Масштабный отток из деревни обострил проблему трудовых ресурсов в сельском хозяйстве и вызвал соответствующее увеличение трудового бремени на работающих. Так, в 1967 г. средняя нагрузка на одного трудоспособного работника в колхозах Северо-Западного и Центрального района составляла соответственно 2007,7 и 1462,7 человеко-часов при средней по РСФСР — 1220 человеко-часов. Основной причиной столь высокой загруженности послужил недостаток рабочих рук в аграрном секторе. Поэтому обеспеченность колхозов работниками по названным районам была далеко неполной и составляла чуть боле половины от среднего уровня по РСФСР[13].

Известно, что основу контингента мигрантов составляли люди наиболее активного возраста, чаще всего не обремененные семьей и не привязанные многолетней привычкой к своему месту работы. В первой половине 1960-х гг. из деревни выбыло 7 млн человек, из которых 6 млн (более 85%) — молодые люди от 17 до 29 лет[14].

Целью большинства сельских мигрантов был город, но миграция из села имела ступенчатый характер и предполагала дальнейший выбор (местный районный или областной центр, города за пределами своей области). Впервые важнейшую информацию о механических перемещениях населения дала Всесоюзная перепись населения 1970 г. Она показала, что в пределах Центрального района, например, преобладающей тенденцией было переселение жителей села в крупные города с населением 100 и более тыс. жителей. Однако на уровне отдельных территорий этому могли соответствовать лишь области, переживавшие в данный период активную стадию урбанизации (Брянская, Калужская, Рязанская и Орловская), а также Ивановская и Ярославская[15].

В целом же распределение мигрантов по городам разной величины оказалось относительно равномерным. Примерно каждый 5-й мигрант из села переселился в малый город (до 20 тыс. человек), столько же — в города с числом жителей от 20 до 50 тыс., от 50 до 100 тыс. и т.д. Немалая доля переездов из деревни пришлась и на внутрисельские перемещения в пределах региона (почти 30%)[16].

Уже в 1970-е гг. на общем фоне довольно быстрой убыли сельского населения заметно выделялось Центральное Нечерноземье, где к этому времени создалась угроза реальной депопуляции сельской местности. В течение нескольких десятилетий ее население отдавало свою рабочую силу городам еще более интенсивно, чем в других районах. С 1959 по 1970 г. из деревни Нечерноземья в город переехало огромное число жителей, что обеспечило практически $^1/_3$ объема миграционного прироста всего городского населения СССР. В то же время собственный удельный вес нечерноземных областей в сельском населении страны на 1 января 1974 г. составлял лишь 15,6%[17].

С 1974 г. после принятия правительственной программы «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР» неоднократно предпринимались попытки приостановить депопуляционные процессы и заселить сельскую местность ряда центральных областей. С этой целью привлекалось население из других регионов страны, прежде всего из тех, где ощущалась значительная аграрная перенаселенность. Но ожидать реальных экономических результатов от переселения в нечерноземный центр России коренных жителей Средней Азии, например, вряд ли было серьезно. Опыт переезда семей из южных регионов СССР в Ивановскую, Новгородскую и Кировскую области показал, что большинство их закрепиться в этих местах не смогло, а переселение в целом никак не повлияло на ситуацию и не остановило запустения нечерноземной русской деревни[18].

Миграция из села проходила неравномерно, в разные годы то ускоряясь, то замедляясь. Это зависело от социально-экономической и демо-

графической ситуации на селе и в городе. Наибольший отток из села происходил в 1960-х — первой половине 1970-х гг. С 1976 г. отток населения из сельской местности стал сокращаться, особенно заметно по сравнению с началом 1960-х г. В целом по РСФСР он снизился почти наполовину, более чем на 1/3 — в Волго-Вятском регионе, а в Западной Сибири — почти на 2/3[19].

Сокращение сельской миграции наблюдалось и в других регионах, за исключением Северного Кавказа и Восточной Сибири. С точки зрения условий жизни увеличение оттока из сельской местности Северного Кавказа объяснить трудно. Очевидно, что этот процесс там в своем развитии запоздал и высокого уровня достиг лишь ко второй половине 1970-х и в 1980-е гг. В результате сельское население Северного Кавказа только за 1970-е гг. уменьшилось на 1,8 млн (на 3%)[20].

В снижении оттока населения из деревни определенную роль сыграли и изменения в сельском расселении, связанные с усилившейся концентрацией вокруг больших городов. С начала 1960-х гг. быстро нарастала доля пригородного населения в общей численности сельского населения. Пригороды, с одной стороны, привлекали мигрантов, а с другой, помогали их удерживать.

Миграционный отток из села долгие годы служил главным источником пополнения численности горожан, но со второй половины 1970-х гг. его роль стала снижаться. Одновременно это символизировало завершение экстенсивного этапа урбанизации. Если в 1965—1970 гг. в целом по Российской Федерации прибывшие из деревни обеспечивали 55—60% механического прироста населения городов, то в последующие годы их доля снизилась до 40—25%[21].

За 1959—1979 гг. сельское население РСФСР сократилось на 13,7 млн чел. (24,6%), а его удельный вес в населении республики понизился с 48% до 31%. Это были самые высокие в стране темпы снижения. Например, в Белоруссии абсолютное сокращение жителей села за эти годы составило 22,9%, а их доля в составе населения республики понизилась до 45%, на Украине — соответственно — 15,3% и 39%. Даже в республиках советской Прибалтики (Литве, Латвии и Эстонии) население сельской местности в 1960—1970-е гг. убывало медленнее, чем в РСФСР. Процент сельского населения ниже, чем в России (на 1%), оказался лишь в Эстонской ССР[22].

Наряду с миграционным оттоком из деревни, другой, не менее важной составляющей количественных изменений в сельском населении послужили колебания его естественного прироста. Во второй половине XX в. российская деревня в целом переживала интенсивную стадию перехода к современному типу воспроизводства населения. Начиная с 1960-х гг. процесс воспроизводства сельского населения ощущал на себе сложное воздействие таких факторов, как углублявшийся демографический переход, вторичное «эхо» Великой Отечественной войны и особенно последствия миграционного оттока сельской молодежи в город. Каждое из этих явлений накладывало свой отпечаток на уровень рождаемости и смертности сельских жителей.

Размещение сельского населения

Поселенческая структура является одной из исходных демографических характеристик, важной для понимания демографической ситуации, сложившейся в том или ином регионе.

Распределение сельских жителей по территории России отличалось в 1960-е — 1970-е гг. существенной неравномерностью.

В середине XX в. сельское население РСФСР было в большинстве своем сосредоточено в европейской части. К началу 1960-х гг. самая высокая доля (17,4%) приходилась на Центральный район; вторым был Северный Кавказ (12,1%); затем Поволжье и Центрально-Черноземный район (соответственно — 11,5% и 11,37%). В Волго-Вятском районе проживало 9% от общего числа сельского населения, а в Северо-Западном районе 7,3%. Следовательно, в европейской части (без Урала) было сосредоточено почти 70% общего числа жителей села Российской Федерации, а суммарная доля населения восточных регионов (включая Урал) составляла менее $^1/_3$. При этом на территории Урала проживало 14,5% сельского населения, в то время как в азиатских районах (Западная, Восточная Сибирь и Дальний Восток) — лишь 16,8%[23].

В 1959—1970 гг. происходило быстрое понижение доли сельских жителей в общем составе населения каждого из российских регионов. Урбанизация повсеместно сопровождалась ростом числа горожан. В предшествующий период с 1939 по 1959 г. доля городских жителей выросла с 36,3 млн до 61,6 млн за счет соответствующего абсолютного и относительного сокращения сельского населения. Так, удельный вес жителей деревни за это же время по Российской Федерации упал с 67 до 48%[24].

Высокий процент сельских жителей в 1959 г. сохранялся только в Центрально-Черноземном (73%) и Волго-Вятском регионах (63%), а также на Северном Кавказе (58%). Следовательно, к этому времени аграрное население преобладало всего лишь в трех российских регионах, именно там, где существовали наиболее благоприятные природно-климатические условия для ведения сельского хозяйства.

По сравнению с другими странами Западной и Центральной Европы система сельского расселения России имеет исторически сложившиеся существенные отличия. Для нее характерна значительно более низкая плотность заселения — в среднем на единицу площади приходится меньшее число поселений и соответственно гораздо более низкое число проживающего населения.

Сложившаяся к концу 1950-х гг. система сельского расселения России представляла собой итог предыдущего длительного и сложного развития. Она несла на себе отпечаток исторически унаследованных черт, сформировавшихся преимущественно под воздействием социально-экономических факторов. Огромное влияние оказывал и природно-географический фактор — характер ландшафта, распространенность лесов, водных бассейнов, ценных рекреационных ресурсов и др. Примечательно, что все населенные пункты земледельческого расселения, независимо от их формы, как правило, располагались в непосредственной близос-

ти от обрабатываемой пашни. Исчезновение населенных пунктов зачастую приводило к забрасыванию земель сельскохозяйственного использования.

На фоне огромного разнообразия форм и типов населенных пунктов в сельской местности особо выделялись поселения, непосредственно связанные с аграрным производством. Именно они составляли подавляющее большинство сельских поселений. Но наряду с ними в сельской местности всегда немало было и поселений другого характера — промышленных, лесоперерабатывающих, транспортных, рекреационных и т.п.

Особый тип сельских населенных пунктов представляли собой так называемые «пригородные зоны», находящиеся в непосредственной близости от индустриальных центров. Население этих местностей издавна состояло в довольно тесном контакте с городом, активно вовлекалось ранее в «отходничество», а в советский период — в маятниковые и прочие виды миграции, различные поездки культурно-бытового характера и т.п.

В начале 1950-х гг. в системе сельского расселения в Российской Федерации еще ощущались последствия Великой Отечественной войны, которая привела к довольно заметным изменениям в размещении населения на значительной части европейской России. В ходе военных действий были уничтожены многие поселения при железных и шоссейных дорогах. Та же участь постигла и множество деревень и сел, находившихся вблизи городов и в зонах крупных транспортных магистралей. Целиком или почти полностью были уничтожены крупные сельские поселения, использовавшиеся при обороне в качестве опорных пунктов, а также многочисленные населенные пункты вблизи аэродромов, военных городков и т.п. В то же время война практически не затронула глубинные сельские ареалы. Поэтому даже в Курской и Белгородской областях, вблизи Старой Руссы, в низовьях Дона и других местах, где велись наиболее ожесточенные и продолжительные сражения Великой Отечественной войны, разрушение сельского расселения не имело сплошного характера[25].

Ко времени проведения Всесоюзной переписи населения 1959 г. основные изменения в заселенности сельской местности коснулись центральных областей РСФСР. Ранее обширная и довольно однородная территория наиболее высокой для России плотности сельского населения уменьшилась практически вдвое. Это стало результатом сокращения населения и числа сельских населенных пунктов прежде всего в северных и западных районах. В северных областях и в Центре почти везде на смену мелкоочаговому расселению по берегам рек и северных морей пришли населенные пункты в ареалах тяготения к быстро растущим городам, в зонах лесозаготовок и вдоль транспортных магистралей.

Сельская поселенческая структура после войны во многих районах восстанавливалась с учетом целенаправленного перемещения населенных пунктов и их жителей из глубинных местностей к имеющимся крупным дорогам и индустриальным центрам. Позднее эти изменения косвенным образом спровоцировали довольно неожиданные последст-

вия демографического плана. Близость транспортных артерий в сочетании с очень нелегкими условиями труда и быта в деревне лишь ускорили миграционный отток сельского населения в города.

В Европейской России сельская местность урбанизировалась наиболее высокими темпами. Восстановление транспорта, прежде всего железнодорожного, а также расширение зоны лесозаготовок и переработки древесины (например, в северо-западных областях) заметно увеличили долю поселений несельскохозяйственного типа. Постепенно такие поселения в ряде районов, особенно вблизи городских агломераций, становились преобладающим элементом сельского расселения. Сужению его границ способствовало и изменение статуса многих населенных пунктов, преобразованных в городские поселки.

Изменения коснулись и Северного Кавказа, где динамика сельского расселения, благодаря особо благоприятным природно-климатическим условиям, притягивавшим к себе население из других мест, оказалась иной. Вместо имевшихся прежде отдельных очагов плотного заселения в этом российском регионе сформировалась довольно крупная зона высокой плотности, простиравшаяся от Ростова-на-Дону до Краснодара, и далее — вплотную к Каспию.

На Урале, во многом благодаря притоку дополнительной рабочей силы и оседанию части ранее эвакуированного населения, также заметно повысилась общая плотность заселения сельской местности. Вместо прежней рассеянной системы сельских поселений там началось формирование более концентрированного расселения, лучше соответствовавшего изменившимся экономическим условиям.

Примечательным явлением в процессе оптимизации сельского расселения на этапе 1940-х — 1950-х гг. стало освоение ранее малообжитых территорий. При этом проявилась тенденция более успешного развития тех сельских населенных пунктов, в которых население не занималось аграрным производством. В Предуралье и на Южном Урале, особенно в зонах промышленных новостроек, а также в других районах России, сельское население быстрее росло в поселках, возникавших при строящихся промышленных, транспортных и т.п. объектах[26].

В эти годы в связи с организованным государством переселением колхозников из центральных областей России и частично Украины, постепенно обживались ранее обезлюдевшие населенные пункты и равнинные местности Северного Кавказа. В значительной мере они опустели вследствие сталинских депортаций 1943—1944 гг., а их заселение началось лишь с конца войны. Оживали прежние населенные пункты и появлялись новые в сельской местности Причерноморья и Крыма, в степях Нижней Волги, не так давно заброшенных с выселением крымских татар и ликвидацией автономной Республики немцев Поволжья.

Известную роль в эволюции сельской поселенческой структуры ряда районов страны, в том числе Южного Урала и Западной Сибири, сыграло и массовое освоение целины. Эта широкомасштабная акция осуществлялась главным образом в середине 1950-х гг. и была направлена на введение в сельскохозяйственный оборот ранее пустовавших земель. На целинные и залежные земли прибывало огромное число переселенцев,

прежде всего молодежи, которые зачастую в открытой степи закладывали новые поселки в создаваемых ими колхозах и совхозах.

В ряде областей России во многом изменилась география сельского расселения в связи с транспортным и промышленным строительством, сооружением многочисленных ГЭС. Немало сельских населенных пунктов исчезло под водой при сооружении искусственных водохранилищ и системы транспортных шлюзов. В целом же сельские поселения, находившиеся в непосредственной близости к строительным и индустриальным объектам и транспортным магистралям, заметно укрупнились. В то же время поселения, расположенные в глубинных местностях, вдали от центров цивилизации, деградировали. Именно из таких глухих деревень больше всего уходила молодежь на стройки и заводы.

К началу 1960-х гг. в сельской местности уже четко проявилась тенденция более устойчивого развития неаграрных по характеру поселений, жители которых работали в промышленности, строительстве, на транспорте. В таких населенных пунктах росло население, активно развивались предприятия социальной инфраструктуры, строились дороги, улучшалось транспортное сообщение и т.д.

Картина сельского расселения в России, сложившаяся к этому времени, в основных чертах выглядела следующим образом. Как показала Всесоюзная перепись населения 1959 г., сельское население Российской Федерации в целом размещалось в 294 тыс. населенных пунктах разного типа (села, деревни, хутора, станицы, аулы — в национальных районах). Преобладающая его часть (более $^3/_4$) была сконцентрирована в селениях, насчитывавших от 100 до 3 000 человек.

Для нечерноземной зоны и входящих в нее северных лесных районов характерен особый тип исторически сложившегося сельского расселения, обусловленный раздробленностью и «чересполосицей» земель сельскохозяйственного пользования. Это способствовало преобладанию в сельской местности мелких и мельчайших населенных пунктов. Данный тип расселения с учетом природно-ландшафтных особенностей местности в основных чертах сложился еще в XVIII—XIX вв. В рассматриваемые годы в связи с ускоренной миграцией сельского населения доля мелких населенных пунктов разного типа с людностью менее 100 человек выросла до очень высоких показателей — 60—80%. Не менее 15% этих населенных пунктов составляли так называемые «однодворки» — с числом жителей менее 10 человек. Это были главным образом населенные места при фермах, отгонных пастбищах, пасеках, лесничествах и т.п., на долю которых приходилось не менее 60% общего числа сельских населенных пунктов[27].

При этом характерно, что в целом средняя людность селений по областям и республикам Российской Федерации колебалась от 50 до 60 человек (Псковская область, Калмыцкая и Якутская АССР) до 650—860 человек (в автономных республиках Северного Кавказа).

Мелкие деревни и поселки, а кое-где и хутора, сохранялись лишь в пределах лесной зоны на северо-западе, отчасти в центре и на востоке европейской части РСФСР. На юге же доля мелких селений (включая сезонно обитаемые пункты животноводов) встречалась лишь в Прикаспий-

ских районах с развитым отгонно-пастбищным скотоводством. В Сибири самый мелкоселенный район — Якутия, особенно ее северо-восточная часть.

Наиболее крупных сельских поселений, насчитывавших более 5 тыс. жителей, по России было не так много — всего 372 (0,1%). Большинство их находилось на Северном Кавказе, в том числе только в Краснодарском крае — 97 крупных кубанских станиц с населением иногда до 10—12 тыс. чел. В черноземном центре в этом отношении выделялась Воронежская область, 22 сельских поселения которой начитывали более 5 тыс. населения[28].

Доля менее крупных сельских населенных пунктов, насчитывавших по 2 тыс. жителей, в целом по России также была крайне мала — менее 1% . Преимущественно они располагались в зоне сплошного сельскохозяйственного освоения — Центральном Черноземье и на Северном Кавказе. Так, более половины общего числа крупных (свыше 1000 жителей) сельских поселений находилось именно в Центрально-Черноземном районе. Здесь же и более крупные селения — в 3—5 тыс. жителей не были редкостью.

В целом в восточных районах было расположено около 1/4 общего числа крупнейших сельских поселений РСФСР. Из них 60 находилось в Западной Сибири, 22 — в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Очень многие из них выполняли функции районных центров, особенно в обширных сельскохозяйственных районах. В Сибири и на Дальнем Востоке все они расположены в южной полосе и, как правило, сформировались из больших переселенческих сел, население которых осваивало сельскохозяйственные земли и превратило их в местные торговые и транспортные центры[29].

Для сельской местности Дагестана и других районов Северного Кавказа характерно и так называемое «горное очаговое смешанное животноводческо-земледельческое расселение», связанное с разнообразием рельефа. Это — крупные села, аулы, кое-где сохранившиеся селения-крепости, служившие базой для горного животноводства. Характерно, что позже в 1960—1970-е гг., некоторые населенные пункты горных районов этого региона поменяли свой статус, превратившись в поселки курортного типа (турбазы, горные санатории и пансионаты).

Наиболее существенные изменения в системе сельского расселения происходили в Центральном районе РСФСР. Всего за несколько десятилетий обширная и прежде однородная территория наиболее высокой плотности сельского населения сократилась почти вдвое. Это произошло в основном за счет сокращения уровня заселенности сельской местности северо-западных и западных областей.

При анализе изменений в сельской поселенческой структуре следует учитывать и роль административного фактора. Как было отмечено выше, после войны некоторые сельские поселения были преобразованы в поселки городского типа. Статус городских поселений получали многие районные центры — далеко не всегда самые крупные и сугубо несельскохозяйственные населенные пункты.

С 1960 по 1968 г. только в Кировской области вследствие преобразования сельских населенных пунктов было организовано 19 рабочих поселков с населением 75 тыс. чел. К 1968—1969 гг. наиболее существенные (а не формально-статистические) изменения числа сельских поселений произошли в областях Севера и Северо-Запада, Урала и на юге России. В связи с подготовкой переписи 1970 г. прошла ревизия сельских поселений, проведенная на местах, «по факту». Она выявила, что, например, в Краснодарском крае с 1959 по 1970 г. было объединено 187 поселений (по 2, иногда и по 3 поселения со слившейся застройкой), и более 2 тыс. пунктов, не имевших «самостоятельного значения» были включены в состав ближайших крупных поселений. В Московской области за 1959—1968 гг. было ликвидировано более 600 мелких сельских поселений, 1180 слились с городскими поселениями, около 80 было преобразовано в городские поселения.

Всего на территории Европейской России с января 1959 г. по январь 1970 г. было объединено с более крупными или учтено в их составе, а также списано как «нежилые» более 70 тыс. сельских поселений. Кроме того, около 3 тыс. поселений было преобразовано в городские и включено в городскую черту[30].

Но более характерное для центральных районов России мельчание населенных пунктов сопровождалось соответствующим обезлюдением сельской местности, что следует во многом расценивать и как результат известных просчетов в аграрной политике государства, в частности, гораздо худшего финансирования сельско-хозяйственного производства по сравнению с индустриальными отраслями. Это порождало значительное отставание деревни, прежде всего по показателям уровня жизни населения.

В 1960-е гг. население российской деревни продолжало убывать, испытывая на себе усилившееся влияние миграции в город. Только за 11 лет (с 1959 по 1970 г.) общее число работников сельского хозяйства РСФСР уменьшилось с 14,9 до 9,2 млн человек, т.е. почти на 30%[31].

Сокращение населения и трудовых ресурсов села отрицательно сказывалось на общих результатах хозяйствования. Опустевшие земли теряли сельскохозяйственное значение, превращались в пустоши, зарастали лесами. Рассредоточенность сельского населения сильно тормозила социально-экономическое развитие. Положение усугублялось тем, что сельская молодежь покидала родные села. Деревня пустела, уже появлялись селения, где не оставалось людей трудоспособного возраста. Требовались срочные меры, способные оживить деревню. Большое место в этом занимала задача оптимизации ее поселенческой структуры.

Еще в третьей Программе КПСС (1961 г.) немало места было уделено идее стирания различий между городом и деревней за счет «подтягивания» ее к городу. Этот процесс виделся советским идеологам как постепенное преобразование колхозных деревень «в укрупненные населенные пункты городского типа»[32].

Для практической реализации этой задачи были разработаны новые принципы строительства в сельской местности. Была начата всесторонняя разработка концепции Единой системы расселения в СССР и направлений будущего развития сельских поселений. В качестве основно-

го средства грядущих изменений предусматривалось сселение жителей мелких деревень в более крупные населенные пункты. В связи с этим все сельские поселения подразделялись на перспективные (с правом дальнейшего существования и усиленного развития) и неперспективные (обреченные на постепенное изживание). Были составлены типовые схемы районной планировки сельских районов, предусматривавшие создание населенных пунктов нового типа с высоким уровнем благоустройства. Все эти планы в основном были одобрены на правительственном уровне и по существу положили начало новому подходу к решению проблем трансформации сельского расселения.

Обкатка идеи строительства населенных пунктов нового типа с учетом перспективных требований велась прежде всего в целинных районах, в частности, так строились многие совхозные поселки. Новое строительство велось и в центральных поселках колхозов других районов. В крупных южных колхозах было построено много полевых станов, часть которых представляла собой благоустроенные пункты нового типа[33]. Но все это оказалось лишь первыми робкими шагами в осуществлении проблемы перестройки сельского расселения.

Решающую роль в его дальнейшей трансформации сыграло осуществление политики ликвидации «неперспективных» деревень и проводившееся сселение жителей мелких деревень и хуторов на центральные усадьбы колхозов и совхозов, агропромышленных комплексов. При этом свою лепту в разрушение сложившейся поселенческой структуры деревни внес и административно-бюрократический аппарат, слишком быстро отреагировавший на идею сселения. Госгражданстрой СССР (позже переименованный в Госкомитет архитектуры СССР) упорно проводил линию на внедрение в жизнь политики сселения, разрабатывал всевозможные инструкции и проекты. При этом мелкие деревни и села, обреченные на снос, лишались любой жизненной перспективы. Этому ведомству удалось добиться прекращения финансирования не только нового строительства, но даже ремонта существовавших в неперспективных селах зданий и сооружений. Там закрывались школы, магазины, отключалась электроэнергия, перепахивались дороги[34].

За годы осуществления политики демонтажа «неперспективных деревень» в этом отношении сделано было немало. С 1959 по 1970 г. общее число сельских населенных пунктов по России сократилось на 77,2 тыс., а с 1970 по 1979 г. — еще почти на 40 тыс. Если за период с 1959 по 1970 г. сельское население убыло почти на 45% территории, то с 1970 по 1979 г. — уже в 82% субъектов Российской Федерации[35].

При этом ожидаемого укрупнения сельской поселенческой структуры отнюдь не произошло. Наоборот, удельный вес самых мелких населенных пунктов, насчитывавших до 10 человек, в целом по Российской Федерации за 21 год не только не понизился, но наоборот, вырос: с 11,9% до 13,5% (т.е. на 1,6%), а от 11 до 50 человек — еще на 2%. Соответственно понизилась доля более крупных сел и деревень с числом жителей свыше 100 человек. На общем фоне уменьшения подросла (всего на 1%) доля наиболее плотно заселенных сел с 500 жителей и более[36].

В Нечерноземном центре России в срочной реконструкции нуждались многие тысячи сельских населенных пунктов. Особенно выделялся в этом плане Северо-Запад, где плотность сельского заселения была почти втрое меньше, чем в среднем по РСФСР. В Псковской области в 1970 г. около половины всех сельских населенных пунктов составляли мелкие деревеньки с числом жителей до 25 человек[37]. По данным на начало 1975 г., в среднем на один колхозный населенный пункт этого региона приходилось по 13 дворов и 32 жителя; в то время как в Центральном районе — соответственно 29 и 71, Волго-Вятском — 48 и 148, на Урале — 32 и 90[38].

Столь мелкие поселения пустели быстрее других — из них уезжало очень много молодежи и демографические перспективы их были весьма мрачными. В целом же в Нечерноземье с 1959 по 1979 г. общее число сельских поселений уменьшилось более чем на 50 тыс. Характерно, что около 65% этих деревень, исчезнувших с географической карты, имели население менее 100 человек[39].

Сопоставление данных Всесоюзных переписей населения детализирует произошедшую трансформацию в сельском расселении РСФСР в региональном разрезе за период с 1970 по 1979 г. (см. табл. 9):

Таблица 9

Изменения в группировке сельских населенных пунктов РСФСР по числу жителей за 1970—1979 гг. (%)

Территория	1970 г.			1979 г.		
	Населенные пункты с числом жителей:					
	до 10 чел. (вкл.)	от 11 до 500 чел.	свыше 500 чел.	до 10 чел. (вкл.)	от 11 до 500 чел.	свыше 500 чел.
РСФСР, в том числе:	11,9	77,2	0,9	13,4	74,7	11,9
Северо-Запад	17,1	79,9	3,0	24,4	72,2	3,4
Центр	12,2	83,9	3,9	16,6	79,6	3,8
Волго-Вятский р-н	13,5	78,5	8,0	15,3	76,0	8,7
Центр.-Черноозем. р-н	9,0	70,7	20,3	5,2	75,4	19,4
Поволжье	9,5	68,8	21,7	3,3	73,3	23,4
Северный Кавказ	3,5	63,6	32,9	1,9	60,5	37,6
Урал	10,5	76,4	13,1	10,0	75,2	14,8
Западная Сибирь	9,2	70,7	20,1	4,5	70,4	25,1
Восточная Сибирь	7,3	70,9	21,8	4,3	69,5	26,2
Дальний Восток	16,0	60,6	23,4	9,9	57,7	32,4

Составлено по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. С. 146—161; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. С. 334—353.

Материалы переписей населения подтверждают неоднородную динамику эволюции сельской поселенческой структуры по разным регионам России в 1970-е гг. В частности, в староосвоенных регионах (Северо-западном, Центральном и Волго-Вятском) в это время возросла доля не только наиболее крупных населенных пунктов, но и самых мелких из них. Это явление свидетельствовало о развитии процессов поляризации в сельском расселении на данной территории.

В то же время практически во всех остальных регионах, где не было сколько-нибудь масштабного переселения из мелких сельских населенных пунктов, направленность изменений в сельской поселенческой сети была позитивной: доля мелких селений снизилась, а наиболее крупных (свыше 500 человек) — выросла. Так было в Волго-Вятском регионе, на Северном Кавказе, Урале, Дальнем Востоке и в Сибири.

Что же касается количества проживавшего населения в сельских населенных пунктах различного типа, то следует отметить следующее. При общей для почти всех регионов тенденции к уменьшению численности жителей самых мелких (до 10 чел.) пунктов, удельный вес последних по данному показателю лишь в Северо-Западном и Центральном районах все-таки поднялся, правда, весьма незначительно (в десятых долях процента). Зато повсеместно выросла доля населения, проживавшего в крупных сельских населенных пунктах (500 чел. и более)[40].

Иными словами, наряду с усилением поляризации происходила дальнейшая концентрация населения в самых крупных и жизнеспособных поселениях. В староосвоенных регионах Европейской России, а также по всей ее азиатской территории, следствием произошедших перемен в сельской поселенческой сети стало увеличение доли мельчайших и самых крупных населенных пунктов. С другой стороны, увеличение доли населения, проживавшего в наиболее крупных поселениях затронуло всю региональную систему сельского расселения. Наряду с этим, главным образом из-за неудобного, с точки зрения транспортного сообщения с городом и другими селами расположения огромного множества средних по численности жителей типов поселений (от 11 до 50, от 51 до 100 и от 101 до 500 чел.), их доля быстро сокращалась. Так, только за период 1970-х гг. в целом по РСФСР она снизилась на 2,5%, в Центре — на 4,3%, а в северо-западных областях — на 7,7% (см. табл. 7).

Характерно, что с годами, несмотря на значительный размах работ по сселению, удельный вес особо мелких, буквально карликовых, сельских поселений практически не менялся. В целом по РСФСР доля населенных пунктов, не имевших и 10 жителей, держалась на уровне 14% (1959 г.), 12,5% (1970 г.) и 13,5% (1979 г.)[41].

В марте 1974 г. было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР», которое намечало определенные меры по экономическому подъему региона. В числе прочего в нем предусматривалась интенсификация процессов сселения жителей из малолюдных «неперспективных» деревень в более оживленные населенные пункты. Планировалось уже до конца 1980 г. провести переселение в благоустроенные поселки 170 тыс. семей и одновременно ограничение в

перспективах развития огромного числа поселений. Так, государственное финансирование на дальнейшее развитие выделялось лишь 29 тыс. из существовавших на тот момент 143 тыс. сельских поселений[42].

Опыт переселений из мелких населенных пунктов в более крупные имел весьма неоднозначные последствия. В некоторых случаях удавалось добиться положительной динамики. Например, в Кировской, Владимирской и некоторых других областях при создании достаточного жилого фонда и необходимой социальной инфраструктуры в виде магазинов, медпунктов, школ, учреждений культуры и быта, а также соответствующих дорог, переселение в новые поселки помогло приостановить интенсивность сельской миграции, закрепить население и оживить сельскохозяйственное производство[43].

Но в подавляющем большинстве случаев сселение жителей в более крупные поселки и ликвидация мелких населенных пунктов не дали ожидаемого эффекта. Преобразование сельской системы расселения за счет уничтожения мелких деревень и переселение их жителей на практике сопровождалось многочисленными упущениями, что, в конечном счете вызвало еще большее запустение ряда сельских населенных мест. Сселение жителей «неперспективных» деревень в действительности гораздо чаще приводило к их переезду не столько в центральные усадьбы колхозов и совхозов, сколько прямо в город. Что касается числа сельских жителей, реально переселившихся в плановом порядке в перспективные села, то по данным выборочных обследований, их доля не превысила 2—3% всего объема миграции сельского населения[44].

Политика ликвидации мелких деревень проводилась по стране в целом, но в Российской Федерации, где их было больше всего, она привела к самым губительным последствиям и еще больше обострила демографическую ситуацию. Из объявленных неперспективными деревень усиливался отток молодежи, в них оставались лишь лица пожилого возраста. При сселении «неперспективных» деревень свыше 40% их полностью утратили свои производственные функции[45].

Существует мнение, что деление сельских населенных пунктов на «перспективные» и «неперспективные» вообще привело к краху веками складывавшейся системы сельского расселения, что в свою очередь способствовало затяжному кризису всей аграрной сферы[46]. В то же время, несмотря на явную неудачу акции по сселению жителей «неперспективных» деревень и сопутствовавшие ей многочисленные потери разного плана, следует подчеркнуть, что правительство страны все же пыталось отреагировать на происходящие процессы в российской нечерноземной деревне. Стремясь остановить ее запустение и гибель, оно выделяло значительные средства на новое строительство и изменение довольно обветшалого облика системы сельского поселения. Однако все эти меры оказались недостаточными и явно запоздалыми, что и привело к неудаче.

К концу 1970-х гг. в Нечерноземной зоне сложилось несколько основных типов населенных пунктов с существенно различными условиями проживания населения. В самом выгодном положении находились центральные поселки отдельных агропромышленных комплексов, кол-

хозов и совхозов. Это были наиболее благоустроенные поселения, как с точки зрения социального, культурно-бытового устройства, так и возможностей транспортного сообщения с районом и городом. Но на их долю приходилось менее 10% всех населенных мест, хотя проживало там свыше 30% населения.

Как показало обследование состояния сельской поселенческой сети в РСФСР за 1970—1979 гг., предпринятое группой специалистов Всесоюзного научно-исследовательского института экономики сельского хозяйства (ВНИЭСХ), динамика развития сельских поселений разных типов также оказалась далеко не однородной. По показателям численности проживающего населения все они практически в равной мере испытали как позитивное воздействие процессов укрупнения, так и губительное — из-за продолжавшегося измельчания.

За это время от 28 до 44% населенных пунктов в сельской местности, расположенных при центральных усадьбах колхозов и совхозов (в том числе и совмещенные с центрами сельсоветов) стало крупнее по показателям площади поселения и количеству проживавшего населения. Но для большинства колхозных населенных пунктов была характерна иная динамика — с тенденцией прогрессирующей демографической деградации. С 1970 по 1979 г. более крупными стало лишь 28,4% центральных усадеб колхозов (совмещенных с центрами сельсоветов), зато обмельчало — 64,6%. Периферически размещенные селения при производственных подразделениях колхозов обмельчали в более чем 40%, а укрупнилось лишь 15,6% таких селений — центров.

Менее всего подходящими для проживания оказались сельские населенные пункты, на территории которых не было производственных объектов и практически отсутствовали учреждения социальной инфраструктуры. В некоторых районах Нечерноземья, где поселенческая структура оставалась более дробной, таких поселений насчитывалось более половины и постоянно проживало в них почти 20% сельских жителей[47].

Динамика населенных пунктов, непосредственно не привязанных к производственным подразделениям, но относящихся к сельскому хозяйству, оказалась еще более негативной. Свыше 85% таких поселений стали меньше, из них выбыла почти четверть прежнего населения. Всего лишь 2,4% данного типа сельских поселений укрупнилось (в том числе за счет роста населения — 7,6%)[48].

Масштабное бегство населения из деревни до неузнаваемости деформировало картину сельского расселения, поскольку многие населенные пункты прекращали свое существование. В различной степени процесс постоянной убыли населения наряду с малыми, затронул средние и даже крупные сельские поселения.

Постепенно в Нечерноземном центре с лица земли стали исчезать и средние по размеру населенные пункты — с числом жителей более 100 чел., а крупных населенных пунктов, насчитывавших 3000 чел., там вообще не было. По целому ряду среднерусских областей исчезновение малых деревень и постепенное мельчание более крупных становилось

важной составляющей трансформации сельской поселенческой структуры.

Если сравнивать людность сельских поселений по отдельным районам РСФСР, можно заметить своеобразную закономерность — она нарастала от северных областей к южным и от западных к восточным. При этом наиболее многолюдными были села и станицы Северного Кавказа, а также населенные пункты разного типа в центрально-черноземных областях и в Сибири. Только в этих регионах демографического потенциала сельского населения оказалось достаточно, чтобы несмотря на имевшийся и там достаточно активный миграционный отток в город, ее поселенческая структура в основном сохраняла прежние черты.

Процессы, происходившие в размещении сельского населения России на этапе 1960—1970-х гг., свидетельствовали о том, что эта система в рассматриваемые годы прошла заметную эволюцию от мелкоселенного к среднеселенному типу. Важнейшими последствиями этих трансформаций становились экономическая деградация — чаще всего выпадение из сельскохозяйственного оборота значительного массива земель.

Одновременно за эти годы произошли определенные перемены и в размещении сельского населения по Российской Федерации. По-прежнему подавляющее большинство в общем населении России и его сельской части обеспечивали европейские регионы. Но за 20 лет наметилась некоторая тенденция к увеличению удельного веса сельского населения, проживавшего в азиатской части России. Если в 1959 г. азиатские территории (без Урала) от общей численности населения России составляли всего 18,2%, в том числе сельского — 16,8%, то в 1970 г. — уже 19,5% во всем населении и — 18,6% сельском, а в 1979 г. — соответственно 20,3% и 20,1%[49]. Особенно поднялась доля Дальнего Востока.

В значительной степени даже этот сравнительно небольшой прирост стал возможен благодаря интенсивному хозяйственному освоению восточных районов в рассматриваемые годы, которое сопровождалось притоком населения из европейских областей, частично оседавшего и в сельской местности. На изменении соотношения европейского и азиатского населения российской деревни не могли не отразиться и последствия резкой его убыли из целого ряда европейских областей, особенно центрального Нечерноземья.

Естественное движение сельского населения

В начале 1960-х гг. естественное движение сельского населения оставалось еще вполне благоприятным, невзирая на заметно ухудшившуюся демографическую ситуацию по целому ряду районов Российской Федерации. В 1960 г. в сельской местности РСФСР родилось 1449,5 тыс. детей (без мертворожденных), а умерло 449,4 тыс. населения обоего пола. Это означало, что естественный прирост населения деревни был достаточно высоким и составлял 1 млн человек.

Максимальный вклад в общий объем естественного прироста сельского населения обеспечили прежде всего районы Сибири и Дальнего Востока, а также Калининградская область, с их более молодым за счет

переселенцев населением. Превышение родившихся над умершими в этих регионах достигало, как минимум, 4-кратной разницы.

Весьма значительный естественный прирост, прежде всего за счет высокой рождаемости, имелся в сельской местности автономных республик Северного Кавказа (Дагестан, Кабардино-Балкария и Северная Осетия). По контрасту с национальными районами гораздо более низкие показатели прироста были характерны для сельского населения Псковской, Смоленской и других западных и центральных областей России.

Таблица 10

Динамика уровня рождаемости в РСФСР в 1960—1979 гг. (%, число родившихся на 1000 населения)

Годы	Город	Село
1960	20,5	26,4
1965	14,5	17,3
1967	13,8	15,3
1968	13,7	14,7
1969	14,2	14,2
1970	14,8	14,3
1972	15,7	14,6
1974	15,8	15,1
1975	15,9	15,3
1979	15,7	16,1

Составлено по: Численность, состав и движение населения РСФСР. М., 1990. С. 92—97; Демографический ежегодник Российской Федерации. 2001. М., 2002. С. 104.

Главная причина низкого уровня естественного прироста сельского населения в районах Нечерноземья — тяжелые демографические последствия миграции сельской молодежи в город. Кроме того в этих областях возрастало число покинутых деревень, из которых ушло все или почти все население[50]. Из таблицы 10 видно, что показатели рождаемости, несмотря на колебания в отдельные годы, все же подтверждали прочную тенденцию к понижению.

Уровень рождаемости в 1960—1979 гг., как следует из данных таблицы 10, постоянно снижался не только в городе, но и в сельской местности. В деревне это снижение оказалось более существенным — 39% против 23% в городах. Характерно, что в 1960-х гг. средние значения коэффициента рождаемости стремительно снижались, но с 1969 г. — пошли вверх, не достигнув однако исходного уровня 1960—1965 годов.

В 1960-е гг. специалисты ЦСУ СССР пытались объяснить наблюдаемое сокращение рождаемости лишь демографическими последствиями

недавней войны. Прежде всего указывалось на все еще неблагоприятный баланс полов, а также на значительное сокращение контингента женщин детородного возраста (16—49 лет)[51].

Действительно, этого отрицать нельзя. Важнейшей особенностью возрастнополовой пирамиды сельского населения был более низкий, чем в городе, удельный вес женщин активного детородного возраста (от 15 до 39 лет). В 1959 гг. в городе он составлял 44,9%, а в деревне — 37,5%, в 1970 г. — соответственно 42,8 и 31,6%[52]. Но нельзя забывать, что такое несоответствие сложилось в результате, прежде всего интенсивного перемещения из села молодежи, в котором доля женщин не только не уступала, но порой и превосходила процент мужчин-мигрантов.

В эти годы в активный детородный возраст стали входить женщины военных лет рождения — периода резкого спада рождаемости. Данное обстоятельство предопределило заметное сокращение в 1960-е гг. контингента потенциальных матерей по сравнению с предыдущими десятилетием, когда в наиболее активном детородном возрасте (20—25 лет) пребывали женщины, родившиеся во второй половине 1930-х гг., т.е. во время максимально высокой рождаемости.

Вследствие этого уже в 1965 г. рождаемость по целому ряду регионов (Алтайский край, Кемеровская, Кировская, Рязанская, Тульская и др. области) относительно 1958 г. упала почти вдвое. Постепенно расширялся перечень областей, краев и автономных республик с минимальной по тем временам рождаемостью (до 15%). Если в конце 1950-х гг. таковых насчитывалось только 2 региона (крупнейшие мегаполисы Москва и Ленинград), в 1964 г. — уже 17, а в 1965 г. — 26 (в числе которых и ряд сельских районов Северо-Запада и Центра).

По целому ряду регионов сокращение рождаемости выглядело еще более масштабно. Если в среднем по сельской местности России ее уровень с 1960 по 1968 г. снизился примерно на 45%, то в Коми АССР — почти вдвое, в Татарской АССР, Западной Сибири, а также в Костромской, Орловской и других областях — еще более[53].

Наряду с ареалами существенного понижения в целом ряде сельских местностей рождаемость (преимущественно в национальных районах) оставалась очень высокой. Так, в 1965 г. в Дагестанской АССР ее уровень измерялся в 34,3%, Туве — 31,2, Калмыкии — 26, Чечено-Ингушетии и Кабардино-Балкарии — 25%. Но хотя максимально высокий уровень рождаемости обеспечивали прежде всего национальные районы РСФСР, все же почти $^2/_3$ общего числа детей было рождено у русских матерей. Это понятно, если учесть абсолютное доминирование в национальном составе Российской Федерации русского населения. Второе место по числу рожденных детей занимали татарки[54].

С начала 1970-х гг. рождаемость стала расти, причем в городе на какое-то время даже быстрее, чем в селе, но затем рост там приостановился. В то же время в деревне ее рост оказался стабильнее (около 1% ежегодно), составив в целом за 1970-е гг. более 11%. К 1979 г. разница в уровне рождаемости по городскому и сельскому населению, которая еще в 1960 г. достигала 23% в пользу последнего, практически исчезла.

Одной из важнейших причин подъема рождаемости в 1970-е гг. послужила «смена поколений» в контингенте вступавших в брак и соответственно становившихся матерями молодых женщин наиболее активного возраста деторождения — 20—25 лет. В 1970-е гг. это была молодежь первых послевоенных и 1950-х гг. рождения — периода послевоенного подъема компенсаторной рождаемости. Через 20—25 лет дети первой волны послевоенной относительно высокой рождаемости обеспечили новый ее подъем. Так проявилась вторая волна «демографического эха» Великой Отечественной войны. Но, развиваясь уже в совершенно иных условиях, вторая волна оказалась по своей величине абсолютно не сопоставимой с первым, послевоенным подъемом рождаемости.

Снижение рождаемости сельского населения коснулось практически всей России. Оно все чаще становилось закономерным следствием дальнейшего углубления демографического перехода в России. В селах наиболее урбанизированного Центрального экономического района России в 1975 г. ее уровень (11%) оказался заметно ниже, чем в среднем по РСФСР (15,7). При этом особенно низкой была рождаемость в Брянской, Калининской, Новгородской, Смоленской и Горьковской областях (9—11%), т.е. в сельских районах, в течение ряда лет не имевших естественного прироста населения.

Трудные времена переживала и деревня центрально-черноземных областей, где именно на 1970-е гг. пришелся наиболее масштабный по России отток сельского населения в города. В результате высокой интенсивности миграционных процессов там особенно быстро сокращалось сельское население в активном детородном возрасте. Рождаемость в данном регионе упала до минимальных по Российской Федерации значений (10,8%). А в Орловской, Рязанской, Воронежской и Курской областях она была еще ниже, главным образом из-за быстрого постарения сельского населения[55].

В то же время в сельском населении Сибири и Дальнего Востока фиксировался высокий уровень рождаемости (19—22%), который на 20—30% превосходил средние показатели по РСФСР. В этих районах более благоприятно сказалось значение структурного фактора — особая многочисленность поколений 1950-х гг. рождения, которые в 1970-е гг. входило в детородный возраст[56].

На общем уровне рождаемости в 1970-е гг., который заметно уступал высоте «демографической волны» послевоенных лет, отразились и произошедшие за этот период изменения ментального характера. В 1960—1970-е гг. в активном возрасте репродукции пребывало поколение женщин, уже прочно унаследовавших от своих бабушек и матерей сознательный подход к проблемам планирования семьи. У довольно значительных групп населения «дети как высшая ценность» стали все более тесно ассоциироваться с материальным благополучием семьи — наличием у будущих родителей образования, собственного жилья, приличной зарплаты и т.п. Поэтому нередко рождение детей откладывалось на более поздний период, в связи, с чем активно практиковались всевозможные формы ограничения рождаемости.

Помимо получавших все большее распространение у сексуальных партнеров противозачаточных средств, в том числе и среди сельских жителей, по-прежнему в России ежегодно производилось огромное число абортов. Только в 1970 г. было предпринято 4837,7 тыс. операций аборта, что составляло величину в 2,5 раза превосходившую число состоявшихся родов[57].

Безусловно, у сельских женщин возможности для искусственного прерывания беременности были неизмеримо меньше, и в сельской местности производилась едва ли 1/5 часть общего числа этих операций. Так, из общего числа абортов (5,5 млн), предпринятых по РСФСР в 1965 г., лишь 1,1 млн приходился на сельских женщин. При этом нельзя забывать, что для такой операции многие сельчанки отправлялись в город, и их операции проходили уже по городской статистике. Однако среднее количество операций искусственного прерывания беременности в сельской местности многократно уступало их числу в городах. Это видно из следующих данных: в 1965 г. в среднем на 100 родов в сельской местности приходилось 120 абортов, в то время как в городах — 412[58].

Таким образом, общая динамика рождаемости в 1960—1979 гг., несмотря на некоторый прирост в 1970-е гг., свидетельствовала о наличии долговременной тенденции к понижению. Она была обусловлена целым рядом взаимосвязанных причин как демографического, так и социально-культурного характера.

Общий уровень смертности в течение многих лет постоянно снижался, и уже в конце 1950- х гг. он был почти втрое ниже, чем в 1940 г.[59] Однако в начале 1960-х гг. положение стало изменяться. В 1961 г. выросло число умерших по сравнению с предыдущим годом, а с 1962 г. в связи с эпидемией гриппа начался постепенный рост и относительных показателей — коэффициентов смертности населения, в том числе и сельского (см. табл. 11).

По данным таблицы 11 наглядно просматриваются две основные закономерности развития процессов общей смертности в 1960—1970-х гг. Это — постепенное нарастание ее показателей в городах и сельской местности, а также более высокий уровень смертности в сельском населении. Действительно, за 19 лет в городе средний уровень смертности вырос на 31,7%, а в селах — на 37,5%.

Заметно и постепенное нарастание различий в уровне смертности между городом и селом. Если в 1960-е гг. коэффициенты смертности повышались в городском и сельском населении примерно одинаково (около 17%), то в 1970-е гг. их дальнейший рост в деревне оказался намного больше (31%), чем в городе (24%) (см. табл. 11).

Еще в 1965 г. в более чем в половине российских регионов уровень смертности был довольно низким — 7—9%. Однако в некоторых областях (Псковской, Калининской, Новгородской и Смоленской) он уже достигал 10—11%, т.е. смертность сельского населения находилась почти на уровне рождаемости, а иногда уже и превосходила ее. В этих областях в связи с низкой рождаемостью и высокой смертностью сельского населения естественного прироста по деревне практически не было, или он имел минимальные значения (в Псковской области — 0,7%, в Кали-

нинской — 1,4%) и т.д. В то же время в среднем по РСФСР рождаемость еще превышала смертность в 2 раза и более.

Таблица 11

Динамика уровня смертности в РСФСР в 1960—1979 гг. (число умерших на 1000 населения, %)

Год	Город	Село
1960	6,7	8,2
1965	6,9	8,5
1967	7,2	9,0
1968	7,5	9,0
1969	7,9	9,6
1970	7,9	10,0
1972	8,1	10,5
1974	8,3	10,9
1979	9,8	13,1

Составлено по: Численность, состав и движение населения РСФСР. М., 1990. С. 92—97; Демографический ежегодник Российской Федерации. 1993. М., 1994.

К 1975 г. эти различия усилились. Смертность городского населения оставалась примерно той же, что и 10 лет назад (8,7%), в то время как даже средний по России уровень смертности сельского населения уже почти на треть превышал городские коэффициенты (12,1%). При этом по целому ряду сельских местностей Нечерноземья, Воронежской, Курской областей и Урала он был еще выше. В Калининской и Псковской областях, например, где и рождаемость была минимальной, средние коэффициенты смертности в деревне оказывались максимальными, на 35% превосходя средний ее уровень по РСФСР.

Заметные расхождения в показателях смертности между городом и сельской местностью, с одной стороны, и сельской местностью различных регионов России, с другой, определялись прежде всего особенностями возрастного состава их населения. Разные возрастные группы населения имеют характерные только им показатели смертности. Понятно, что смертность молодых гораздо ниже уровня смертности, свойственного лицам пожилого возраста, особенно преклонного (старше 70 лет). В областях, где миграция буквально вымывала из деревни молодежь, оставались лишь люди среднего и пожилого возраста, смертность которых естественным образом была выше. Повышенный процент старших возрастных групп в населении деревни на таких территориях, и за счет этого — регрессивный характер его возрастной структуры, становился основной причиной более высокой смертности.

Однако, судя по результатам сопоставления удельного веса старших возрастных групп (от 70 лет) в населении города и села, старела не толь-

ко деревня, но и город. В городском населении также постепенно накапливался удельный вес пожилых людей старше 70 лет. Поэтому и в структуре умерших по городу так же, как и по сельской местности, нарастала доля старших возрастов. Достаточно сказать, что в 1975 г. удельный вес возрастных групп старше 70 лет в общем составе умерших по сельской местности РСФСР составлял более 46%, а в 1980 г. — 47,9%. В городе нарастание доли старческих возрастов среди умерших, хотя и было ниже, чем в деревне, выглядело соответственно как 39,0% и 43%[60].

Заметно вырос уровень смертности и по наиболее активным группам населения — среди мужчин и женщин в возрасте от 30 до 59 лет. В 1970 г. доля этих возрастов в общем составе умерших равнялась 24,0%, а в 1980 г. — уже 26,5%. Причем данный прирост происходил за счет опережающего увеличения смертности мужчин. Среди умерших удельный вес мужчин в возрастных группах от 30 до 59 лет вырос с 34,1% до 38,7%, в то время как среди женщин — с 14,3% до 15,1% соответственно[61].

Анализируя главные причины общей смертности сельского населения (взрослых возрастов), следует отметить, что на протяжении 1960-х — 1970-х гг. таковыми являлись заболевания органов кровообращения, рак и другие новообразования, болезни нервной системы и органов чувств (см. табл. 12). В общем-то одинаковая структура смертности городского и сельского населения все же имела определенные различия, во многом обусловленные состоянием среды обитания и разным качественным уровнем медицинского обслуживания. Так, горожане в эти годы несколько чаще, чем сельские жители, умирали от болезней эндогенного характера (онкологии, болезней сердца, сосудов, центральной нервной системы), а также несчастных случаев, в том числе на производстве и транспорте. Зато смертность от болезней органов дыхания, особенно от воспаления легких, которые на селе диагностировались и лечились, как правило, хуже, там была выше. То же можно сказать и об инфекционных и паразитарных болезнях, туберкулезе всех форм, смертность от которого в деревне превосходила городские показатели, и др.

Иерархия причин смерти, сложившаяся в 1965 г., не претерпела особых изменений и через 15 лет. К концу 1970-х гг. в структуре причин смертности сельского населения по-прежнему лидировали болезни сердца, сосудов, органов кровообращения и центральной нервной системы. Но общая доля умерших от этих причин заметно увеличилась. Если в 1965 г. она составляла 44,4% от общего числа умерших по сельской местности, то к 1980 г. — уже 56%. Рост смертности от этих, главным образом, возрастных болезней, во многом связанных с изношенностью организма, также был обусловлен заметным постарением сельского населения за прошедшие два десятилетия. Снизилась смертность от лейкемии, рака и других злокачественных новообразований различных органов, включая не точно обозначенные (чуть более 10%); от болезней органов дыхания — 12,1%, а также от инфекционных и паразитарных болезней (см. табл. 12).

Таблица 12

Причины смертности населения РСФСР в 1965 г.
(в тыс. чел. и % по отношению к общему числу умерших)

Всего умерло по РСФСР	В гор. поселениях	В сел. местности
958,8 — из них по причинам:	511,6 (100%)	447,2 (100%)
Болезни органов кровообращения	147,8 (28,9)	136,8 (30,6)
Рак и др. новообразования	111,9 (21,9)	70,0 (15,6)
Болезни сердца, сосудов и ЦНС	82,8 (16,2)	61,7 (13,8)
Несчастные случаи и отравления	67,9 (13,3)	51,3 (11,5)
Болезни органов дыхания	31,6 (6,2)	47,1 (10,5)
Инфекционные и паразитар. болезни	18,4 (3,6)	20,5 (4,6)
Врожденные пороки развития	4,2 (0,8)	3,2 (0,7)
Аборты	0,6 (0,1)	0,6 (0,1)
Прочие	46,4 (9,0)	56,0 (12,5)

Составлено по: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 32-а. Д. 11487. Л. 100.

Вплоть до середины 1960-х гг. снижение смертности являлось закономерным результатом успехов советской медицины в борьбе со смертностью в детских возрастах. Снижение уровня детской смертности развивалось в стране с первых послевоенных лет. В целом по Российской Федерации смертность детей первого года жизни в 1965 г. по сравнению с 1940 г. была ниже в 3,3 раза, а по сравнению с 1958 г. — еще в 1,5 раза[62].

Эти изменения позволили России с достоинством выйти из довольно постыдного положения с чрезвычайно высоким уровнем детской смертности (особенно младенческой — до 1 года). Но со второй половины 1960-х гг. понижающее влияние детской смертности на общий уровень смертности населения уже сменилось более серьезным воздействием изменений во взрослых когортах. В российской деревне резко вырос риск смерти среди мужчин в возрасте 30—59 лет[63], главным образом в результате усилившегося пьянства и применения опасных спиртовых суррогатов.

В 1960-х и 1970-х гг. детская смертность продолжала понижаться повсеместно по всей территории РСФСР, что выгодно диссонировало с динамикой ее по другим возрастам. В расчете на 1000 родившихся детей младенческая (до 1 года) смертность в сельской местности составляла в 1965 г. 26,7, в 1970 г. — 24,5 и в 1980 г. — 24%. Таким образом, данное снижение было невелико — за 15 лет всего 2,6 пункта. В городах оно оказалось ровно вдвое больше, что и понятно, если иметь в виду значительно более качественное медицинское обслуживание не только детей, но и беременных женщин — будущих матерей[64].

В общем составе умерших неуклонно снижалась и доля детей в возрасте до 1 года. В 1965 г. в среднем по РСФСР процент детей грудного возраста в составе умерших равнялся 5,6% (причем в деревне этот процент был ниже), в 1975 г. — уже 4,0% (по городу) и 3,4% (по селу) и в 1980 г. — соответственно — 3,3% и 2,9%. Наиболее значительные успехи в снижении смертности детей до 1 года были достигнуты в Алтайском крае, Калужской, Кировской, Пермской областях.

Одной из основных причин смерти детей до 1 года по сельской местности в конце 1970-х гг., как и в предыдущие годы, оставалась острая пневмония, от которой погибло наибольшее число детей — 4745 чел. (почти 30% общего числа умерших детей первого года жизни), острые респираторные заболевания — около 10%, врожденные аномалии — 10%, острые кишечные инфекции и гемолитическая болезнь (вместе 6,5%). Немало детей грудного возраста — 1247 чел. (7,7% от общего числа умерших в этом возрасте) погибли вследствие несчастных случаев, включая транспорт, различные отравления, гибель от огня, утопление, удушение и т.д. Статистика смертности детей первого года жизни по причинам, относившаяся к сельскому населению, во многом совпадала с данными и по городскому населению[65].

В начале 1960-х гг. устойчивое снижение показателей общей и особенно — детской смертности, обусловило заметный прирост ожидаемой продолжительности жизни при рождении. В те годы она составляла 64 года у мужчин и 73 года — у женщин. Разрыв между продолжительностью жизни мужчин и женщин достиг значительных размеров — 9 лет.

Но с середины 1960-х гг. почти на 20 лет динамика смертности приобрела нарастающий характер, а рост средней продолжительности жизни сменился стагнацией и даже снижением. В 1979—1980 гг. средняя ожидаемая продолжительность жизни в среднем по РСФСР снизилась у мужчин до 61,5 года и осталась без изменения у женщин (73 года). Разрыв в величине средней продолжительности жизни мужчин и женщин увеличился до 11,5 лет.

У мужчин, проживавших в сельской местности, продолжительность жизни упала до беспрецедентно низкого для экономически развитых стран уровня — 58 лет (1977—1978 гг.). Иными словами, статистически далеко не каждый сельский житель мужского пола имел шанс дожить до пенсионного возраста. Основной причиной ухудшения показателей средней продолжительности жизни стала возросшая смертность от несчастных случаев и отравлений среди молодежи (в том числе и в состоянии алкогольного опьянения), а также от болезней системы кровообращения — в средних возрастных группах[66].

Из-за возросшей смертности сельского населения, развивавшейся на фоне снижения рождаемости, по сельской местности целого ряда российских областей (Ивановской, Новгородской, Псковской, Тверской, Костромской, Рязанской, Смоленской, Тульской, Ярославской) уже в 1966—1970 гг. впервые был зафиксирован отрицательный естественный прирост сельского населения, а точнее — его убыль. В целом за 1960-е гг.

естественный прирост сельского населения в среднем по РСФСР сократился более чем в 4 раза — с 18,2% до 4,3%[67].

За 1970-е гг., несмотря на некоторое превышение уровня рождаемости над уровнем смертности в отдельных регионах, показатели естественного прироста сельского населения России в целом, ухудшились. В среднем коэффициент естественного прироста сельского населения снизился с 4,3% (в 1970 г.) до 2,7% (в 1980 г.)[68]. С 1971 г. к областям устойчивой депопуляции прибавились некоторые местности центрально-черноземных областей (в Белгородской, Воронежской, Курской, Липецкой, Орловской, Тамбовской) и некоторых центральных областей (Владимирской, Нижегородской, и др.)[69].

Таким образом, несмотря на то, что естественный прирост сельского населения в целом по Российской Федерации в 1960—1979 гг. имел положительные значения, за внешним благополучием скрывались все более проявлявшиеся кризисные черты. Режим воспроизводства сельского населения не обеспечивал даже простую смену поколений. Из-за суженного характера воспроизводства сельское население целого ряда областей Российской Федерации к концу 1970-х гг. фактически подошло к грани практически полного исчезновения. По данным Всесоюзной переписи 1979 г., доля сельского населения намного ниже средней по республике была в Мурманской (11%), Новосибирской (14%), Свердловской (15%), Камчатской (17%), на Сахалине (18%), Архангельской (21%), Куйбышевской областях и в Карельской АССР (по 22%), а также в ряде областей Центрального района (Владимирской, Ивановской, Московской, Тульской, Ярославской и др.)[70].

Особенности возрастнополовой структуры сельского населения

В процессе интенсивной миграции в город и колебаний естественного прироста сельского населения развивались соответствующие изменения в возрастнополовой структуре. Возрастную структуру населения порой справедливо сравнивают с волшебным кристаллом памяти, надолго запечатлевающим изменения, происходившие в сравнительно недавнем прошлом в рождаемости, смертности и миграции. При этом характерно, что все эти перемены спустя некоторое время (примерно 25—30 лет) будут снова воспроизведены[71].

Изучение этих изменений очень важно для оценки демографических перспектив деревни и понимания ее проблем. В начале 1960-х гг. возрастно-половая пирамида сельского населения еще была достаточно сильно деформирована неизжитыми последствиями Великой Отечественной войны. Прежде всего это выражалось в огромной диспропорции полов — количественном преобладании женщин, которых насчитывалось на 6 млн с лишним больше, чем мужчин.

Как показала перепись населения 1959 г., в средних и старших возрастных группах, на которые пришлась основная тяжесть недавней

войны, численное превосходство женщин ощущалось еще острее. Например, в наиболее пострадавшем в войне поколении 1918—1923 гг. рождения (в 1941 г. — в возрасте от 18 до 23 лет, а в 1959 г. — соответственно 40—45 лет) женщин оказалось на 1 млн больше, чем мужчин.

В возрастных группах старше 60 лет еще большее количественное несоответствие полов объяснялось не только последствиями социально-политических катаклизмов (война, голод начала 1930-х гг. и др.), но и естественно-демографическими причинами. Из-за более ранней смертности и соответственно меньшей средней продолжительности жизни мужчин их доля в своих возрастных группах практически всегда была ниже, чем женщин. Но если преобладание женщин среди 35—39-летних измерялось всего в 30%, то к 40—54 годам — достигало двукратной, а к 55—59 годам — трехкратной разницы. В то же время в самых старших поколениях — от 60 лет, данная разница постепенно сглаживалась[72].

Высокая миграционная мобильность молодежи не проходила бесследно для возрастнополовой пирамиды населения деревни. В 1959 г. в ней количественное неравенство полов (недостаток мужчин и избыток женщин) имелось практически во всех возрастных группах. В целом перевес числа женщин в сельском населении проявлялся с более молодого возраста, чем в городском. Так, среди 30—34-летних женщин было на 0,5 млн больше, чем мужчин, далее по мере увеличения возраста нарастал и разрыв в соотношении полов.

За 1960-е гг. в этом отношении наметились определенные перемены. Диспропорции полов преодолевались очень медленно, но доля мужчин, все же несколько поднялась, правда, на фоне их количественного сокращения. В целом за 11 лет (1959—1970 гг.) их общее число (т.е. во всех возрастах) по деревне РСФСР уменьшилось на 2,6 млн. В то же время женское население сократилось еще больше — на 4,2 млн.

Опережающее сокращение численности женского пола — для деревни новое демографическое явление. Оно непосредственно определялось специфическими перекосами в миграционном движении из села. В 1970-е гг. в сельском хозяйстве уже имелось немало рабочих мест, представляющих интерес для молодых грамотных мужчин (механизаторы разного профиля, шоферы, водители и т.п.), в то время как многие девушки, окончившие средние школы, не находили себе должного применения в деревне и устремлялись в город. В итоге в российской деревне молодых мужчин оказалось больше, чем потенциальных невест.

С особой силой подобные перекосы в соотношении полов по молодым возрастам проявлялись в областях Нечерноземья. На основании похозяйственных книг и сельсоветского учета было выявлено, что в селах Мордовии, например, с 1963 по 1969 г. преимущественно уменьшалось женское население (на 28,21 тыс.), в то время как число мужчин снизилось всего на 19,8 тыс.[73]

Ускоренную убыль из сельской местности молодых женщин подтверждают материалы переписей, зафиксировавшие изменение баланса

полов. В 1970 г. на каждую 1000 представительниц женского пола, проживавших в деревне, в среднем по РСФСР приходилось 824 мужчины, в 1979 г. — 845 против 795 (в 1959 г.)[74]. Наиболее неблагополучное положение создалось в областях Центрального Нечерноземья. Там в 1979 г. по наиболее молодым и бракоспособным возрастам (от 15 до 34 лет) на каждую тысячу девушек и молодых женщин этого возраста приходилось рекордно высокое по России число мужчин-ровесников (1235)[75].

Постепенное сокращение количества и удельного веса женщин было замечено и по другим российским территориям. Например, в Курской области за 20 лет с 1959 по 1979 г. доля девушек и молодых женщин в возрасте от 20 до 29 лет снизилась с 49,8 до 42,3%, в Кировской — с 46,3% до 44,4%, Ярославской — с 48,9% до 44,6% и т.д.[76]

Основные тенденции в изменении возрастнополового состава населения российской деревни видны из данных таблицы 13.

Итак, данные о возрастнополовой структуре населения российской деревни подтверждают опережающее сокращение числа женщин в целом за 20 лет (с 1959 по 1979 г.) оно уменьшилось на 26,1% против 21,5% — у мужчин. Кроме того, впервые за многие годы в сельском населении мужчин оказалось больше даже по группам наиболее репродуктивного возраста (от 20 до 29 лет включительно). Так, в составе сельской молодежи от 15 до 19 лет в 1970 г. юношей больше было на 343,5 тыс. чел., а в 1979 г. — уже на почти 450 тыс.

Среди 20—29-летних в 1970 г. мужчин также оказалось на 155 тыс. больше, чем их ровесниц-женщин, а к 1979 г. этот разрыв увеличился до 450 тыс. человек. Из-за ускоренной миграции женской молодежи ее доля в возрастной структуре женщин соответственно оказалась почти на $^1/_3$ ниже, чем доля ровесников-мужчин в своей возрастной структуре (см. табл. 13). Иными словами, к концу 1970-х гг. диспропорции в соотношении мужчин и женщин, столь характерные еще в 1959 г., постепенно сгладились. Однако причиной такого выравнивания послужили скорее непосредственные результаты миграции молодежи из села, нежели естественное развитие процессов воспроизводства населения деревни.

За 20 лет весьма существенно (более чем на 6,5 млн) сократилось количество наиболее активного в экономическом и демографическом плане — трудоспособного населения в возрасте от 20 до 49 лет. В 1959 г. в целом по сельской местности России оно насчитывало 22,8 млн человек (удельный вес — 40,8%); в 1970 г. — около 18 млн (36,4%); в 1979 г. — только 16,2 млн (38,3%).

Данные таблицы 13 показывают, что высокая миграционная мобильность молодежи из села привела не только к потере нескольких миллионов молодого населения репродуктивного возраста (от 20 до 49 лет). Ее непосредственным итогом стало и ощутимое снижение доли детских и юных возрастов. В частности, общее количество детей и молодежи в возрасте от 0 до 19 лет включительно с 1959 по 1979 г. сократилось еще более масштабно, нежели активного трудоспособного возраста — на 8,2 млн (с 22,1 до 13,9 млн чел.). Соответственно этому, хотя и не столь заметно, снизилась их относительная доля в населении. Так, удельный вес детей и молодежи до 19 лет включительно с 1959 по 1979 г. в среднем по сельской местности РСФСР упал с 39,5% до 24,2%.

Таблица 13

Состав сельского населения РСФСР по возрасту и полу в 1959, 1970 и 1979 гг. по группам (тыс. чел. и % к общей численности)

Все (мужчины и женщины)

Возрастные группы	1959		1970		1979	
	тыс.	%	тыс.	%	тыс.	%
0—14 лет	22077,4	39,5	15665,8	31,8	10292,7	24,2
15—19 — « —			3934,6	8,0	3602,5	8,5
20—29 — « —	9471,1	16,9	4540,8	9,2	6128,0	14,4
30—49 — « —	3345,3	23,9	13433,3	27,2	10123,5	23,8
50—59 — « —	5129,5	9,2	4742,9	9,6	5088,1	12,0
60 лет и старше	5897,6	10,5	6968,6	14,1	7220,6	17,0
ВСЕГО:	55923,2	100	49309,8	100	42467,6	100

В том числе мужчины

Возрастные группы	1959		1970		1979	
	тыс.	%	тыс.	%	тыс.	%
0—14 лет	11256,1	45,4	7972,7	35,9	5217,0	26,8
15—19 — « —			2139,0	9,6	2025,6	10,4
20—29 — « —	4812,3	19,4	2347,9	10,6	3288,7	16,9
30—49 — « —	5216,8	21,0	6209,2	27,9	4999,3	25,7
50—59 — « —	1636,3	6,6	1558,1	7,0	1960,0	10,1
60 лет и старше	1849,4	7,5	1992,0	8,9	1958,3	10,1
ВСЕГО:	24772,1	100	22229,8	100	19453,5	100

В том числе женщины

Возрастные группы	1959		1970		1979	
	тыс.	%	тыс.	%	тыс.	%
0—14 лет	10821,3	34,7	7693,2	28,4	5094,2	22,1
15—19 — « —			1795,5	6,6	1576,9	6,8
20—29 — « —	4658,8	14,9	2192,9	8,1	2839,4	12,3
30—49 — « —	8128,3	26,1	7224,1	26,7	5124,3	22,3
50—59 — « —	3493,2	11,2	3184,8	11,8	3128,1	13,6
60 лет и старше	4048,4	13,0	4976,6	18,4	5262,2	22,9
ВСЕГО:	31151,1	100	27080,0	100	23014,1	100

Составлено по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. С. 60—61, 86—87; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. С. 42—43.

В региональном плане разброс в удельном весе группы детей и молодежи до 19 лет был весьма велик, поскольку он преломлял в себе особенности того или иного типа репродуктивного поведения, и соответственно — сложившегося уровня рождаемости не только на данной территории, но и конкретно у населявших ее народов. Поэтому в центральнорусских областях детей и молодежи до 20 лет оказывалось значительно меньше, чем по национальным автономиям РСФСР. В целом по сельской местности Центрального экономического района их совокупная доля в населении равнялась всего 25,5% (в том числе в Калининской, Рязанской, Смоленской, Ярославской и др. областях — от 20 до 25%).

В то же время в автономных республиках Поволжья (Мордовии, Татарии, Удмуртии, Чувашии) на долю детей и молодежи приходилось от 33 до 39% общей численности сельского населения, в Башкирии — 40, Калмыкии — 42,1, а в Дагестане и Туве — 52—54,5%[77].

Повышенным по сравнению со средним по сельской местности России удельный вес детей и молодежи до 20 лет оказался лишь в районах, которые испытывали определенный приток переселенцев из других мест. Так, на Дальнем Востоке и в Сибири — он поднялся с 43 до 45%, в то время как в областях Северо-Запада, Центральном и Центрально-Черноземном регионах он был ниже среднего по РСФСР[78].

Соответственно быстрому убыванию молодежи и детей в сельском населении стремительно нарастала доля пожилых возрастных групп, начиная с предпенсионного — от 50 лет. За 20 лет выросло даже их общее количество (более чем на 1 млн, в том числе только с 1970 по 1979 г. — почти на 600 тыс.). И это при том, что общая численность сельского населения с 1959 по 1979 г. уменьшилась на 13,4 млн. Удельный вес лиц старше 50 лет поднялся к концу 1970-х гг. до 29%.

И если молодых женщин становилось ощутимо меньше, чем раньше, то в старших возрастных группах (от 60 лет) — больше, причем как абсолютно, так и относительно. Такие показатели, как число и удельный вес женщин пожилого возраста нарастали от одной переписи к другой — с 13% (в 1959 г.) и 18,4% (в 1970 г.) до 22,9% (в 1979 г.) (см. табл. 6).

Следовательно, особенностью возрастнополовой пирамиды сельского населения РСФСР на этапе 1960-х — 1970-х гг. стало быстрое убывание детских и молодых возрастных групп. Главным изменением ее, как и в других странах, переживших и переживающих демографический переход, явилось постарение населения — стремительный рост доли пожилых людей (старше 60 лет). В целом к концу 1970-х гг. 17%, или каждый шестой житель российской деревни, по возрасту являлся пенсионером (т.е. 60 лет и старше), а в женском населении их доля была еще выше — почти четвертая часть (22,9%).

В 1960-е и 1970-е гг. при общем сокращении сельского населения по-прежнему действовала устойчивая тенденция опережающего роста старших возрастных групп по сравнению с более молодыми. Подобные закономерности свидетельствовали о демографическом кризисе, который на рубеже 1970-х — 1980-х гг. переживала российская деревня.

Усиление подобных тенденций в возрастнополовой структуре жителей села было свойственно не только России, но и другим странам, пере-

живавшим демографический переход. К числу основных моментов, наиболее для него характерных, также относится сокращение доли детей до 15 лет при непрерывном нарастании удельного веса пожилых возрастных групп (от 60 лет и старше).

Но через 20 лет процент жителей в возрасте 60 лет и старше вырос еще больше и составлял уже 17%. Если подходить к анализу сложившегося положения с оценками и критериями Э.Россета, то следует признать, что уже в 1970-е гг. деревня России жила, очевидно, уже в заключительной стадии своей демографической эволюции, называемой «старость» общества. Данный этап, по его схеме, наступает, когда удельный вес стариков превышает 12%[79].

В любом случае, следует констатировать, что сельское население в конце 1970-х гг. по своему возрастному составу уже было старым, поскольку в нем очень высока была доля лиц старше 60 лет, а процент детей и молодежи быстро понижался.

Сокращение контингента детей и молодежи, особенно молодых женщин, реально означало дальнейшее ухудшение демографической ситуации — снижение уровня брачности и рождаемости, а в связи с этим еще большее старение и сокращение сельского населения. Качественное ухудшение возрастно-полового состава сельских жителей РСФСР означало существенное снижение демографического потенциала деревни, что грозило обернуться тяжелыми последствиями для экономики не только самой деревни, но и государства в целом.

В рассматриваемые годы были сделаны определенные шаги по оптимизации поселенческой структуры сельской местности. Несмотря на явную неудачу политики сселения «неперспективных» деревень, которая лишь ускорила миграционный отток из села, все же сельское население до известной степени сдвинулось в восточном направлении. Его распределение по территории РСФСР, включая азиатские регионы, стало более равномерным.

Таким образом, основные демографические характеристики сельского населения в 1960—1979 гг. определялись вышеупомянутыми факторами, под воздействием которых в России росла доля городского населения, а численность и удельный вес жителей села продолжали быстро снижаться.

Глава V
Особенности демографического развития народов России в 1960—1970-е гг.

Двадцатилетний период, нижняя и верхняя граница которого задаются переписными годами 1959 и 1979, а середина приходится на перепись 1970 г., представляет собой специфическое звено в этнической истории России XX в. В это время все народы постепенно заживляли демографические раны Великой Отечественной войны. Однако развивавшиеся в стране модернизационные процессы в разной степени затрагивали народы страны. У одних они проявились в массовом масштабе в межвоенный период, у других — в послевоенное десятилетие, у третьих — в 1960—1970-х гг. Несмотря на провозглашенный политическим руководством страны курс на развитие и сближение наций, выравнивание ряда показателей экономического и социального развития, различия между народами в некоторых областях жизни не только сохранились, но и усилились. Речь идет, в частности о таких фундаментальных характеристиках этносов, как темпы роста их численности, динамика рождаемости, возрастной состав населения. Следует отметить, что за демографическими различиями скрывается дифференциация и в других сферах жизни, в частности в уровне жизни.

Изучению динамики численности народов и эволюции этнической структуры населения в советской науке уделялось большое внимание. Однако наиболее известные и оригинальные работы были посвящены Советскому Союзу в целом[1]. В них народы РСФСР исследовались в контексте изменений, происходивших в СССР, наряду с народами других союзных республик. Особенности этнодемографического развития Российской Федерации в силу задач общесоюзных исследований анализировались в самом общем виде. Кроме того, в этнодемографических исследованиях до сих пор полностью не используются значительные информационные возможности результатов переписей и текущего учета населения.

Следует заметить, что анализ динамики численности народов России в 1959—1979 гг. по сравнению с предыдущими и последующими историческими периодами облегчается двумя обстоятельствами. Во-первых, в этот период не наблюдались события катастрофического характера, как, например, войны, массовые репрессии или трансформации государственных границ. Во-вторых, для разработки итогов переписей населения 1959, 1970 и 1979 гг. использовался практически одинаковый перечень национальностей и языков. Так, в 1959 г. было выделено 126 наци-

ональностей и 117 языков, в 1970 г. — 122 национальности и 114 языка, в 1979 г. — 123 национальности и 112 языков[2].

Национальный состав в переписях 1959, 1970 и 1979 гг., на которых основывается эта работа, определялся с помощью одного и того же вопроса, и указаний к записи ответа на него. В переписных бланках записывалась национальность, которую указывал сам опрашиваемый. Национальность детей определялась родителями. В семьях, где отец и мать принадлежали к разным национальностям, и родители затруднялись определить национальность детей, рекомендовалось отдавать предпочтение национальности матери. Для иностранных граждан после записи национальности записывалось название государства, гражданином которого являлся опрашиваемый (например, «серб, Югославия», «итальянец, Италия»)[3].

Динамика численности народов Российской Федерации

Характерной чертой многонациональной Российской Федерации является явное численное преобладание одной нации — русских (см. табл. 14). Так, в 1979 г. из 137 млн населения русские составляли 113,5 млн чел. или 82,6%. Многочисленность русских предопределила их главную роль в общем приросте населения республики за период с 1959 по 1979 гг.: численность населения РСФСР возросла на 19,8 млн чел., из которых 15,7 млн или 78,7% составили русские.

Татар и украинцев, занимавших по численности населения 2 и 3 места, насчитывалось в несколько раз меньше русских. В 1979 г. их насчитывалось соответственно 5 и 3,7 млн чел., что составляло 3,6% и 2,7% в общей численности населения. Всего в 1959 г. в РСФСР было только 5 народов с численностью, превышающей один миллион человек: русские, татары, украинцы, чуваши, мордва. В 1970 г. к ним добавились башкиры, а в 1979 г. — белорусы. В течение 20 лет доля этих народов без учета русских составляла 10% численности населения РСФСР. К многочисленным можно отнести также народы с численностью менее миллиона и более 100 тыс. чел. Таких народов насчитывалось в 1959 г. 23, а 1979 г. — 26. Их доля в численности населения России возросла за изучаемый период с 5,6 до 6,5%. Но численность большинства народов — примерно $^3/_4$ от их общего числа представленного в разработках переписей — не превышала 100 тыс. чел. (см. табл. 15). Половина народов России насчитывала менее 10 тыс. чел., а их совокупная доля в населении страны была невелика — всего 0,1%. В основном к этой группе относились малочисленные народы севера и так называемые народы, имеющие государственность за пределами СССР. Кроме них в ней можно найти вепсов, ижорцев, горских евреев и цахуров.

Таблица 14

Наиболее многочисленные народы России в переписях 1959, 1970 и 1979 гг.

Национальности	Численность			Удельный вес (в %)		
	1959	1970	1979	1959	1970	1979
1	2	3	4	5	6	7
Все	117534313	130079210	137409921	100,0	100,0	100,0
Русские	97863579	107747630	113521881	83,3	82,8	82,6
Татары	4074253	4755061	5005757	3,5	3,7	3,6
Украинцы	3359083	3345885	3657647	2,9	2,6	2,7
Чуваши	1436218	1637028	1689847	1,2	1,3	1,2
Башкиры	953801	1180913	1290994	0,8	0,9	0,9
Мордва	1211105	1177492	1111075	1,0	0,9	0,8
Белорусы	843985	964082	1051900	0,7	0,7	0,8
Немцы	820016	761888	790762	0,7	0,6	0,6
Чеченцы	261311	572220	712161	0,2	0,4	0,5
Евреи	855498	791892	692311	0,7	0,6	0,5
Удмурты	615640	678393	685718	0,5	0,5	0,5
Марийцы	498066	581082	599637	0,4	0,4	0,4
Казахи	382431	477820	518060	0,3	0,4	0,4
Аварцы	249529	361613	438306	0,2	0,3	0,3
Армяне	255978	298718	364570	0,2	0,2	0,3
Осетины	247834	313458	352080	0,2	0,2	0,3
Буряты	251504	312847	349760	0,2	0,2	0,3
Якуты	236125	295223	326531	0,2	0,2	0,2
Коми	282780	315347	320078	0,2	0,2	0,2
Кабардинцы	200634	277435	318822	0,2	0,2	0,2
Даргинцы	152563	224172	280444	0,1	0,2	0,2
Кумыки	132896	186690	225800	0,1	0,1	0,2
Лезгины	114210	170494	202854	0,1	0,1	0,1
Ингуши	55799	137380	165997	0,0	0,1	0,1
Тувинцы	99864	139013	165426	0,1	0,1	0,1
Народности Севера	126419	151325	155675	0,1	0,1	0,1
Азербайджанцы	70947	95689	152421	0,1	0,1	0,1
Коми-пермяки	143030	150244	145993	0,1	0,1	0,1

1	2	3	4	5	6	7
Калмыки	100603	131318	140103	0,1	0,1	0,1
Карелы	164050	141148	133182	0,1	0,1	0,1
Карачаевцы	70537	106831	125792	0,1	0,1	0,1
Цыгане	72488	97955	120672	0,1	0,1	0,1
Адыгейцы	78561	98461	107239	0,1	0,1	0,1
Молдаване	62298	87538	102137	0,1	0,1	0,1
Поляки	118422	107084	99733	0,1	0,1	0,1
Корейцы	91445	101369	97649	0,1	0,1	0,1

Составлено по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Ч. 2. Д. 3010. Л. 26, 125; Д. 5203. Л. 30; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: СССР. М., 1962. С. 202; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. 4. М., 1973. С. 384—386; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. Т. 4. М., 1989. С. 390—396.

Таблица 15

Распределение 118 национальностей России по их численности

Численность национальности	Число национальностей		
	1959	1970	1979
Менее 1 тыс.	28	18	21
От 1 тыс. до 10 тыс.	30	39	33
От 10 тыс. до 100 тыс.	32	30	31
От 100 тыс. до 1 млн	23	25	26
Свыше 1 млн	5	6	7

Составлено по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: СССР. С. 202.

В массиве абсолютных данных трудно разглядеть специфические характеристики динамики численности народов, за исключением очевидных тенденций. Так, численность большинства народов устойчиво увеличивалась в каждый межпереписной период. Вместе с тем обращает на себя внимание резкое увеличение в течение двадцати лет численности чеченцев (с 261 тыс. до 712 тыс. чел.) и ингушей (с 56 тыс. до 166 тыс. чел.). Столь значительный рост был обусловлен как высоким естественным приростом населения, так и продолжавшимся возвращением в Чечено-Ингушетию тех, кто в конце войны был депортирован в Казахстан. В то же время численность некоторых народов сократилась: мордвы (со 1211 тыс. до 1111 тыс.), евреев (с 855 тыс. до 695 тыс.), немцев (с 820 тыс. до 791 тыс.), карелов (со 164 тыс. до 133 тыс.), поляков (со 118 тыс. до 100 тыс.). В относительном распределении населения РСФСР по национальностям за 1959 г. к 1979 г. мало что изменилось.

Наиболее ярким фактом является уменьшение доли русских в общей численности населения с 83,3% до 82,6%. Два мирных десятилетия — слишком короткий период для того, чтобы обнаружились серьезные трансформации в этническом составе населения России в силу инерционности этнических и демографических процессов.

Вместе с тем показатели динамики (темпы роста и прироста населения) свидетельствуют о наличии существенных различий в демографическом развитии и характере этнических процессов между отдельными народами России (см. таблицу 16). Стоит заметить, что в период с 1959 по 1970 г. темпы прироста как всего населения России, так и отдельных национальностей были заметно выше, чем в последующий межпереписной период. Немногочисленные исключения здесь составляют некоторые северные народы (эвенки, алеуты) и национальности, увеличивавшие свою численность за счет притока мигрантов (например, азербайджанцы, грузины).

По темпам прироста за весь изучаемый период народы России можно объединить в следующие 6 групп (в скобках указан прирост населения в % за 1959—1979 гг., жирным шрифтом выделены национальности с численностью более 100 тыс. чел.):

— **Прирост более 100%**. Татары крымские (1141,6), дунгане (585,8), удины (517,1), крымчаки (448,2), арабы (260,4), евреи среднеазиатские (239,4), киргизы (219,3), *ингуши* (197,5), абхазы (189,8), *чеченцы* (172,5), турки (158,6), таджики (154,2), таты (148,2), узбеки (145,3), уйгуры (137,1), рутульцы (121,3), *азербайджанцы* (114,8), табасараны (114,5).

— **Прирост от 50 до 100%**. Туркмены (97,6), курды (90,8), *даргинцы* (83,8), юкагиры (82,0), агулы (81,9), карачаевцы (78,3), *лезгины* (77,6), каракалпаки (76,4), *аварцы* (75,7), балкарцы (75,4), *кумыки* (69,9), *цыгане* (66,5), *тувинцы* (65,7), *молдаване* (63,9), *кабардинцы* (58,9), лакцы (56,5), ногайцы (55,7), грузины (55,2), черкесы (53,8), абазины (51,1).

— **Прирост от 25 до 50%**. Греки (48,5), *армяне* (42,4), *осетины* (42,1), *калмыки* (39,3), *буряты* (39,1), гагаузы (38,6), *якуты* (38,3), *адыгейцы* (36,5), *казахи* (35,5), *башкиры* (35,4), орочи (33,5), эвены (32,0), алтайцы (31,9), эскимосы (31,4), нанайцы (30,8), ненцы (29,1).

— **Прирост от 0 до 25%**. *Белорусы* (24,6), коряки (23,8), хакасы (23,6), *татары* (22,9), алеуты (22,6), ительмены (21,8), ульчи (21,7), испанцы (21,4), тофалары (21,0), *марийцы* (20,4), халха-монголы (19,9), евреи грузинские (19,3), чукчи (19,3), нивхи (18,3), *чуваши* (17,7), манси (17,7), нганасаны (16,8), *русские* (16,0), румыны (15,7), *коми* (13,2), эвенки (12,0), *удмурты* (11,4), *украинцы* (8,9), ханты (7,8), цахуры (7,6), *корейцы* (6,8), кеты (5,4), афганцы (5,1), венгры (3,3), удэгейцы (2,6), *коми-пермяки* (2,1), шорцы (1,6), саамы (0,9), болгары (0,2).

— **Убыль от 0 до 25%**. Немцы (—3,6), селькупы (—5,0), *мордва* (—8,3), латыши (—10,2), словаки (—11,7), вьетнамцы (—15,4), *поляки* (—15,8), белуджи (—16,7), *карелы* (—18,8), *евреи* (—19,1), ижорцы (—20,4), финны (—23,0).

— **Убыль от 25% и более**. Японцы (—26,2), эстонцы (—29,3), итальянцы (—32,2), чехи (—37,4), *литовцы* (—38,5), караимы (—41,6), французы (—43,0), вепсы (—53,3), англичане (—63,1), евреи горские (—66,4), китайцы (—69,9), американцы (—70,3), албанцы (—85,6).

Таблица 16

Темпы прироста наиболее многочисленных национальностей РСФСР (в %)

Национальность	Все население		
	1970 к 1959	1979 к 1970	1979 к 1959
Все население	10,7	5,6	16,9
Русские	10,1	5,4	16,0
Татары	16,7	5,3	22,9
Украинцы	-0,4	9,3	8,9
Чуваши	14,0	3,2	17,7
Башкиры	23,8	9,3	35,4
Мордва	-2,8	-5,6	-8,3
Белорусы	14,2	9,1	24,6
Немцы	-7,1	3,8	-3,6
Чеченцы	119,0	24,5	172,5
Евреи	-7,4	-12,6	-19,1
Удмурты	10,2	1,1	11,4
Марийцы	16,7	3,2	20,4
Казахи	24,9	8,4	35,5
Аварцы	44,9	21,2	75,7
Армяне	16,7	22,0	42,4
Осетины	26,5	12,3	42,1
Буряты	24,4	11,8	39,1
Якуты	25,0	10,6	38,3
Коми	11,5	1,5	13,2
Кабардинцы	38,3	14,9	58,9
Даргинцы	46,9	25,1	83,8
Кумыки	40,5	20,9	69,9
Лезгины	49,3	19,0	77,6
Ингуши	146,2	20,8	197,5
Тувинцы	39,2	19,0	65,7
Народности Севера	19,7	2,9	23,1
Азербайджанцы	34,9	59,3	114,8
Коми-пермяки	5,0	-2,8	2,1
Калмыки	30,5	6,7	39,3
Карелы	-14,0	-5,6	-18,8

Городское население			Сельское население		
1970 к 1959	1979 к 1970	1979 к 1959	1970 к 1959	1979 к 1970	1979 к 1959
31,4	17,2	54,1	-12,2	-13,5	-24,1
31,5	16,5	53,2	-16,0	-15,9	-29,3
37,6	23,5	69,9	1,5	-12,7	-11,4
16,3	17,1	36,2	-25,3	-8,7	-31,9
70,0	40,0	138,0	1,2	-10,8	-9,7
67,1	54,9	158,8	14,3	-5,4	8,1
22,3	19,5	46,1	-11,8	-18,2	-27,9
27,8	16,3	48,6	-11,1	-10,2	-20,2
-0,4	12,5	12,0	-12,3	-3,9	-15,8
302,9	48,7	499,2	96,3	18,3	132,2
-4,9	-11,8	-16,2	-53,1	-39,8	-71,8
59,2	32,0	110,3	-3,4	-13,1	-16,0
103,6	60,9	227,7	5,9	-10,6	-5,3
55,6	37,5	113,9	18,2	0,0	18,2
167,4	63,4	336,9	30,7	11,2	45,3
25,7	24,6	56,6	-1,7	15,4	13,5
94,7	26,6	146,5	-11,2	-4,9	-15,6
80,8	59,0	187,5	13,1	-3,3	9,4
53,8	32,8	104,2	19,2	4,8	24,8
37,6	24,6	71,5	0,9	-11,3	-10,5
132,3	80,9	320,3	23,1	-5,2	16,7
122,7	42,6	217,5	34,5	20,4	61,9
72,2	29,2	122,4	25,2	15,5	44,7
144,2	64,2	301,0	33,5	5,2	40,5
663,7	33,7	921,3	84,4	14,5	111,1
168,7	57,3	322,5	26,7	11,2	40,9
104,2	30,2	165,9	10,1	-2,9	6,9
40,4	81,5	154,9	27,6	27,2	62,2
66,4	37,8	129,3	-5,0	-14,4	-18,7
106,3	30,6	169,3	8,4	-6,6	1,2
25,3	16,8	46,4	-30,8	-23,1	-46,8

Национальность	Все население		
	1970 к 1959	1979 к 1970	1979 к 1959
Карачаевцы	51,5	17,7	78,3
Цыгане	35,1	23,2	66,5
Адыгейцы	25,3	8,9	36,5
Молдаване	40,5	16,7	63,9
Поляки	-9,6	-6,9	-15,8
Корейцы	10,9	-3,7	6,8

Напомним, что темп прироста, равный 100% за 20-летний период, означает, что население удвоило свою численность, темп прироста в 50% — увеличение численности в полтора раза, в 25% — увеличение численности на одну четверть своей прежней величины.

В основе различий в динамике численности населения между народами лежат демографические факторы, миграция и этнические процессы (ассимиляция, смена идентичности). Характеризуя выделенные группы можно отметить, что они имеют определенную привязанность к ареалам происхождения народов или историко-культурным областям со специфичным для них демографическим поведением. Так, наибольшие темпы прироста наблюдались у народов Северного Кавказа и тувинцев, отличающихся высокой рождаемостью, а также у выходцев из Закавказья и Средней Азии, которых помимо высокой рождаемости отличала сравнительно высокая интенсивность миграционного притока в Российскую Федерацию. Далее шли народы Сибири, Поволжья и Крайнего Севера, для которых были характерны средние показатели рождаемости. Наиболее многочисленная группа с небольшим положительным приростом населения включает в себя русских, татар, украинцев, белорусов, чувашей, удмуртов, отличающихся невысокими показателями рождаемости. Большинство народов, численность которых уменьшалась, имело низкую рождаемость. Другими факторами сокращения их численности были ассимиляция и эмиграционный отток. Так, В.И. Козлов отмечал, что по уровню рождаемости мордва ничем не отличалась от русских. Однако ее численность сокращалась, что объяснялось именно ассимиляционными процессами. Подобный вывод представляется верным и для других народов, в том числе карелов, ижорцев, вепсов, китайцев. Говоря о динамике численности еврейского населения России, М. Тольц отмечал, что

Городское население			Сельское население		
1970 к 1959	1979 к 1970	1979 к 1959	1970 к 1959	1979 к 1970	1979 к 1959
144,3	90,6	365,7	41,6	4,4	47,7
48,1	30,5	93,3	24,5	16,0	44,4
82,9	75,5	220,9	15,8	-8,5	5,9
50,9	26,8	91,4	24,7	-2,1	22,1
-1,9	-5,4	-7,3	-30,4	-12,5	-39,1
29,2	5,4	36,2	-24,8	-33,9	-50,3

Составлено по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Ч. 2. Д. 3010. Л. 26, 125; Д. 5203. Л. 21—30; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: СССР. М., 1962. С. 202—203; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. 4. М., 1973. С. 384—386; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. Т. 4. М., 1989. С. 390—396.

до 1970 г. сокращение их численности объяснялось негативным балансом между числом рождений и смертей, а также ассимиляцией. После 1970 г. к этим факторам добавилась эмиграция[4]. Возвращение латышей, литовцев и эстонцев, многие из которых были высланы в Сибирь в 1940 г. после окончания Великой Отечественной войны, на свою историческую родину объясняет их убыль на территории России.

Размещение народов России

Географическая карта народов в той или иной стране определяется их историей, демографическими, миграционными и этническими процессами, национальной политикой государства. Относительно однородными по национальному составу были Центральная Россия, Черноземная зона, Север, юг Западной Сибири, где русские составляли более 90% населения. В то же время в автономных образованиях Северного Кавказа (Дагестанская АССР, Кабардино-Балкарская АССР, Северо-Осетинская АССР, Чечено-Ингушская АССР, Адыгейская АО и Карачаево-Черкесская АО), Средней и Нижней Волги (Башкирская АССР, Калмыцкая АССР, Марийская АССР, Мордовская АССР, Татарская АССР, Чувашская АССР), Урала (Удмуртская АССР, Коми-Пермяцкий АО), Севера (Карельская АССР и Коми АССР), юга Сибири (Бурятская АССР, Тувинская АССР, Горный Алтай, Хакасская АО), на бескрайних просторах Якутской АССР этническая картина была иной.

Таблица 17

Национальный состав автономных республик и областей РСФСР (в %)

	Титульные народы		
	1959	1970	1979
Башкирская АССР	24,1	23,4	24,3
Бурятская АССР	20,2	22,0	23,0
Дагестанская АССР	69,3	74,2	77,8
Кабардино-Балкарская АССР	53,4	53,7	54,5
Калмыцкая АССР	35,1	41,1	41,5
Карельская АССР	13,1	11,8	11,1
Коми АССР	30,4	28,6	25,3
Марийская АССР	43,1	43,7	43,5
Мордовская АССР	35,8	35,4	34,2
Северо-Осетинская АССР	47,8	48,7	50,5
Татарская АССР	47,2	49,1	47,6
Тувинская АССР	57,0	58,6	60,5
Удмуртская АССР	35,6	34,2	32,1
Чечено-Ингушская АССР	41,1	58,5	64,6
Чувашская АССР	70,2	70,0	68,4
Якутская АССР	46,4	43,0	36,9
Адыгейская АО	23,1	21,1	19,3
Горно-Алтайский АО	24,2	27,8	27,5
Карачаево-Черкесская АО	33,1	37,2	39,1
Коми-Пермяцкий АО	58,0	58,3	61,4
Хакасская АО	11,8	12,3	9,9

Русские			Другие народы		
1959	1970	1979	1959	1970	1979
42,4	40,5	40,3	33,4	36,1	35,4
74,6	73,5	72,0	5,2	4,5	5,0
20,1	14,7	11,6	10,6	11,1	10,6
38,7	37,2	35,1	7,9	9,1	10,4
55,9	45,8	42,6	9,0	13,0	15,9
63,4	68,1	71,3	23,5	20,1	17,6
48,4	53,1	56,7	21,2	18,3	18,0
47,8	46,9	47,5	9,1	9,5	8,9
59,0	58,9	59,7	5,2	5,6	6,0
39,6	36,6	33,9	12,5	14,6	15,6
43,9	42,4	44,0	8,9	8,5	8,4
40,1	38,3	36,2	2,9	3,1	3,3
56,8	57,1	58,3	7,6	8,7	9,5
49,0	34,5	29,1	9,8	7,0	6,4
24,0	24,5	26,0	5,8	5,6	5,6
44,2	47,3	50,4	9,4	9,6	12,7
70,4	71,7	70,6	6,4	7,2	10,1
69,8	65,6	63,2	6,0	6,6	9,3
51,0	47,2	45,1	15,9	15,7	15,8
32,9	36,0	34,7	9,1	5,7	3,9
76,5	78,4	79,4	11,7	9,4	10,7

Составлено по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Ч. 2. Д. 3010. Л. 26, 125; Д. 5203. Л. 21—30.

Как видно из таблицы 17, в 1979 г. доля русских превышала 70% только в четырех автономных образованиях: Бурятской и Карельской АССР, Адыгейской и Хакасской АО. В Коми АССР, Мордовской и Удмуртской АССР, Якутской АССР русские составляли более половины от всей численности населения. В остальных автономиях русских было меньше половины от всего населения. На протяжении двадцати лет доля русских заметно (5% и более) возросла только в северных регионах: Карельской АССР, Коми АССР и Якутской АССР. В остальных она не изменилась или сильно сократилась, как, например, в Чечено-Ингушетии (на 20%).

Все три переписи зарегистрировали численное преобладание титульных народов только в пяти из 21 автономных образований: Дагестанской, Кабардино-Балкарской, Тувинской, Чувашской АССР и Коми-Пермяцком АО. К 1979 г. к ним добавились только Северная Осетия и Чечено-Ингушетия. В Башкирской АССР помимо башкир и русских, более 24% населения республики составляли татары. Заметным был удельный вес других национальностей в северных республиках из-за высокой доли в населении украинцев и белорусов. В Северной Осетии относительно многочисленными были группы ингушского, армянского и грузинского населения. В Калмыцкой АССР относительно высоким был удельный вес народов Дагестана (около 6%), чеченцев (2,7% в 1979 г.), казахов и немцев (примерно 2% в 1979 г.).

По итогам переписи 1979 г. народы России можно разделить на группы в зависимости от того, как они распределяются по регионам (краям, областям и автономным республикам): проживают ли представители того или иного этноса компактно в одном—двух регионах или рассеяны по всей территории страны.

К первой группе относятся следующие народы (жирным шрифтом выделены народы с численностью более 100 тыс. чел.): **тувинцы**, табасараны, агулы, рутульцы, негидальцы, балкарцы, карачаевцы, **якуты**, цахуры, адыгейцы, аварцы, **кабардинцы**, долганы, нганасаны, алтайцы, кеты, ульчи, лезгины, эскимосы, ханты, **кумыки**, лакцы, хакасы, **даргинцы**, нанайцы, манси, чукчи, тофалары, абазины, ительмены, **калмыки**, **чеченцы**, татары крымские, коми, ингуши, шорцы, саамы, коряки, коми-пермяки. Подавляющее большинство (от 85% и выше) представителей каждого из этих народов сконцентрировано в одном регионе. Так, например, 98% тувинцев проживало в Тувинской АССР, а 88% коми-пермяков — в Коми-Пермяцком автономном округе. В эту же группу попали народы, которые помимо основного очага расселения, имели второй, заметно меньше первого по величине, но больше всех остальных. Так, 81% ингушей проживало в Чечено-Ингушской АССР и еще 14% — в Северо-Осетинской АССР.

Вторую группу составляют нивхи, **осетины**, черкесы, вепсы, ненцы, юкагиры, **буряты**, **башкиры**, ногайцы, евреи горские, селькупы, удэгейцы, ижорцы, японцы, карелы, алеуты, таты, **удмурты**, эвены, народы Индии и Пакистана, испанцы. Уровень концентрации каждого из перечисленных народов в одном регионе здесь достаточно высокий, но, как правило, он ниже, чем в предыдущей группе. Значительная часть неко-

торых народов была сосредоточена еще в одном или в нескольких регионах, как правило, граничащих с основным районом расселения. О внутреннем разнообразии межрегионального распределения народов в рамках данной группы говорят следующие данные. Около 84% осетин проживало в Северо-Осетинской АССР. Однако, в отличие от народов первой группы, например, ингушей, остальная часть осетин была распределена между регионами России сравнительно равномерно. Подавляющее большинство нивхов распределялось между двумя регионами — Хабаровским краем (50%) и Сахалинской областью (47%). Большая часть башкиров (72,5%) проживала в Башкирской АССР и 10,4% в Татарской АССР. Примерно 70% удмуртов проживало в Удмуртской АССР, 18,6% — в Пермской и Кировской областях, Татарской и Башкирской АССР.

В третью группу вошли англичане, марийцы, эвенки, чуваши, американцы, турки, караимы, финны, греки, халха-монголы, вьетнамцы, орочи. Примерно 50% от численности каждого из этих народов была сосредоточена в одном—двух регионах. Так, в Марийской АССР проживал 51% марийцев, а с учетом еще 5 областей и автономных республик, граничащих с Марийской республикой, эта величина достигает 85%, т.е. нижней границы первой группы регионов. Около 53% чувашей проживало в Чувашской АССР, а в 7 близлежащих регионах — 23%. Около 65% греков были сосредоточены в Ставропольском и Краснодарском краях, а 12% — в Северной Осетии, Москве и Ростовской области. Более 65% финнов проживали в Карельской АССР и Ленинградской области. С учетом города Ленинграда в северо-западной части страны находилось $^3/_4$ всех советских финнов.

Менее компактно распределялись по территории РСФСР народы четвертой группы, в которую вошли **казахи**, **армяне**, ассирийцы, белуджи, **татары**, кубинцы, хорваты, корейцы, **мордва**, **евреи**, туркмены, голландцы, **азербайджанцы**, афганцы, французы, итальянцы, персы, евреи среднеазиатские, **немцы**, курды, чехи, евреи грузинские, удины, китайцы, литовцы, абхазы, албанцы. Примерно одна треть народов концентрировалась в одном регионе. Исключение составляют азербайджанцы, большая часть которых (42%) проживала в Дагестане. Однако остальные азербайджанцы были сравнительно равномерно распределены по остальной территории России. Из армян 33% проживали в Краснодарском крае, в Ростовской области 15,6%, в Ставропольском крае 11,1%. В еще 9 регионах проживало около 30% армянского населения. Только 33% татар проживало в Татарской АССР, еще 18,8% — в Башкирии. В этих двух республиках и в еще 15 регионах проживало 85% татар России. Чуть более 30% мордвы проживало в Мордовской АССР, 10,5% — в Куйбышевской области. В следующих 13 по численности регионах проживало 40% мордвы. У еврейского населения было два крупных очага расселения — Москва (32,2%) и Ленинград (20,6%). В следующих по численности 22 регионах было собрано примерно 30% российских евреев.

В пятой группе собрались народы, отличающиеся дисперсным расселением. Ни одно территориально-административное образование не яв-

лялось демографическим ядром указанных народов. Так, наибольшее число русских проживало в Москве, но это всего 6,3% от численности всего русского народа. Далее идут Московская область (5,2%) и Краснодарский край (3,7%), Ленинград (3,6%). В трех первых из этих регионов наблюдалась максимальная численность украинцев — соответственно 5,7% в Москве, 4,6% в Краснодарском крае и 4,5% в Московской области. Также 4,5% украинцев проживало в Приморском крае. Несколько иной была география расселения белорусов, наибольшее число которых проживало в Ленинграде (7,8%), Калининградской области (6,9%), Москве и Карелии (по 5,6%).

Таблица 18

Доля титульных народов, проживающих на территории автономии (в %)

Национальность	1959	1970	1979	Национальность	1959	1970	1979
Башкиры	84,5	75,6	72,5	Татары	33,0	32,3	32,8
Буряты*	81,1	83,2	82,4	Тувинцы	98,1	97,3	97,9
Аварцы	95,9	96,6	95,5	Удмурты	77,3	71,4	70,0
Даргинцы	97,1	92,7	88,0	Чеченцы	93,4	88,9	85,9
Кумыки	90,9	90,5	89,6	Ингуши	86,5	82,7	81,2
Лезгины	95,1	95,4	93,1	Чуваши	53,6	52,3	52,5
Кабардинцы	94,8	95,4	95,2	Якуты	95,7	96,8	96,1
Балкарцы	96,6	97,0	96,6	Адыгейцы	83,9	82,8	72,8
Калмыки	64,5	84,0	87,2	Карачаевцы	96,2	90,9	86,8
Карелы	52,1	59,6	61,0	Черкесы	83,3	81,3	77,2
Коми	86,7	87,6	87,7	Коми-пермяки	88,0	82,3	80,0
Марийцы	56,1	51,5	51,1	Хакасы	86,6	83,8	71,0
Мордва	29,6	31,0	30,5	Алтайцы	85,1	85,6	80,3
Осетины	86,9	85,9	84,9	Русские**	91,7	91,5	91,4

* Включая Бурятскую АССР, Усть-Ордынский и Агино-Бурятский автономные округа.

** Доля русских, проживающих вне автономных республик и областей (но включая автономные области и округа на Крайнем Севере и Дальнем Востоке).

Составлено по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Ч. 2. Д. 3010. Л. 26, 125; Д. 5203. Л. 21—30.

В период 1959—1979 гг. показатель энтропии был достаточно устойчивым в первую очередь у народов четвертой и пятой групп. У ряда на-

родов (башкиры, азербайджанцы, армяне, грузины и др.) ареал расселения расширился. В то же время у некоторых народов, например у калмыков, он уменьшился. Направления изменений расселения народов, имеющих свои автономные образования, соответствуют изменениям доли тех, кто проживает в автономиях, в общей численности этих народов (см. табл. 18). У большинства титульных народов уровень их концентрации в республиках не изменился. Также практически не изменился удельный вес русских, на территории, не включающей автономные республики. Тенденция к повышению степени рассеянности наметилась у башкир, чеченцев, даргинцев, хакасов, удмуртов. В то же время обратный процесс — тенденция к концентрации наблюдалась у калмыков и карелов. Однако, если у калмыков она объясняется их возвращением из ссылки и высокой рождаемостью, то у карелов эта тенденция была связана с их быстрой ассимиляцией вне Карелии, в первую очередь в Калининской области.

К концу 1950-х гг. народы Российской Федерации были в разной степени вовлечены в процесс урбанизации (см. таблицу 19). В определенной мере это предопределялось территориальными различиями в динамике городского населения, которые были обусловлены закономерностями концентрации и интенсификации производства. В советский период политика государства в значительной степени определяла географию размещения производительных сил. Вместе с тем, национальные особенности урбанизации в отдельных регионах РСФСР и СССР зависели и от сложившегося жизненного уклада проживавших там народов. В советских республиках СССР и в национальных образованиях Российской Федерации процесс урбанизации в 1920—1950-х гг. характеризовался притоком в города и новые промышленные районы русского населения и этнических групп, являющихся своего рода «спутниками» русских. Этот приток вызывался прежде всего потребностями экономического развития национальных областей в условиях, когда коренное население не располагало еще достаточными кадрами городских профессий[5].

До 1959 г. титульные народы в автономных образованиях РСФСР состояли преимущественно из сельских жителей. Доля горожан не превышала ни в одной из республик 32% от общей численности народов (см. таблицу 20). В 1960—1970-х гг. урбанизационные процессы среди титульных народов ускорились. Особенно заметно увеличилась доля городского населения среди осетин и карелов, где она превысила 50 процентов от численности этих народов в Карельской и Северо-Осетинской АССР. У ряда народов, подавляющая часть которых в конце 1950-х гг. проживала в сельской местности (башкир, кабардинцев, балкарцев, мордвы, тувинцев, чеченцев, ингушей, адыгейцев, карачаевцев и черкесов), к 1979 г. сформировалась значительная городская прослойка.

Таблица 19

Характеристики уровня урбанизации народов России

Национальность	Темпы прироста (в %)		
	Городское население		
	1959-1970	1970-1979	1959-1979
1	2	3	4
Общий итог	31,4	17,2	54,1
Русские	31,5	16,5	53,2
Татары	37,6	23,5	69,9
Украинцы	16,3	17,1	36,2
Чуваши	70,0	40,0	138,0
Башкиры	67,1	54,9	158,8
Мордва	22,3	19,5	46,1
Белорусы	27,8	16,3	48,6
Немцы	-0,4	12,5	12,0
Чеченцы	302,9	48,7	499,2
Евреи	-4,9	-11,8	-16,2
Удмурты	59,2	32,0	110,3
Марийцы	103,6	60,9	227,7
Казахи	55,6	37,5	113,9
Аварцы	167,4	63,4	336,9
Армяне	25,7	24,6	56,6
Осетины	94,7	26,6	146,5
Буряты	80,8	59,0	187,5
Якуты	53,8	32,8	104,2
Коми	37,6	24,6	71,5
Кабардинцы	132,3	80,9	320,3
Даргинцы	122,7	42,6	217,5
Кумыки	72,2	29,2	122,4
Лезгины	144,2	64,2	301,0
Ингуши	663,7	33,7	921,3
Тувинцы	168,7	57,3	322,5
Народы Севера	40,4	81,5	154,9
Азербайджанцы	66,4	37,8	129,3
Коми-пермяки	106,3	30,6	169,3

Темпы прироста (в %)			Доля городского населения (в %)		
Сельское население					
1959-1970	1970-1979	1959-1979	1959	1970	1979
5	6	7	8	9	10
-12,2	-13,5	-24,1	52,4	62,3	69,1
-16,0	-15,9	-29,3	54,9	65,6	72,5
1,5	-12,7	-11,4	42,2	49,7	58,3
-25,3	-8,7	-31,9	59,8	69,9	74,9
1,2	-10,8	-9,7	18,5	27,6	37,5
14,3	-5,4	8,1	18,1	24,4	34,5
-11,8	-18,2	-27,9	26,6	33,4	42,3
-11,1	-10,2	-20,2	65,2	72,9	77,7
-12,3	-3,9	-15,8	43,9	47,1	51,0
96,3	18,3	132,2	11,0	20,2	24,2
-53,1	-39,8	-71,8	94,8	97,4	98,2
-3,4	-13,1	-16,0	21,7	31,4	41,0
5,9	-10,6	-5,3	11,0	19,3	30,0
18,2	0,0	18,2	18,1	22,5	28,5
30,7	11,2	45,3	10,4	19,2	25,9
-1,7	15,4	13,5	67,0	72,2	73,7
-11,2	-4,9	-15,6	35,6	54,8	61,7
13,1	-3,3	9,4	16,7	24,2	34,4
19,2	4,8	24,8	16,9	20,8	25,0
0,9	-11,3	-10,5	28,9	35,7	43,8
23,1	-5,2	16,7	13,9	23,4	36,8
34,5	20,4	61,9	14,1	21,3	24,3
25,2	15,5	44,7	32,5	39,8	42,5
33,5	5,2	40,5	14,2	23,3	32,2
84,4	14,5	111,1	10,7	33,1	36,6
26,7	11,2	40,9	8,8	16,9	22,4
27,6	27,2	62,2	56,8	59,1	67,4
-5,0	-14,4	-18,7	14,0	22,1	31,5
8,4	-6,6	1,2	22,6	35,8	43,8

1	2	3	4
Калмыки	25,3	16,8	46,4
Карелы	144,3	90,6	365,7
Карачаевцы	48,1	30,5	93,3
Цыгане	82,9	75,5	220,9
Адыгейцы	50,9	26,8	91,4
Молдаване	-1,9	-5,4	-7,3
Поляки	29,2	5,4	36,2
Корейцы	31,4	17,2	54,1

Доля русских среди городского населения сокращалась в республиках Северного Кавказа, Башкирской и Калмыцкой АССР. Это было обусловлено, с одной стороны, усилившимся притоком мигрантов из сельской местности, а с другой, более высоким естественным приростом у титульных народов в городах по сравнению с русскими.

Согласно данным переписи 1959 г. в самую урбанизированную группу национальностей, у которых доля горожан превышала 80%, попали малочисленные потомки выходцев или мигранты (студенты, журналисты и др.) из зарубежных стран (англичане, американцы, народы Индии и Пакистана, арабы, вьетнамцы и пр.). Наиболее многочисленны в этой группе евреи и таты, из которых 94% были горожанами. В течение следующих 20 лет эта доля возросла до 98%. Следует отметить, что и городское, и сельское население большинства народов в этой группе к 1979 г. численно сократились. Так рост доли горожан среди евреев был обеспечен более быстрым сокращением численности сельского населения (на 70%) по сравнению с городским (на 16%).

Высокий уровень урбанизации — от 60 до 80% — отмечался среди поляков, армян и грузин. Еще до войны городские жители составляли порядка 60% от численности этих народов. К этой же группе относились народы Средней Азии — киргизы, узбеки, таджики, каракалпаки, дунгане, численность которых увеличивалась за счет миграции в города России. Между тем в своих республиках доля горожан у этих народов была невысокой (от 13% до 37%). Большая часть потомков выходцев или мигрантов из стран социалистического лагеря также проживала в городах (болгары, венгры, чехи, румыны, словаки, китайцы). У относительно многочисленных белорусов, молдаван и корейцев доля городских жителей составляла 60—65%. Концентрация в городах большинства из пере-

5	6	7	8	9	10
-30,8	-23,1	-46,8	30,0	43,7	54,1
41,6	4,4	47,7	9,6	15,5	25,1
24,5	16,0	44,4	45,1	49,4	52,4
15,8	-8,5	5,9	14,2	20,7	33,4
24,7	-2,1	22,1	60,4	64,8	70,5
-30,4	-12,5	-39,1	73,2	79,4	80,7
-24,8	-33,9	-50,3	66,0	77,0	84,2
-12,2	-13,5	-24,1	52,5	62,3	69,1

Составлено по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Ч. 2. Д. 3010. Л. 26, 125; Д. 5203. Л. 21—30; Всесоюзная перепись населения 1959 года: СССР. М., 1962. С. 202—203; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. 4. М., 1973. С. 384—386; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. Т. 4. М., 1989. С. 390—396.

численных этносов к 1979 г. увеличилась в среднем на 10%. Однако, этот рост был обеспечен разными тенденциями в динамике городского и сельского населения. Так у чехов, словаков и поляков наблюдалось сокращение общей численности населения, причем сельское население опережало в этом городское. У киргизов и таджиков численность горожан увеличилась соответственно в 2,5 и в 2 раза, а сельского в 2 и 0,5 раза. Темпы прироста городского населения у армян и молдаван были умеренными, но они заметно превышали аналогичные показатели сельского населения. В то же время у белорусов, корейцев, грузин городское население увеличивалось при сокращении численности сельского населения.

У самых многочисленных народов России, включая русских, татар и украинцев наблюдался средний для конца 1950-х гг. уровень урбанизации (от 40 до 60% при среднем по стране 52,4%). Рост городского населения у русских отражает динамику процесса урбанизации в РСФСР в целом. Если в 1920-х гг. только 17% русских жили в городах, то перед войной — почти 36%, а в конце 1950-х гг. уже 54,9%. Уровень урбанизированности украинцев в России до войны был чуть ниже, чем у русских. Однако, к концу 1950-х гг. он благодаря миграционным процессам приблизился к отметке 60%. Почти 80% татарского населения проживала в сельской местности в конце 1930-х гг. Этот показатель увеличился почти вдвое за военный и послевоенный период. Похожая динамика показателя отмечалась у немцев, которые до войны были преимущественно крестьянской нацией — перед войной сельские жители составляли более 80% населения. К первой послевоенной переписи почти половина немецкого населения России (44%) проживала в городах. К этому моменту в городах проживала почти половина прибалтийских народов (латыши, литовцы, эстонцы), финнов, греков, цыган и азербайджанцев.

Таблица 20

Характеристики городского населения автономныхобразований РСФСР

Автономные образования	Доля в городском населении (в %):		
	Титульные народы		
	1959	1970	1979
Башкирская АССР	7,9	9,6	12,1
Бурятская АССР	8,1	11,5	14,5
Дагестанская АССР	35,6	50,1	59,7
Кабардино-Балкарская АССР	16,7	25,7	36,2
Калмыцкая АССР	34,6	44,3	45,1
Карельская АССР	6,5	7,7	7,9
Коми АССР	13,6	15,3	14,9
Марийская АССР	11,4	15,6	21,7
Мордовская АССР	11,8	16,8	19,5
Северо-Осетинская АССР	28,8	39,8	44,4
Татарская АССР	33,2	36,8	37,7
Тувинская АССР	15,3	24,7	30,6
Удмуртская АССР	14,8	18,5	19,8
Чечено-Ингушская АССР	7,6	28,5	37,8
Чувашская АССР	38,9	44,4	48,7
Якутская АССР	15,2	14,9	13,9
Адыгейская АО	6,2	6,8	11,7
Горно-Алтайская АО	8,0	9,1	9,9
Карачаево-Черкесская АО	9,6	14,2	20,2
Коми-Пермяцкий НО	55,0	43,0	48,3
Хакасская АО	3,1	3,6	4,6

Доля в городском населении (в %):			Титульные народы: городское население (в %)		
Русские					
1959	1970	1979	1959	1970	1979
63,9	59,8	55,8	13,6	19,7	28,2
84,5	73,5	72,0	16,6	23,5	35,9
43,3	31,6	24,4	15,2	21,7	29,6
69,4	60,1	49,8	12,3	22,8	38,2
60,2	48,8	46,9	20,6	36,8	43,7
72,5	74,9	76,0	31,0	44,7	55,0
59,2	63,0	64,8	26,4	33,1	41,7
75,6	72,2	67,5	7,4	14,6	26,4
82,2	77,4	74,8	6,1	17,2	26,4
55,4	45,2	40,5	31,8	52,6	59,4
61,1	57,9	56,1	29,4	38,6	49,8
79,5	69,6	63,6	7,8	15,9	21,2
74,2	71,3	69,6	18,5	28,1	37,7
77,5	60,8	52,6	9,1	20,3	24,8
56,9	49,8	45,8	12,2	22,6	32,4
72,8	73,3	71,1	16,1	19,5	23,1
85,3	84,2	79,0	9,0	12,8	25,9
87,4	86,8	85,3	6,3	7,7	9,3
78,4	73,2	66,8	6,8	12,4	22,2
39,1	52,5	48,6	9,5	14,1	19,1
85,2	88,1	87,2	14,1	17,6	27,3

Составлено по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Ч. 2. Д. 3010. Л. 26, 125; Д. 5203. Л. 11—30.

В последующие двадцать лет доля горожан заметно увеличилась у русских (на 17 пунктов), татар (на 16 пунктов) и у украинцев (на 15 пунктов). Численность горожан у этих трех народов увеличилась соответственно на 53%, 70% и 36%, а численность сельских жителей уменьшилась примерно на 30%, 11% и 32%. Как и у большинства народов России, темпы роста городского населения в 1959—1970 гг. были заметно выше тех, которые отмечались в последующее десятилетие. Численность горожан при сокращении численности сельских жителей выросла у латышей и немцев. Доля городских жителей среди последних в 1979 г. превысила 51%. Темпы роста численности городского населения у греков и особенно азербайджанцев (в 1,5 раза) были высокими притом, что у этих народов РСФСР увеличивалась и численность сельских жителей. В этот же период повсеместно — в городах и селах — сокращалась численность финнов, литовцев и эстонцев.

Невысокой (от 20 до 40%) доля городского населения была у лакцев и осетин, коми и карелов, у калмыков, мордвы и удмуртов, а также некоторых народов севера (орочей, саамов, эскимосов). Большая часть народов Северного Кавказа, народов Сибири и Дальнего Востока, таких многочисленных народов Поволжья как башкиры, чуваши и марийцы в конце 1950-х гг. оставались сельскими жителями. В последующие годы у народов этой группы наблюдались самые высокие темпы урбанизации в стране. Так, численность городских жителей у ингушей за 20 лет увеличилась в 10 раз, у чеченцев, балкарцев — примерно в 6 раз. Более чем в 4 раза выросло число горожан у кабардинцев, аварцев, лезгин, карачаевцев, тувинцев, в 3 раза — у даргинцев, адыгейцев, черкесов и марийцев. Городское население более, чем удвоилось у башкир, кумыков, осетин, удмуртов, чувашей, коми-пермяков, калмыков, якутов, бурят, казахов, алтайцев и народов Севера. Однако у немногих из этих народов доля городского населения превысила 50% к 1979 г. Этот рубеж перешли только осетины, карелы, лакцы и балкарцы. Накопленный народами Северного Кавказа и Сибири благодаря высокой рождаемости демографический потенциал способствовал не только увеличению численности их городского, но и сельского населения. В то же время у некоторых народов Севера (карелы, коми, коми-пермяки) и Поволжья численность сельского населения заметно сократилась.

Этнические различия в темпах урбанизации проявляются в том, что этнические структуры городского и сельского населения России отличны друг от друга. Так, доля русских во всем городском населении Российской Федерации достигла в 1959 г. 87%, а к 1979 г. снизилась на 1%. В то же время доля русских в сельском населении была заметно ниже, чем в городском, особенно в 1979 г. — соответственно 78,9% и 73,5%. Вместе с тем, в 1960—1970-х гг. наметилась тенденция к сокращению различий между народами по уровню урбанизации.

Воспроизводство и возрастнополовая структура народов России

В СССР и Российской Федерации этническая дифференциация демографических процессов вообще и демографического поведения в частности является, как свидетельствуют результаты многих исследований, устойчивым феноменом на протяжении длительного исторического периода[6]. С одной стороны, она отражает неоднородность культурных норм, традиций, особенностей труда и быта, форм расселения разных этнических групп. С другой стороны, существенные различия в динамике демографических показателей на протяжении XX в. свидетельствуют о том, что процесс демографической модернизации начался у народов России не одновременно и протекал с разной скоростью. Так, если еще в XIX в. при всех своих различиях показатели рождаемости и смертности народов страны укладывались в систему высоких параметров традиционного типа воспроизводства, то уже в начале XX в. у некоторых народов обнаружилась тенденция к снижению уровней смертности и рождаемости[7]. В дальнейшем, этнические различия в демографических процессах нарастали и были одним из факторов, объясняющих увеличившееся разнообразие в темпах роста численности и изменении возрастнополового состава народов Российской Федерации.

В конце 50-х годов наблюдалась сильная региональная дифференциация суммарного коэффициента рождаемости. В определенной степени она отражала этническую дифференциацию рождаемости. Во всех автономных республиках, за исключением Карельской и Северо-Осетинской АССР уровень рождаемости был несколько выше среднего по стране (2,626 рождений на одну женщину), который в целом определялся рождаемостью русских. Самые высокие показатели суммарной рождаемости — более четырех — были зафиксированы в Дагестане, Туве и Калмыкии и превышали рождаемость в центральной России в два раза. В последующее десятилетие уровень рождаемости особенно быстро снижался в регионах с высокой рождаемостью. Однако в Дагестане и Чечено-Ингушетии уровень рождаемости заметно уменьшился только в 1970-х годах.

Этническую дифференциацию рождаемости в 1960—1970-х гг. можно проследить по материалам переписей населения 1979 и 1989 гг. (табл. 21), поскольку переписной лист выборочных переписей содержал вопрос о том, сколько детей родила женщина. Показатель «среднее число рожденных детей» указывает на различия между национальностями по уровню рождаемости. Однако информация о среднем числе рожденных детей по поколениям женщин и распределении детей по очередности их рождений позволяет точнее выявить, на какой стадии перехода к новому типу рождаемости, отличающемуся от традиционного типа низкими показателями рождаемости и массовым распространением внутрисемейного регулирования деторождений, находились те или иные народы.

Раньше других народов переход к новому типу рождаемости завершился у евреев. Число детей у всех поколений еврейских женщин, родившихся в XX в., было чрезвычайно низким. Оно не обеспечивало

простого замещения родительских поколений. Соответственно низким было среднее число рожденных детей у всех женщин старше 15 лет. В 1979 и 1989 гг. эта величина примерно равнялась 1,3 в расчете на одну женщину.

Подобное опережение в снижении рождаемости во многом объясняется высоким уровнем образования и высокой долей горожан у еврейского населения России.

Низкий уровень рождаемости отмечался у русских, белорусов, украинцев и армян. Среднее число детей находилось в интервале 1,7—1,9 рождений на одну женщину. Массовое становление нового типа рождаемости у этих национальностей началось в конце 20-х годов, а закончилось в 60-х годах. Число детей у русских, украинок и белорусок, родившихся в 1930-х гг., был почти в два раза ниже поколений начала века: 1,9 вместо 3,6. Вместе с тем усилившийся с 1960-х гг. миграционный приток из Закавказья населения с более высокими репродуктивными установками несколько затормозил снижение рождаемости у армянок.

Достаточно далеко продвинулся переход от традиционного типа рождаемости к современному у некоторых народов Севера (коми, коми-пермяков и карелов), народов Поволжья, некоторых народов Северного Кавказа (осетин, адыгейцев). Примерно в 2 раза различались по среднему числу детей поколения начала века и конца 30-х — начала 40-х годов у татарок, удмурток, чувашек, коми, карелок, башкирок. Анализ различных показателей свидетельствует о том, что ее уровень интенсивно снижался в 1960—1970-х гг. В целом в этой группе национальностей уровень рождаемости был выше среднего по стране. При этом в самой группе различия были заметными. Так, среднее число детей у карелок, татарок и осетинок 1933—1943 гг. рождения было примерно на 0,7 меньше, чем у мариек или башкирок. Подобная разница обусловлена рядом факторов демографического перехода, в частности уровнем урбанизации и характером женской занятости.

Большинство народов Северного Кавказа, калмыки, народы Сибири, Дальнего Востока, малочисленные народы Севера в 1960-х гг. находились на ранних стадиях движения к новому типу рождаемости. Заметно снижение рождаемости и изменение в репродуктивном поведении, согласно переписным данным, раньше проявилось у якуток, калмычек, ханты, эвенок (предвоенные и военные поколения). В то время у чеченцев, ингушей, большинства народов Дагестана, тувинцев уровень и модель рождаемости в большей степени соответствовали традиционному обществу. Число детей у поколений женщин этих национальностей 1934—1938 гг. рождения, репродуктивная деятельность которых пришлась как раз на 1960—1970 гг., была в 2,5—3,5 раза выше, чем у русских. Демографический переход проявился позже и был связан с изменениями репродуктивного поведения у более молодых послевоенных поколений.

В целом анализ динамики и вариации поколенных данных свидетельствует о том, что этническая дифференциация рождаемости в 1960-х гг. достигла своего максимума. Наибольшие различия наблюдались у поколений 1928—1938 гг. рождения. С 1970-х гг. эти различия пошли на спад.

Таблица 21

Среднее число рожденных детей женщинами отдельных национальностей разных поколений, Россия, перепись населения 1979 г.

Национальность	Все женщины	В том числе по году рождения						
		До 1909	1909—1913	1914—1918	1919—1923	1924—1928	1929—1933	1934—1938
Все национальности	1,855	3,672	2,946	2,583	2,261	2,228	2,168	2,026
Евреи	1,296	1,580	1,589	1,555	1,425	1,408	1,334	1,329
Русские	1,789	3,581	2,865	2,488	2,153	2,095	2,002	1,869
Украинцы	1,878	3,711	2,945	2,568	2,254	2,134	2,082	1,935
Армяне	1,753	3,405	2,890	2,489	2,162	2,112	2,203	2,069
Осетины	2,036	4,264	3,550	2,981	2,810	2,791	2,596	2,429
Татары	2,193	4,945	3,983	3,541	3,183	3,084	2,844	2,582
Мордва	2,484	4,649	3,729	3,148	2,958	3,050	2,927	2,675
Удмурты	2,204	4,423	3,338	2,969	2,913	2,976	2,999	2,756
Чуваши	2,318	4,841	3,679	3,162	3,094	3,116	3,020	2,824
Марийцы	2,248	4,584	3,540	3,107	3,262	3,329	3,287	3,018
Кабардинцы	2,398	4,161	3,724	3,525	3,447	4,042	3,918	3,554
Буряты	2,318	3,682	3,304	3,426	3,676	4,127	4,336	3,933
Якуты	2,460	5,749	5,287	4,510	4,541	4,600	4,586	4,041
Калмыки	2,278	4,548	3,907	3,807	4,334	4,619	4,753	4,042
Аварцы	2,704	3,740	3,488	3,548	3,590	4,224	4,589	4,789
Тувинцы	2,781	5,611	5,773	5,777	5,752	5,650	5,705	5,379
Чеченцы	2,831	4,326	4,382	4,585	4,950	5,537	5,888	5,764

Составлено по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Ч. 2. Д. 3010. Л. 26, 125; Д. 5203. Л. 11—30.

Приведенные в таблице 21 данные относятся к поколениям, которые завершили или, как в случае поколений 1930—1939 гг. рождения (в момент проведения переписи представительницам этих поколений было от 40 до 50 лет), практически завершили репродуктивную деятельность. Показатели рождаемости указывают на различия в темпах роста населения многочисленных народов.

Изучение этнической дифференциации смертности осложнено методическими проблемами. Если изучение рождаемости может быть основано на данных переписи и специальных выборочных обследованиях, то

для изучения смертности эти источники не пригодны. Оно возможно только на сопоставлении данных переписей и текущего учета[8]. Но для 1960—1970-х гг. мы обладаем ограниченным набором информации об умерших по национальностям. Начиная с 1958 г. статистические органы производят данные об общем числе умерших мужчин и женщин (в том числе младенцев в возрасте до 1 года) для русских, украинцев, белорусов, казахов, татар, евреев и армян. На отдельных территориях, главным образом автономиях, собирались также данные о некоторых других национальностях. Однако исследователи отмечали значительный недоучет смертей особенно среди младенцев и престарелых, а также в сельской местности, у народов Северного Кавказа, отдельных районов Поволжья и Сибири в конце 1950-х — 1960-х гг. Кроме того, серьезные неточности возникали при регистрации национальности умерших, особенно в смешанных семьях[9].

Имеющиеся в распоряжении ученых данные позволяют оценить величину наиболее точного измерителя уровня смертности — ожидаемой продолжительности предстоящей жизни — для некоторых народов России (см. таблицу 22). Вариативность показателя для женского населения представляется не существенной, в то время как для мужского населения она представляется более значимой. Однако приведенные оценки зависят от качества статистического учета. Вместе с тем общее направление изменения смертности для всех народов было общим. В отличие от рождаемости важнейшим периодом в снижении смертности в России были 1950-е гг., в течение которых было реализовано 60% всего полученного с конца XIX в. выигрыша[10]. В середине 1960-х гг. начался период стагнации и даже снижения продолжительности жизни за счет повышения интенсивности смертности в трудоспособных возрастах. Из-за этого и, главным образом, из-за демографического старения населения общий коэффициент смертности устойчиво увеличивался в эти годы в большинстве регионов России (за исключением молодых регионов с высокой рождаемостью или миграционным притоком).

Заметная этническая дифференциация обнаруживается при анализе младенческой смертности (см. таблицу 23). Относительно низкий уровень младенческой смертности наблюдался у народов с невысокой рождаемостью, значительным образовательным уровнем, высокой долей городских жителей. В отличие от других возрастных групп уровень младенческой смертности устойчиво снижался по России, за исключением ряда народов Северного Кавказа и Сибири. В то же время сверхнизкая младенческая смертность обнаруживается у украинцев, белорусов, адыгейцев, что представляется статистическим артефактом, связанным с недоучетом смертей и рождений. Вероятно, что из-за этого несколько завышенным выглядит уровень смертности у русских.

Однако наличие этнической дифференциации смертности еще не позволяет говорить о ее значимом влиянии на различия в темпах увеличения численности тех или иных народов России в изучаемый период времени. Последние определялись в первую очередь различиями в уровнях рождаемости, особенностями возрастной структуры населения, ассимиляционных процессов и в отдельных случаях миграцией. В целом пока-

затели дифференциации смертности говорят о незавершенности эпидемиологического перехода. Знание возрастнополовых особенностей смертности по причинам смерти позволило бы лучше понять национальные особенности эволюции смертности. В то же время размах вариации общего коэффициента рождаемости, если судить по региональным данным и временным рядам, был более существенным, чем общего коэффициента смертности. Так, за 1959—1979 гг. величина первого сократилась по России на 8 промилле — с 23,7 до 15,8%, а второго — возросла — с 7,8 до 10,8%. В 1960-е г. самый высокий коэффициент рождаемости наблюдался в Дагестане 40%, который был на 26,5% выше аналогичной величины вместе с самым низким значением аналогичного показателя — в Ленинграде. Различия между высоким и низким показателями смертности составляли около 4%. Более быстрое снижение рождаемости привело к тому, что размах вариации общего коэффициента рождаемости сократился, но в 1979 г. по-прежнему превышал размах вариации общего коэффициента смертности.

Таблица 22

Продолжительность жизни при рождении для некоторых национальностей, 1978—1979 гг. (лет)

Национальность	Мужчины	Женщины
Русские	61,7	73,4
Татары	63,1	75,2
Украинцы	64,1	73,0
Белорусы	63,0	73,1
Казахи	59,7	72,8
Евреи	68,3	72,4
Армяне	67,7	75,1

Составлено по: Неравенство и смертность в России. М., 2000. С. 53.

Таким образом, имеющиеся данные не позволяют говорить об этнической дифференциации смертности как существенном факторе различий в динамике численности народов. Поскольку смертность не оказывала влияния на изменения возрастной структуры населения[11], постольку ее дифференциация не влияла на различия в возрастном составе населения ни на региональном, ни на национальном уровне. Они определялись в первую очередь этнической дифференциацией рождаемости, а в отдельных случаях миграционными и ассимиляционными процессами.

Таблица 23

Коэффициент младенческой смертности по национальности матери (на 1000 чел.)

Национальность матери	1958—1959 гг.	1968—1969 гг.	1978—1979 гг.
1	2	3	4
Все национальности	41,3	25,0	23,0
Русские	39,6	24,1	22,9
Украинцы	25,3	12,6	11,0
Белорусы	25,4	10,2	9,6
Татары	51,8	25,1	19,3
Евреи	21,6	17,6	17,5
Казахи	71,2	42,0	35,1
Армяне	37,3	29,9	31,4
Буряты	54,8	34,2	33,1
Чуваши*	53,7**	31,7	24,8
Башкиры*	50,1**	24,5	25,8
Мордва*	48,3	31,1	13,1
Марийцы*	63,0	30,4	22,2
Удмурты*	51,0	25,9	20,5
Коми*	61,5	37,8	30,1
Калмыки*	87,0	39,8	34,9
Чеченцы*	25,5	23,4	30,0
Аварцы*	54,1	39,2	34,8
Осетины*	17,3	30,0	21,9
Кабардинцы*	31,4	45,8	28,7
Даргинцы*	49,8	47,0	45,3
Кумыки*	53,0	40,6	44,2
Лезгины*	44,3	38,3	н.д.
Ингуши*	21,0	20,1	24,3
Карачаевцы*	21,8	13,3	12,7
Адыгейцы*	24,9	11,4	9,4
Балкарцы*	18,9	16,8	21,6
Черкесы*	20,1	9,3	18,0

1	2	3	4
Якуты*	82,4	46,1	34,6
Тувинцы*	61,9	43,4	60,4
Хакасы*	42,9	28,1	25,8
Алтайцы*	33,1	34,8	41,5
Карелы*	60,4	31,1	25,8

* Народы, для которых показатели рассчитывались по территории соответствующих автономных образований.

** 1959—1960 гг.

Составлено по: Неравенство и смертность в России. М., 2000. С. 50—51.

Детальный анализ данных переписей позволяет выделить из них несколько типов возрастнополовых структур народов (см. табл. 24 и рис. 1) России. Распределение по возрасту и полу многочисленного русского населения фактически задает средние показатели возрастнополовой структуры для всего населения Российской Федерации. Среди главных направлений ее изменений предшествующие двадцать лет следует выделить заметное сокращение доли детей вследствие продолжительного снижения рождаемости. В итоге это привело к повышению удельного веса лиц в трудоспособных и, особенно, старших (от 60 лет и старше) возрастах в общей численности русских. Динамика доли пожилых свидетельствует о том, что среди русского населения наметилась устойчивая тенденция демографического старения.

Самым старым в России было еврейское население. Процесс демографического старения начался раньше, чем у других народов из-за более раннего снижения рождаемости. К тому же он был ускорен ассимиляционными процессами, наметившимися еще в 1930-х гг. Поэтому уже в 1959 г. у евреев наблюдалась самая низкая доля детей: 13,7% против 29% в среднем по стране. К 1979 г. она снизилась еще на 5 пунктов. За этот же период доля лиц в старших возрастах увеличилась с 15% до 31%. Сложившаяся в 1979 г. возрастная структура евреев обладала отрицательным демографическим потенциалом. При наблюдавшемся режиме рождаемости, сложившихся ассимиляционных установках в многочисленных национально-смешанных семьях численность еврейского народа в России в перспективе должна была только уменьшаться даже без посредства эмиграции.

Одними из самых демографически старых народов России после евреев были карелы и мордва. Однако, выборочные обследования фиксировали более высокий уровень рождаемости у карелок и мордвы не только по сравнению с еврейками, но и по сравнению с русскими. С учетом отсутствия миграции можно утверждать, что на форму возрастных пирамид в значительной степени влияла ассимиляция, интенсивность которой у мордвы и особенно у карелов была самой высокой среди многочисленных народов в 1960—1970-х гг. При отсутствии ускоренной

ассимиляции к 1979 г. численность карелов должна была не уменьшиться на 30 тыс., а увеличиться на 25 тыс. чел. Соответственно численность мордвы должна была не уменьшиться на 100 тыс., а увеличиться на 200 тыс. человек.

Таблица 24

Возрастной состав некоторых народов РСФСР

Национальность	1959			1970			1979		
	0—14	15—59	60+	0—14	15—59	60+	0—14	15—59	60+
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Все население	29,2	61,9	9,0	26,6	61,5	11,9	21,6	64,7	13,7
Русские	29,3	61,8	8,9	25,9	61,9	12,1	21,5	64,5	14,0
Татары	32,9	58,7	8,4	33,0	57,0	9,9	22,7	66,0	11,3
Украинцы	17,3	73,6	9,1	12,3	75,2	12,5	11,0	73,7	15,3
Чуваши	33,1	58,5	8,4	34,2	55,5	10,3	24,6	63,8	11,6
Башкиры	37,7	53,4	8,9	41,2	49,3	9,4	28,5	61,3	10,2
Белорусы	15,3	77,4	7,3	12,8	77,1	10,0	9,5	78,7	11,8
Мордва	30,0	59,6	10,4	27,7	58,2	14,1	16,8	65,9	17,3
Чеченцы	45,1	45,7	9,1	48,3	43,2	8,4	38,1	54,5	7,4
Удмурты	34,8	57,0	8,2	34,9	54,9	10,1	22,4	66,3	11,3
Марийцы	35,8	56,1	8,1	38,2	52,4	9,4	26,1	64,4	9,5
Аварцы	35,3	51,8	12,9	45,4	44,9	9,2	39,6	52,0	8,4
Армяне	26,6	60,9	12,4	26,2	60,3	13,4	20,4	67,6	11,9
Евреи	13,7	70,7	15,6	10,3	63,2	26,5	8,4	59,8	31,8
Казахи	41,1	48,5	10,4	46,7	44,8	8,4	33,4	59,5	7,1
Буряты	38,0	51,8	10,1	40,5	50,4	9,1	31,9	58,9	9,1
Кабардинцы	35,2	52,3	12,5	41,8	48,0	9,8	33,4	57,9	8,7
Калмыки	38,1	52,3	9,6	43,8	47,9	8,3	28,2	63,9	7,9
Карелы	25,3	61,9	12,8	19,3	63,5	17,1	10,9	68,8	20,2
Коми	33,5	57,9	8,6	33,5	56,1	10,3	21,7	66,5	11,8
Осетины	29,6	58,4	12,0	32,3	55,8	11,5	26,1	62,5	11,4
Якуты	39,2	51,5	9,3	42,6	50,2	7,1	33,5	59,3	7,1
Балкарцы	36,1	51,5	12,4	42,6	47,0	10,2	31,1	59,6	9,3
Даргинцы	37,2	50,7	12,0	48,7	42,6	8,7	40,8	50,9	8,2
Кумыки	39,4	50,5	10,1	45,2	47,2	7,5	37,5	55,2	7,3
Лезгины	40,9	50,8	8,3	49,4	43,3	7,2	39,1	54,3	6,6

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Тувинцы	41,8	53,9	4,2	47,6	49,1	3,3	44,0	52,7	3,3
Ингуши	42,9	47,6	9,5	49,1	43,0	7,9	39,4	53,4	7,1
Хакасы	39,2	51,5	9,3	38,8	52,6	8,6	29,9	60,9	9,2
Коряки	37,6	58,9	3,5	44,0	52,5	3,5	37,1	57,0	5,8
Ненцы	39,5	52,1	7,4	43,3	48,8	7,9	37,0	56,1	6,9
Чукчи	31,3	64,8	3,9	41,7	55,0	3,3	37,4	57,8	4,8
Эвенки	31,9	66,0	2,1	40,0	52,8	7,2	34,5	58,1	7,3

Составлено по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Ч. 2. Д. 3010. Л. 25, 125.

Возрастная структура украинцев и белорусов отличалась чрезвычайно высокой долей лиц в трудоспособных возрастах. У украинцев она превышала отметку 73%, а у белорусов 77% против 61—65% в среднем по стране. Главным фактором формирования подобной структуры был значительный приток мигрантов из союзных республик. Другой характерной чертой была одна из самых низких среди многочисленных народов России доля детей в общей численности народов. Ниже она была у евреев и, вероятно, у поляков.

В 1979 г. доля детей в общей численности украинцев и белорусов была ниже, чем доля пожилых людей. Подобное соотношение является результатом не столько низкой рождаемости, которая у белорусок и украинок была не ниже, чем у русских женщин, сколько интенсивной ассимиляции, которая реализовывалась через механизм широко распространенных среди славянских народов смешанных браков.

Весьма специфичной была возрастнополовая структура армянского населения России. Армянская диаспора в России отличалась достаточно низкими показателями рождаемости, в ней протекали ассимиляционные процессы. В 1950-х гг. усилился приток армян из Армянской ССР и других союзных республик. В определенной мере миграция затормозила снижение рождаемости у армян из-за более высоких репродуктивных установок у мигрантов. Но, что важно, среди мигрантов в значительной степени преобладали мужчины в отличие от, например, украинской или белорусской иммиграции. Так, в возрастной группе 20—24 лет на 100 украинок приходилось 124 украинца, а на 100 армянок 170 армян. Миграция поддерживала у армянского населения высокие доли лиц в трудоспособных и, в определенном смысле, в детских возрастах в общей численности населения.

По сравнению со среднероссийскими показателями возрастной состав большинства народов отличался повышенной долей детского населения и пониженной долей лиц в старших возрастах. Главным фактором, определявшим возрастную структуру и дифференциацию этих народов по возрастным характеристикам населения, была рождаемость. Распределение этих народов по особенностям их возрастных структур практически в точности соответствует дифференциации их тенденций в рождаемости. Так, в 1979 г. наименьшая доля детей (22—26%) и наи-

большая доля пожилых людей (11—12%) отмечалась среди народов, в которых заметное снижение рождаемости началось после Второй мировой войны и интенсивно продолжалось в 1960-е годы. К ним относятся татары, коми, удмурты, чуваши, осетины. Чуть позже началось снижение рождаемости у кабардинцев, балкарцев, бурятов, якутов, башкир, калмыков, казахов. Доля детей в общей численности этих народов составляла от 26 до 35%, пожилых людей — менее 10%. Самая низкая доля детей (26%) отмечалась в возрастном составе марийцев, что при их относительно высоких показателях рождаемости, свидетельствует о протекавших ассимиляционных процессах. К самым молодым в демографическом смысле народам (доля детей превышала 35%) относились те, у которых снижение рождаемости стало намечаться в 1970-х гг. Среди них находились коренные народы Дагестана, тувинцы, большинство малочисленных народов Севера и др.

На рисунке 1 изображены возрастнополовые пирамиды некоторых народов Российской Федерации по данным переписи 1979 г. При том, что они непохожи друг на друга, у всех этих пирамид есть общее: они все сильно изрезаны. За неравными численностями поколений скрывается история чередований резких спадов и подъемов в рождаемости и в смертности. Деформации возрастнополовых пирамид в динамике проявляются в форме демографических волн, которые оказывают влияние, как на демографические процессы, так и на социально-культурное развитие народов.

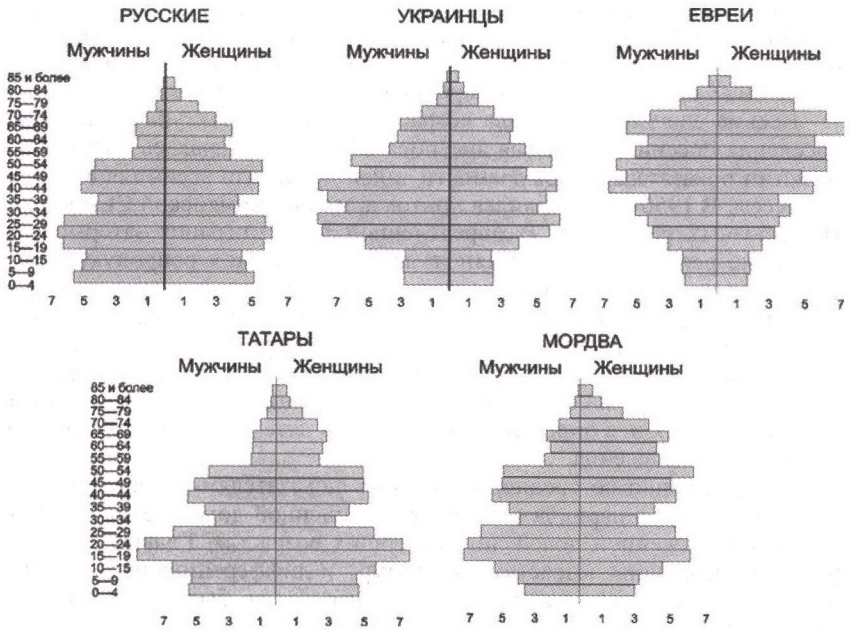

Рисунок 1. Возрастнополовые пирамиды народов России в 1979 г.

Глава VI
Миграция и эмиграция в России в 1960—1970-е гг.

Независимо от подходов к периодизации миграционных процессов в России и СССР в XX в. 1960—1970-е гг. занимают в них особое место. Именно в эти годы в СССР доминирующими становятся добровольные перемещения. Роль недобровольной (принудительной и вынужденной) миграции (в виде последствий войн, репрессий, депортаций целых народов, массовых переселений в связи со строительством гидросооружений и др.) заметно уменьшалась по сравнению с 1930—1950 гг. Одновременно сократилось значение общественно организованной миграции — различных видов миграции, осуществляемой под контролем государства и общественных организаций (организованного набора рабочей силы, призывов молодежи и т.д.). Уменьшалась также роль государства в распределении выпускников высших, средних и профессионально-технических учебных заведений. В то же время государство сохраняло ключевые рычаги в регулировании миграции — с помощью политики в области размещения производства и капиталовложений, заработной платы, строительства жилья, развития сферы услуг и т.д. Роль государства оставалась значительной в привлечении рабочей силы в осваиваемые районы на востоке РСФСР. Сохранялись административные рычаги регулирования миграции, особенно в крупнейших городах.

Противоречия между тенденциями миграции и реальными потребностями социально-экономического развития была призвана решить миграционная политика — стимулирующая миграцию в восточные районы и ограничивающая, а в определенной мере и ужесточающая приток мигрантов в крупнейшие города (режимные города, «лимит рабочей силы»). В основе стимулирующей политики было усиление социальных стимулов к миграции, в основе ограничительной — административные методы регулирования миграции.

В 1960—1970-е гг. речь идет о новом, хотя противоречивом и непоследовательном, отношении к миграции со стороны государства, проявившемся в «легализации» этого процесса в СССР. Началась, правда фрагментарная публикация данных текущего учета миграции. Проведению Всесоюзных переписей населения (1959 г., 1970 г. и 1979 г.) предшествовало, к сожалению, не всегда продуктивное, обсуждение места миграции в программах переписей. Впервые после 1926 г. были получены данные о миграции в переписи населения 1970 г. Большое, а в ряде случаев даже решающее значение в изучении миграции стали играть выборочные обследования, прежде всего миграции сельского населения, мигрантов в восточных районах и др.[1] В результате существенно возросла роль социологии в изучении миграции. Быстро накапливались эмпирические данные. В 1960—1970-е гг. были разработаны концепции миг-

рации (в их числе — концепция «функций» и причин миграции сельского населения»[2], «миграционной подвижности»[3], «трех стадий миграционного процесса»[4] и др.), не потерявшие значения и в наши дни. Благодаря этим концепциям обосновывался объективный характер миграции при социализме. Такой подход имел принципиальное значение с учетом практики 1930—1950-х гг., когда отрицалась позитивная роль миграции в жизни общества. При анализе миграции стали применяться эконометрические методы: были построены факторные модели межрегиональной миграции.

Развернувшиеся в СССР с начала 1960-х гг. исследования миграции имели большое значение. Они привлекали внимание к тенденциям и последствиям этого процесса в сельской местности. Несомненна связь изучения миграции в осваиваемых районах с политикой ее стимулирования. Однако «легализация миграции» в 1960—1970-е гг. оказалась недолговременной и неустойчивой: уже во второй половине 1970-х гг. она сменилась ограничениями на публикацию статистических данных и результатов исследований в открытой печати, отмененными лишь во второй половине 1980-х гг. Противоречивая позиция государства в отношении к миграции проявилась и в другом. В эти годы не была решена принципиальная задача: не улучшилось состояние текущего учета миграций в сельской местности, где до конца 1960-х гг. значительная часть населения оставалась непаспортизированной. В то же время в полной мере не использовались переписи населения как источник данных о миграции в результате во многом необоснованной критики переписи 1970 г. В результате роль последующих переписей (1979 г. и 1989 г.) в изучении миграции существенно сократилась. Таким образом, в 1960—1970-е гг. не была использована возможность получить независимый от ведомственных интересов, прежде всего МВД СССР, источник данных о миграции населения с помощью переписей. Поэтому база данных для анализа миграции в 1960—1970-е гг. крайне ограничена: в ней отсутствуют исходные данные о величине и составе миграционных потоков в пределах областей (краев, автономных республик, между экономическими районами и союзными республиками), между городскими поселениями и сельской местностью. Поэтому неизбежным становится использование косвенных методов анализа миграции.

Основные тенденции миграции в РСФСР в 1960—1970-е гг. были связаны с урбанизацией. Ее качественно новый этап в рассматриваемые годы характеризовался не только развитием процесса вширь, т.е. вовлечением новых значительных масс населения. Переселявшихся в города из сел, но и вглубь — по пути внутренней дифференциации самого процесса, т.е. усложнения форм расселения, урбанизации сельской местности[5]. Показательно, что в современной литературе 1960—1970-е гг. называют периодом «классической урбанизации» России[6].

Основные направления миграции определялись продолжавшимся оттоком сельских жителей в города, а также расширением урбанизации в результате развития промышленного производства и перемещением населения в малонаселенные восточные районы РСФСР, что было связано с увеличением там добычи нефти, газа, угля, строительством Байкало-

Амурской магистрали. Часть потоков была направлена в республики СССР. Расширение территории СССР в результате Второй мировой войны прибавило к сложившимся уже направлениям — миграции из Центра России на север, восток и юг (в Казахстан, республики Средней Азии), западное направление — миграцию в Прибалтику. Послевоенный отток населения из РСФСР в другие республики СССР замедлял процесс ее урбанизации. Таким образом, применительно к периоду 1960—1970-х гг. речь может идти о «конкуренции» основных направлений миграции в рамках урбанизации — в крупные города данной области (экономического района) или другого экономического района РСФСР (чаще всего сопредельного), преимущественно в крупные города (столицы) союзных республик и в осваиваемые районы РСФСР. Последние два направления отражают процесс традиционного для русских (и других народов — украинцев, белорусов) расселения на «окраинах» государства в новых условиях — индустриализации и урбанизации.

При анализе отмеченных выше взаимосвязей урбанизации и миграции необходимо учитывать долговременные тенденции миграции. Данные текущего учета миграции в городских поселениях РСФСР зафиксировали в 1960-е г. большую устойчивость абсолютных и относительных показателей миграции, а с другой стороны, постепенное уменьшение ее масштабов и интенсивности. Причины таких изменений до сих пор не исследованы из-за отсутствия необходимой информации, прежде всего данных о составе мигрантов по полу и возрасту. Можно предположить, что проходившая в эти годы пространственная стабилизация населения имела в значительной степени «самосохранительный» характер. Снижение масштабов и интенсивности миграции можно рассматривать как свидетельство реакции населения на огромные по масштабам перемещения в довоенные и послевоенные годы.

Снижение масштабов и интенсивности миграции в городских поселениях объясняется и другими причинами. В отечественной литературе чаще всего этот процесс связывается с сокращением миграционного потенциала сельского населения в большинстве районов страны в предыдущие годы. В 1960-е гг. усиливалось влияние концентрации населения в крупных городах, миграционный потенциал которых был ограничен правилами прописки (выписки) населения. Наконец, важную роль могли играть набиравшие силу в условиях урбанизации и расширения зоны влияния крупных городов маятниковые перемещения — они были альтернативой миграции, т.е. перемещением на «постоянное место жительства».

И все же уровень миграционной активности населения РСФСР в 1960—1970-е гг. продолжал оставаться сравнительно высоким. Данные по 71 территориальной единице РСФСР (1966 г.) показали, что расстояние, на которое перемещался среднестатистический мигрант (согласно сведениям по городским поселениям) в РСФСР в 1966 г., равнялось 1457 км[7]. В графическом смысле это расстояние означало перемещение мигранта из Москвы в Свердловск (Екатеринбург) или из Свердловска (Екатеринбурга) в Кемерово, т.е. миграцию в другой экономический район.

Таблица 25

Распределение мигрантов РСФСР по возрасту, полу и направлениям по данным переписи 1970 г. (тыс. чел.)

Возраст, пол	Все мигранты	В том числе прибывшие			
		в городские поселения		в сельскую местность	
		из городских поселений	из сельской местности	из городских поселений	из сельской местности
Мужчины	4350,7	1710,4	1321,7	590,5	728,1
в т.ч. в возрасте: моложе трудоспособного	973,4	303,7	259,4	152,0	258,3
трудоспособном, из них:	3284,5	1376,7	1033,5	423,7	450,6
16—19 лет	862,4	303,0	416,8	50,6	91,9
20—24 года	893,8	412,4	301,0	99,8	80,6
25—29 лет	438,7	211,2	84,8	81,9	60,8
30—39 лет	702,0	299,1	143,2	125,9	133,8
40—49 лет	290,6	114,6	64,8	48,4	62,7
50—54 года	49,9	18,6	11,7	8,4	11,2
55—59 лет	47,2	17,8	11,2	8,6	9,6
старше трудоспособного	90,5	29,1	28,1	14,5	18,8
Женщины	4434,7	1664,0	1394,6	610,4	765,7
в т.ч. в возрасте: моложе трудоспособного	915,3	287,8	248,6	141,8	237,1
трудоспособном, из них:	3112,4	1250,5	998,4	417,9	445,6
16—19 лет	1051,1	366,6	526,5	71,4	86,6
20—24 года	827,5	384,6	191,6	150,9	100,4
25—29 лет	335,8	159,2	65,0	57,4	54,1
30—39 лет	543,9	218,0	120,2	88,4	117,2
40—49 лет	284,8	98,5	74,4	40,2	71,7
50—54 года	69,4	23,6	20,7	9,5	15,6
старше трудоспособного	405,5	125,1	147,2	50,5	82,7

Составлено по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. М., 1973. Т. 9. С. 219.

Согласно данным переписи 1970 г. уровень миграционной активности населения РСФСР был одним из самых высоких в СССР. Коэффициент интенсивности валовой миграции (т.е. суммы прибывших и выбывших по отношению к населению в целом) в РСФСР составил 133,7%, в Казахской ССР — 159,4%, в Эстонской ССР — 131,4%, в то время как в Азербайджанской ССР он был только 39,1%, Грузинской ССР — 45,4%. Среди мигрантов в РСФСР преобладали лица, перемещавшиеся в пределах республики. Их удельный вес среди прибывших был 86,6%. Удельный вес межреспубликанских мигрантов в составе выбывших был 11,7%. В формировании численности внутриреспубликанских мигрантов особенно значительной была роль Центрального, Поволжского, Уральского и Западно-Сибирского районов. Во всех экономических районах РСФСР среди мигрантов было больше женщин, что объясняется особенностями изучения миграции в переписи 1970 г., не включившей в миграцию перемещения мужчин, связанные с прохождением срочной службы в армии. В то же время среди мигрантов из союзных республик преобладали мужчины, причем в составе мигрантов из Армянской ССР и Литовской ССР такой перевес составлял даже 2 и более раза. Таблица 25 дает представление о возрастнополовом составе мигрантов.

Абсолютное число мигрантов составили лица в трудоспособном возрасте: среди мужчин их было 75,4%, а среди женщин 70,2%. Удельный вес молодежи в возрасте 16—29 лет среди мужчин-мигрантов в трудоспособном возрасте достиг 66,8%, женщин-мигрантов 71,1%. Направление, т.е. тип миграции, мужчин и женщин в целом сходен. Более существенные различия в типе миграции имеются между возрастными группами — как у мужчин, так и у женщин. Основным направлением миграции мужчин (39,3%) и женщин (37,5%) был «город—город». Следующим по величине был поток «село—город»: его удельный вес у мужчин составил 30,4%, женщин 31,4%. Из городских поселений в сельскую местность перемещалось 13,6% мужчин и 13,8% женщин, в пределах сельской местности — соответственно 16,7% мужчин и 17,3% женщин. В группе 16—19 лет у мужчин и женщин преобладающими были перемещения типа «село-город», а в группах 25—49 лет — «город—город». В старших возрастных группах повышалась роль миграции в сельскую местность и перемещений в сельскую местность (»село—село»). Например, в возрасте старше трудоспособного доля перемещений типа «село-село» достигла у мужчин 20,7%, а у женщин 20,4%, в то время как перемещения «город—город» сократились — соответственно до 32,2% и 30,9%.

Сравнительно высокий уровень миграционной активности населения в 1960—1970-е гг. косвенно подтверждается динамикой интенсивности общих коэффициентов миграции в РСФСР и в РФ, показанной на рис. 2.

В условиях преимущественно экстенсивного типа городской экономики миграция определялась потребностями экономики в рабочей силе, ее высоким уровнем занятости и гарантией основных социальных услуг. Во второй половине 1960-х — начале 1970-х гг. существенным было также влияние на миграцию послевоенной повышенной рождаемости. Результатом был рост молодых и высоко мобильных групп населения.

Так, число родившихся в РСФСР в конце 1940-х — 1950-х гг. было самым высоким в послевоенные годы. В 1949 г. оно составило, по уточненным данным, 3089 тыс. чел., а в 1950-е гг. колебалось в пределах от 2861 тыс. чел. (1958 г.) до 3048 тыс. чел. (1954 г.)[8]. Следовательно, при прочих равных условиях (смертности и миграции) число вступавших в трудоспособный возраст, т.е. лиц с наибольшей мобильностью, увеличилось в 1966—1970 гг. Учитывая влияние ряда факторов (призыва на срочную службу в армию, миграцию на учебу и после окончания учебных заведений) период влияния на миграцию компенсаторной рождаемости был заметным и в 1970—1975 годах.

Рисунок 2. Динамика общих коэффициентов прибытия, выбытия и чистой миграции в городских поселениях и в сельской местности РСФСР (РФ) в 1960—1979 гг.

Миграционное поведение этих групп населения стимулировалось не только возможностями получения образования и трудоустройства, но и высокими показателями брачности — причины, существенной для миграции молодежи. Большое влияние мог оказать также высокий уровень мобильности родителей, проявившейся в огромных довоенных и послевоенных перемещениях населения. Такое предположение в настоящее время трудно подтвердить эмпирически, также как и степень участия молодых мигрантов во внутрирегиональной и межрегиональной (межреспубликанской) миграции, влияние молодежи на мобильность других групп мигрантов. Однако, судя по динамике общих коэффициентов, расширявшиеся возможности трудоустройства на базе экстенсивного роста стимулировали в большей мере миграцию в города РСФСР.

Таблица 26

Компоненты динамики численности населения РСФСР за 1960—1980 гг. (тыс. чел.)

Годы	Общий прирост		Городское население		Сельское население	
	естественный прирост	миграционный прирост	естественный прирост	миграционный прирост	естественный прирост	миграционный прирост
1961—1965	6944	-521	3583,9	3513,1	3361,0	-4935,0
1966—1970	4107	-592	2625,0	6593,0	1482,4	-6305,4
1971—1975	4180	-195	3174,6	5479,4	923,7	-5591,7
1976—1980	3731	697	3008,7	3672,3	681,0	-3024,0

Составлено по: Население России на рубеже XX—XXI вв.: Проблемы и перспективы. М., 2002. С. 272. Данные по городским поселениям и сельской местности рассчитаны по: Население России за 100 лет (1897—1997): Статистический сб. М., 1998. С. 85—89.

Данные об общем миграционном приросте включают чистую миграцию со странами дальнего зарубежья. Миграционный прирост сельского и городского населения включает территориально-административные преобразования.

Важнейшая тенденция миграции в течение 1960—1970-х гг. состояла в сокращении оттока населения из РСФСР, сменившегося в 1976—1980 гг. положительным сальдо миграции РСФСР с другими союзными республиками. Наибольший отток населения РСФСР приходился на 1961—1970 гг. Характерно, что особенно значительный отток из РСФСР в 1966—1970 гг. (-592 тыс. чел.) совпал с максимальным в рассматриваемый период миграционным приростом городского населения (6593,0 тыс. чел.) и оттоком из сельской местности (-6305,7 тыс. чел.). Такое совпадение вряд ли случайно. Скорее всего, оно отражает последствия роста численности молодых и высоко мобильных групп населения.

Приток населения в РСФСР (1976—1980 гг. 697 тыс. чел.) был результатом увеличившейся миграции в РСФСР русских и титульных народов ряда союзных республик (в 1960-е гг. из Белоруссии, Грузии и Азербайджана, а в 1970-е г., помимо этих республик, из Казахстана, Киргизии, а затем республик Средней Азии, Украины и Молдавии). Возможно, что в этот период значительно уменьшился отток русских в эти республики.

Данные о величине миграционного прироста в городских поселениях РСФСР (отток из сельской местности), приведенные в таблице 26, свидетельствуют о том, что масштабы и последствия перемещений населения в пределах республики были существенно больше по сравнению с внешними, т.е. межреспубликанскими перемещениями.

Миграция между селом и городом сохранила большую роль в 1960—1970-е гг. Такая оценка становится очевидной при сравнении миграционного прироста с естественным приростом. Таблица 26 наглядно показывает устойчивое и быстрое сокращение естественного прироста в сельской местности (см. подробнее главу «Демографическая характеристика сельского населения в 1960—1979 гг.» настоящего издания). Если в 1961—1965 гг. отрицательная чистая миграция превышала естественный прирост на 1574,9 тыс. чел., то в 1976—1980 гг. на 2343,0 тыс. чел. За исключением 1961—1965 гг., миграционный прирост городских поселений существенно превышал его естественный прирост.

Рассмотренные выше тенденции миграции по-разному проявились в регионах России[9]. Так, в 1961—1970 гг., т.е. в период значительного оттока населения из России, наибольшие потери населения в результате миграции были в Волго-Вятском (-659 тыс. чел.), Центрально-Черноземном (-437 тыс. чел.), Уральском (-892 тыс. чел.) и Западно-Сибирском (-742 тыс. чел.) районах. Устойчивым прирост населения за счет миграции в эти годы оказался в Северном (297 тыс. чел.), Поволжском (154 тыс. чел.), Северо-Кавказском (736 тыс. чел.) и Дальневосточном (+317 тыс. чел.) районах.

В 1971—1980 гг. ситуация существенно изменилась. Прежде всего, изменилось положение Центрального района, миграционный прирост которого оказался самым высоким в РСФСР: 751 тыс. чел. Уменьшилась роль Северо-Кавказского района (153 тыс. чел.) и сохранилось положительное значение миграции в Дальневосточном районе (437 тыс. чел.). Одновременно продолжился отток населения из Волго-Вятского района (-330 тыс. чел.), Центрально-Черноземного (-373 тыс. чел.) и Уральского (-652 тыс. чел.). Только в 1976—1980 гг. стал положительным миграционный прирост в Западно-Сибирском районе (153 тыс. чел.).

Важнейшим результатом миграции в России стало сближение уровней урбанизированности экономических районов. Например, в 1959 г. удельный вес городского населения в Дальневосточном районе составлял 68%, в то время как в Центрально-Черноземном — 37%. На протяжении 1960-х гг. уровни урбанизированности экономических районов сгладились. Темпы урбанизации были более высокими в наименее урбанизированных земледельческих районах России: ЦЧР и Волго-Вятском, а также в районах со средним уровнем урбанизированности: Западной и Восточной Сибири и Поволжье. Такой результат был достигнут на основе более быстрого роста урбанизированности менее развитых районов. Предполагалось, что в перспективе в связи с неуклонным сокращением разрыва в уровне урбанизированности экономических районов РСФСР региональные особенности воздействия сельско-городской миграции на процессы роста городского и сокращения сельского населения будут сглаживаться.

Другие последствия роста урбанизированности экономических районов состояли в том, что с ростом этого уровня относительная роль сельско-городской миграции сокращалась, а межгородской возрастала.

С ростом демографической урбанизированности экономического района, т.е. городского населения и уменьшения сельских жителей, повышалась эквивалентность обмена населением сельской местности с городами, а со снижением этого уровня более значительным становится дисбаланс между числом лиц, выбывших из сел в города и прибывающих их городов в села. В сельской местности, где наблюдался повышенный приток горожан, создавались более благоприятные предпосылки для социальной урбанизации: стереотипы городского поведения, ценности городского образа жизни проникают в село, приближая тем самым сельский образ жизни к городскому, урбанизируя его[10].

Правительство с помощью административных мер ограничивало приток населения в крупные, особенно столичные города. Однако в 1960-е г. попытка запретить прописку новых лиц в «режимных» городах сменилась введением «лимита прописки», которое давало право отдельным предприятиям прописывать в конкретном городе (например, Москве) определенное число лиц в течение года в пределах установленной квоты. Последствия такой политики оказали влияние не только на развитие «режимных» городов (состав рабочей силы, развитие социальной сферы и др.), но на периферию, где таких ограничений не было. Кроме того, сократился отток выпускников вузов: в соответствии со статьей 306 Гражданского Кодекса РСФСР 1964 г., при отъезде с места постоянного жительства на срок более 6 месяцев автоматически терялось право на эту жилую площадь (за исключением случаев так называемого бронирования площади при выезде за границу или вербовке в районы Крайнего Севера). В дальнейшем новое Положение о паспортной системе в СССР (1974 г.) предусматривало обязанность иметь паспорт всем гражданам СССР, достигшим 16-летнего возраста, независимо от места проживания, т.е. уравнивало городских и сельских жителей и отменяло дискриминацию по отношению к колхозникам. Помимо этого, разрешалась прописка в городах и поселках городского типа целого ряда категорий граждан (например, мужа к жене и наоборот, детей к родителям и наоборот, демобилизованных из армии на жилплощадь, где они проживали до призыва в армию и т.д.) независимо от санитарной нормы[11].

Сокращением принудительной и вынужденной миграции, о чем шла речь выше, монетарные причины миграции — в виде заработной платы, и немонетарные — в виде получения бесплатного жилья, доступа к различного рода услугам и образованию, определяли основные параметры миграции в 1960—1970-е гг. В этих условиях административные меры регулирования в виде прописки населения не могли противостоять потребности экономики в рабочей силе, удовлетворить которую в условиях сокращающейся рождаемости в большинстве районов России могла только миграция. Функция административных мер состояла в ограничении притока населения и селекции мигрантов по полу, возрасту, брачному положению, профессии, сфере занятости и т.д., которая определялась потребностями экономики и стремлением управленческих структур минимизировать возможные последствия миграции. Селективность миг-

рантов включала и способность преодолевать барьеры в виде прописки. Одновременно административные меры сдерживали отток населения, что было вполне объяснимо, учитывая психологические и материальные затраты на миграцию, особенно населения, прибывшего в крупнейшие города.

В целом же, начиная с 1960-х гг., миграция была важнейшим элементом рынка рабочей силы, который, по некоторым современным оценкам, обнаруживал «даже больше признаков полноценного рынка, чем другие рынки». Мобильность в бывшем СССР была ограничена дефицитом жилья и местными административными правилами. Однако все работники «могли переезжать, имея большую или меньшую гарантию трудоустройства на новом месте»[12].

Миграция в 1960—1970-е гг. оказала разностороннее влияние. На уровне индивида с ней была связана социальная мобильность населения (например, сельских жителей в города) и социальная структура общества. Экономические последствия миграции проявились в территориальном и отраслевом перераспределении рабочей силы. Демографические последствия миграции были связаны с ее влиянием на численность и состав населения в местах выхода и вселения мигрантов. Одним из последствий стала высокая доля мигрантов в составе населения РСФСР и большинства ее районов.

Несмотря на значительный отток части населения РСФСР до начала 1970-х гг., о чем шла речь выше, удельный вес мигрантов в структуре населения РСФСР, согласно переписи 1979 г., достиг 53,9% (в Казахской ССР он был равен 51,0%, Эстонской ССР 62,3%, в то время как удельный вес мигрантов в составе населения Азербайджанской ССР был 23,2%, Грузинской ССР — 33,3%, Узбекской ССР — 22,3%)[13]. Данные переписи показали также большие различия в составе населения в зависимости от продолжительности проживания. В качестве примера рассмотрим Дагестанскую АССР и Магаданскую область. В 1979 г. различия в составе населения этих регионов в зависимости от продолжительности проживания оказались наибольшими в РСФСР (табл. 27).

В 1979 г. удельный вес мигрантов жителей Дагестанской АССР был меньше, чем в среднем по РСФСР (соответственно 50,2% и 59,2%). Особенно низкой была доля мигрантов в составе сельских жителей (18,6%). Магаданская область является примером региона с определяющей ролью миграции в формировании структуры населения. В 1979 г. здесь была самой высокой в РСФСР доля мигрантов в составе населения (77,8%). Характерно, что удельный вес мигрантов существенно не различался среди городских и сельских жителей области (соответственно 79,5% и 72,3%). Столь же незначительными были различия в их структуре по полу.

Итак, в 1970-е гг. миграционные процессы в СССР характеризуются по сравнению с 1960 гг. большей противоречивостью. Впервые в истории нашей страны отмечается положительный баланс миграций в России (около 700 тыс. чел.). Приток новоселов шел в основном на Северный Кавказ, в Москву и на Дальний Восток.

Таблица 27

Состав населения в зависимости от продолжительности проживания в Дагестанской АССР и Магаданской области (по данным переписи 1979 г.)

	В % ко всему населению проживают		Проживают не с рождения					
	с рождения	не с рождения	менее 2 лет	2—5 лет	6—9 лет	10—14 лет	15—19 лет	свыше 20 лет
Дагестанская ССР								
Городское население — оба пола	49,8	50,2	18,5	20,9	13,7	12,0	11,5	23,4
Мужчины	51,8	48,2	21,8	21,4	13,1	11,6	11,4	20,4
Женщины	47,9	52,1	15,8	20,5	14,1	12,3	11,7	25,6
Сельское население — оба пола	81,4	18,6	16,5	18,3	12,5	12,8	11,4	28,5
Мужчины	82,4	17,6	17,8	18,6	12,4	13,1	11,6	26,5
Женщины	47,9	52,1	15,8	20,5	14,1	12,3	11,7	25,6
Магаданская область								
Городское население — оба пола	20,5	79,5	20,8	29,3	19,5	12,9	7,9	9,6
Мужчины	21,1	78,9	22,4	29,8	19,2	12,4	7,4	8,6
Женщины	19,9	80,1	19,2	28,9	19,7	13,5	8,4	10,3
Сельское население — оба пола	27,8	72,2	30,9	32,2	16,2	9,7	5,2	5,8
Мужчины	27,1	72,9	33,4	31,6	15,6	9,0	5,0	5,3
Женщины	28,7	71,3	27,8	32,9	16,9	10,4	5,6	6,4

Составлено по: Всесоюзная перепись населения 1979 г. М., 1983. Т. 10. С. 136—137, 162—163.

* * *

В 1960—1970-е гг. в СССР (но в основном в 1970-е гг.) наблюдается заметное возрастание эмиграционного оттока из СССР (в основном в США и Израиль)*. В условиях экономической нестабильности отдельные этносы, проживающие в СССР и имеющие свои этнические ареалы (как правило, образующие политические образования) за пределами Советского Союза, приступили к массовой эмиграции. Отсутствие каких-

* Материал по эмиграции представлен В.М. Кабузаном.

либо перспектив на восстановление попранной автономии, нерешенность многих социальных и культурных проблем привели к отъезду из СССР большого числа этнических немцев в Германию (в основном из России и Казахстана). Определенная неудовлетворенность евреев своим положением в СССР также привела к их массовому отъезду, преимущественно в США и Израиль.

Усилился отъезд народов, не имеющих за рубежом своей государственности. Здесь в первую очередь следует назвать армян. Разбросанные по всему свету представители этого этноса предпочли отъезд за рубеж возвращению в Армению на свою историческую родину, с которой многих ничего не связывало (например, армян Азербайджана, Туркмении и т.д.).

В 1961—1980 гг. за пределы СССР эмигрировало более 362 тыс. евреев, немцев и армян. При этом еще в 1960-е гг. эмиграция была незначительна (около 16 тыс. чел.), а в 1970-е гг. она становится заметным явлением в жизни страны. В 1961—1970 гг. из СССР выехало всего 15,6 тыс., в том числе евреев — 10,1 тыс., немцев — 5,6 тыс.; а в 1971—1980 гг. всего 347,2 тыс., в том числе 248,9 тыс. евреев, 64,2 тыс. немцев и 34,1 тыс. армян.

Более 60% всех эмигрировавших евреев направлялось в Израиль, около 31% — в США и почти 9% — в Польшу (а оттуда в Израиль). Немцы в подавляющей массе уехали в ФРГ, а армяне — в США.

Переписи 1959—1979 гг. показывают, что в эти годы общее число евреев в СССР сократилось почти на 460 тыс. чел. (с 2267,8 до 1811,0 тыс.). Эти данные свидетельствуют о том, что официальные сведения о масштабах эмиграции евреев из СССР в 1960—1970-е гг. скорее всего были несколько занижены (около 260 тыс. чел.), хотя не подлежит сомнению, что часть евреев при переписях определили свою национальность как украинцы и проч.

На Украине в эти годы численность евреев сократилась с 840,0 до 634,0 тыс. чел.; в России — с 875,3 тыс. до 701 тыс.; в республиках Средней Азии — с 119,4 тыс. до 115,0 тыс.; в государствах Прибалтики — с 66,7 до 48,0 тыс. и т.д.

Отток немцев из СССР в 1960—1970-е гг. был еще невелик и численность их продолжала увеличиваться благодаря высокому естественному приросту (в 1959 г. — 1610,9 тыс., в 1970 г. — 1846,3 тыс. и в 1979 г. — 1936,2 тыс. чел.). Лишь в России, откуда отток начался раньше всего, она сократилась с 820,0 до 790,8 тыс. чел. и одновременно выросла в Казахстане — с 659,0 до 960,2 тыс. человек.

Глава VII
Основные тенденции развития брачно-семейных отношений в 1960—1970-е гг.

Важнейшим фактором, влиявшим на семью, был урбанизационный процесс в стадии перехода от преимущественно сельского к городскому обществу. Даже простой численный рост городского населения обусловил не только доминирование горожан в составе населения страны, но и преобладание городских семей. Вместе с тем, влияние урбанизации было много масштабнее и глубже: менялись не только места жительства основной массы населения, но и образ жизни, психология, установки, в том числе и в области брачно-семейных отношений.

В изучаемые годы наблюдалось выравнивание возрастнополовой диспропорции полов в бракоспособных возрастных группах населения, вызванной демографическими последствиями Великой Отечественной войны. Расчеты демографов свидетельствовали о том, что послевоенная нормализация брачности завершилась к концу 1970-х гг. В этот период воевавшее поколение мужчин малочисленное из-за огромных потерь вышло за пределы активного брачного возраста[1]. Менялось состояние в браке у мужчин и женщин. Так, в РСФСР в возрасте 16 лет и старше — на 1000 мужчин состояло в браке в 1959 г. — 692, в 1970 г. — 716, в 1979 г. — 708; на 1000 женщин — 505, 563, 569. Из приведенных данных видно численное сокращение к 1979 г. по сравнению с 1970 г. состоящих в браке мужчин и увеличение, хотя и небольшое, замужних женщин. В СССР также было зафиксировано уменьшение числа женатых мужчин и стабильная численность замужних женщин — у мужчин — соответственно 695, 722, 707, женщин — 522, 580, 580. Число состоящих в браке мужчин оставалось преобладающим, особенно в средних и в пожилых возрастах, несмотря на оздоровление возрастнополового состава российского общества[2].

В материалах переписи населения 1979 г. отразился рост числа мужчин, никогда не состоявших в браке — на 1000 мужчин в возрасте 16 лет и старше таких было 233. Женщин в этом возрастном интервале, никогда не состоявших в браке, было значительно меньше — на 1000 женщин — 158. Однако к возрасту 45—49 лет никогда не состоявших в браке в Российской Федерации было 2% мужчин и 4% женщин. Таким образом, уровень окончательного безбрачия оставался традиционно низким. Вдовцов и разведенных мужчин было численно меньше, чем вдов и разведенных женщин, особенно в возрастах 50 лет и старше. Это было связано с огромными потерями мужского населения в годы Великой Отечественной войны и вызывало естественные затруднения для вступления женщин в повторный брак[3].

В мотивации вступления в брак и создания семьи преобладали нравственно-психологические ценности. В российском обществе высоко це-

нился свободный брачный выбор, основанный на любви, духовной близости и привязанности. Вступление в брак, основанное на рациональном, в том числе материальном расчете, воспринималось, как правило, критически. Такие брачные союзы, как показали материалы обследований, проведенных в 1960—1970-е гг., были малочисленными. Неслучайно, что в обществе значительно выросли потребности в духовной интимности и автономности брачного союза и семьи.

Ценности брачно-семейных отношений в основном носили светский характер. Браки, как правило, были гражданскими и регистрировались в ЗАГСах.

В 1960—1970-е гг. усилилось разъединение брачного, сексуального и репродуктивного поведения населения, что имело огромные демографические последствия. Одним из них стало расширение распространения в молодежной среде сексуальных добрачных связей. Причем молодые люди не всегда связывали это с последующим вступлением в брак. В условиях низкой сексуальной культуры такие контакты нередко приводили к нежелательным добрачным зачатиям, увеличению числа абортов, вынужденному вступлению в брак. Однако не все женщины выходили замуж. Внебрачная рождаемость получила широкое распространение среди женщин молодых возрастов (15—19 лет) и средних возрастных групп (40—44 года). В РСФСР доля внебрачной рождаемости в общем числе рождений составляла в 1970 г. — 10,6%, а в 1980 г. — 10,8%. В таких случаях создавались неполные «материнские» семьи. Распространение внебрачной рождаемости оказало влияние на трансформацию традиционных ценностей брачно-семейных отношений. Рождаемость перестала рассматриваться как важнейший элемент брака. Отношение населения к внебрачной рождаемости становилось более терпимым и менее критичным.

Важно отметить, что в эти годы молодежь в зарубежных странах активнее, чем советская, вступала в сексуальные добрачные связи. Это свидетельствовало о единых демографических процессах и явлениях в большинстве стран мира.

Разъединение брачного, сексуального и репродуктивного поведения способствовало изменению взглядов населения на сексуальное поведение мужчин и женщин, в том числе и в супружестве. Трансформация сексуального поведения имела важные последствия. Так, разрушались ранее принятые в обществе представления о сводимости брака к деторождению. Двойные стандарты на сексуальное поведение мужчин и женщин заменялись единой сексуальной моралью. Росли внебрачные сексуальные контакты у женщин. Данные выборочных опросов показали, что в 1969 г. наличие таких связей признавала каждая третья женщина[4]. Изменение в обществе традиционных ценностей брака и морально-психологических норм брачного поведения, увеличение сексуальных добрачных отношений влияло на возраст вступления в брак.

С середины 1960-х гг. в РСФСР наблюдалось увеличение числа ранних браков, особенно у женщин. Если в Российской Федерации в 1959 г. — на 1000 мужчин в возрасте 18—19 лет состояло в браке 38, то в 1970 г. — 40; на 1000 женщин — соответственно 143 и 159[5]. Это было обусловле-

но демографическими последствиями военных лет. В конце 1950-х гг. в наиболее активных брачных возрастах находилось малочисленное, с сильной возрастнополовой дифференциацией поколение, пережившее Великую Отечественную войну. В 1970-е гг. послевоенное поколение достигло возраста 20 лет. Оно было многочисленнее и с примерно равным численным соотношением мужчин и женщин.

Молодые люди, вступая в ранние браки (до 20 лет), не имели экономической самостоятельности и ориентировались на всестороннюю помощь со стороны родителей. Возрастала зависимость взрослых, состоящих в браке детей, от родителей, что в целом сказывалось на характере брачно-семейных отношений. Омоложение возраста вступления в брак было связано и с акселерацией физического и умственного развития молодежи. Немаловажное значение имело сокращение призывного возраста и срока службы в армии по закону о всеобщей воинской обязанности 1967 г. и т.д.

Однако большинство юношей и девушек вступало в брак в возрастном интервале от 20 до 30 лет. Это было характерно в целом для европейской части СССР. Так, за период с 1968 — 1972 гг. по 1982 г. брачный возраст у мужчин снизился с 26,5 лет до 24,7 лет, а у женщин — с 24,7 лет до 23,2 лет. В конце 1970-х гг. в европейской части СССР у женщин фиксировалось и позднее вступление в брак — в возрастах после 30 лет.

В конце 1970-х гг. наблюдалось сближение показателей вступления в первый брак между населением различных союзных республик. Мужчины вступали в первый брак в среднем в возрасте 24—25 лет, женщины — 21—22 лет. В республиках Средней Азии и Закавказья число вступавших в ранние и сверхранние браки существенно снизилось. В связи с получением женщинами среднего и высшего образования, особенно в городах, наблюдалось повышение возраста вступления в брак. Ранние браки (16—19 лет) получили незначительное распространение в Латвии, Литве, Эстонии[6].

Рост числа ранних браков в РСФСР в условиях разъединения брачного, сексуального и репродуктивного поведения не привело к росту брачности населения. Уровень брачности в Российской Федерации в 1960—1970-е гг. снижался, что стало особенно заметно в середине 1960-х гг. Если в 1957 г. коэффициент брачности был 12,5‰, в 1958 г. — 12,65‰, в 1960 г. — 12,55‰, то в 1965 г. — 8,75‰. Во второй половине 1960-х гг. уровень брачности населения вырос. В 1966 г. он составил 9,05‰, а в 1969 г. — 9,75‰. Это оставалось характерным и для первой половины 1970-х гг. Однако во второй половине этого десятилетия в РСФСР рост брачности не фиксировался: в 1970 г. — 10,15‰, в 1973 г. — 10,65‰, в 1975 г. — 11,15‰, в 1977 г. — 11,25‰, в 1979 г. — 11,15‰[7].

Суммарный коэффициент брачности* снижался как у мужчин, так и у женщин. У мужчин он составлял в 1958—1959 гг. — 1,449, в 1969—1970 гг. — 1,354, а в 1978—1979 гг. — 1,268. У женщин — соответст-

* Среднее число браков к возрасту 60 лет.

венно 1,332, 1,288, 1,259[8]. Как видно из этих показателей в конце 1970-х гг. в условиях нормализации возрастнополового состава населения в РСФСР число вступлений в брак у мужчин и женщин сблизилось.

Уровень брачности зависел от национальной принадлежности женщин. Демографы выявили, что в 1970 г. доля, состоявших в браке женщин в возрасте 16 лет и старше, была ниже у белорусок (52,8%), чем у узбечек (67,1%), туркменок (67,3%), таджичек (69,5%). Доля русских замужних женщин в 1970 г. составляла 56,9%. С увеличением возраста вступления в брак наблюдалось снижение различий в доле состоявших в браке женщин.

В 1970 г. по сравнению с 1959 г. выросла доля состоявших в браке украинок, белорусок, литовок, грузинок, латышек, эстонок. В то же время у казашек, киргизок, азербайджанок, узбечек, таджичек, туркменок сократилась, но оставалась высокой. Это в целом соответствовало изменениям в возрасте вступления в брак у женщин основных национальностей СССР[9].

Широко были распространены в Российской Федерации межнациональные браки. В 1959—1970 гг. средний прирост доли национально-смешанных браков в европейской части СССР, включая РСФСР, был равен 4,2%, в Закавказье — 0,7%, в Средней Азии и Казахстане — 3,9%. Однако в 1970—1979 гг. их доля снизилась во всех регионах страны — соответственно 2,5%, 0,2%, 0,1%.

Межнациональные браки были популярны у русских. Их присутствие в инонациональной среде определяло уровень смешанных браков. Изменение численности русского населения в регионах Советского Союза было одним из факторов сокращения прироста доли межнациональных браков в 1970-е гг. Однако доля национально-смешанных семей среди всех семей в СССР росла. Так, в 1959 г. она составляла 10,2%, в 1970 г. — 13,5%, в 1979 г. — 14,9%, т.е. с 1959 г. по 1979 г. доля межнациональных браков увеличилась на 4,7%[10].

Продолжительность брачной жизни снижалась. Так, в 1970-е гг. в РСФСР доля браков, прекратившихся из-за развода, составляла 50%, в Эстонии — 55%, Латвии — 56%. В целом в СССР — 46%. Важнейшую роль в этом играло не овдовение, а численный рост разводов, особенно в городах. В СССР в течение первых двадцати лет брака из-за смерти мужа распалось 10,9% браков, жены — 4,9%, а в результате развода — 29,9%. Однако вероятность прекращения брака из-за смерти одного из супругов оставалась значительней в пожилых возрастах[11].

РСФСР — на 100 брачных пар было разводов в 1960 г. — 12,3, в 1970 г. — 31,9, в 1975 г. — 37,4, в 1979 г. — 43,8 (табл. 28).

Суммарный коэффициент разводимости населения также рос*. Так, к возрасту 60 лет он был равен: в 1958—1959 гг. у мужчин — 0,210, у женщин — 0,160; в 1969—1970 гг. — соответственно 0,455 и 0,414; в 1978—1979 гг. — 0,590 и 0,558[12]. Из приведенных данных видно уравнение суммарного коэффициента разводимости у мужчин и у женщин

* Среднее число разводов к возрасту 60 лет.

особенно в конце 1970-х гг. Одним из факторов этого стало упрощение процедуры развода в 1965 г. и особенно в 1968 г. В Указе, принятом Президиумом Верховного Совета СССР 10 октября 1965 г., сокращалось судебное рассмотрение дел от двух инстанций до одной. Одновременно отменялась публикация в газете объявления о расторжении брака. В 1968 г. в связи с принятием Кодекса о браке и семье РСФСР процедура развода была еще более упрощена. Так, супруги, не имеющие общих детей до 18 лет, при обоюдном согласии имели право не обращаться в судебные инстанции, а разводиться в ЗАГСе[13].

Таблица 28

Динамика браков и разводов и общих коэффициентов брачности и разводимости в РСФСР

Год	Число браков (тыс.)	Число разводов (тыс.)	На 1000 человек	
			браков	разводов
1960	1499,6	184,4	12,5	1,5
1970	1319,2	396,6	10,1	3,0
1980	1464,6	580,7	10,6	4,2

Составлено по: Население СССР, 1987: Статистический сб. М., 1988. С. 190.

Наименее устойчивые браки заключались в ранних и в пожилых возрастах. Разводы наиболее активно совершались в возрастных группах от 20 до 40 лет. Причем женщины в основном разводились в возрастах до 40 лет, а мужчины — после 40 лет.

В Российской Федерации расторгнутые браки в среднем имели продолжительность 9—10 лет. Причем если в 1970 г. продолжительность брака в среднем была 9,78 лет, в 1975 г. — 9,96 лет, то в 1979 г. увеличилась до 10,40 лет.

Разводы в большинстве случаев встречались у супругов с небольшой продолжительностью брачной жизни. Так, из браков, заключенных в 1960 г., в первые пять лет было расторгнуто 37% брачных союзов, а в 1975 г. — 55%. Росло число браков, распавшихся в первые 10 лет брачной жизни. В середине 1970-х гг. на первом году брака из-за развода распадался 1% браков; через 5 лет брачной жизни — 10%, а через 10 лет — 17% браков. Демографы считали, что одним из факторов этого была неспособность супругов к адаптации в совместной жизни, социальная инфантильность, неподготовленность к браку, незнание функций семьи, а также сложностей, возникающих в процессе совместной жизни[14].

Снижение значения овдовения в прекращении брака в 1960—1970-е гг. шло в основном за счет сокращения овдовения мужчин. Это было связано с более высокой продолжительностью жизни у женщин, чем у мужчин. Однако причины прекращения брака широко варьировались в пределах СССР. Так, в РСФСР, Латвии, Эстонии браки в основном прекращались из-за развода. В этих республиках показатели разводимости на-

селения были наиболее высокими. В 1970—1978 гг. доля браков, прекратившихся из-за развода, составляла в РСФСР — 50%, в Латвии — 56%, Эстонии — 55%. Более низкие показатели разводимости фиксировались на Украине (45%), Белоруссии (42%), Литве (42%), Молдавии (41%). Самые низкие показатели разводимости населения были в Грузии (20%), Азербайджане (29%), Узбекистане (29%), Киргизии (30%), Туркмении (31%), Таджикистане (33%), Армении (34%), Казахстане (35%). В этих республиках в прекращении брака преобладала смерть мужа или жены[15].

Распространение разводов в Российской Федерации способствовало росту числа неполных, малочисленных семей, во главе которых в основном стояли женщины. В этих условиях в значительной степени возрастали нагрузки на женщин. Возникали дополнительные сложности в воспитании детей. Все это меняло репродуктивное поведение женщин и сказывалось на демографических параметрах семьи.

Разведенные или овдовевшие мужчины и женщины могли вступать в брак повторно. В изучаемые годы среди повторно вступающих в брак численно преобладали разведенные мужчины и женщины. Это в целом соответствовало увеличению доли распавшихся браков в результате разводов и сокращением из-за смерти одного из супругов. Из приведенных данных видно, что мужчины чаще, чем женщины вступали в брак повторно. Так, в Советском Союзе в 1978—1979 гг. — на 1000 ранее состоявших в браке вступало в повторные браки мужчин — 97,4, женщин — 15. Оздоровление возрастнополовой структуры общества способствовало изменению брачного поведения мужчин и женщин. Это выражалось, прежде всего, в том, что число мужчин, вступающих в повторный брак, снижалось, а женщин возрастало. Из расчетов демографов видно, что в Российской Федерации — на 1000 разошедшихся или овдовевших вступало через 5 лет в повторный брак мужчин в 1950—1954 гг. — 552, в 1960—1964 гг. — 467, в 1975—1979 гг. — 461; женщин — соответственно 145, 161, 216. Однако повторные браки не могли компенсировать всех случаев распадения браков, особенно у женщин. Это было связано с отсутствием брачных партнеров у женщин средних и пожилых возрастов в результате демографических последствий Великой Отечественной войны, а также более высокого уровня смертности мужчин по сравнению с женщинами. Огромное влияние оказывала нестабильность повторных брачных союзов. Мужчины нередко вступали в брак повторно не с разведенными или овдовевшими женщинами, а с никогда не состоявшими в браке, что снижало возможности вдов и разведенных женщин выйти замуж повторно[16].

Таким образом, преобладание в ценностных установках населения нравственно-психологических мотивов на брачно-семейные отношения, стремление к интимности усложняло требования к брачному союзу и усиливало его внутреннюю нестабильность. Семейные ценности влияли на тип, величину, детность семьи, а также семейные отношения.

В изучаемые годы наблюдался численный рост семей. Перепись населения 1959 г. учла 28,5 млн семей. В 1970 г. число семей увеличилось до 32,6, в 1979 г. до 36,7 млн семей. Прирост семей в РСФСР за 1959 —

1979 гг.* составлял 28,7%, а в СССР — 31,8%. Процент прироста семей в РСФСР был выше, чем в Грузии (23,7%), Латвии (25,6%), на Украине (26,4%), в Эстонии (27,8%), Белоруссии (28,2%). Однако — ниже, чем в Литве (34,3%), Азербайджане (43,0%), Молдавии (45,4%), Киргизии (51,5%), Туркмении (51,9%), Узбекистане (57,4%), Казахстане (59,1%), Таджикистане (60,2%) и Армении (74,3%).

В условиях углубления и расширения урбанизационных процессов, а также мобильности населения прирост числа семей в Российской Федерации осуществлялся за счет роста числа семей горожан и сокращения сельчан. Если в РСФСР доля городских семей в общем числе семей составила в 1959 г. — 53,0%, то в 1979 г. — 69,8%. В СССР — соответственно 48,5% и 64,0%.

Население Российской Федерации в основном проживало в семьях. «Одиночек»** численно было значительно меньше, чем членов семей. Однако их число росло, особенно среди женщин. На 1000 человек постоянного населения было одиночек в Российской Федерации в 1959 г. — 48, в 1970 г. — 66, в 1979 г. — 70, а в СССР — соответственно 45, 59, 60[17].

Однако число членов семей сокращалось, а одиноких людей увеличивалось, хотя в целом группа «одиночек» была малочисленной.

В Российской Федерации возрастной состав членов семей был молодым и трудоспособным. Среди членов семей, проживавших совместно с семьей, преобладали лица в возрастах до 20 лет, а также 20—29, 30—39, 40—49 лет. Однако среди членов семей доля женщин в пожилых и старческих возрастах была выше, чем у мужчин.

Среди «одиночек» у мужчин превалировали возраста от 30 до 49 лет, а у женщин — 60 лет и старше, доля же молодых возрастов 20—29 лет у женщин была ниже, чем у мужчин[18].

Таким образом, возрастной состав российских семей оставался молодым и трудоспособным. Его изучение также показало, что в 1960—1970-е гг. было распространено отделение от семьи взрослых детей, в том числе и не состоявших в браке, что увеличивало дробление семей. Вдовы и разведенные женщины с детьми, не вышедшие повторно замуж, нередко в средних и особенно в пожилых и старческих возрастах оставались одни, пополняя группы членов семьи, живущих отдельно, и «одиночек». Это влияло на тип и величину семьи.

Особенность процесса нуклеаризации семей в РСФСР в изучаемые годы выражалась в сокращении не только числа брачных пар, но и поколений в семьях. Неслучайно, что преобладали и численно возрастали полные семьи с брачной парой, с детьми или без них. Так, в Российской Федерации — на 1000 всех семей этот тип семьи составлял в 1970 г. — 633, а в 1979 г. — 663. Семьи переходного типа от сложных к простым, состоявшие из одной брачной пары с детьми или без них, с одним из ро-

* Включая Калининградскую область, входившую в состав Прибалтийского экономического района.

** Лица, не связанные с семьей общим бюджетом, и не имеющие семьи.

дителей супругов и с другими родственниками, численно сокращались — соответственно 157 и 128. В то же время выросло, хотя и незначительно, число простых неполных семей, состоявших из матери или отца с детьми — 125 и 127. Полные сложные семьи были малочисленны. Однако их число немного увеличилось в 1979 г. — 31 и 35. Численность неполных сложных семей, в состав которых входили мать или отец с детьми, с одним из родителей матери (отца), уменьшалась — 54 и 47. Это было характерно и для типов семей в СССР — соответственно 636 и 661; 160 и 133; 116 и 118; 37 и 43; 51 и 45[19].

Изучение типов семей выявило, что простые семьи по способу образования, составу, функционированию отличались от сложных семей. Наряду с этим имелись соответствующие различия и в типе простой семьи. Эта семья формировалась по-разному. В результате, например, дробления сложных семей после выхода из нее молодых супружеских пар или взрослых детей, не состоявших в браке, развода или смерти кого-то из членов семьи. Простая семья создавалась при вступлении в брак и появлении детей, а также при рождении ребенка у одинокой женщины. Специфика образования простых семей оказывала влияние на число поколений в семье, на существование брачной пары (полная или неполная семья), на характер взаимоотношений с родственниками и в целом на жизненный цикл семьи[20].

Высокий уровень нуклеаризации семей наблюдался в РСФСР, где процент нуклеарных семей* составлял в 1970 г. — 75,8, в 1979 г. — 79,0. Близкие показатели по своему уровню были зафиксированы в Украине и Белоруссии, а также в Молдавии — 84,5и 87,0. В республиках Средней Азии и Закавказья эти показатели были ниже: в Казахстане — 73,6 и 75,9; Грузии — 69,9 и 67,6; Узбекистане — 69,2 и 68,6 и т.д. В республиках с высоким уровнем нуклеаризации доля простых семей росла, а с низким — сокращалась, за исключением Казахстана[21].

Величина семьи сокращалась. Если средний размер семьи в Российской Федерации составлял в 1970 г. — 3,5 чел., то в 1979 г. — 3,3 чел. В Советском Союзе этот процесс шел менее интенсивно — соответственно 3,7 и 3,5 чел. Более высокий показатель по Союзу был связан с тем, что в республиках Закавказья и Средней Азии величина семьи традиционно была численно больше, чем в РСФСР, Украине, Белоруссии, Молдавии, а также республиках Прибалтики, насчитывая, как правило, — 4,5—4,7 чел. (в Литве, Латвии и Эстонии). Так, средний размер семьи в Азербайджане был равен в 1970 г. — 4,5 чел., в 1979 г. — 4,5 чел.; Армении — соответственно 4,7 и 4,5 чел[22]. Таким образом, несмотря на существование в СССР разных размеров семей, в материалах переписей населения, проведенных в 1970 г. и 1979 г., не были зафиксированы многочисленные семьи, характерные для прошлых десятилетий.

Сокращение величины семьи определялось рядом социальных и демографических факторов. Демографы отмечают, например, влияние роста числа работающих женщин, трансформации репродуктивного по-

* От семей всех типов.

ведения и снижения уровня рождаемости, численности состоявших в браке мужчин и женщин, изменения функций семьи и т.д.[23] В условиях 1960—1970-х гг. уменьшение величины семьи более активно шло в селах, чем в городах.

Величина семьи менялась в зависимости от типа семьи. Наиболее многочисленными были сложные семьи, состоявшие из двух или более брачных пар с детьми или без них, родителей супругов и других родственников или без них. В РСФСР средний размер таких семей состоял в 1970 г. — из 5,7 чел., а в 1979 г. — из 5,6 чел. В СССР — соответственно из 6,1 и 6,3 чел. Семьи переходного характера от сложных семей к простым семьям были численно меньше, чем сложные семьи. Это — семьи с одной брачной парой с детьми или без них, с одним родителем кого-то из супругов или без него, с другими родственниками. В РСФСР средний размер таких семей в 1970 г. был равен 4,7 чел., в 1979 г. — 4,5 чел. В СССР — 4,8 и 4,8 чел. Однако в РСФСР наиболее распространенными были простые семьи, состоявшие из одной брачной пары и детей или без них. В среднем они состояли в 1970 г. — из 3,4 чел., а в 1979 г. — из 3,1 чел. В СССР — из 3,5 и 3,3 чел. Величина неполных сложных семей (мать или отец с детьми, с одним из родителей матери или отца и с другими родственниками) была численно больше, чем простых полных семей. В РСФСР в 1970 г. — 3,6 чел., в 1979 г. — 3,4 чел., в СССР — 3,7 чел. и 3,4 чел. Малочисленными были неполные простые семьи (мать или отец с детьми). Средний размер таких семей в РСФСР составлял в 1970 г. — 2,4 чел., в 1979 г. — 2,3 чел., а в СССР — 2,5 и 2,4 человека.

Величина семьи была связана с занятостью ее членов. Из данных переписи населения 1979 г. видно, что в Российской Федерации семьи, где был занят один член, в основном состояли из 2 человек. Это были семьи вдов, разведенных женщин или одиноких матерей с детьми. Если в семье были заняты 2—3 члена, то в ее состав входило 3—4 человека. Такие семьи были простыми или переходными от сложных семей к простым семьям. Семьи, где отсутствовали занятые члены, в большинстве случаев были семьями пожилых людей, состоявшими из 2 человек.

Семьи, принадлежавшие к одной общественной группе, численно были меньше, чем семьи, члены которых относились к разным общественным группам.

Величина семьи определялась также национальной принадлежностью ее членов. В Российской Федерации наиболее многочисленные семьи были у народов Северного Кавказа: от 4,9 членов у лезгин до 5,9 членов у ингушей. Еврейские семьи также были малочисленны — 3,1 чел. Любопытно, что средний размер семей в Российской Федерации, все члены которой принадлежали к одной национальности, были меньше (3,5 чел.), чем семьи, где ее члены принадлежали к разным национальностям (4,4 чел.). Однако в Советском Союзе существовала незначительная разница в величине таких семей — соответственно 3,7 и 3,8[24].

Таким образом, величина семьи определялась ее типом, уровнем занятости, национальной принадлежности ее членов. Важную роль также играла детность семьи.

Как уже говорилось выше, период 1960—1970-х гг. проходил, как и во многих индустриальных странах, под знаком демографического перехода. Однако в России он протекал усложненно и специфически. Отчасти этот процесс был деформирован длительным вмешательством государства в личную и семейную жизнь граждан, в частности поощрением многодетности. Государству не удалось преодолеть складывавшуюся установку на сознательное ограничение и внутрисемейное регулирование рождаемости. Однако, низкая половая культура, отсутствие качественных и доступных средств контрацепции и др. имели следствием несколько негативных и опасных тенденций. Российские женщины занимали ведущее место в мире по числу абортов, частота которых в 10—15 раз превышала уровень любой развитой капиталистической страны и в 20 раз минимальный европейский уровень.

В Российской Федерации численно преобладали однодетные семьи. Из данных переписи населения 1970 г. видно, что семьи с одним ребенком составляли 38,1%, с двумя — 27,0%, с тремя — 8,3%, с четырьмя — 2,9%, с пятью и более детьми — 2,3%. Таким образом, доля многодетных семей была незначительной. Это было характерно и для СССР — соответственно 35,4%, 26,4%, 9,0%, 3,8%, 4,2%. В то же время процент бездетных семей также был высоким: в РСФСР — 21,4, в СССР — 21,2.

Однако окончательное число детей в семьях, где женщины находились в средних возрастных группах и выходили из активного репродуктивного возраста, было двое детей. В РСФСР 41,2% женщин в возрасте 35—39 лет имели двоих детей, а в СССР — 38,8%.

Число детей в семьях зависело от степени и характера занятости матерей в общественном или личном подсобном хозяйстве. По большему числу детей выделялись семьи, где матери были заняты в личном подсобном сельском хозяйстве, а также в общественном производстве преимущественно физическим трудом. По данным переписи населения 1970 г. — на 1000 матерей, занятых в личном подсобном сельском хозяйстве, было детей — 2649; занятых в общественном производстве физическим трудом — 1972, а умственным трудом — 1540; находящихся на обеспечении государства, на иждивении отдельных лиц, или имеющих другой источник средств существования — 1600. В СССР — соответственно 2797, 2140, 1593, 1798.

Число детей в семье зависело от принадлежности матери к определенной социальной группе. Так, в РСФСР — на 1000 матерей рабочих приходилось детей — 1853, служащих — 1529, колхозниц — 2249, а в СССР — 1978, 1610, 2415.

Рост образовательного уровня населения в российском обществе способствовал сокращению числа детей в семье. В Российской Федерации — на 1000 матерей, имеющих высшее, незаконченное высшее и среднее специальное образование, приходилось детей — 1487, среднее образование — 1487, неполное среднее — 1811, начальное и ниже начального — 2011. В Советском Союзе — 1550, 1651, 1980, 2182[25].

Таким образом, в 1960—1970-е гг. в РСФСР число детей в семье было обусловлено типом семьи, а также возрастом, источниками средств

существования, принадлежностью к определенной социальной группе, уровнем образования матерей.

Огромную роль играли социальные нормы детности, принятые в обществе и отношение к ним населения[26]. Важным фактором также был существующий в обществе уровень рождаемости и детской смертности. Значительное влияние оказывала трансформация взглядов населения на ценности брачно-семейных отношений.

В 1960-е и особенно в 1970-е гг. в российском обществе наметились новые тенденции в развитии брака и семьи. Так, наряду с брачными союзами, оформленными юридически, существовали фактические браки, не зарегистрированные в ЗАГСе. В то же время существовали браки, оформленные юридически, но с раздельным проживанием супругов. Это способствовало разделению родительства и супружества, а также брака и семьи. Важно также отметить, что распространение нетрадиционных форм брака и семьи в обществе воспринималось спокойнее, чем в прошлые десятилетия. При этом учитывались интересы и потребности личности[27].

Таким образом, можно говорить о том, что нормы брачного поведения в обществе становились менее традиционными и более гибкими. Новые тенденции в брачно-семейных отношениях углубились и расширились в конце XX века.

Менялись отношения в семье. Сократились авторитарные проявления между мужем и женой, родителями и детьми. Семейные отношения стали демократичнее. Члены семьи свободно выбирали свой жизненный путь, самостоятельно решали проблемы личной жизни, реализовывали интересы, часто находящиеся за пределами семьи. Возрастание внесемейных установок усиливало у большинства членов семьи потребность в автономности. В то же время значительно увеличились и возможности для полной реализации своих интересов за пределами семьи. Одновременно значительно возросло стремление к морально-психологической близости в отношениях между супругами, а также родителями и детьми.

Изменялись отношения между семьей и обществом. В современных условиях в семье усилилось значение взаимопомощи и поддержки, организации досуга и отдыха (рекреативная функция), а также поддержание морально-психологического климата в семье, осуществление социального контроля и власти в семье (коммуникативная и регулятивная функция). Все это свидетельствовало о новом историческом типе семьи[28].

Однако семья утратила прежнюю стабильность. Семейные отношения существенно усложнились. Это порождало конфликтность и, как следствие этого, рост числа разводов. К 1980-м гг. в России сложилось положение, когда около половины мужчин и женщин в течение жизни расторгали брак. В среднем на каждые 5 зарегистрированных браков расторгалось 2, причем более 30% разводов приходилось на молодые семьи с семейным «стажем» до пяти лет. В 1980-е гг. эти тенденции усилились. Демографы А.И. Антонов и В.А. Борисов пришли к выводу о кризисе семьи. Его внешние проявления они видели в увеличении численности разводов населения, внутрисемейных конфликтах, низком уровне рождаемости, высокой подростковой преступности[29].

Существовали и другие объяснения трансформации брачно-семейных отношений. А.Г. Вишневский связывал это с кризисом традиционных демографических и семейных отношений в результате общего модернизационного сдвига, наблюдающегося в России с конца XIX — начала XX века.

С.И. Голод, как и А.Г. Вишневский, считал, что рост разводимости населения и дестабилизацию семьи нельзя рассматривать как проявления кризиса семьи. Он пришел к заключению о том, что изменения семьи, связанные с автономизацией брачности, сексуальности и прокреации, свободным выбором брачного партнера; превращением развода в атрибут брака есть результат общих социальных перемен, происходящих в российском обществе[30].

Разные подходы и объяснения изменений в семье, происходящих в России на протяжении XX в., свидетельствуют о неразработанности и острой дискуссионности этой проблемы. Однако важно отметить, что такая трансформация семьи была характерна не только для России, но и для других стран.

Глава VIII
Особенности городской семьи

Урбанизационные процессы в 1960—1970-е гг. оказывали огромное влияние на специфику брачности и демографического поведения горожан. Важную роль в этом играли ценностные установки городского населения на брачно-семейные отношения.

В изучаемые годы горожане, как и большинство населения в Российской Федерации, рассматривали любовь как высочайшую ценность в жизни человека. Широкое распространение получила точка зрения о том, что именно любовь должна быть эмоциональной основой брака. Распространенность таких взглядов в обществе подтвердили результаты обследований рабочих, инженерно-технических работников, служащих, проведенных в 1960—1970-е гг. на промышленных предприятиях Москвы и Подмосковья, Перми и Пермской области, Ленинграда. Негативное отношение к любви в брачном выборе проявилось у меньшинства опрошенного населения. Однако любовь в большинстве случаев рассматривалась как духовное чувство. Понимание любви носило сугубо индивидуальный характер. Это, несмотря на общие ценностные ориентации у мужчин и женщин, вступающих в брак, нередко вызывало конфликтную ситуацию в брачно-семейных отношениях[1].

Изучение ценностных установок студентов на брак и семью в 1960-е гг. показало, что молодые люди, состоящие в браке, этические стороны в брачно-семейных отношениях оценивали выше, чем эмоциональные и материальные, а не состоящие в браке занижали этические и завышали эмоциональные и сексуальные ценности.

Однако в 1970-е гг. в брачных ориентациях горожан появились новые аспекты. Это было обусловлено дальнейшим разъединением и автономизацией брачного, сексуального и репродуктивного поведения населения, что особенно интенсивно проявлялось в городах. Ослабли традиционные запреты и ограничения в сексуальном поведении женщин. Росла требовательность к интимным сторонам брака и супружества. Вступление в брак не всегда связывалось молодыми людьми с деторождением. Терпимее становилось отношение городского населения к распространению в обществе добрачных сексуальных контактов и внебрачных отношений[2].

В городах значительно сократился внешний социальный контроль за личной и семейной жизнью. Брачно-семейные отношения становились автономными и интимными, что позитивно воспринималось общественным мнением[3].

Трансформировались добрачные отношения молодежи. Их изучение показало, что значительная часть юношей и девушек стремилась к вступлению в брак и созданию семьи. Однако на селе это было выражено сильнее, чем в городе. Обследование добрачного поведения городской и сельской молодежи в Удмуртской АССР свидетельствовало о

том, что в 1970-е гг. свидания молодых людей на селе происходили в основном в активных брачных возрастах 20—24 года, а в городе — в наиболее молодых возрастных группах — 15—18, 19—20 лет. Такое поведение было связано с более традиционным отношением сельской молодежи к браку и семье. Причем в селах родители имели более сильное влияние на молодежь, чем в городе.

В российских городах большинство будущих мужей и жен знакомились в процессе совместной учебы, работы, на отдыхе, через знакомых и родственников, а также в условиях проживания в одном доме, на одной улице и т.д. Об этом свидетельствовали исследования, специально проведенные в 1970—1980-е гг. в Ленинграде и Свердловске.

Проведенные исследования также показали неподготовленность большинства юношей и девушек к вступлению в брак. Это, прежде всего, выражалось в стандартных и излишне идеалистичных ценностных установках на брак и отсутствии реальных представлений о жизни в браке, что сказывалось впоследствии на стабильности брачно-семейных отношений[4].

В 1960-е гг. особенности воспитания юношей и девушек удерживали многих из них от сексуальных добрачных контактов. Однако в последующие годы в условиях постепенной либерализации половой морали сексуальные добрачные контакты молодежи возрастали. Обследования, проведенные среди студентов в Ленинграде, показали, что в 1957 г. большинство опрошенных юношей вступали в первую сексуальную связь в возрастах 19—21, девушек — 22—24 года, в 1964 г. юноши — в 16—18 лет, девушки — в 19—21 год, а в 1971 г. — соответственно 16—18 лет и 19—21 год. Таким образом, из этих данных видно снижение возраста вступления в сексуальные отношения молодежи, особенно у юношей. Произошли изменения в сексуальном поведении у девушек. То же наблюдалось и в других городах. Причем не только среди студентов, но и среди рабочих, и служащих.

В ходе социологических обследований были выявлены новые черты в добрачных отношениях молодежи. Молодые люди считали, что любовные отношения ценны сами по себе. Они могут привести к вступлению в брак и созданию семьи, а могут и не закончиться заключением брака. Подобные взгляды были особенно распространены среди студентов, научных работников. Таким образом, юноши и девушки не всегда видели в избраннике будущего супруга или супругу. Однако в изучаемые годы даже в условиях либерализации сексуальной морали горожане часто отрицательно оценивали распространение сексуальных добрачных отношений среди молодежи. Это порождало конфликтные ситуации, прежде всего, между родителями и взрослыми детьми, нередко вызывало дробление семей за счет отделения от родителей взрослых детей, особенно сыновей.

Снижение возраста молодежи при вступлении в сексуальную жизнь, особенно в условиях отсутствия сексуального просвещения и замалчивания этих проблем, порождало немало негативных явлений, что способствовало увеличению внебрачных рождений у женщин до 18 лет. Так, например, в Свердловске внебрачная рождаемость у молодых женщин в

возрасте до 18 лет составляла 0,7%, а во второй половине 1970-х гг. — 1,3%. Росло число добрачных зачатий. Из данных социологов видно, что в Ленинградском дворце «Малютка» в 1963 г. из 287 супружеских пар 69 (24%) зачали ребенка в среднем за три месяца до юридического оформления брака, а в декабре 1978 г. из 643 пар 243 (38%). В отдельных случаях добрачные зачатия приводили к вынужденным бракам. Однако такие брачные союзы часто оказывались непродолжительными[5].

Таким образом, в 1960—1970-е гг. в добрачном поведении молодежи в городах Российской Федерации появились изменения ранее принятых стандартов и норм сексуального поведения.

Брачный возраст в городах Российской Федерации в целом оставался традиционным. Мужчины активно вступали в брак в возрастах 20—24, 25—29 лет. Ранних браков в возрасте до 20 лет было немного. Женщины активнее мужчин вступали в браки в этом возрасте. Однако в большинстве случаев они выходили замуж в возрасте 20—24 года. Происходило сближение среднего возраста вступления в первый брак у мужчин и у женщин. В то же время наблюдалось снижение среднего возраста вступления в первый брак[6].

Ценностные установки горожан на брачно-семейные отношения, особенности возраста вступления в брак городского населения влияли на мотивацию вступления в брак и создания семьи.

Основными мотивами при вступлении в брак были любовные чувства, общность духовных интересов. Однако вступали в брак также по экономическим соображениям, расчету. Огромную роль в мотивации играли стереотипы. Обследования, проведенные в 1966—1967 гг. среди служащих и инженерно-технических работников Пермского отделения железной дороги, а также в 1972 г. и 1977 г. на Урале свидетельствовали о существовании зависимости между ценностными установками городского населения на брачно-семейные отношения и мотивацией вступления в брак. Установки личности на творчество, удовлетворенность работой, а также желание иметь семью, детей, стремление к семейному благополучию в большинстве случаев были связаны с вступлением в брак по любви. Стремление к веселому времяпрепровождению, материальной обеспеченности, уважению окружающих определяли мотивацию брака по стереотипу. Желание человека продвинуться по службе и сделать карьеру обуславливало брак по расчету[7]. Важно отметить, что в изучаемые годы значительно преобладала ориентация на брак по любви. Однако эта ориентация часто не была подкреплена необходимой материальной основой, а также представлениями о реалиях семейной жизни. Это было свойственно, особенно юношам и девушкам при раннем вступлении в брак, что часто имело самые негативные последствия для отношений между супругами. Широкое распространение в обществе любовных мотивов при вступлении в брак оказывало влияние на характер брачности городских жителей.

В городах Российской Федерации наблюдалось увеличение числа состоящих в браке мужчин и женщин. В городах РСФСР — на 1000 мужчин в возрасте 16 лет и старше состояло в браке в 1959 г. — 687, в 1970 г. — 701, в 1979 г. — 704. В городах СССР — соответственно 686,

701, 701. Состоящих в браке женщин численно было меньше, чем мужчин. Это было характерно для всех возрастов за исключением наиболее молодых (до 20 лет). Однако число замужних женщин росло — на 1000 женщин в городах РСФСР в возрасте 16 лет и старше состояло в браке в 1959 г. — 520, в 1970 г. — 565, в 1979 г. — 569, а в городах СССР — соответственно 531, 577, 577. В городах СССР численность состоящих в браке мужчин и женщин выросла с 1959 г. по 1970 г., а с 1970 г. по 1979 г. не изменилась. В городах РСФСР в отличие от городов СССР наблюдалось численное увеличение состоящих в браке мужчин и женщин за весь переписной период с 1959 по 1979 год.

Из данных переписей населения также видно сокращение числа женатых мужчин с 1959 г. по 1970 г. в городах Узбекской ССР, Азербайджанской ССР, Молдавской ССР, Киргизской ССР, Таджикской ССР, Армянской ССР, Туркменской ССР и численное увеличение замужних женщин в городах всех союзных республик. Однако с 1970 г. по 1979 г. число состоящих в браке мужчин и женщин сократилось в городах Закавказья и Средней Азии. Если для городов Закавказских и Среднеазиатских республик было характерно сокращение числа состоящих в браке мужчин и женщин, то для городов Украины и Прибалтики — увеличение[8].

Это объяснялось снижением уровня смертности населения, что, прежде всего, повлияло на увеличение продолжительности жизни в браке у женщин. Расчеты демографов показали, что ожидаемая продолжительность жизни в браке в Европейской России и в СССР у женщин в возрасте 16 лет и старше составляла в 1959 г. — 28,3 лет, в 1970 г. — 32,8 лет, у мужчин — 41,2 лет и 39,6 лет. В республиках Закавказья и Средней Азии ожидаемая продолжительность жизни в браке в репродуктивном возрасте сократилась в результате повышение брачного возраста[9].

Из данных переписей населения видно, что в возрастах 16—17, 18—19 лет состоящих в браке мужчин было численно немного. В возрасте 25—29 лет значительная часть мужчин состояла в браке (на 1000 мужчин было женатых в 1959 г. — 779, в 1970 г. — 764, в 1979 г. — 776). Максимальное их число в 1959 г. было в средних возрастных группах 40—44, 45—49 лет (962), в 1970 г. — в возрасте 50—54 года (949), а в 1979 г. — в 55—59 лет (921). С увеличением возраста число женатых мужчин сокращалось, но оставалось высоким.

Замужних женщин в возрастах до 20 лет численно было больше, чем мужчин. В возрасте 20—24 года половина женщин состояла в браке. Причем их число возрастало. Так, на 1000 женщин было замужних в 1959 г. — 446, в 1970 г. — 509, в 1979 г. — 565. Это определялось ослаблением влияния послевоенной диспропорции полов. С увеличением возраста численность замужних женщин возрастала и в возрасте 30—34 года достигала максимальной величины. В возрастных группах 35 лет и старше число состоящих в браке женщин снижалось. Женщины традиционно имели более ограниченные возможности по сравнению с мужчинами повторно вступить в брак после развода или смерти супруга. В ре-

зультате этого в пожилых возрастных группах число замужних женщин было значительно меньше, чем женатых мужчин.

Такая ситуация соответствовала низкому уровню безбрачия мужчин. В конце 1970-х гг. в городах Российской Федерации никогда не состоящие в браке мужчины в возрасте 50—54 года составляли 1,2%, а женщины — 4,4%, в городах СССР — соответственно 1,2% и 4,1%[10].

Итак, у мужчин в отличие от женщин наблюдалась высокая доля состоящих в браке даже в пожилых возрастах. Уровень безбрачия у мужчин также был значительно ниже, чем у женщин. Однако в 1970-е гг. в условиях ослабления влияния демографических последствий Великой Отечественной войны было зафиксировано возрастание числа замужних женщин, особенно в репродуктивных возрастах. Это оказало влияние на суммарный коэффициент брачности.

Расчеты демографов свидетельствуют о том, что в городах РСФСР у мужчин суммарный коэффициент брачности в 1958—1959 гг. составлял 1,449, в 1969—1970 гг. — 1,353, а в 1978—1979 гг. — 1,217. Постепенная нормализация численного соотношения мужчин и женщин в российских городах способствовала снижению уровня суммарного коэффициента брачности у мужчин и его повышению у женщин. Так, в 1958—1959 гг. суммарный коэффициент брачности у женщин был 1,338. В 1969—1970 гг. стал равен мужскому суммарному коэффициенту брачности — 1,353. В 1978—1979 гг. из-за значительной миграции женщин из сел в город наблюдалось понижение в городах коэффициента их брачности до 1,217 и увеличение в селах до 1,565[11].

В начале 1960-х гг. уровень брачности населения в городах Российской Федерации был высоким. Так, в 1960 г. коэффициент брачности в городах РСФСР составил 13,8‰. Наиболее высокие показатели брачности были зафиксированы, например, в городах Приморского края — 15,7‰, Новосибирской области — 15,1‰, а также Саратовской — 14,9‰, Сталинградской — 14,9‰, Челябинской — 14,5‰, Пензенской областях —14,2‰. В городах СССР коэффициент брачности населения был ниже, чем в городах РСФСР и равнялся 13,5‰. Однако в середине 1960-х гг. в результате вступления в активный брачный возраст малочисленных поколений, родившихся в годы войны, показатели брачности населения понизились. В 1965 г. коэффициент брачности был равен 9,8‰. Уменьшение влияния демографических последствий военных лет способствовало увеличению уровня брачности городского населения. Так, в 1969 г. коэффициент брачности горожан был равен 10,9‰, а в 1975 г. — 11,7‰. К 1979 г. уровень брачности понизился до 11,1‰, а в 1980 г. — до 10,6‰. В результате значительной миграции молодежи из сел в города уровень брачности в городах был выше, чем в селах и в целом в Российской Федерации — на 1000 населения приходилось браков в 1961 г. в РСФСР — 11,1, в городах — 12,5, в селах — 9,5. В 1971 г. — соответственно 10,4, 11,5, 8,4; в 1977 г. — 11,2, 11,5, 10,5; в 1981 г. — 10,6, 10,5, 10,7[12].

В городском населении Российской Федерации численно преобладали мужчины и женщины, состоявшие в браке. Выделялось также число никогда не состоявших в браке, особенно мужчин. Однако это было ха-

рактерно для молодых возрастных групп. В средних возрастах никогда не состоявшие в браке женщины численно преобладали над мужчинами. Число вдов и разведенных женщин также было больше, чем вдовцов и разведенных мужчин. Оно возрастало в средних и пожилых возрастных группах. Причем у женщин в брачном состоянии в возрастах 60 лет и старше численно преобладали вдовы, а у мужчин — состоявшие в браке. Из данных переписи населения 1979 г. видно, что на 1000 мужчин было состоявших в браке — 704, никогда не состоявших в браке — 235, вдовцов — 17, разведенных и разошедшихся — 43, не указавших брачное состояние —1; на 1000 женщин — соответственно 569, 172, 174, 84,1[13].

Росло число межнациональных браков. В городах СССР их удельный вес составлял: в 1959 г. — 15,1%, в 1970 г. — 17,5%, а в 1979 г. — 18,1%[14]. Это увеличивало число национально-смешанных семей в городах Советского Союза и его республиках, оказывало влияние на трансформацию демографических показателей городских семей.

Стабильность брака в городах, как и в Российской Федерации, в целом определялась уровнем разводимости, а не смертности населения[15]. В городах РСФСР число разводов возрастало. Коэффициент разводимости (число разводов на 1000 населения) в 1960 г. был равен 2,4‰, в 1965 г. — 2,7‰, а в 1966 г. — 4,6‰. В 1979 г. он увеличился до 5,2‰. В крупных городах Российской Федерации были зафиксированы наиболее высокие показатели разводов. Коэффициент разводимости городских жителей, например, в Москве был равен в 1960 г. — 0,4‰, в 1976 г. — 5,9‰, в Ленинграде — соответственно — 2,7‰ и 5,4‰. В городах Западной Сибири он составлял в 1959 г. — 1,5‰, в 1970 г. — 3,5‰, а в 1980 г. — 5,2‰[16].

Увеличение показателей разводимости городского населения было обусловлено совокупностью различных факторов. Одним из них стала мощная миграция населения из сел, а также из небольших провинциальных городов в крупные административные и индустриальные городские центры в поисках работы, учебы, устройства личной жизни и т.д. Города привлекали мужчин и женщин разных возрастов, профессий, уровней образования, интересов и устремлений. Мигранты молодых и средних возрастов, состоявшие в браке, нередко вынуждены были на длительное время отрываться от семьи. В условиях ослабления социального контроля и повышенной анонимности жизни в больших городах это нередко приводило к распаду брачного союза.

Увеличение показателей разводимости у городских жителей также было связано и с возрастанием экономической независимости женщин в обществе и семье. Неслучайно, что часто именно женщины становились инициаторами развода. В изучаемые годы в таких столичных городах, как Москва и Ленинград, более половины из разведенных женщин инициировали развод.

Огромное влияние на численный рост разводов в городах Российской Федерации оказывала трансформация ценностных установок населения на брачно-семейные отношения, потребность в детях и т.д. В супружеских отношениях усилилась роль нравственно-психологической и духовной близости, интимности в отношениях между супругами. В то

же время выросло стремление мужа и жены к сохранению личной автономии, к реализации своих интересов и желаний, лежащих за пределами семьи. Ограничение индивидуальных потребностей одного из супругов создавало в семье конфликтную ситуацию и могло привести к расторжению брака. Это принимало особенно острый характер, прежде всего в семьях, где супруги имели разные ценностные установки на поведение в браке мужа и жены. Так, например, жена, перегруженная делами, многочисленными производственными и домашними обязанностями, ожидала помощи от мужа. Однако не всегда могла ее получить из-за традиционных взглядов супруга на роль женщины в семье. В таких случаях распад этого брачного союза мог произойти по инициативе женщины даже при наличии детей.

Возрастало стремление супругов к сексуальной интимности в браке[17]. Однако в общественном мнении даже городского населения сохранялись консервативные стереотипы супружества, что приводило к конфликтным ситуациям между супругами, обострявшимся в условиях замалчивания сексуальных проблем. Такие конфликты снижали удовлетворенность браком и нередко заканчивались разводами.

Вступление в брачный союз горожан в молодых возрастах часто было необдуманным и даже случайным. Причем процент неудавшихся браков по любви был выше, чем по стереотипу или расчету. Обследования среди молодежи, проведенные в 1960—1970-е гг., показали наличие у молодых супругов более высоких требований к брачному союзу, основанному на любви, по сравнению с требованиями молодоженов, вступивших в брак по расчету или по мотивам традиционного характера. Молодые люди, вступившие в брак по любви, часто из-за неподготовленности к жизни в браке излишне ее идеализировали[18]. Однако установка на вступление в брак по любви, провозглашавшаяся в обществе, как наиболее нравственная, не подкреплялась подготовкой молодежи к браку и к самостоятельной семейной жизни. Это консервировало низкий уровень культуры брачно-семейных отношений и оказывало негативное влияние на стабильность брачного союза.

Неустойчивость брачных союзов молодежи также объяснялась непродолжительным знакомством юношей и девушек до их вступления в брак, не знанием взглядов друг друга на важнейшие вопросы семейной жизни. Существенную роль в этом также играло вынужденное вступление в брак из-за нежелательной беременности[19].

Возрастная разница между супругами влияла на стабильность брака. Менее устойчивыми были брачные союзы с большой возрастной разницей между супругами. Неустойчивыми оказывались также браки, когда жена по возрасту была старше мужа.

Стабильность брака определялась его очередностью. Из материалов обследования, проведенного в 1978 г., видно, что в среднем уровень разводимости повторных брачных союзов был на 75% выше, чем первых браков. Вторичные разводы в городах были распространены чаще, чем в селах в 1,5—2 раза. Они были характерны обычно для мужчин в возрастах старше 34—40 лет, а для женщин — от 30 до 35 лет.

Разводы определялись отсутствием или малочисленностью детей в семье. Увеличение в семье числа детей стабилизировало брак. Браки расторгались в 35% бездетных семей, в 46% семей — с одним ребенком, в 15% семей — с двумя, в 4% семей — с тремя и более детьми[20].

Неустойчивость брака, особенно у молодых пар, часто объяснялась бытовой неустроенностью, отсутствием собственного жилья, необходимостью проживать совместно с родителями в тесных квартирах. Немалую часто негативную роль в таких ситуациях играло вмешательство родителей в семейные отношения молодых супругов.

Итак, в изучаемые годы наблюдалось сокращение уровня брачности. Вступление юношей и девушек в сексуальные добрачные отношения не всегда связывалось с последующим заключением брачного союза. Усложнились требования супругов к брачно-семейным отношениям. В условиях снижения уровня смертности населения разводы, особенно в городах, стали численно преобладать над случаями прекращения брачного союза из-за смерти одного из супругов за исключением пожилых возрастных групп. Разведенные и овдовевшие мужчины и женщины вступали в повторный брак. Однако его нестабильность, трудности повторного замужества для женщин в средних и пожилых возрастах не могли компенсировать число распавшихся браков. Заключение брака не связывалось молодыми людьми с детопроизводством. В то же время рождаемость не рассматривалась как непременный атрибут брака. Все это оказывало влияние на демографические показатели семьи.

В семейном составе численно преобладали горожане, проживавшие совместно с семьей. В городах РСФСР — на 1000 человек постоянного населения было членов семей в 1959 г. — 941, в 1970 г. — 929, в 1979 г. — 931, одиночек — соответственно 59, 71, 69. Из приведенных данных видно, что по сравнению с 1959 г. число членов семей снизилось, а одиночек увеличилось. В городах СССР было зафиксировано то же. Если в 1959 г. — на 1000 постоянного населения было членов семей 942, то в 1979 г. — 938, одиночек — 58 и 62. Тем не менее в семейном составе горожан численно преобладали члены семей.

В городах, как в целом в Российской Федерации, среди членов семей, проживавших совместно с семьей, численно превалировали женщины. Так, на 1000 человек постоянного населения членов семей, проживающих совместно с семьей, было:

	оба пола	мужчин	женщин
1959 г.	866	381	485
1970 г.	874	398	476
1979 г.	865	398	467

Из приведенных данных переписей населения видно сокращение числа женщин и увеличение числа мужчин, живущих совместно с семьей.

Число членов семей, проживавших отдельно от семьи, но связанных с ней общим бюджетом, в городах было зафиксировано значительно

меньше, чем численность членов семей, живущих совместно с семьей. Среди таких членов семей в основном были мужчины. В городах РСФСР — на 1000 постоянного населения члены семей, проживавшие отдельно от семьи, но связанные с ней общим бюджетом, составляли:

	оба пола	мужчин	женщин
1959 г.	75	50	25
1970 г.	55	38	17
1979 г.	66	41	25

В 1970-е гг. число мужчин, проживавших отдельно от семьи, но связанных с семьей общим бюджетом сокращалось, особенно по сравнению с 1959 г. В то же время численность женщин значительно снизилась за переписной период с 1959 по 1970 г., но в 1979 г. вновь поднялась до уровня 1959 года.

В изучаемые годы в городах Российской Федерации численно преобладали одинокие женщины. Однако с 1959 по 1970 г. наблюдался рост и числа одиноких мужчин. В 1970-е гг. число одиноких мужчин не изменилось, а женщин незначительно сократилось. На 1000 человек постоянного населения было зафиксировано число одиноких людей[21]:

	оба пола	мужчин	женщин
1959 г.	59	17	42
1970 г.	19	22	49
1979 г.	69	22	47

Городские жители традиционно проживали совместно с семьями. Эта категория членов семей была основной. Однако в 1970-е гг. стало возрастать число членов семей, живущих отдельно от семьи и одиноких людей.

Возрастной состав членов городских семей, проживавших совместно с семьями и отдельно от них, был молодым. Из материалов переписей населения 1970 г. и 1979 г. видно, что в городах, как и в целом в Российской Федерации, члены семей, проживавшие совместно с семьями, в основном находились в молодых и средних возрастах. В таких семьях в возрастах до 20 лет женщин было численно меньше, чем мужчин. Однако в пожилых возрастных группах число женщин значительно преобладало.

Среди членов семей, проживавших отдельно от семей, но связанных с семьями общим бюджетом, были зафиксированы мужчины в возрастах до 20 лет и 20—29 лет, а также женщины в возрастных группах до 20 лет и 60 лет и старше. Женщин в возрасте 20—29 лет было численно меньше, чем мужчин.

Возрастной состав одиноких людей в большинстве случаев был представлен возрастами 20—29 лет и особенно 60 лет и старше. Причем молодые трудоспособные возраста превалировали у мужчин, а пожи-

лые — у женщин. Это было связано с огромными потерями мужчин, и как следствие этого, возрастнополовой дифференциацией и постарением населения. Неслучайно среди одиноких людей численно преобладали женщины, не состоявшие в браке, вдовы и разведенные. В эту группу также входили женщины, имевшие взрослых детей, но живущие отдельно от них и не связанные с ними общим бюджетом. Присутствие в составе одиноких людей молодых мужчин, не состоявших в браке, объяснялось уходом взрослых сыновей от родителей, т.е. дроблением семей, а также миграцией молодых людей в крупные города на учебу и работу. Об этом свидетельствовало увеличение числа одиноких молодых людей в городах индустриально развитых районов РСФСР — Северо-Западном, Центральном, Поволжском, Восточно-Сибирском[22].

Наличие в составе городских семей членов семей, проживавших совместно с семьями, а также отдельно от семей, но связанных с семьями общим бюджетом и одиночек оказывало влияние на их тип и численность.

Наиболее распространенным типом семьи в городах Российской Федерации была простая (нуклеарная) полная семья, состоявшая из брачной пары с детьми или без них. Число таких семей увеличилось между переписями населения 1970 г. и 1979 г. В городах РСФСР — на 1000 семей приходилось простых семей в 1970 г. — 639, в 1979 г. — 658, а в городах СССР — 642 и 661. Семьи с одной брачной парой, с детьми и без детей, проживавшие с одним из родителей супругов, другими родственниками, были семьями переходного типа от сложных к простым. Их число в городах сокращалось. В городах РСФСР — на 1000 семей было семей переходного типа в 1970 г. — 149, в 1979 г. — 125; в городах СССР — 150 и 126. Это свидетельствовало о том, что процесс нуклеаризации семей в изучаемые годы шел за счет сокращения числа брачных пар и поколений в семье.

Росло число простых неполных семей (мать или отец с детьми). В городах РСФСР — на 1000 семей таких семей в 1970 г. — 126, в 1979 г. — 131, в городах СССР — 119 и 125.

Малочисленны были сложные семьи с двумя и более брачными парами с детьми или без них, с одним из родителей супругов, с другими родственниками — соответственно 34 и 38, 38 и 41.

Сложные неполные семьи (мать или отец с детьми, с одним из родителей матери или отца) также были численно небольшими — 52 и 48, 51 и 47. Причем если число сложных полных семей в 1970-е гг. выросло, то сложных неполных семей сократилось[23].

Из приведенных данных переписей населения 1970 г. и 1979 г. видно, что в городах РСФСР и СССР существовали разные типы семей. Однако численно преобладали простые полные семьи, состоявшие из брачной пары с детьми или без них. Это влияло на величину семей.

Переписи населения зафиксировали численное сокращение семьи в городах РСФСР. Так, в 1970 г. средний размер городской семьи составлял 3,4 чел., а в 1979 г. — 3,2 чел. Напомним, что средний размер городской семьи в РСФСР составлял в 1926 г. — 3,9 чел., в 1939 г. — 3,6, в 1959 г. — 3,5 чел. О сокращении величины семей в среднем до 3 чел.

свидетельствовали также материалы выборочных обследований, проведенных в Таганроге (1967—1968 гг.) и Костроме (1969—1970 гг.). Это видно и на союзном материале. В городах СССР средний размер семей был равен — соответственно 3,5 чел. и 3,3 человека.

В РСФСР существовали территориальные различия в величине городских семей. Наиболее большие семьи фиксировались в городах Поволжского (в 1970 г. — 3,5 чел., в 1979 г. — 3,3 чел.), Уральского (соответственно — 3,5 чел. и 3,2 чел.), Западно-Сибирского (3,5 чел. и 3,2 чел.), Восточно-Сибирского районов (3,5 чел. и 3,3 чел.). Размер семьи понижался в городах Центрального (3,4 чел. и 3,1 чел.), Волго-Вятского (3,4 чел. и 3,2 чел.), Центрально-Черноземного (3,4 чел. и 3,2 чел.), Северо-Кавказского (3,4 чел. и 3,3 чел.), Дальневосточного (3,4 чел. и 3,2 чел.) районов. Наиболее низкой величина городской семьи была в городах Северо-Западного района (3,1 чел. и 3,1 чел.), а также в Москве (3,2 чел. и 3,1 чел.) и Ленинграде (3,1 чел. и 3,1 чел.)[24]. Таким образом, в 1970-е гг. размер городских семей сокращался практически повсеместно. В 1979 г. он в среднем состоял из 3-х человек.

В городах РСФСР, как и в республике в целом, наблюдалась зависимость величины семей от их типов. В конце 1970-х гг. в городах Российской Федерации средний размер простой полной семьи (брачная пара с детьми или без них) был равен 3,1 чел. Семьи переходного типа от сложных к простым (брачная пара с детьми или без них, с одним из родителей супругов; брачная пара с детьми или без них, с одним из родителей супругов или без него, с другими родственниками) состояли из 4,2 — 4,4 чел. Простые неполные семьи (мать или отец с детьми) — из 2,3 чел. Сложные полные семьи (две брачные пары с детьми или без детей, с одним из родителей супругов или без него, с другими родственниками или без них) — из 5,5 чел. Сложные неполные семьи (мать или отец с детьми, с одним из родителей матери или отца) — из 3,3 чел. Таким образом, в городах РСФСР наиболее многочисленными были сложные полные семьи, а также семьи переходные от сложных к простым.

Существовала также зависимость между размером семей и принадлежностью их членов к общественным группам. В 1970-е гг. средний размер семей, где все члены принадлежали к одной общественной группе, составлял 3 чел., а к разным общественным группам — 3—4 чел.

Уровень занятости членов в городской семье также определял ее величину. Семьи горожан, где был занят 1 чел., состояли в основном из 2-х членов. Это были или простые полные семьи (пожилая брачная пара без детей или со взрослыми детьми, живущими отдельно от родителей) или простые неполные семьи (мать или отец с детьми). Семьи с занятостью 2-х, 3-х и более человек состояли из 3—4-х членов. В такие семьи входили обычно супруги и их дети или супруги, дети, родители супругов, кто-то из родственников супругов. В целом это было характерно и для городских семей в СССР.

Однонациональные семьи в городах РСФСР были численно меньше (3,4 чел.), чем многонациональные семьи (3,6 чел.). Тем не менее однонациональные семьи имели разную величину. Это было связано с многочисленными факторами, например, с национальными традициями и обы-

чаями народов, особенностями демографического поведения, уровнем урбанизации территории их проживания и т.д. В 1970-е гг. наиболее многочисленные семьи были традиционно у народов Северного Кавказа, некоторых народов Поволжья и Севера (4,5—5,7 чел.). Небольшие семьи, состоявшие в среднем из 3-х чел., фиксировались у русских, украинцев, белорусов, карелов, долган, хантов, чукчей.

В городах других союзных республик среди однонациональных семей наиболее многочисленными были семьи народов Средней Азии и Закавказья (4,5—5,9 чел.). Исключение составляли грузинские семьи (3 чел.)[25].

Изменение типа и величины городской семьи в значительной степени определялось уровнем разводимости и смертности горожан. Причем ведущую роль играло возрастающее число разводов в городах. Это углубляло процесс нуклеаризации городских семей.

Число детей в семье также влияло на ее величину. Из данных переписей населения 1970 г. и 1979 г. видно, что в городах Российской Федерации преобладали семьи, имеющие 1 ребенка. Так, семьи с 1 ребенком в 1970 г. составляли 53,7% (от семей, имеющих детей до 18 лет), в 1979 г. — 62,5%; с 2-мя детьми — соответственно 35,5% и 32,6%; с 3-мя и более детьми — 10,8% и 4,9%[26]. Таким образом, удельный вес городских семей с 2-мя и особенно с 3-мя детьми сокращался.

Это было связано с изменениями традиционных репродуктивных установок населения. Материал выборочного обследования 1978 г. свидетельствовал о сокращении ожидаемого числа детей в семье. В городах СССР — на 100 женщин, состоявших в первом браке, среднее ожидаемое число детей было: в 1945—1949 гг. — 238, 1955—1959 гг. — 209, 1965—1969 гг. — 196, 1975—1978 гг. — 192[27].

Сокращение числа детей в семьях наблюдалось практически во всех городах СССР, включая города союзных республик с традиционно многодетными семьями. В Закавказье и Средней Азии уменьшалась доля городских семей с 3-мя и более детьми. Однако в этих городских семьях детей было численно больше, чем в городских семьях РСФСР, Украины, Белоруссии, Прибалтики.

Малодетность семей определялась численным преобладанием в городах Российской Федерации простых полных семей, состоявших из брачной пары и детей. В этом типе семей семьи с 1 ребенком составляли 59,2% (от семей соответствующего типа, имеющих детей до 18 лет), с 2-мя детьми — 35,8%, с 3-мя детьми — 5,0%. В неполных простых семьях (мать или отец с детьми) видно значительное увеличение доли семей с 1 ребенком (75,7%) и сокращение с 2-мя детьми (21,0%) и 3-мя детьми (3,3%). В полных сложных семьях с двумя брачными парами с детьми, с одним из родителей супругов или без него, с другими родственниками или без них в основном был 1 ребенок. Доля таких семей — 67,1%. В семьях этого типа наблюдалось сокращение по сравнению с простыми полными семьями доли семей с 2-мя детьми (26,7%) и увеличение с 3-мя и более детьми (6,2%). В сложных неполных семьях в основном был 1 ребенок. Их доля составляла — 79,3%. В этих семьях в отличие от простых неполных семей уменьшалась доля семей с 2-мя детьми (18,2%) и с

3-мя и более детьми (2,5%). Таким образом, наиболее многодетными в российских городах были сложные полные семьи.

Из данных переписей населения видно, что в семьях городов РСФСР, где матери — 35—39 лет в большинстве случаев фиксировалось 2-е детей (45,8%). Семьи с 1 ребенком составляли 34,0%, а с 3-мя и более детьми — 14,0%. Доля бездетных семей в городах РСФСР была невелика — 6,2%. То же видно в семьях городов СССР: семьи без детей — 6,2%, с 1 ребенком — 31,4%, с 2-мя детьми — 45,0%, с 3-мя и более детьми — 17,4% .

В городах Российской Федерации матери, занятые в личном подсобном сельском хозяйстве или в общественном производстве физическим трудом, имели в основном 2-х детей. У матерей, находящихся на обеспечении государства или на иждивении отдельных лиц, или имеющих другие источники средств существования, было 1—2-е детей. В семьях, где мать занималась преимущественно умственным трудом, фиксировался 1 ребенок. Однако в городах Советского Союза в таких семьях детей было численно больше — соответственно 2—3, 1—2, 1—2.

В российских городах семьи, состоявшие из брачной пары и детей или одной матери (отца) и детей, где матери были рабочими, имели 1—2-х детей. У матерей служащих в этих семьях был 1 ребенок. В городах СССР — 1—2-е детей.

У матерей с образованием начальным и ниже начального, а также с неполным средним было 1—2-е детей, а у матерей со средним, высшим, незаконченным высшим и средним специальным образованием число детей понижалось до 1 ребенка[28].

Таким образом, уровень образования и квалификации труда матери оказывал влияние на сокращение числа детей в семье. Это также было связано с понижением уровня младенческой и детской смертности, особенно в городах. Изменение репродуктивного поведения горожан способствовало снижению уровня рождаемости. Городская семья стала не только простой, но и малодетной.

В изучаемые годы отношения в городской семье стали демократичнее, чем были ранее. Важную роль в этом сыграло увеличение образовательного, культурного и профессионального уровня городского населения. Существенно изменилось положение женщины в обществе и семье[29].

Преобладание традиционного распределения ролей в семье между мужем и женой, загруженность женщин домашними делами, невнимательное отношение к ней со стороны членов семьи усиливали напряжение в семейных отношениях. Неслучайно, что инициаторами ссор в семье жены выступали чаще, чем мужья. Неразрешенность этих проблем меняла традиционные ценности семьи в обществе, определяла дестабилизацию брачно-семейных отношений, трансформировала репродуктивное поведение городского населения.

Однако конфликтность между супругами уменьшалась в тех случаях, когда они придерживались одинаковых или близких установок на брачно-семейные отношения, положение женщины в семье и традиционное распределение ролей между мужем и женой. Несовпадение устано-

вок супругов на роли в семье и семейные обязанности друг друга усиливало конфликты между ними[30].

Тем не менее в изучаемые годы отношения между супругами утрачивали авторитарный характер. Однако они морально и психологически усложнились, что было одним из факторов дестабилизации семьи.

Профессиональная занятость женщин ограничивала их возможности, связанные с воспитанием детей. Это создавало острую потребность в дошкольных учреждениях: яслях, детских садах и т.д. Из данных выборочного обследования 1965 г. видно, что в городах с численностью населения до 100 000 человек дети в возрастах до 3 лет (55%) и от 3 до 6 лет (более 44%) нуждались в устройстве в ясли и детские сады. Однако дошкольных учреждений на всех нуждающихся не хватало. Одновременно вставал вопрос о качественной работе яслей и детских садов. Многие родители были не удовлетворены их деятельностью, так как дети не получали должного внимания со стороны персонала, часто болели. Это подрывало состояние здоровья детей, ограничивало профессиональную работу женщин, так как работающая женщина вынуждена была сидеть дома с больным ребенком.

Проблемы воспитания детей школьного возраста также не были полностью разрешены. Так, в школе дети не всегда имели возможность посещать классы продленного дня. После окончания уроков они часто оставались без контроля со стороны старших и были предоставлены самим себе[31].

Загруженность матери и отца в большинстве случаев не позволяла уделять ребенку достаточного внимания. Так, в семьях рабочих промышленных предприятий Ростовской области мужчина тратил на воспитание детей 1,3 часа в неделю, а женщина, имея многочисленные обязанности по дому, 0,7 часа, т.е. 24,4 мин. в сутки. К тому же мужья часто самоустранялись от воспитания детей и перекладывали эту нагрузку на жен. Это было характерно и для зарубежных семей. Американские исследователи, например, отмечали, что в семьях США социализирующая роль отцов мала и неполные семьи являются такими же жизнестойкими, как и полные семьи.

У многих родителей, особенно молодых, не было элементарных знаний по педагогике, психологии и физиологии развития ребенка. Это приводило часто к эмоциональному отчуждению ребенка от родителей. В то же время излишняя опека ребенка со стороны родителей развивала негативные черты в его характере.

Немалые сложности возникали между родителями и взрослыми детьми, особенно если они состояли в браке и проживали вместе с родителями. Совместное проживание родителей и молодых супругов в основном длилось 5—10 лет. По данным выборочных исследований, проведенных в Москве в 1970-е гг. видно, что жизнь с родителями была характерна для первых лет совместной жизни молодоженов (64% супружеских пар). Если супруги находились в возрасте до 20 лет, то доля проживавших с родителями увеличивалась до 70%. С увеличением возраста супругов доля совместного проживания с родителями снижалась. Так, в

возрастах 20—29 лет половина супружеских пар жила с родителями, а в возрасте от 30 до 39 лет — 29%.

Совместная жизнь порождала немало конфликтных ситуаций, в частности между молодой женой и матерью мужа (свекровью). Однако исследования, проведенные в Москве в 1973—1974 гг. и в 1976—1977 гг., показали, что конфликты в молодых семьях между супругами из-за родителей происходили с одинаковой частотой и при совместном проживании с родителями, и при отдельном[32]. Правда конфликтные ситуации при совместном проживании молодых с родителями чаще приводили к разводам, чем при отдельном. Рост конфликтов между поколениями в семье оказывал более сильное отрицательное влияние на стабильность сложных семей по сравнению с простыми.

С выходом из состава родительской семьи взрослых детей, или состоящих в браке детей отношения между семьями в большинстве случаев сохранялись близкие и родственные. Родители продолжали помогать детям материально, участвовали в воспитании внуков. Семьи могли объединяться для проведения совместных сельскохозяйственных, ремонтных работ, а также для дорогостоящих покупок. Взрослые дети обращались к родителям за советами, моральной поддержкой, а также помогали им в ведении хозяйственных дел, особенно в случаях болезни и т.д. В то же время сглаживались возникающие при совместном проживании противоречия и конфликты. Это подтвердили данные, полученные в ходе проведения в 1973—1976 гг. обследования в Москве. Родители часто помогали воспитывать внуков (в 14,6% случаях). Это имело для них и морально-психологическую, и социальную ценность, что определяло устойчивый характер их отношений с молодой семьей. Они также ухаживали за детьми и внуками во время их болезней (в 8,9% случаев), вели домашнее хозяйство детей (в 4,8% случаев). Дети преимущественно ухаживали за родителями в период их болезней (в 26,7% случаев), помогали в ведении домашнего хозяйства (в 6,2% случаев). Дети преимущественно ухаживали за родителями в период их болезней (в 26,7% случаев), помогали в ведении домашнего хозяйства (в 6,2% случаев).

Частые контакты между семьями родителей и детей порождали потребность в близком проживании друг от друга. Однако в крупных городах это часто становилось сложной проблемой. Семьи родителей и детей могли проживать в одном городе на значительном отдалении друг от друга. Это затрудняло контакты между ними, особенно при отсутствии телефонной связи, и определяло характер взаимоотношений, взаимопомощи, частоту встреч и т.д.[33]

В целом, связи между семьями родителей и детей имели стабильный характер и высоко ценились в обществе.

Городская семья сохраняла и более широкие родственные связи с близкими и дальними родственниками. Родственники оказывали поддержку и взаимопомощь, особенно в наиболее важных случаях: переезд, ремонт, свадьба, юбилеи, похороны и т.д. Тем не менее отношение с родственниками стали избирательнее. Они могли поддерживаться не со всей родней, а только с теми родственниками, с кем возникали близкие интересы, складывались деловые отношения. Родственные связи из-за

значительной удаленности друг от друга по месту жительства или серьезных социальных различий нередко угасали.

Большое значение для функционирования семьи в таких условиях имели соседские и дружественные связи. Соседи, а также друзья, коллеги по работе, особенно в крупных городах, часто могли быстрее оказать необходимую помощь и поддержку семье, чем родственники. Однако в отношениях семьи с соседями и коллегами, как и с родственниками, повышалась избирательность, а длительность связей понижалась[34]. Но родственные связи семей сохранялись и развивались, хотя, в изучаемые годы они значительно трансформировались.

В заключение отметим, что в 1960—1970-е гг. в городах, как и в Российской Федерации, наблюдалась дальнейшая трансформация брачно-семейных отношений, что было связано, прежде всего, с урбанизационными процессами.

В 1960—1970-е гг. в городах Российской Федерации численно преобладали простые полные и малодетные семьи. Этому соответствовали изменения взглядов населения на ценности семьи, детей. Изменялось репродуктивное поведение горожан.

В городских семьях отношения между супругами, родителями и детьми стали в целом демократичнее. Росло уважительное отношение супругов друг к другу и к детям. Однако авторитарные проявления в семейных отношениях сохранялись и в городах. В семье значительно повысился авторитет женщины. В то же время наблюдалась перегруженность женщин профессиональными, общественными и домашними делами. Удовлетворенность браком, стабильность отношений в семье во многом определялись уровнем реализации потенциальных возможностей, индивидуальных интересов членов семьи, лежащих за ее рамками. Возрастало также стремление к психологической близости в брачно-семейных отношениях. Наряду со всеми положительными моментами увеличивалась и конфликтность в семье. Усиливалась дестабилизация семьи.

Большую роль в этом в городах играли разводы, число которых росло. Повторные браки не компенсировали распавшиеся из-за развода брачные союзы. Причем эти браки также не отличались стабильностью.

В городах быстрее, чем в РСФСР в целом развивался процесс нуклеаризации семьи. Численно преобладали простые (брачная пара с детьми или без детей) и малодетные семьи.

Все это свидетельствовало о все большем распространении нового исторического типа семьи, что способствовало завершению демографического перехода. Города в этом процессе играли ведущую роль.

Глава IX
Сельская семья

Формирование семейно-брачной структуры сельского населения в 1960-е гг. все еще серьезно затруднялось демографическими последствиями Великой Отечественной войны. Эти осложнения приобрели долговременный характер. Они резко понижали шансы на вступление в брак у женщин и соответственно повышали — у мужчин, создавая немало проблем для создания новых семей.

Согласно данным Всесоюзной переписи населения 1959 г., уровень состояния в браке сельских женщин оказался заметно ниже, чем в 1939 г.[1] Особенно заметно доля замужних женщин понизилась в возрастных группах старше 40 лет. Среди женщин этого возраста, т.е. 1920-го и более ранних годов рождения (чьи сверстники-мужчины понесли самые значительные потери на фронтах Великой Отечественной войны), показатели брачности оказались минимальными. Многие молодые женщины, в том числе вдовы и никогда не бывшие замужем, жили в вынужденном безбрачии, без семьи и детей. В итоге на момент переписи 1959 г. в браке состояло менее половины сельских женщин России — 48,3% (вместо 59,5% — в 1939 г.) от их общего числа[2].

В дальнейшем соотношение полов постепенно уравновешивалось, что позитивно отражалось на возрастно-половом составе и статистике брачности сельского населения. В среднем по сельской местности РСФСР в 1970 г. на каждую 1000 женщин приходилось 824 мужчины (вместо 795 в 1959 г.). Соответственно за 11 лет выросла и доля замужних женщин: в 1970 г. в браке состояло уже 560 из каждой 1000 женщин старше 16 лет (против 488 — в 1959 г.). Это означало, что теперь более половины сельских женщин (56%) имели семьи. Показатель их брачности уже приближался к городскому — 565 замужних на 1000[3].

Анализ происшедших за 1959—1970 гг. изменений в уровне брачности на селе показывает, что они различались довольно существенно по отдельным поколениям женщин. В частности, если уровень состояния в браке молодых женщин (от 18 до 34 лет), который и ранее был достаточно полным, за 11 лет поднялся всего на 12—15%, то среди более зрелых женщин (от 35 до 49 лет) — сразу на 20—31%[4]. Это было заметное улучшение ситуации, поскольку в 1959 г. именно в данной возрастной группе процент замужних был намного ниже, чем до войны[5].

Подобные изменения в структуре женской брачности на селе были очень важны, поскольку они свидетельствовали о постепенном преодолении тех деформаций, которые были обусловлены военными последствиями. Иными словами, за 1960-е гг. показатели состояния в браке сельских женщин по всем группам возрастов несколько выровнялись. Практически исчезли «провалы», бывшие столь характерными после войны.

Сопоставление показателей женской брачности по городу и селу показывает, что в это время в возрастных группах от 16 до 34 лет в сель-

ском населении процент замужних оказался даже выше. С одной стороны, более высокий удельный вес молодых женщин, состоявших в браке, реально предвещал повышенную рождаемость в деревне. С другой, он свидетельствовал о том, что в деревне женщины вступали в первый брак в целом раньше, чем горожанки.

Состояние в браке мужчин, проживавших в сельской местности, к началу 1970-х гг. стало еще полнее: в 1959 г. в среднем по РСФСР из каждой 1000 мужчин в браке состояло 698 человек, а в 1970 г. — уже 745. Характерно, что с возрастом женатых мужчин становилось все больше: если среди тех, кому было от 20 до 24 лет, в браке состоял едва ли каждый третий мужчина (291 на 1000), то уже к 35, а тем более к 50 годам, холостых мужчин в деревне почти не оставалось (из каждой 1000 в браке состояло 939—958 мужчин)[6].

Следует подчеркнуть, что нормализация брачного состава сельских женщин все же во многом имела условный характер и объяснялась довольно специфическими причинами. Прежде всего, в 1970-е гг. в деревне целого ряда российских областей уже ощущался «дефицит невест» — девушек и молодых женщин оказалось заметно меньше, чем их сверстников-мужчин.

Как правило, молодые женщины в деревне 1970-х гг. имели 8-летнее, а то и полное среднее образование, и вправе были рассчитывать на престижную работу. Механизация же аграрного производства, освоение новой техники обусловили преобладание рабочих мест, сориентированных на использование мужского квалифицированного труда. Однако механизация сельскохозяйственных работ была неполной и постоянно сочеталась в полеводстве и животноводстве с тяжелым низкооплачиваемым физическим трудом. Этот труд и выпадал на долю женщин. Сфера же культурно-бытового обслуживания, где могли бы работать женщины, была развита на селе слабо. Все это способствовало повышенной миграции девушек из села[7].

Преобладание мужчин в брачных возрастах, равно как и преобладание женщин, с демографической точки зрения нежелательно. Преимущественно мужской состав молодого населения приводит к снижению уровня брачности и рождаемости населения. Несемейные молодые мужчины исключительно мобильны — они часто меняют место работы и жительства. Кроме того, молодые мужчины, не имеющие семей, легче вовлекаются в антисоциальную деятельность (пьянство, хулиганство). Преобладание в количественном отношении молодых женщин над мужчинами порождает дополнительные проблемы при вступлении женщин в брак, поэтому делает село малопривлекательным для девушек.

Другим фактором, в целом повлиявшим на выравнивание уровня брачности по всем поколениям женщин, послужило естественное выбытие к этому времени поколений старшего возраста, в том числе вдов и никогда не бывших замужем. Среди поколений 1900—1920-х гг. рождения, понесших максимальные военные потери, всегда ощущался повышенный уровень женского безбрачия. Вдовство и вынужденное безбрачие этих женщин довольно долго оставались одной из основных причин общего пониженного уровня брачности и рождаемости. Тем не менее,

значение этого фактора было временным. Оно проявлялось максимум до середины 1960-х гг., пока эти поколения еще пребывали в репродуктивном возрасте.

Следовательно, в 1970-е гг. уже практически перестали ощущаться последствия деформаций брачного состава сельского населения РСФСР, обусловленные потерями в Великой Отечественной войне. Со временем все большее воздействие на характер демографической ситуации в деревне многих российских регионов оказывала миграция, постоянно вымывавшая из деревни демографически активные молодые группы населения.

В процессе вступления граждан в брак и расторжения части неудавшихся браков, заключения повторных браков постоянно формируется и корректируется брачно-семейная структура населения. Характерным моментом, проявившимся в 1960-е гг., стало постепенное снижение общих показателей состояния в браке по сравнению с предыдущим 10-летием. Это следует рассматривать как одно из неизбежных последствий Великой Отечественной войны, ее «второе эхо». Оно было связано со вступлением в брачный возраст сравнительно малочисленной молодежи, родившейся в 1942—1945 годах.

Так, в 1965 г. в целом по сельской местности России было заключено всего 367,7 тыс. браков, что на 40% меньше, чем в 1960 г. (596,9 тыс.). В расчете на 1000 жителей это означало снижение примерно на $^1/_3$. Но в последующие годы динамика вступления в брак изменилась (см. табл. 29).

Таблица 29

Число заключенных браков и коэффициент брачности (в среднем на 1000 человек) в сельском населении РСФСР в 1960—1980 гг.

Годы	Число браков (тыс.)	Коэффициент брачности, %
1960	596,9	12,0
1965	367,7	8,0
1970	393,8	8,1
1975	439,2	10,2
1980	434,9	10,5

Составлено по: РГАЭ.Ф. 1562. Оп. 27. Д. 1006. Л. 82; текущий архив ГКС РФ.

Как видно из таблицы 29, абсолютное и относительное число заключенных браков, начиная с 1965 г., стало намного ниже, чем в 1960 г. Более того, уровень брачности, свойственный 1960 г., уже никогда более не был повторен. С начала 1970-х гг. в брачный возраст входило многочисленное послевоенное поколение, что сразу отразилось на числе за-

ключавшихся браков — появилась тенденция к росту. За 10 лет с 1970 по 1980 г. показатели состояния в браке сельского населения по сравнению с 1965 г. выросли уже примерно на 1/5.

Однако в возрасте максимально активного вступления в брак у мужчин и женщин есть определенные отличия. Для женщин — это 20—24 года, и в середине 1960-х гг. в данном возрасте пребывали поколения военных лет. Для мужчин наибольшая интенсивность вступления в брак приходится на более емкую возрастную группу — 20—29 лет. На тот же период времени это были поколения мужчин не только военных, но и нескольких предвоенных лет с их очень высоким уровнем рождаемости. Иными словами, в середине 1960-х гг. потенциальных женихов оказалось несколько больше, чем невест.

По этой причине положение не могло сколько-нибудь заметно выправиться и в последующие годы, когда в возраст наивысшей интенсивности браков стала входить более многочисленная когорта девушек, родившихся во второй половине 1940-х и в 1950-е гг. По существующей традиции, в России жених на несколько лет должен быть старше невесты. Это означало, что для девушек, родившихся в послевоенные годы, выбор женихов осуществлялся в том числе и из малочисленных поколений военных лет рождения. Из-за численного неравенства полов наиболее активного брачного возраста неблагоприятная ситуация для заключения браков сохранялась практически на всем протяжении периода 1960-х годов.

Эта возрастная особенность подтверждается данными таблицы 30, показывающей распределение вступивших в брак мужчин и женщин по возрастным группам сельского населения России.

Как видно из таблицы 30, среди заключавших браки в 1970 г. в возрасте до 24 лет включительно пребывало свыше 70% невест и 60% женихов. При этом подавляющее большинство новобрачных составил контингент от 20 до 24 лет. Весьма солидно выглядела и доля совсем юных невест (до 19 лет включительно) — более 1/4 всех новобрачных. Среди них встречались, правда, единичные случаи заключения брака даже до достижения 16 лет. Таким образом, возрастной рубеж — 24 года при вступлении в брак для женщин имел особое значение — к этому времени замуж вышло свыше 70% невест. Среди мужчин в возрасте до 20 лет в брак вступило меньше всего мужчин, в то время как доля возрастных групп (25—29 лет) и (30—39 лет) оказалась примерно одинаковой.

Следовательно, если подавляющее большинство (71,3%) женщин выходило замуж в очень молодом возрасте (до 24 лет), то у мужчин брачный возраст, кроме максимально активного (20—24 года), более или менее равномерно растягивался и на всю последующую жизнь.

Однако это не означало, что мужчины чаще женщин заключали повторные браки. Постепенно с возрастом среди новобрачных возрастала доля тех, кто ранее уже состоял в браке и вступал в него повторно (т.е. разведенных и вдовцов). Повторные браки играли заметную компенсирующую роль для тех брачных союзов, которые прекратили существование из-за смерти одного из супругов (овдовения) или гораздо чаще — вследствие развода.

Таблица 30

Возраст вступивших в брак по сельской местности РСФСР в 1970 г., (в тыс. и % к итогу)

мужчины (все национальности)

Возраст (лет)	до 19 включит.	20—24	25—29	30—39	40—49	50 и старше	ИТОГО
Всего вступило в брак	22,3 (5,7%)	214,3 (54,4%)	56,8 (14,4%)	49,7 (12,6%)	16,8 (4,3%)	33,7 (8,5%)	393,8 (100%)
Из них ранее не состояли в браке	22,2 (99,7%)	209,8 (97,8%)	50,7 (89,3%)	34,3 (69,0%)	8,7 (51,8%)	21,5 (64,0%)	347,3 (88,2%)

женщины (все национальности)

Возраст (лет)	до 19 включит.	20—24	25—29	30—39	40—49	50 и старше	ИТОГО
Всего вступило в брак	107,1 (27,2%)	173,5 (44,1%)	26,6 (6,76%)	37,5 (9,5%)	19,3 (4,9%)	29,8 (7,5%)	393,8 (100%)
Из них ранее не состояли в браке	106,4 (99,3%)	166,4 (95,9%)	20,4 (76,7%)	24,8 (66,1%)	13,5 (70,0%)	22,2 (74,5%)	353,7 (89,8%)

Составлено по: Текущий архив Госкомстат РФ. Папка 1970 г.

В целом доля мужчин и женщин, заключавших повторные браки, оказалась примерно равной, хотя и отличалась по возрасту. Женщинам удавалось заключать повторные браки, как видно из таблицы 30, лишь в более молодом возрасте (до 39 лет), в то время как среди вступавших в повторный брак после 40 лет больше оказывалось уже мужчин. Для женщин серьезным препятствием к вступлению в новый брак было наличие детей.

Среди молодежи до 24 лет практически все вступали в брак впервые. Но уже среди 25—29-летних появляются различия между мужчинами и женщинами в отношении того, какой это для них по счету брак. В данном возрасте в повторный брак женщины вступали чаще (23,3%), чем мужчины (10,7%). Среди 30—39-летних уже не первым брак был для 31% мужчин и для 34% женщин, но после 40 лет — картина обратная. Как правило, разведенные или овдовевшие мужчины вступали в повторный брак чаще, чем женщины аналогичного семейного положения. Поэтому по группе 40—49-летних новобрачных заключаемый брак был не первым почти для половины мужчин и всего лишь для 30% женщин.

Не вполне благоприятная ситуация на брачном рынке деревни, сложившаяся с середины 1960-х гг., усиливала конкуренцию за брачных партнеров, не только потенциальных, но и уже имевшихся. Это формировало условия, приводившие к росту числа разводов. Уже в 1965 г. в

целом по РСФСР оно выросло почти на 50 тыс. по сравнению с 1960 г., что было почти двоекратное увеличение: со 123 на каждую1000 браков до 211[8].

В последующие годы уровень разводимости сельского населения по темпам роста обгонял развитие процессов брачности. Так, например, за 1964—1968 гг. коэффициенты брачности выросли всего на 3%, а разводимости — более чем вдвое[9].

Росту числа разводов в 1960-е гг. в немалой степени способствовало упрощение процедуры развода, предпринятое в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР «О некотором изменении порядка рассмотрения в судах дел о расторжении брака» (1965 г.). До этого действовало чрезвычайно суровое законодательство о расторжении брака, введенное еще в 1944 г., что в то время имело рациональное объяснение. Но в 1960-е гг. ситуация переменилась — выросло новое послевоенное поколение молодежи, произошли позитивные изменения в возрастно-половой структуре населения. Новые условия требовали упрощения процесса юридического расторжения брака. Кроме того, не последнее значение имел и тот факт, что советское законодательство о разводах оставалось одним из самых суровых в мире.

Указ 1965 г. изменил порядок рассмотрения бракоразводных дел. Вместо прежнего обязательного рассмотрения дела двумя судебными инстанциями отныне распавшийся брак расторгался законодательным путем сразу же, в ходе разбирательства районным (или городским) народным судом. Отменялась и ранее обязательная общественная огласка данного мероприятия, т.е. публикация объявления о разводе в местной прессе. Через несколько лет (в 1968 г.) юридическая процедура развода была упрощена еще и тем, что часть дел передавалась из судебного ведомства непосредственно в загсы. Это касалось прежде всего желавших развестись бездетных супругов, или тех, которые имели уже взрослых детей. В загсе разводы оформлялись значительно быстрее[10].

В итоге уровень разводов в Российской Федерации очень быстро вырос, поскольку кроме недавно распавшихся браков производилось юридическое оформление отношений давно разошедшихся супругов, которые из-за судебной казуистики своевременно не развелись. В 1967 г. средний уровень разводов в РСФСР в расчете на 1000 населения составлял 3,2 и был значительно выше, чем в ФРГ и ГДР, Англии, Франции, Швеции, Японии и США[11].

Среди жителей деревни разводы получили меньшее распространение, чем в городах. Как правило, больше всего их было в областях с сильным влиянием урбанизации, и преимущественно среди лиц с высоким образовательным уровнем. Непосредственной причиной развода являлись, как правило, психологические мотивы — несовпадение и противоречия в культурно-ценностных представлениях супругов по поводу таких важнейших вопросов, как воспитание детей, отсутствие должного внимания и заботы со стороны мужа или жены, пьянство одного из супругов, супружеская измена, вмешательство родителей и т.п. Значительную группу конфликтов, приводивших к распаду семьи и разводу, составляли и материальные проблемы — недостаток жилья или денег.

Кроме того, нестабильность брака и семьи в деревне во многом определялась условиями жизни и характером труда в сельском хозяйстве. Неудовлетворенность работой иногда выражалась в стремлении сменить место жительства, оставить семью. Миграционные настроения супругов часто не совпадали, что становилось дополнительным поводом к разводу[12].

В 1970-е гг. по России число разводов держалось примерно на уровне 3,2 на каждую 1000 населения, а к 1980 г. поднялось до 3,6[13]. В деревне разводов было в несколько раз меньше, чем в городе. В 1965 г. по РСФСР всего было расторгнуто 231,4 тыс. браков, из которых лишь 31,7 тыс. (менее 15%) пришлось на сельскую местность. В 1975 г. на каждую 1000 городского населения было оформлено 4,6 развода, а сельского — 1,6, т.е. почти втрое меньше; в 1980 г. — соответственно 5 и 2,2 развода. В 1980 г., несмотря на то, что число разводов в сельском населении уже поднялось до 90,2 тыс., их доля в общем числе расторгнутых браков по России в целом оставалась той же[14]. Подобная динамика разводов в сельском населении свидетельствует о большей крепости брака в деревне, о том, что там отношение к нему оставалось все еще более традиционным, чем у горожан, которые разводились чаще и чаще заключали повторные браки.

Но по разным причинам далеко не все разведенные или овдовевшие мужчины и женщины, в том числе молодого и среднего возраста, вступали в повторный брак. Однако подавляющее большинство населения России все же проживало в семьях разного типа.

Доля семейных в сельском и городском населении традиционно всегда очень высока, но, как видно из таблицы 31, в сельском населении она на всем протяжении рассматриваемого периода все же была выше. В селе был ниже процент «одиночек», т.е. несемейных категорий граждан.

Доля «одиночек» нарастала по мере укрепления неблагоприятных тенденций в демографическом развитии села. Резкое постарение сельского населения на этапе 1960-х и 1970-х гг., деформация его возрастно-половой структуры, возросшая смертность как результат повышенного процента пожилых возрастов, отъезд детей и других молодых родственников стали причиной одиночества многих людей.

Кроме пожилых среди одиноких встречались еще и относительно молодые, не вступившие в брак или разведенные. Категория одиноких в сельском населении за 20 лет выросла на 1 млн чел., несмотря на то, что общая его численность заметно уменьшилась. В 1959 г. насчитывалось 2044 тыс. одиночек, а в 1979 г. — уже 3010,6 тыс. В послевоенные годы основу данной группы составляли женщины, потерявшие на войне мужей. Несмотря на произошедшую смену поколений, и через 20 лет в ней по-прежнему преобладали женщины (на 80% и более). Со временем население деревни все больше старело, мужчины, согласно естественным законам, умирали раньше, что становилось причиной дальнейшего нарастания одиночества среди пожилых женщин-вдов. Их число за 20 лет увеличилось с 1,6 млн до почти 2,5 млн.

В сельском населении Российской Федерации доля одиночек, как и семейных, в региональном плане довольно заметно различалась и зависела от особенностей возрастнополового состава, которые в свою очередь все больше определялись сельской миграцией и урбанизацией. Поэтому в сельском населении Центрального, Северо-Западного районов и Нечерноземной зоны, т.е. территорий, более других испытавших на себе опустошительное влияние миграций, доля одиночек в сельской местности не опускалась ниже 10% к общей численности населения. В то же время на Северном Кавказе доля живших без семьи насчитывала всего 5%, в Поволжье — 6%. Сравнительно немного одиноких было в Сибири и на Дальнем Востоке, где возрастнополовой состав оказался более благоприятным для формирования семейных пар в любом возрасте.

В особую группу в переписях 1970 и 1979 гг. выделялись члены семей, проживавшие отдельно, но сохранявшие с семьей общий бюджет. В ней преобладали мужчины — их было почти вдвое больше, чем женщин (см. табл. 31). Это в основном были молодые люди, уехавшие от семьи на работу или учебу. За 20 лет на селе доля проживавших отдельно от семьи, но поддерживавших с нею общий бюджет, снизилась.

И все же несмотря на увеличение удельного веса одиноких, состоящие в браке и живущие в семьях составляли подавляющее большинство — около 90% населения. За 20 лет несколько понизился удельный вес живущих в семьях — с 91,2% (в 1959 г.) до 89,2% (в 1979 г.). Соответственно на 17% сократилось общее число сельских семей, а их средний размер уменьшился с 3,8 до 3,4 чел. (см. табл. 31).

Среди мужчин процент семейных вырос на 2%, а среди женщин, наоборот, упал сразу на 4%. Это произошло прежде всего из-за увеличившегося числа женщин-одиночек, главным образом — вдов, оставшихся без семьи.

Сократилось и общее число сельских семей. Причина этого — количественная убыль сельских жителей, в результате чего число их семей соответственно уменьшилось — с 13,4 млн (в 1959 г.) до 11,2 млн (в 1979 г.), т.е. на 16,5%. Характерно, что на фоне быстрого сокращения сельского населения и общего числа семей, средний размер сельской семьи проявил определенную устойчивость. В 1959—1970 гг. общее число сельских семей по России сократилось на 11,2%, в то время как средний состав их по числу совместно живущих членов остался прежним — 3,8 чел. Однако в дальнейшем убыль сельского населения пошла еще быстрее, что в конечном итоге все же повлияло и на среднюю величину сельской семьи. Только за 9 лет с 1970 по 1979 г. она уменьшилась сразу более чем на 10% и составила уже 3,4 человека (см. табл. 31).

За это же время уменьшилась и городская семья. Но если ее уменьшение измерялось в 8,6% (с 3,5 до 3,2 чел.), то сельской семьи — 13%. Это говорило о том, что сельская семья сокращалась быстрее, вследствие чего произошло заметное сближение среднего размера городской и сельской семьи.

Таблица 31

Семейный состав сельского населения РСФСР в 1959, 1970 и 1979 гг.

	1959 г.	1970 г.	1979 г.
Число семей	13415,4	11884,7	11164,8
Средний размер семьи (по числу совместно проживающих членов)	3,8	3,8	3,4
Постоянное население, всего (тыс. чел.)	55923,2	49309,8	42467,6
в том числе:			
мужчины	24772,1	22143,2	19381,6
женщины	31151,1	26954,9	22795,5
Числ-ть членов семей, проживающих совместно с семьей, всего	51151,6	45095,1	37922,1
То же, в % к общей чис-ти сел. нас.	91,2	91,4	89,2
в том числе: мужчин	22434,2	20749,8	17885,1
То же, %	90,4	93,7	92,3
в том числе: женщин	28717,4	23345,3	20036,9
То же, %	91,8	86,6	87,9
Члены семей, проживающие отдельно от семьи, но связанные с ней общим бюджетом	2900,8	1412,1	1535,0
То же, %	5,2	2,1	3,6
в том числе: мужчины	1965,9	1036,9	1019,0
То же, %	67,7	73,4	66,4
в том числе: женщины	934,9	375,2	516,0
То же, %	32,2	26,5	33,6
Число одиночек (лиц, не связанных с семьей общим бюджетом и не имеющих семьи), всего	2044,6	2802,7	3010,6
в том числе: мужчины	406,2	443,2	549,4
То же, %	19,8	15,8	18,3
женщины	1638,4	2359,5	2461,1
То же, %	80,2	84,2	81,7

Составлено по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. М., 1963. С. 24—25, 60—61, 450—452; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. VII. С. 186—187, 234; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. Т. 1. М., 1989. С. 28—29; Т. II. Ч. 1. М., 1989. С. 42; Т. VI. Ч. 1.С. 4—5.

Уменьшение средних размеров сельских семей объяснялось главным образом двумя факторами. Первый — произошедшее за 20 лет заметное снижение рождаемости. Второй — дальнейшее углубление процесса нуклеаризации семьи. Этот процесс в российской деревне довольно успешно развивался еще с конца XIX в., но к концу исследуемого периода так называемые «малые» семьи, состоявшие только из брачной пары с детьми (или без них), окончательно возобладали. Это убедительно подтверждается данными таблицы 32, показывающей распределение семей по их численному составу.

Таблица 32

Группировка сельских семей РСФСР по числу совместно проживающих членов и среднему размеру в 1970 и 1979 гг. (чел.) и их удельному весу к итоговому числу семей

1970 г.

Территория	2 чел.	3 чел.	4 чел.	5 чел.	6 чел.	7 чел.	8 чел.	9 чел.	10 чел. и более	Средн. размер семьи
РСФСР,	3252,3	2588,5	2564,5	1736,5	934,7	442,0	211,2	94,0	60,8	3,8
	27,4%	21,8%	21,6%	14,6%	7,8%	3,7%	1,8 %	0,8%	0,5%	
В т. ч. р-ны:										
Северо-Запад	30,3 %	24,4%	22,0%	12,8%	6,0%	2,6%	1,1%	0,5%	0,3%	3,6
Центр	30,9%	24,5%	23,0%	13,2%	5,5%	1,8%	0,6%	0,2%	0,1%	3,5
Волго-Вятский	27,3%	20,0%	19,4%	14,8%	9,0%	5,1%	2,5%	1,1%	0,6%	3,9
Центр.-Черноз.	30,8%	21,2%	20,7%	14,9%	7,7%	2,9%	1,0%	0,4%	0,3%	3,6
Поволжский	25,3%	19,5%	20,3%	15,5%	9,9%	5,3%	2,5%	1,1%	0,6%	4,0
Север. Кавказ	26,8%	21,3%	22,5%	14,1%	7,3%	3,7%	2,2%	1,1%	0,8%	3,9
Урал	26,6%	20,9%	20,7%	15,2%	8,7%	4,3%	2,1%	0,9%	0,5%	3,9
Запад. Сибирь	25,1%	21,0%	21,5%	16,0%	8,9%	4,1%	1,9%	0,8%	0,6%	3,9
Восточ. Сибирь	21,7%	20,9%	22,2%	16,5%	9,6%	4,8%	2,4%	1,1%	0,8%	4,1
Дальн. Восток	23,8%	26,0%	23,7%	13,3%	6,8%	3,2%	1,6%	0,8%	0,7%	3,8

1979 г.

Территория	2 чел.	3 чел.	4 чел.	5 чел.	6 чел.	7 чел.	8 чел.	9 чел.	10 чел. и более	Средн. размер семьи
РСФСР, в т. ч.р-ны:	3820,2 34,2%	2934,7 26,3%	2314,3 20,7%	1144,7 10,25%	519,4 4,65%	232,9 2,1%	108,9 1,0%	49,0 0,4%	40,6 0,36%	3,4
Северо-Запад	37,9%	28,9%	20,2%	7,95%	2,95%	1,2%	0,5%	0,2%	0,15%	3,2
Центр	40,3%	28,3%	19,5%	7,85%	2,7%	0,85%	0,3%	0,1%	0,07%	3,1
Волго-Вятский	34,4%	25,0%	19,4%	11,0%	5,6%	2,7%	1,2%	0,45%	0,25%	3,5
Центр.-Черноз.	39,8%	25,6%	18,6%	9,8%	4,05%	1,3%	0,45%	0,15%	0,1%	3,2
Поволжье	31,7%	24,4%	20,8%	12,05%	6,2 %	2,9%	1,2%	0,45%	0,3%	3,5
Север.Кавказ	31,3%	24,2%	20,9%	11,0%	5,3%	3,0%	1,8%	1,0%	1,0%	3,6
Урал	33,1%	25,8%	21,4%	10,9%	5,0%	2,1%	1,0%	0,4%	0,3%	3,4
Запад. Сибирь	32,2%	27,2%	22,2%	10,5%	4,4%	1,9%	0,8%	0,4%	0,3%	3,4
Восточ. Сибирь	29,0%	26,8%	22,6%	11,4%	5,3%	2,6%	1,25%	0,6%	0,5%	3,6
Дальн. Восток	27,9%	30,8%	24,3%	9,4%	3,9%	1,9%	0,9%	0,45%	0,4%	3,4

Составлено по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. VII. С. 206—219; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. Т. VI. Ч. 1. С. 54—71.

Данные табл. 32 наглядно подтверждают укрепление в 1960-е — 1970-е гг. в деревне тенденции к дальнейшему распространению малых семей, состоящих из 2—4 человек. Доля семей такого состава по сельской местности России выросла: с 70% (в начале 1970-х гг.) до 81,2% (в 1979 г.)[15].

Уменьшение среднего размера сельских семей особенно заметно на примере минимальных по составу семей. Доля семей простейшего типа, состоявших из 2-х человек, в сельской местности постоянно увеличивалась в основном за счет сократившихся из-за распада семьи или миграционного оттока молодых членов, а также за счет других неполных семей.

Нарастание удельного веса семей, состоявших из 2-х человек (в основном только из одного родителя — матери и ее ребенка, или же из двух пожилых супругов), особенно заметно. Так, в 1939 г. таких семей

насчитывалось всего 17,2%, в 1959 г. — 26,1%, в 1970 г. — 27,4%, а в 1979 г. — уже 34,2% от их общего числа по сельской местности. Это означало, что в 1979 г. как минимум каждая третья сельская семья в России была неполной — имела лишь одного родителя или была бездетной. Иными словами, за 40 лет доля простейших семей, насчитывавших двух членов, выросла вдвое.

Суммарно же доля малых семей из 2—4-х человек за 20 лет выросла с 70% (в 1959 г.) до 81% (в 1979 г.). Характерно, что все эти изменения протекали в том же русле, что и в городах. Там за 20 лет на 10% также увеличилась доля семей, включавших в себя не более 4-х членов. Но при этом прослеживается одна характерная деталь — в сельской местности в 1979 г. самый высокий удельный вес занимали семьи из 2-х членов (34,2%) , в то время как в городе преобладали семьи из 3-х человек (33,9%)[16].

Преобладание минимальных по размеру семей простейшего типа стало в конце 1970-х гг. весьма примечательной чертой семейной структуры на селе, поскольку ее формирование проходило в условиях интенсивного миграционного перехода населения в города. Процесс сближения сельской и городской семьи по среднему размеру проходил на фоне сохранявшихся довольно заметных различий. В целом за период с 1959 г. сельская семья подверглась более сильной деформации, чем городская.

В городе в среднем насчитывалось больше, чем в деревне, семей из 3—4-х человек, за счет совместного проживания молодых супружеских пар (у которых не было собственного жилья) с одним или двумя родителями. В деревне более высокий удельный вес минимальных по размеру семей (из 2-х чел.) объясняется повышенной долей пожилых пар, оставшихся на данный момент уже без взрослых детей.

Притом, что за 1970-е гг. средняя величина сельской семьи повсеместно стала заметно меньше, ее состав в разных регионах не был одинаковым. Величина семьи в значительной мере определялась этническим составом населения регионов. У отдельных этносов существенно различались основные черты репродуктивного поведения, установки на рождаемость и ее ограничение, что и определяло конкретное число детей в семьях, и среднюю величину семьи.

Как показывает фактический материал, в 1970-е гг. быстрее всего сельские семьи сокращались там, где в прежние годы они были особенно многочисленными, например, в Волго-Вятском районе, Поволжье, Сибири и на Урале. В этих районах еще в начале 1970-х гг. вариация количественного параметра сельской семьи колебалась от 3,9 до 4,1 чел. против средней по России величины — 3,8 чел. Но к 1979 г. главным образом из-за масштабного оттока молодого населения из села и существенного снижения рождаемости, в этих районах так же, как и по всей Российской Федерации, возросло число малых семей, особенно из 2-х человек.

Одновременно крупных семей, насчитывавших 7 человек и более, стало гораздо меньше. Доля таких семей, и ранее невысокая, повсеместно еще больше упала: в Центральном районе — с 2,7 до 1,3%, Северо-За-

падном — с 4,5 до 2%, в Волго-Вятском — с 9,4 до 4,6%, Поволжье — с 9,5 до 4,8%, на Урале — с 7,8 до 3,8%, в Западной Сибири — с 7,4 до 3,4% и т.д. Соответствующим образом это отразилось и на снижении средней величины сельской семьи как в перечисленных регионах, так и по РСФСР в целом.

В то же время на Северном Кавказе с его достаточно сложным национальным составом и высокой долей мусульманских этносов средний размер семьи, хоть и сократился, но по сравнению с другими районами России — в минимальной степени (за 10 лет всего 8% при 13% — по Уралу и Западной Сибири, например). Крупных семей, включавших в себя по 7 и более человек, на Северном Кавказе и раньше было немного, в отличие например, от Поволжья, где также был очень богат спектр проживавших народов. К концу 1970-х гг. на Северном Кавказе доля крупных семей уменьшилась всего на 1%, в то время как в Поволжье — ровно вдвое (см. табл. 32).

В целом, исходя из средней величины сельской семьи, по территории Российской Федерации можно выделить 2 основные группы регионов. Первая — территории, на которых удельный вес малых семей, насчитывавших от 2 до 4 человек, был выше, чем в среднем по РСФСР. В 1970 г. в нее входили Северо-Западный, Центральный район и Дальний Восток. В 1979 г. к этим регионам присоединились еще и Центрально-Черноземный и Западная Сибирь. Это были территории, из которых сельская миграция уже практически «вымыла» значительную часть демографически активного населения, что заметно повлияло на сельскую семью в целом, существенно уменьшив ее размер.

В районах первой группы различия в средней величине между городской и сельской семьей были малозначительными. Более того, нередко в областях Центрального региона сельские семьи в среднем оказывались даже меньше, чем городские. Например, в трех областях Нечерноземной зоны РСФСР (Калининской, Псковской, Новгородской) средний размер семьи составлял в 1979 г. всего 2,9 человека, а в 15 областях этого региона сельская семья была меньше городской. Для этих же областей была характерна и максимальная доля одиночек: в Калининской области она достигала почти 17% против 10% в среднем по России[17].

Ко второй группе следует отнести регионы с преобладанием более многочисленных семей, где сельская семья была крупнее городской. В 1970 г. в нее входили Волго-Вятский район, Поволжье и вся Сибирь, а в 1979 г. — из ее состава выбыла Западная Сибирь, но прибавился Северный Кавказ.

Уместно отметить, что сокращение среднего размера сельской семьи происходило не только по Российской Федерации, но и по целому ряду других республик СССР. Так, если в РСФСР средний размер сельской семьи только с 1970 по 1979 г. сократился с 3,8 до 3,4 чел., то в Белоруссии он соответственно уменьшился с 3,7 до 3,3; на Украине — с 3,6 до 3,3 чел. Снижение наблюдалось также в Молдавии, Казахстане, Грузии, Армении, Литве, Латвии и Эстонии. В то же время в Азербайджане, Киргизии, Туркмении и Таджикистане произошло укрупнение — в среднем от 5,8 до 6,2 человека[18].

Причины столь существенных различий в эволюции семьи крылись в господстве того или иного типа репродуктивного поведения населения в разных регионах страны. Кроме того, в исламских регионах — в Средней Азии и Азербайджане — помимо практически полного отсутствия внутрисемейного регулирования рождаемости сохранялись еще и традиции сложных семей, в которых женатые сыновья чаще жили с родителями.

Общую картину семейной эволюции целесообразно дополнить распределением семей по демографическому типу. Демографический тип семьи определяется прежде всего наличием в семье «ядра» — супружеской пары, возрастом семьи, т.е. стажем семейной жизни супругов; наличием у них детей и их количеством. Решающее значение при определении демографического типа семьи имеет вопрос, живут ли в ней родители супругов или другие родственники.

Как показала Всесоюзная перепись 1979 г., в этот период основным, наиболее распространенным типом семей в Российской Федерации являлась простая нуклеарная семья, состоявшая из одного супружеского ядра — родителей с детьми или без них. В 1970 г. в сельской местности РСФСР семей, состоявших из одной супружеской пары (с детьми и без), насчитывалось 62,2% от их общего числа, а в 1979 г. — уже 76,7%. Доля семей такого типа в сельской местности выше, чем в городе. Более всего он распространен в районах Дальнего Востока, менее всего — на Северном Кавказе[19].

При этом в селе чаще, чем в городе, встречались многопоколенные семьи, в которых проживали кроме супружеского «ядра» (т.е. отца, матери) и их детей, еще дедушки и бабушки. Такие семьи квалифицируются уже как «сложные». В 1970-х гг. в сельской местности РСФСР доля таких семей не превышала 20%.

В селе еще оставались семьи, состоявшие из 2 и более супружеских пар. В них взрослые женатые (или замужние) дети продолжали жить вместе со своими родителями. Такие семьи преимущественно встречались в регионах с высокой рождаемостью (в национальных автономиях РСФСР — на Северном Кавказе, Поволжье и др.)[20]. В этих местностях средний возраст вступления в первый брак моложе, чем в других областях, что нередко становилось причиной материальной зависимости молодых супругов от своих родителей и поводом для совместного проживания. Кроме того, там еще сохранялись традиции большой неразделенной семьи. Но в целом по России сложных семей было немного — в 1970-е гг. они встречались лишь в 26 случаях на каждую 1000 сельских семей[21]. Этот демографический тип семьи был исторически уходящим — он постоянно вытеснялся современной, малой по размеру и простой по типу семьей.

В сельской местности РСФСР в это время довольно много было неполных семей, включавших только одного из родителей (чаще мать) с детьми. Такой тип семей образовывался в результате развода или овдовения одного из супругов или же рождения ребенка вне брака. Его доля практически не менялась: 12,3% (в 1970 г.) и 11,8% (в 1979 г.)[22].

Наиболее характерен данный тип семей для Северо-Западного региона. Относительно реже встречался он в сельском населении Центрально-черноземных областей и Западной Сибири (ниже 10%)[23].

Среди неполных семей значительное место занимали семьи матерей-одиночек, воспитывавших ребенка без мужа. Как и после войны, в 1960—1970-е гг. семьи матерей-одиночек, не состоявших в юридически оформленном браке, были довольно распространенны. В 1970 г., например, в сельской местности России родилось 50,6 тыс., а в 1975 г. — 92 тыс. детей, «зарегистрированных только по заявлению матери» (так они определялись статистикой), т.е. родившихся у матерей, не состоявших в браке.

Семьи матерей-одиночек довольно часто встречались не только у русских, но и других народов РСФСР. По сути это был наиболее распространенный тип неполной семьи. На Урале, например, их доля доходила до 14,5%[24]. Значительный процент неполных семей свидетельствовал прежде всего о наличии серьезных деформаций в семейной структуре села, откуда уходило молодое население.

Многодетность давно перестала быть типичным явлением в воспроизводстве сельского населения. Уже в конце 1950-х гг. доля крупных семей, насчитывавших более 5 членов, в среднем по сельской местности РСФСР составляла менее 30% (в городе — 20,4%). В последующий период (1979 г.) она продолжала снижаться — до 18,8% (по селу) и 11% (по городу).

Из материалов текущего статистического учета сельского населения видно, как на протяжении 1970-х гг. быстро снижалась доля детей, рожденных многодетными матерями. Так, в 1970 г. в сельской местности России у многодетных матерей уже имевших по 4 и более детей (т.е. пятыми, шестыми, седьмыми и т.д. по очередности их рождения у матери) родилось 15% от всех новорожденных. Через 5 лет детей с высокими порядковыми номерами рождения у матерей оказалось уже 10,3% от общего числа новорожденных этого года, а в 1980 г. — всего 6,5%[25].

Представляет интерес и социальная принадлежность деревенских многодетных матерей: в 1970-е гг. от $^1/_2$ до $^2/_3$ их составляли работницы совхозов и других государственных предприятий в сельской местности; от 27% до 33% были колхозницы, а остальные — служащие и не указавшие занятия. Приведенные цифры почти точно воспроизводят пропорции социального состава сельских жителей в эти годы, с той лишь разницей, что колхозниц среди сельских многодетных матерей было заметно больше, чем женщин-служащих[26].

Примечательной особенностью семейной структуры сельского населения России являются существенные различия в распределении семей по величине и типу у разных народов. Так, по данным переписи населения 1979 г., самыми малочисленными были русские семьи. В то же время у народов Северного Кавказа (дагестанцев, балкарцев, ингушей и особенно чеченцев), а также у калмыков, тувинцев и др. семьи в 7 и более человек встречались в десятки раз чаще[27]. Столь разительные отличия в размере семей по отдельным территориям РСФСР определялись в основном средним числом детей в семье, которое также было далеко

не одинаковым, и кроме того — процентом крупных по размеру сложных семей, состоявших из нескольких (более двух) поколений родственников.

На уровне отдельных сельских районов различия в семейном составе в основном определялись возрастнополовой структурой населения. Поэтому в селениях с более старым населением средний размер семьи был меньше, а доля одиночек — больше. В малых городах — райцентрах Калининской области средний размер семьи равнялся 2,6 чел., в то время как в среднем по сельской местности области — 2,3 чел. Но даже внутри сельских поселений имелись довольно заметные различия в средних размерах сельских семей. Так, семьи жителей центральных усадеб, как правило, были крупнее — состояли из 2,4 членов, в то время как в рядовых поселениях — всего 1,6[28].

Интересны и результаты расчетов среднего размера сельской семьи по Новосибирской области, где также заметно влияние процессов урбанизации на семейный состав жителей деревни. С 1967 по 1977 г. доля одиночек в нем выросла с 9,4% до 12,4%. При этом их удельный вес в неурбанизированных поселениях (16,3%) был выше, чем в урбанизированных (10,4%), прежде всего из-за повышенной доли старших возрастов. В населении урбанизированных сел показатели семейного состояния были более благополучные — доля состоявших в браке оказалась там выше, а холостых (незамужних) и вдов — ниже[29].

В многонациональной Российской Федерации сравнительно велика доля этнически смешанных семей. За 20 лет — с 1959 по 1979 г. число этнически смешанных семей в сельской местности выросло почти в полтора раза. Практически каждая седьмая семья в ней состояла из представителей по крайней мере двух этносов.

Естественно, что в межнациональные браки чаще вступают представители народов, близких по культуре и бытовому укладу. В конце 1970-х гг. примерно 50% этнически смешанных семей в РСФСР составляли русско-украинские и русско-белорусские семьи. Довольно широко были распространены, особенно в местах пограничного проживания, смешанные браки представителей и других национальностей, как с русскими, так и между собой.

Итак, основные причины уменьшения сельской семьи в России в 1960-е — 1970-е гг. связаны с преимущественно демографической сферой. Во-первых, это — последствия активного миграционного оттока части сельских жителей в города, в результате которого значительно ухудшилась возрастно-половая структура деревни. Во-вторых, не последнюю роль продолжало играть разделение молодых и родительских семей. В-третьих, на сокращении средней величины сельской семьи, безусловно, сказалось и общее понижение рождаемости. На степень воздействия последнего фактора влияла практика сознательного регулирования числа детей в семье.

Существенным элементом внутреннего мира сельской семьи и показателем ее благополучия являлось положение женщины в семье и обществе. В условиях колхозно-совхозного производства многие сельские женщины получили возможность самостоятельного заработка, который

закладывал реальную основу для фактического равенства с мужчиной и во многом менял ее роль и положение в семье. Экономическая зависимость женщины от мужчины в сельских семьях традиционно ощущалась гораздо больше, чем в городских. Даже если женщина работала на производстве и обеспечивала значительную часть средств и доходов семьи, в деревне все же именно мужчина продолжал оставаться добытчиком и хозяином. Во многом это было предопределено хозяйственно-бытовым укладом сельской семьи. Наличие подсобных хозяйств, надворных построек, скота и т.п. требовало физических затрат преимущественно мужского труда. Мужчина в приусадебном хозяйстве сельской семьи выполнял наиболее трудоемкие и сложные виды работ, его роль была лучше видна. Функции женщины-матери и хозяйки дома заметны гораздо в меньшей степени, они ежедневно воспроизводятся и тем самым отчасти лишаются своей истинной значимости в глазах домочадцев.

Разная значимость бытовых ролей мужчины и женщины в деревне объективно ставила женщину в неравное положение. Там без мужчины жить и вести хозяйство было практически невозможно. Косвенным подтверждением этому является факт инициативы развода. Например, изучение бракоразводных материалов в Орловской области за 1967—1969 гг. показало, что в городах (Орел, Ливны, Мценск) развод по инициативе мужчин возбуждался лишь в 36—45% случаев. В то же время по сельским районам на развод мужчины подавали чаще, поскольку реалии сельской жизни заставляли женщин более терпимо относиться к недостаткам мужей и супружеской жизни в целом[30].

К числу основных проблем сельской жизни в рассматриваемые годы по праву следует отнести и явно недостаточную обеспеченность деревни детскими дошкольными учреждениями. Вовлечение сельских женщин в общественное производство отнюдь не сопровождалось должным развитием сети детских садов и яслей и предприятий бытового обслуживания. В деревне слишком долго сохранялись противоречия между потребностями семьи и возможностью их удовлетворения посредством сферы бытового обслуживания. Это приводило к огромной перегрузке женщин, которые сталкивались с дополнительными трудностями при сочетании профессиональной и семейной ролей. В домашнем хозяйстве женщины трудились намного больше, что доказано специальными исследованиями. Было выяснено, что мужчины отдавали домашнему труду в будни в среднем 1,22 часа (или всего 5% суточного бюджета времени), в то время как женщины — 7,1 часа (или 29,5%)[31].

Положение женщины в семье особенно усугублялось в случае отъезда мужчины на работу в город. Огромная тяга сельских жителей в города вообще тяжело отражалась на семейных отношениях и женских судьбах. Известно, что в город могли уехать в первую очередь молодые или не обремененные семьей люди. Женщинам, имевшим детей, это сделать было значительно трудней. В результате отъезда мужчин на заработки в город многие из них фактически лишались мужей, поскольку нередко, переехав на временную работу, они забывали о семье и детях, оставшихся в деревне. Это взваливало на сельских матерей дополнительные тяж-

кие обязанности, вынуждая их в одиночку при живом муже растить детей[32].

Многочисленные социологические исследования семейного быта, проведенные в 1960—1970-х гг., подтверждали, что в деревне именно женщина несла основное бремя домашних забот, особенно по воспитанию детей. Отцы нередко от этого самоустранялись, что, естественно, сказывалось на психическом состоянии детей. «Скрытая безотцовщина» не только снижала эффективность семейного воспитания, но и ослабляла узы, объединявшие супругов, поскольку один из них оказывался в стороне от важнейшего общего дела мужа и жены — как родителей и воспитателей[33].

В деревне семья является еще и производственной ячейкой, поскольку наличие у нее приусадебного участка предполагает занятие семейным подсобным хозяйством. И здесь также основную роль играли женщины, особенно пенсионного возраста, и не работавшие многодетные. Посильную помощь в проведении отдельных работ им оказывали подростки. Как правило, в силу экономической необходимости они совместно трудились на своих огородах, поскольку одной оплаты за труд в колхозе или совхозе было недостаточно для удовлетворения основных потребностей семьи. Урожайность в подсобном хозяйстве достигалась лишь благодаря значительной интенсификации труда, так как орудия труда там применялись самые примитивные. В целом по РСФСР сельские жители-мужчины в пенсионном возрасте тратили на труд в подсобном хозяйстве всего 23,4 часа в неделю, в то время как женщины — в два раза больше (46,9 часа)[34].

Основную часть выращенной на приусадебном участке продукции сельские жители потребляли сами, а на рынке продавали лишь около 20%. Помимо экономического значения подсобного хозяйства как источника свежих овощей, картофеля, фруктов, а также дополнительных денежных средств от продаж, оно еще и крепко сплачивало сельскую семью. Как правило, семьи, державшие развитое приусадебное хозяйство, были многочисленнее и дружнее. Дети в таких семьях рано приобщались к труду, понимали его полезность и необходимость. Совместная работа всех членов семьи на общем огороде или в саду способствовала сохранению и поддержанию более прочных семейных уз даже со стороны тех взрослых детей, которые уже имели свои собственные семьи. По данным обследования, проведенного в 1970-е гг. в ТАССР, с родителями вместе жили 40% имевших приусадебные участки, в то время как среди тех, кто такого хозяйстве не вел, лишь 20%[35].

В сельских семьях значительно чаще, чем в городских, сохранялись элементы традиционности. Большие сельские семьи гораздо меньше нуждались в услугах предприятий службы быта и общественного питания, поскольку внутрисемейная организация труда, подразделение обязанностей на мужские и женские, позволяли им во многом обходиться собственными силами. Члены таких семей, особенно дети, часто носили одежду, сшитую материнскими руками, а не купленную в магазине. Ремонт обуви также производился кем-нибудь из домашних.

Одной из главных проблем сельских семей было пьянство, прежде всего среди мужчин. Проводившиеся социологические исследования в деревне подтверждали, что там употребление крепких горячительных напитков постоянно ширилось — увеличивался объем потребления, росла доля лиц, систематически их принимавших. Кроме того, фиксировался еще и более ранний возраст приобщения к спиртному. Злоупотребление спиртным часто становилось поводом к шумным ссорам, конфликтам между супругами, выпивки отражались на детях и их воспитании. Пьянство было одной из главных причин расторжения брака, из-за него рушились семьи, калечились судьбы, но оно оставалось неистребимым.

Несмотря на все переживаемые трудности, сельская семья оставалась важнейшим социальным институтом, который во многом регламентировал жизнь и поведение сельских жителей. Наиболее характерной чертой ее эволюции в 1960—1970-е гг. стало влияние урбанизации, все более широко проникавшей в российскую деревню. В результате сельская семья стала заметно меньше, ее состав постоянно упрощался за счет дальнейшего распространения малых по размеру и простых по составу семей нуклеарного типа. Процесс семейной трансформации дополнялся ростом числа одиночек, живших без семьи, а также распространением неполных, главным образом, материнских семей с ребенком, рожденным вне официального брака.

Сельская семья по целому ряду показателей (рост уровня разводов, существенное снижение рождаемости, в том числе и за счет абортов, усложнение семейных взаимоотношений и др.) все больше приближалась к стандартам городских семей. Прочность и стабильность семьи в таких условиях слабела, положение сельских женщин заметно усложнялось частыми переездами мужчин, из-за чего на них все больше ложилась ответственность не только по материальному обеспечению, но и воспитанию детей. Тем не менее семья продолжала играть важнейшую роль в жизни людей, с нею вновь связывались надежды тех, кто уже пережил развод и вступал в повторные браки.

Глава X
Социально-демографические группы в населении и социально-демографическая политика

В социальную структуру населения органически вплетены демографические группы: молодежь, мужчины, женщины, лица пожилого возраста. В социальном плане состав их неоднороден, но каждая из них имеет свои специфические общие для данной группы социальные интересы, обусловленные демографическими параметрами: полом и возрастом. Учитывая наличие у этих демографических групп специфических социальных интересов, принято называть их социально-демографическими*.

Молодежь как социально-демографическая группа

Большой и сложной по своей специфике социально-демографической группой в структуре общества является молодежь. Определяющим признаком ее как демографической группы служит возраст, ограниченный рамками 16—30 лет. Молодежь — это не только возрастная группа, но и социальная. Ее возраст, положение в обществе, интересы и роль определяются социальной структурой общества.

Как социально-демографическая группа в 1960—1970-х гг. молодежь внутренне была неоднородна, ее единство являлось относительным. Молодежь, определившая свое социальное положение, делилась на рабочих, крестьян, молодых специалистов, кроме того, она включала в себя большую специфическую группу, еще не определившуюся в социальном положении, — учащихся (старшеклассников, учащихся технических училищ, техникумов, студентов вузов).

Высокая рождаемость во второй половине 40-х и 50-х годах привела к увеличению числа молодежи в 60-х до 47—50%. Это было первое послевоенное поколение молодых людей, выросшее в условиях мирного времени.

---

* Социально-демографические группы молодежи и людей пожилого возраста выделены согласно возрасту: молодежь с 16 лет и до 30; лица пожилого возраста — мужчины с 60, а женщины с 55 лет. В основу этих возрастных критериев положены биологическо-медицинские параметры, а также для молодежи — возраст достижения совершеннолетия, дее- и правоспособности и вступления в трудовую деятельность, а для пожилых — возраст окончания трудовой деятельности (в соответствии с действовавшим в рассматриваемый период законодательством).

Таблица 33

Возрастная структура молодежи РСФСР в 1959—1970 гг.

Возраст, лет	Численность, тыс. чел.		% ко всему населению	
	1959 г.	1970 г.	1959 г.	1970 г.
16—19	14675	17263	7,0	7,1
20—24	20343	17105	9,7	7,1
25—29	18190	13770	8,7	5,7

Составлено по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. М., 1972. Т. II. С. 12—13; Вестник статистики. 1971. № 5. С. 15; Болдырев В.А. Пути переписи населения СССР. М., 1974. С. 22.

Таблица 34

Возрастнополовая структура молодежи РСФСР в 1970 г.

Возраст, лет	Численность, тыс. чел.		Мужчин на 100 женщин
	мужчины	женщины	
16—19	8810	8453	104,2
20—24	8627	8478	101,8
25—29	6813	6957	97,9

Составлено по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. М., 1972. Т. II. С. 12—13; Вестник статистики. 1971. № 5. С. 15; Урланис Б.Ц. История одного поколения (социально-демографический очерк). М., 1968. С. 206—207; Болдырев В.А. Пути переписи населения СССР. М., 1974. С. 29.

Исследование в 1960-е — 1970-е гг. жизненных интересов молодежи показало, что она соединяла свое представление о счастье с интересной, содержательной творческой работой. Тогда это представление у молодежи было связано чаще всего со сферой умственного труда, которая требовала высшего образования. Престиж интересной работы у молодых людей в возрасте 19—28 лет был очень высок. Главным в жизни считали интересную работу от 58 до 62% молодых людей, а о высшем образовании мечтали 96% старшеклассников из 1,5 тыс. опрошенных[1]. Характерно, что среди любимых предметов назывались, прежде всего, математика, физика, химия; молодые люди предпочитали технические специальности. Их поиски места в жизни, самоопределение были связаны со сферой умственного труда высокой квалификации.

Перепись 1970 г. показала, что в РСФСР каждый третий человек учился, из них каждый второй до 30 лет. За последние два десятилетия число учащихся средних специальных учебных заведений выросло с 2,1 до 4,4 млн, а студентов вузов, учитывая вечернее и заочное отделе-

ния, — с 2,4 до 4,6 млн. Число учащихся системы профтехобразования достигло 2,4 млн чел. Для народного хозяйства готовились сотни тысяч специалистов. Их ежегодный выпуск показан в таблице 35.

Таблица 35

Подготовка молодых специалистов РСФСР в 1966—1970 гг., тыс. чел.

Годы	Высшие учебные заведения	Средние специальные учебные заведения
1966	431,8	685,2
1967	479,5	805,9
1968	510,6	902,8
1969	564,9	1018,7
1970	630,8	1033,3

Составлено по: Максимов Г. Об уровне образования населения СССР // Вестник статистики. 1972. № 6. С. 23.

Ориентация на высшее образование была связана с социальной перспективой выхода в слой интеллигенции, престиж которой был в сознании молодых людей тогда еще высок.

Немалое значение имело здесь и то обстоятельство, что выпускник вуза имел гарантированное место работы. Для многих представителей сельской молодежи получение высшего образования означало перемещение из деревни в город, различия между которыми в социально-экономическом и культурно-бытовом отношениях оставались более чем существенными.

Эти стремления молодежи к высшему образованию соответствовали в 1960-е гг. потребностям экономического развития страны. Не хватало кадров специалистов, особенно технической интеллигенции. В связи с этим правительством на очередь дня была поставлена задача повышения уровня общеобразовательной и специальной подготовки молодежи. Школа, опираясь на эту программу, ориентировала учащихся на получение полного среднего образования и продолжение обучения в техникумах и вузах.

В 1960-х гг. было введено всеобщее неполное среднее образование. В 1960 г. полную среднюю школу окончили 1 млн 55 тыс., а в 1970 г. — уже 2 млн 581 тыс. юношей и девушек. Соответственно был увеличен прием в вузы страны. Если в 1940 г. вузы окончило 126,1 тыс. специалистов, то в 1970 г. их количество возросло до 630,8 тыс., средние специальные учебные заведения окончило соответственно 236,8 тыс. чел. и 1033,3 тыс. человек[2].

Одновременно, в 1960-х гг. совершенствование производства на основе научно-технической революции потребовало повышения уровня образования и квалификации рабочих. Школы ФЗУ уже не справлялись

с этой задачей; была введена система ПТУ. Однако ПТУ поначалу, в 1960-х гг., были неверно восприняты школой, которая в связи с ориентацией на высшее образование списывала туда нерадивых учащихся.

Массовая ориентация на школьной скамье на получение высшего образования приводила часто к тому, что молодой человек, если не мог поступить в вуз в соответствии со своими склонностями и способностями или еще не определил своих интересов, шел в те вузы, где конкурса не было или имел место недобор учащихся, — лишь бы стать студентом. Это приводило к тому, что, не имея интереса к «подвернувшейся под руку» профессии, молодые люди либо бросали учебу, либо, что еще хуже, становились плохими специалистами.

К тому же выпускники школ, чем ближе к 1970-м гг., тем больше сталкивались с вопиющей несправедливостью: декларированное официально равное право для поступления в вуз оказывалось в действительности вовсе неравным. При поступлении в престижные вузы все более широкий размах приобретала практика «подпольного» репетиторства, взяточничества. Найм репетиторов, гарантирующих успешную сдачу вступительных экзаменов, был не «по карману» многим социальным слоям общества. Вступали в силу и так называемые «связи», которые также играли большую роль при поступлении в вуз. Эти «связи» чаще всего использовались родителями, имевшими сходную специальность и занимавшими те или иные посты. Они, не учитывая склонностей ребенка, стремились передать ему свою престижную по тем временам профессию «по наследству». Создавались, таким образом, из отдельных звеньев структуры образования замкнутые «системы», куда проникнуть со стороны было практически невозможно.

Особую замкнутую систему составляли «суперпрестижные» вузы, в которых заранее, вне конкурса, резервировались места для детей административно-управленческого аппарата. Таким образом, им гарантировался выход сразу в высшие эшелоны власти. Число мест на свободный конкурс резко сокращалось. Воспитанные на постулатах полного равенства, молодые люди, прекрасно подготовленные к вступительным экзаменам, часто впадали после недобора баллов в шоковое состояние, были случаи психических заболеваний и даже самоубийств. Несоответствие между официально заявляемыми принципами и действительным положением вещей воспринимались непоступившими в вуз и их родителями как глубокая трагедия.

В 1970-е гг. ориентация молодежи и их родителей начала несколько меняться, корректироваться самой жизнью.

По данным социологического исследования середины 1970-х гг. 74% десятиклассников из семей служащих и интеллигенции продолжали ориентироваться на учебу в вузе. Однако десятиклассники — дети рабочих — на 38% ориентировались на вузы, а дети колхозников — лишь на 25%.

Дети из рабочих семей и из семей колхозников предпочитали гораздо более раннее самоопределение. Они все больше ориентировались на обучение в ПТУ, даже в тех случаях, когда учеба шла хорошо. В то же время дети служащих и специалистов, даже те, кому учеба давалась не-

легко, стремились в вузы. Изучение жизненных планов десятиклассников показало, что среди детей из семей служащих или специалистов желающих учиться в ПТУ составляло всего 3,5%.

Сказывался на профориентации и самоопределении молодежи материальный фактор, хотя решающей роли в ее сознании он не играл. Согласно социологическим опросам 74% десятиклассников, у которых душевой доход в семье был выше 50 руб. в месяц, собирались поступать в вузы. Однако желающих поступать в вузы среди тех, чей душевой доход в семье был ниже 50 руб. в месяц, также оказалось довольно много — 55%. В то же время среди этой молодежи 46% юношей и девушек высказывались за совмещение учебы с работой.

Влияние материального фактора было заметнее на ориентации восьмиклассников на ПТУ. Так, 20% детей из семей с душевым доходом от 41 до 50 руб. в месяц выразили желание пойти учиться в ПТУ, а дети из семей с душевым доходом от 91 до 100 руб. — только 8,5%.

Влияло на профориентацию молодежи и место жительства. Выпускники сельских школ были ограничены в выборе профессии тем, что обучение требовало переезда в город, отхода от сельского образа жизни. Возникали проблемы транспорта, жилья на время учебы, материального обеспечения и др. Кроме того, в ряде случаев выпускники сельских школ понимали, что хуже подготовлены к поступлению в вуз, чем городские дети, где было больше возможностей для общего развития и получения образования[3].

Неблагополучное положение в системе образования привело к тому, что среди выпускников вузов было немало бездарных специалистов, равнодушных к своей профессии. Стремясь расширить приток поступающих в вузы «извне», не из «системы», правительство делало попытки регулирования социального состава студентов. Регулирование проводилось на государственном уровне. В этих целях были предприняты следующие меры: проведение раздельного конкурса для производственников и школьников; организация подготовительных отделений для рабочей молодежи, колхозников и демобилизованных из Советской Армии.

Отбор и направление учащихся на подготовительные отделения должен был осуществляться руководителями промышленных предприятий, строек, организаций транспорта и связи, колхозов и совхозов, командованием воинских частей. Однако и здесь начались «обходные маневры»: администраторы устраивали своих детей в качестве рабочих по месту своей работы на 1—2 года. Часто они там просто числились, а затем получали льготы как представители рабочего класса. В целях регулирования социального состава поступающих в вузы были введены льготы по ряду специальностей для рабочей и сельской молодежи: обеспечение стипендией, широкая возможность обучения без отрыва от производства с предоставлением учебного отпуска, учебных дней и т.д.

В 1970-х гг. были значительно повышены размеры стипендий, увеличены права ректоров по распределению стипендиальных фондов, увеличено строительство общежитий. В то время 77% студентов вузов и техникумов получали стипендию.

По данным официальной статистики социальный состав студенчества был расширен. Рабочие, колхозники и их дети составили в 1969/70 учебном году 45,6% всех поступивших в вузы[4]. Но эти статистические данные не могут быть приняты на веру, особенно если иметь в виду дневные отделения в вузах. В основном, такие высокие показатели были получены за счет поступивших на вечернее и заочное виды обучения, более доступные, но зато дававшие более низкий уровень подготовки.

В 1970-х гг. резко обозначилось противоречие между увеличившимся числом выпускников вузов и общественными потребностями. В значительной степени эти потребности в специалистах с высшим образованием были к 1970-м гг. удовлетворены. Между тем с развитием НТР в стране все острее ощущалась потребность в труде высококвалифицированных рабочих, с другой стороны, продолжали еще сохраняться в значительной мере немеханизированные или слабо механизированные виды неквалифицированного физического труда, требовавшие рабочей силы.

Решение этого противоречия требовало профессиональной ориентации молодежи еще на школьной скамье. В связи с этим было усилено внимание к укреплению контактов школы и производства. Введена была в практику школы летняя трудовая четверть. Получили распространение ученические производственные бригады, возникшие еще в 1950-х гг. Старшие школьники во время страды работали чабанами, трактористами, комбайнерами и т.д. В городах школьники трудились в сфере обслуживания.

В 1970-х гг. начало практиковаться закрепление за школами базовых промышленных предприятий, возникла система учебно-производственных комбинатов (УПК). Однако проблема ранней профессиональной ориентации так и не была до конца решена.

В 1970-х гг. было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров о совершенствовании системы профессионально-технического образования[5].

Была введена система средних ПТУ, обеспечивавших среднее образование, что усилило их привлекательность для молодежи. Средства массовой информации стремились поднять престиж рабочих профессий. Согласно данным государственной статистики в 1973 г. продолжали образование не только в школах, но и других учебных заведениях, в том числе в средних ПТУ, 90% всех выпускников-восьмиклассников; в 1974 г. — 92%, в 1977 г. — 98%[6]. Уже в начале 1970-х гг. встала и еще одна проблема. Возросший общеобразовательный уровень молодежи и ее тяга к творческому труду привела к неудовлетворенности своим трудом тех, кто пришел на производство. В ходе социологических опросов среди рабочих лишь 23% отдали предпочтение той работе, на которой они были заняты[7].

Стремление молодежи к творческим видам труда требовало совершенствования производства, его интенсификации на основе развития научно-технического прогресса, улучшения условий труда на производстве, сокращения ручного, тяжелого и неквалифицированного труда. Проблемы эти были трудноразрешимы в условиях преимущественно экстенсивного развития экономики. В связи с этим была налажена массовая

пропаганда и агитация, направленная на раскрытие общественной значимости еще имевшихся видов нетворческого умственного и тяжелого физического труда. Была повышена оплата этих видов труда.

Для того, чтобы удержать молодых рабочих на производстве, привить им интерес к работе на предприятиях были введены в практику технологические бюро, группы экономического контроля и другие объединения, в которых специалисты привлекали к сотрудничеству молодых рабочих. Проводились смотры научно-технического творчества молодежи. На предприятиях действовали общества рационализаторов и изобретателей. Устраивались конкурсы по профессиям на звание «Лучший в отрасли». Создавались совместные бригады из ученых и производственников, которые работали над созданием новых машин, приборов и т.д. На крупных технически оснащенных предприятиях такого рода меры давали результаты. Примером может служить сотрудничество ученых МГУ с коллективом автозавода им. Лихачева, совместная работа предприятий Новокузнецка, Северодвинска с НИИ по совершенствованию доменных печей и конверторных цехов.

К сожалению, всем этим мерам был придан массовый, обязательный характер независимо от уровня технического оснащения предприятий, и скоро эффективность их была сведена до минимума формализмом, приписками в отчетах и проч.

Сама оплата труда не стимулировала роста его производительности и не заинтересовывала молодежь, поскольку оплата труда квалифицированного рабочего почти не отличалась от оплаты рабочих, чей труд не требовал никакой квалификации. Еще хуже дело обстояло с оплатой молодых специалистов, в частности ИТР, поскольку их зарплата была ниже прожиточного минимума и ниже зарплаты рабочих неквалифицированного труда. Такое положение молодых специалистов не могло стимулировать их творческой инициативы. Их интересам все чаще начало соответствовать так называемое «хобби», которое давало и возможность заработка. Не мог стимулировать молодежь в оплате труда и тот принцип, который широко был распространен в то время: ценилось не качество работы, а, главным образом, стаж. Молодой специалист часто до 30 лет, а то и старше, вынужден был существовать за счет родителей. Нередки были случаи, когда молодые семьи долгие годы пребывали на содержании родителей.

В 1960-х гг. обострилась еще одна проблема — проблема неоправданной миграции молодежи из села. Исследование причин этого явления показало, что сельская молодежь покидала село, потому что молодых людей не устраивало то обстоятельство, что многие сельские профессии не имели юридического признания, был ограничен их перечень, отсутствовала квалификационная классификация, была реальная перспектива очутиться в категории людей «без специальности». Кроме того, не устраивали молодежь нерациональная организация труда в сельском хозяйстве и, конечно, отставание села от города в культурно-бытовом отношении (см. табл. 36, 37).

Таблица 36

Оценка молодежью РСФСР привлекательности городской и сельской жизни в 1970-х гг. (в % ко всему населению данного возраста)

Возрастная группа, лет (Вопрос: Какая жизнь для Вас более привлекательна?)	Город	Село		
		Саратовская область	Калининская область	Краснодарский край
Ответ: Городская				
Все возрасты	75,6	27,7	19,5	17,7
18—19	72,1	32,5	27,2	27,6
20—24	84,8	38,4	38,5	33,1
25—30	73,5	41,1	27,6	22,9
Ответ: Сельская				
Все возрасты	12,1	62,0	73,2	73,8
18—19	18,8	52,1	64,2	72,4
20—24	8,0	48,9	55,8	56,6
25—30	12,9	51,0	70,5	65,5

Составлено по: Социально-культурный облик советских наций: По результатам этносоциологического исследования. 1986. М., С. 210—212.

Поступление в начале 1970-х гг. на село новой техники и некоторое улучшение культурно-бытовых условий привели лишь к некоторому сокращению миграции сельской молодежи. Проблема эта оставалась острой.

В 1960—1970-е гг. в нашей стране сформировалась сложная структура системы образования, рассчитанная на подготовку высококвалифицированных специалистов через вузы и техникумы и квалифицированных рабочих через ПТУ.

Образование было бесплатным для всех слоев общества, декларировалось равное право на получение любой профессии на конкурсной основе.

Однако существовавшая тогда социальная дифференциация в обществе вносила свои коррективы в функционирование звеньев структуры образования. Прежде всего, эта дифференциация ограничивала доступ широких масс молодежи к престижным профессиям, а, следовательно, и доступ к высшим эшелонам власти и связанным с ними элитным слоям общества. Часть молодых людей, воспитанных в школе на высоких идеалах равенства и убежденных в возможности поступления в любой вуз лишь на основе хорошей подготовки к экзаменам, сталкиваясь с реальностью, испытывала глубокое моральное потрясение.

Таблица 37

Выбор молодежью РСФСР ценностей городской и сельской жизни в 1970-х гг., %

Вопросы, ответы	Город	Село		
		Саратовская область	Калининская область	Краснодарский край
Чем Вас привлекает городская жизнь?				
Лучшее снабжение	27,4	20,3	24,1	23,9
Выше культурный уровень	54,3	21,8	18,5	20,0
Легче учить детей	17,5	4,3	5,6	7,8
Благоустроеннее быт	43,4	21,2	22,6	18,5
Выше заработок	69,0	2,8	6,1	6,2
Больше свободного времени	27,6	39,9	23,3	27,0
Легче условия труда	18,8	13,7	15,8	7,5
Чем Вас привлекает сельская жизнь?				
Легче прожить материально	16,9	25,9	19,9	29,9
Просторнее жить	6,5	8,4	6,9	11,7
Спокойнее, тише, люблю сельскую природу	57,8	63,2	74,2	65,0
Ничем	18,6	12,2	4,3	3,3

Составлено по: Социально-культурный облик советских наций: По результатам этносоциологического исследования. М., 1986. С. 210—212.

Но не только с реальными возможностями поступления в вуз были связаны проблемы. Сходная ситуация складывалась при поступлении в престижные техникумы и ПТУ, где обучали будущих работников торговли, автосервиса и проч., и где при наборе вступали в силу «связи» и откровенное взяточничество.

Притом, что была налажена подготовка квалифицированных специалистов для промышленности и сельского хозяйства, по окончании учебного заведения молодые люди сталкивались с тем, что полученные ими профессии были не обеспечены тарифными ставками и престижем, соответствующими приобретенной квалификации. Особенно это касалось сельскохозяйственных специальностей, что было одной из причин неоправданной миграции из села в город.

Труд молодежи широко использовался в решении социально-экономических задач. В 1958—1962 гг. 154 объекта были объявлены Всесоюзными ударными комсомольскими стройками; на них трудилось 800 тыс. юношей и девушек. В 1966—1970 гг. по путевкам комсомола было на-

правлено 350 тыс. молодых людей на стройки страны. При их участии были введены в строй 5470 крупных промышленных предприятий, переоборудованы завод «Ростсельмаш», Горьковский автомобильный завод, Волгоградский и Челябинский тракторные заводы. Молодежь участвовала в сооружении Красноярской ГЭС, газопровода Средняя Азия—Центр и т.д. Свой вклад молодые люди внесли и в восстановление разрушенного землетрясением Ташкента.

В 1959 г. впервые были созданы студенческие строительные отряды (ССО), которые превратились в массовое движение. Они трудились на Севере, в Сибири, участвовали в строительстве культурно-бытовых объектов, транспортных магистралей, электрификации сельских районов и т.д. В 1960-х гг. начала развиваться непроизводственная сфера и туда была направлена молодежь.

С 1970 по 1974 г. молодежь приняла участие в сооружении 139 ударных строек, а в 1974—1977 гг. вновь было направлено на стройки по комсомольским путевкам свыше 500 тыс. юношей и девушек. В эти годы на стройках работало 98 ударных Всесоюзных отрядов численностью 70 тыс. чел. Ударными стройками стали КАМАЗ, «Атоммаш», Нечерноземье, Тюмень. С воодушевлением молодежь восприняла призыв принять участие в строительстве БАМа, где она составила 80% от всех строителей.

Часть молодежи участвовала в этом строительстве на добровольных началах. Однако нередко использовался административный нажим. В 1970-е гг. начал широко применяться принцип материальной заинтересованности. Молодежь, как и в прежние годы, широко вовлекалась в решение социально-экономических задач.

Поступление на село в 1970-е гг. новой техники, улучшение материально-бытовых условий предоставили возможность сельской молодежи заниматься квалифицированным трудом с высокой оплатой. Социологические исследования конца 1960-х гг. показали, что труд молодежи представлял значительную силу в колхозах (исследования проводились в Московской, Курской, Ростовской и др. областях). Каждый пятый занятый в колхозе был моложе 30 лет, среди механизаторов таких лиц было более 30%, среди специалистов — 48,2%. Однако проблема регулирования миграции сельской молодежи оставалась все еще актуальной, так как по итогам тех же социологических исследований лишь около 25% выпускников средних школ оставались работать в деревне, а среди работавшей в селе молодежи 18,3% заявляли о своем желании переехать в город[8].

Жизненно важной проблемой с начала 1960-х гг. стала организация досуга молодежи, составлявшего более половины бюджета свободного времени. Как известно, с 1956 г. в нашей стране начался и в 1960 г. был завершен перевод рабочих и служащих на 7-часовой рабочий день, а с 1967 г. в СССР была введена 5-дневная рабочая неделя. Это привело к значительному увеличению свободного времени, в первую очередь, у молодежи. По данным социологических исследований, главное место в проведении досуга занимало чтение и просмотр телевизионных передач. Однако в те годы были слабо развиты активные формы досуга: люби-

тельские творческие занятия, туризм, автомотоспорт и т.д. Значительное место в структуре досуга занимали пассивные формы отдыха (безделье), проведение времени по схеме «улица—двор—подъезд».

Однако в 1970-х гг. в стране развивается туризм. Так, в 1975 г. по турпутевкам отдыхало — более 25 млн и в 1977 г. — более 27 млн чел. Кроме того, уже в 1975 г. на экскурсиях побывало более 130 млн человек; было организовано и проведено свыше 200 тыс. автобусных путешествий, 24 тыс. авиарейсов и 10 тыс. железнодорожных многодневных туристских поездов.

В 1975 г. Всесоюзная научно-исследовательская лаборатория туризма и экскурсий провела социально-демографические исследования состава организованных туристов, отдыхающих на туристических базах, среди них молодежь в возрасте 16—30 лет была наиболее представительной группой — более половины всех туристов, — 13 млн чел. К ним надо прибавить примерно столько или еще более неорганизованных туристов, численности которых пока статистика не имеет, а проведенный в 1976 г. только за три летних месяца выборочный подсчет таких «дикарей» в наиболее привлекательных для отдыха регионах дает внушительную цифру путешествующих — свыше 20 млн чел.[9] Этот летний отдых молодежи стал престижным и модным.

Результаты этих наблюдений, свидетельствуют, что молодежь для отдыха отдавала предпочтение регионам, дающим возможность применения и развития рекреационной деятельности, связанной с физическими нагрузками. В частности это спортивно-туристская, спортивно-альпинистская, спортивно-охотничья, водно-спортивная и другие виды деятельности.

Для молодежи особую привлекательность имел спортивный туризм. В июле 1976 г. была создана Федерация туризма, стала проводиться разъяснительная работа по строгому соблюдению «Правил организации самодеятельных походов на территории СССР». Это сразу же улучшило статистику разнообразных происшествий негативного характера, приводивших зачастую и к смертельным случаям во время отдыха.

В те же годы была сделана попытка вовлечь молодежь в разнообразные кружки и клубы по интересам (философские, политические, краеведческие, по литературе и искусству, песни, джаза, по науке и технике, прикладного характера, фото-кинолюбителей, туристов, аквалангистов), любительских театров и др. Такие клубы организовывались в государственных, профсоюзных, культурно-просветительских учреждениях. В 1960-х гг. эти клубы только что начали действовать, но сразу же обрели популярность среди молодежи. Например, «Клуб молодых дипломатов» (Эстония), «Альтер эго» (Ленинград), «Эврика» (Каратау) и др. Однако широкого распространения это начинание не получило. Позже, в 1970-е гг. большую популярность среди молодежи завоевали дискотеки[10]. Таковы были основные характеристики этой перспективной возрастной группы на пороге 1980-х годов.

Люди пожилого возраста

В 1960-е — 1970-е гг. люди пожилого возраста — женщины от 55 лет и старше и мужчины 60 лет и старше — составили в возрастной структуре населения значительную долю и в СССР, и в РСФСР. Их численность составила в СССР в 1959 г.: мужчины — 6,6 млн (7,0% от всего мужского населения), женщины — 18,9 млн (16,5% от всего женского населения); в 1970 г. — соответственно 9,2 млн (8,2%) и 27 млн (20,85); в 1979 г. — 14 млн (11,5%) и 30 млн (21,4%). В РСФСР — 3,2 млн (5,9%) и 10,6 млн (16,2%); 4,5 млн (7,6%) и 15,4 млн (21,8%); 5,4 млн (8,6%) и 17,0 млн (23,0%)[11]. Доля пожилых мужчин и женщин составила в 1959 г. 7,0 и 16,5%, а к 1979 г. — 8,6 и 23,0% от всего населения РСФСР[12].

Как видно из этих данных, категория лиц пожилого возраста проявила в 1970-е гг. тенденцию к возрастанию. Причин здесь несколько. Во-первых, постарение населения в связи с сокращением рождаемости и смертности, и увеличением средней продолжительности жизни, во-вторых, в трудовой и детородный возраст вступило поколение, пострадавшее от потерь в годы Второй мировой войны. Малочисленность этого поколения влияла на удельный вес пожилых, увеличивая его.

Среди лиц пожилого возраста женщин больше, чем мужчин. Известно, что женщины имеют большую продолжительность жизни, чем мужчины. Кроме того, людских потерь среди мужчин в годы войны было гораздо больше, чем среди женщин. Многие из мужчин погибали и в послевоенное время от ран и травм, полученных на фронте. В итоге на рубеже 60-х годов соотношение мужчин и женщин было равно — 1:1,3, а в 1970 г. — 1:1,4[13].

Данная возрастная группа играла большую роль в общественной жизни, обладала своими специфическими интересами и потребностями. Проблемы, связанные с их удовлетворением, занимали все большее место в социальной политике государства. Первостепенной среди них была проблема материального обеспечения лиц пожилого возраста. Для многих из них основным источником дохода являлась пенсия. Насколько была важна проблема пенсионного обеспечения видно хотя бы из того, что в 1971 г. в СССР насчитывалось 41,3 млн пенсионеров. Это значит, что почти каждый пятый житель страны получал пенсию. Подавляющая часть этой группы (25 млн чел.) состояла из пенсионеров по старости.

Пенсионное обеспечение в СССР и РСФСР было закреплено в 1956 г. «Законом о государственных пенсиях»[14]. Этот документ обобщил действовавшее ранее пенсионное законодательство, регулировавшееся более чем 960 актами. Законом были установлены границы пенсионного возраста: 55 лет для женщин и 60 — для мужчин; необходимость для пенсионного обеспечения трудового стажа (25 лет для мужчин и 20 для женщин) и прочие основные принципы пенсионного обеспечения. Максимальный размер пенсий равнялся 120 руб., минимальный — 30 руб. Позднее, в 1972 г., «Закон» был дополнен «Положением о порядке назначения и выплаты государственных пенсий», утвержденным Постановлением Совета Министров СССР[15]. Эти документы с

многочисленными дополнениями в последующие годы являлись основными.

«Закон» 1956 г. часто в официальной печати было принято именовать всеобщим. Однако всеобщим он являться не мог, поскольку касался пенсионного обеспечения только рабочих и служащих, на колхозное крестьянство он не распространялся. Кроме того, этот законодательный акт предусматривал минимальный размер пенсии ниже уровня прожиточного минимума.

Понадобилось целых десять лет, чтобы сделать этот закон всеобщим и дополнить его законодательным актом «О пенсиях и пособиях членов колхозов». Этот закон был принят 1 января 1965 г. Он предусматривал пенсионное обеспечение для всех членов колхозов, им впервые выплачивались все виды пенсий. До принятия этого закона пенсионное обеспечение распространялось лишь на отдельные категории колхозников, но и для них существовали многочисленные дополнительные условия при назначении пенсий.

Пенсионное обеспечение не было равным. Колхозникам-мужчинам пенсия выплачивалась по достижении ими 65 лет, а женщинам-колхозницам — по достижении 60 лет. Минимальный размер пенсии был установлен невероятно низкий — всего 12 руб., а максимальный — 102 руб.

Поскольку такое пенсионное обеспечение мало кого могло удовлетворить на фоне провозглашения всеобщего равенства, то правительство вынуждено было постоянно вносить коррективы в принятое законодательство.

Совершенствование пенсионного обеспечения происходило в социальной политике по нескольким направлениям. Одним их них было повышение минимальных размеров пенсий, а другим — сглаживание различий между размерами самих пенсий у разных категорий пожилых лиц получающих эти пенсии. Повышение пенсий проводилось неоднократно. Внимание к этому вопросу особенно усилилось в 1970-х годах.

Так, с июля 1971 г. была поднята до 45 руб. минимальная пенсия рабочим и служащим[16]. В 1973 г. были повышены пенсии по инвалидности, а также пенсии семьям, потерявшим кормильца, увеличены установленные Законом 1956 г., надбавки к пенсиям инвалидам труда и войны[17]. В 1974—1975 гг. кардинально улучшилось пенсионное обеспечение инвалидов и семей, потерявших кормильца. Особое внимание было уделено повышению пенсий и льгот инвалидам войны и пенсионному обеспечению родителей, дети которых погибли на фронте[18]. В 1976 г. был повышен до 140—160 руб. максимум пенсий для работавших в тяжелых условиях[19].

Повышение размеров пенсий осуществлялось также путем разного рода надбавок. Система надбавок, кроме этого, позволяла при назначении пенсии учитывать длительность и непрерывность стажа, различия в условиях труда и т.д. Широкий круг лиц получил право на 10% надбавку за длительный общий (для мужчин не менее 35 лет; для женщин не менее 30 лет) или длительный непрерывный (свыше 15 лет) стаж работы, а также на нетрудоспособных членов семьи пенсионера, нахо-

дивших на его иждивении. Надбавки впоследствии увеличивались, расширялся круг людей, получавший их[20].

С 1983 г. начислялась надбавка за непрерывный стаж работы на одном предприятии. Эта надбавка позволяла повышать максимальные размеры пенсий, которые составляли в этом случае 132, 154, 176 руб.[21] Были предоставлены .дополнительные льготы участникам Великой Отечественной войны, повышены ранее назначенные пенсии рабочим и служащим, ушедшим на заслуженный отдых более 10 лет назад и получавшим ее в размере до 60 руб. в месяц[22].

Одновременно принимались меры по выравниванию пенсионного обеспечения колхозников с рабочими и служащими. В 1966 г. пенсионный возраст колхозников был приравнен к пенсионному возрасту рабочих и служащих, были повышены минимальные размеры пенсий колхозникам до 20 руб., то есть они все еще были в 2 раза ниже, чем у рабочих и служащих. Зато максимальный размер пенсий колхозникам был поднят до 120 руб., то есть приближен к максимуму пенсий для рабочих и служащих (1971 г.)[23]. Был установлен новый, более льготный порядок начисления размеров пенсий колхозникам. Они были приравнены в отношении начисления пенсий к рабочим и служащим.

По Положению 1972 г. и Указам Президиума Верховного Совета СССР от 3 июня 1971 г. и от 21 ноября 1973 г.[24] колхозникам-пенсионерам было разрешено иметь приусадебные участки и пользоваться внутриколхозным социальным обеспечением в денежно-натуральной форме. В результате всех этих мер в целом среднемесячная пенсия колхозников в 1977 г. по сравнению с 1967 г. возросла вдвое[25].

К 1975 г. был заметно увеличен перечень категорий колхозников, имеющих право на пенсионное обеспечение. Туда вошли бывшие члены колхозов, земли которых были переданы совхозам и другим предприятиям, члены колхоза, занятые в культурно-бытовых учреждениях, заведующие детскими дошкольными учреждениями, воспитатели и пр.[26] Обеспечение государственными пенсиями работников культурно-бытовых учреждений колхозов имело особо важное значение, так как существовала острая проблема бытового обслуживания на селе.

В конце 70-х годов (с 1 января 1978 г.) были введены новые льготы для членов колхозов. Ранее, если колхозник имел приусадебный участок размером более 0,15 га, то его пенсия уменьшалась на 15%. Теперь колхозник имел право на получение 100% пенсии, если размер его приусадебного участка не превышал нормы, предусмотренной Уставом колхоза.

Был принят ряд мер по выравниванию пенсионного обеспечения работников, связанных с различным характером и содержанием труда: умственного и физического, организаторского и исполнительского. По пенсионному законодательству 1956 г. и дополнениям 1971, 1972 и 1973 гг. система начисления пенсий была построена таким образом, что при невысоком заработке пенсия составляла больший процент от зарплаты, чем при высоком[27].

В целях выравнивания пенсионного обеспечения была введена также система различных льгот и надбавок за сложные условия труда. За период с 1967 по 1975 г. законодательство неоднократно возвращалось к этому вопросу. В результате был значительно снижен пенсионный возраст (на 10 лет), а стаж на 5 лет, для рабочих и служащих, трудившихся на подземных работах, в горячих цехах, на работах с вредными условиями труда и т.д. Понижен на 5 лет пенсионный возраст для трудившихся на Крайнем Севере[28].

Все пенсии вводились с учетом демографического фактора: во-первых, женщины имели более низкий пенсионный возраст; во-вторых, пенсии на льготных условиях предоставлялись многодетным матерям (родившим 5 или более детей и воспитавшим их до 8 лет). Значительно был расширен для женщин по сравнению с мужчинами перечень профессий, относящихся к категориям сложных. Предпринимаемые правительством меры в области пенсионного обеспечения пожилых людей способствовали росту численности пенсионеров и среди рабочих и служащих, и среди колхозников (см. табл.). Соответственно выросли и бюджетные ассигнования на пенсионный фонд, о чем свидетельствуют данные таблицы 38.

Таблица 38

Численность лиц, получающих пенсии в СССР (на начало года, в млн чел.).

Годы	Всего пенсионеров	В т.ч.. по возрасту	Из общего числа пенсионеров: пенсионеры-колхозники, получающие пенсии по Закону «О пенсиях и пособиях членов колхоза»	В т.ч. по возрасту
1961	21,9	5,4	—	—
1966	32,0	16,0	7,9	7,0
1971	41,3	24,9	12,1	10,6
1976	45,2	29,4	11,9	10,4
1981	50,2	34,0	11,2	9,8

Составлено по: СССР в цифрах в 1983 году: Краткий стат. сб. М., 1984. С. 202; Народное хозяйство в СССР: Юб. стат. ежегодник. М., 1977. С. 521; Народное хозяйство СССР. 1922—1982: Юб. стат. ежегодник. М., 1982. С. 453.

В РСФСР в 1972 г. пенсии получали 23,9 млн чел., из них 14,8 млн — по возрасту, а в 1977 г. — 25,9 млн и 17,2 млн по возрасту[29]. В том числе

в 1972 г. пенсии получали 5 млн колхозников, из них по возрасту — 4,5 млн; в 1977 г. соответственно — 4,6 и 4,1 млн.[30]

Таблица 39

Выплаты на социальное обеспечение в млрд руб.

Годы	1965	1970	1975	1980
Весь национальный доход	193,5	289,9	363,3	462,2
Расходы на социальное обеспечение и социальное страхование	14,4	22,8	34,6	45,6
В т. ч. пенсии	10,6	16,2	24,4	33,3
пособия	3,5	6,1	9,2	11,0
Удельный вес расходов на социальное страхование в национальном доходе	7,4	7,9	9,5	9,9

Составлено по: Народное хозяйство СССР за 60 лет: Юб. стат. ежегодник. С. 486, 488.

В связи с ростом численности пенсионеров, не участвовавших больше в общественном производстве и все чаще уходивших на заслуженный отдых, а также возрастающими расходами на выплаты пенсий бюджетных средств встало несколько проблем. С одной стороны, государство не в состоянии было безгранично увеличивать размеры пенсий в соответствии с ростом стоимости жизни, а также решать проблему выравнивания резкого разрыва в размерах пенсий. А с другой, — в условиях экстенсивного развития экономики, невысокого уровня развития автоматизации и механизации производства в стране стало не хватать рабочих рук.

В связи с этим стала актуальной задача изучения возможностей привлечения пенсионеров к трудовой деятельности. Был предпринят ряд социологических исследований в этой области, результаты которых были широко опубликованы в литературе 1970-х годов[31].

Данные этих обследований помогли выявить степень сохранения пенсионерами способности к трудовой деятельности. Из обследованных пенсионеров по старости 27,2% могли выполнять привычную для них работу в обычных производственных условиях; 42,4% могли выполнять свою прежнюю работу с незначительными ограничениями; 13,3% — были ограниченно трудоспособными. И только 17,1% оказались практически нетрудоспособными[32].

Анализ результатов обследований позволяет выделить два крупных комплекса причин, по которым многие пенсионеры были заинтересованы в продолжении работы. Прежде всего, это материальные стимулы: потребность в дополнительном заработке, в оказании материальной помощи детям, нехватка трудового стажа для получения полной пенсии,

возможность по месту работы улучшить жилищные условия и др. 2/3 пенсионеров по старости при обследовании, проводившемся в 1973—1974 гг., указывали материальные стимулы в качестве главных для продолжения трудовой деятельности, а по обследованию 1976—1977 гг. — 2/5[33]. Особенно большую роль материальные стимулы играли для одиноких, которые остро ощущали сокращение доходов при выходе на пенсию. По наблюдениям социологов на трудовую активность гораздо большее влияние оказывал не размер пенсии, а разница между получаемой зарплатой и пенсией. Чем больше этот разрыв, тем выше трудовая активность по выходе на пенсию. Особенно ярко выступала эта зависимость у мужчин-пенсионеров, и была менее характерна для женщин[34].

Как правило, у колхозников материальная заинтересованность в продолжении работы была несколько ниже, чем у рабочих, т.к. в их бюджетах большую роль играл доход с приусадебного участка.

Но не менее важный комплекс стимулов составляли стимулы морального порядка: потребность в повседневном труде, желание быть в коллективе, удовлетворение от сознания приносимой пользы, улучшение настроения и самочувствия, повышение жизненного тонуса.

Характерно суждение пенсионера Л.Винокурова, участника обороны Ленинграда: «Иные молодые люди думают, что если человек ушел на пенсию, то у него уже наступила старость и ему надо в полную отставку от всех дел. С таким мнением согласиться нельзя»[35].

Моральные стимулы к продолжению трудовой деятельности у пенсионеров тесно связаны с материальными. Однако эта взаимосвязь не прямолинейна, а опосредована рядом факторов. Например, замечено, что чем выше уровень образования, тем сильнее влияние моральных факторов. Доля моральных стимулов зависит и от демографического фактора, т.е. от возрастнополового состава пенсионеров. В целом у мужчин она несколько выше, что связано с тем, что мужчины вообще больше сориентированы на работу и увлечены ею, чем женщины, которые больше заняты в домашнем хозяйстве и воспитании детей и внуков, часто имеют более низкий, чем мужчины, уровень профессиональной подготовки.

Хотя в целом роль материальных стимулов на протяжении 1960—1970-х гг. была велика, моральные стимулы обнаружили устойчивую тенденцию к росту.

В середине 1970-х гг. в целях стимулирования трудовой активности пенсионеров Указами Президиума Верховного Совета СССР от 18 января 1974 г. были учреждены Ордена Трудовой Славы 3-х степеней и медаль «Ветеран труда»[36].

Особо важную роль сыграло постановление Совета Министров СССР № 674 от 14 сентября 1973 г. «О мерах по дальнейшему улучшению использования труда пенсионеров по старости и инвалидов в народном хозяйстве и связанных с этим дополнительных льготах»[37]. В нем уделялось внимание созданию соответствующих условий труда для пенсионеров: работа с неполным рабочим днем, неполной рабочей неделей, работа на дому, исключение сверхурочной ночной работы. Это постановление предусматривало расширение действовавших и строительство

новых специализированных предприятий, цехов и участков, предназначенных для использования труда пенсионеров по старости, инвалидов труда и т.д. во всех отраслях промышленности, на государственных предприятиях сельского хозяйства и в непроизводственной сфере. На предприятиях такого рода для работающих пенсионеров должны были быть снижены нормы выработки, а расценки повышены, предоставлялся более длительный очередной отпуск.

В то же время постановление повышало экономическую заинтересованность предприятия в широком использовании труда пенсионеров. Предприятия получили право на отчисления от прибыли, которые могли отправлять на расширение производства, на материальные поощрения, улучшение социально-культурных условий. Эти отчисления не снижались даже в случаях медленного темпа роста производительности труда пенсионеров.

В 1970-е гг. была сделана попытка расширить производство в тех отраслях, куда могли бы быть привлечены пенсионеры, особенно в отраслях, связанных с производством товаров массового потребления и оказанием бытовых услуг населению, в том числе основанных на кустарно-ремесленных промыслах*. С этой целью была расширена сфера производства, на которую могли распространяться кустарно-ремесленные промыслы, понижены ставки налога с доходов от занятий ими.

В результате всех этих мер законодательного порядка наметились некоторые изменения в занятости пенсионеров. В 1974—1975 гг. увеличилось число специализированных предприятий и цехов.

Количество работающих пенсионеров из рабочих и служащих выросло только за год — с 1975 до 1976 — на $^1/_3$[38].

С привлечением пенсионеров-колхозников к труду и в 1970-х гг. дело обстояло сложнее. Несмотря на то, что им, в случае продолжения работы, выплачивалась стопроцентная пенсия, удельный вес занятых среди них в общественном производстве падал. В РСФСР он сократился с 60% в 1959 г. до 34% в 1970 г., а в 1976 г. составил 29,5% от всех, проживающих в деревне лиц пенсионного возраста[39]. Этот факт объяснялся многими обстоятельствами: и переездом людей пожилого возраста в город к детям, и наличием у пенсионеров подсобного хозяйства, и более тяжелыми условиями труда в сельском хозяйстве.

Однако в целом количество занятых пенсионеров к концу 1970-х гг. увеличилось. По данным переписи населения 1979 г., всех пенсионеров, а не только по старости, работало — 7,5 млн чел. Причем занятых пенсионеров из рабочих и служащих в 1979 г. было около 6 млн или 27,8%. Охотнее всего пенсионеры, включая и колхозников, переходили в сферу

---

* См.: Постановление Совмина СССР № 674 от 14 сентября 1973 г. «О мерах по дальнейшему улучшению использования труда пенсионеров по старости и инвалидов в народном хозяйстве и связанных с этим дополнительных льготах» // СП. СССР. 1973. № 21. Ст. 116; Указ Президиума Верховного Совета СССР от 20 сентября 1973 г. «О снижении размеров подоходного налога с доходов, получаемых гражданами от кустарно-ремесленных промыслов» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1973. № 39. Ст. 542.

обслуживания. По данным единовременных учетов 1976 г. из числа пенсионеров, продолжавших работать в народном хозяйстве РСФСР, 41% приходился на непроизводственную сферу: торговлю, питание, здравоохранение и др. В эти отрасли переходили чаще всего пенсионеры из промышленности[40].

В применении труда колхозников большая роль принадлежала местной промышленности, подсобным предприятиям и промыслам. Например, в колхозе им. Кирова Московской области существовали пластмассовый и веревочный цехи, звероферма. В Кировской области в поселке Лянгасово — цех по производству музыкальных игрушек, в Оренбургской области — пуховязальное объединение, в Краснодарском крае — вязание веников, корзин и т.д.

Особую роль в занятости пенсионеров-колхозников играли художественные промыслы. Они были развиты во многих районах: например, в Горьковской области существовали такие промыслы как городецкая роспись, гипюрные вышивки, золотая хохлома, производство матрешек, ложек, блюд, бочат, детской мебели и т.д.

Стимулированию трудовой активности пенсионеров послужило более широкое введение для них неполного рабочего дня. Согласно проведенному в Москве опросу около $^1/_3$ ушедших на пенсию выражали согласие вернуться к труду, 40% из них — при условии неполного рабочего времени.

Пенсионеры заинтересованы в неполном рабочем времени и по состоянию здоровья, и в связи с занятостью в домашнем и личном подсобном хозяйстве, с участием в воспитании внуков.

Однако в конце 1970-х гг. только 10% пенсионеров работало на неполном рабочем дне.

Отвечала интересам пенсионеров и такая форма привлечения их к трудовой деятельности как надомничество*. В целях поощрения надомничества было отменено увеличение на 10% размера подоходного налога, взимаемого с зарплаты, полученной за работу на дому, расширились возможности надомничества на предприятиях по производству товаров широкого потребления, в сфере обслуживания населения, в развитии художественных промыслов[41].

Для развития надомного труда были созданы специальные фирмы или производственные объединения. Они действовали в различных областях РСФСР: Смоленской, Архангельской, Вологодской. Примером могут служить Вологодское кружевное объединение «Снежинка», где работало 90% надомников из всех занятых на предприятии, объединение охватывало 450 деревень. Или пуховязальная фабрика Управления бытового обслуживания Пензенской области, где тоже 90% занятых были надомниками.

---

* См. определение надомничества: Постановление СНК РСФСР от 15 ноября 1928 г. «Об условиях труда квартирников» // СУ РСФСР. 1928. № 140. Ст. 920. Оно не потеряло своей силы и в 1960—1970-е гг.

В местной промышленности страны за последние 10 лет число надомников увеличилось более чем в 10 раз и составило 140 тыс. чел. В целом в 1978 г. в стране работало 250 тыс. чел. надомников, среди которых 30% составляли пенсионеры[42]. Однако имелись и сложности в применении надомничества, связанные с нехваткой нестандартного оборудования, с обеспечением и доставкой сырья.

При изучении политики привлечения пенсионеров к труду обращает на себя внимание очень важный момент — законодательные меры по привлечению пенсионеров к трудовой деятельности касались лишь промышленного и сельскохозяйственного производства или сферы обслуживания. Льготы, в частности сохранение пенсии или части ее у пожилых лиц, занятых в таких сферах, как наука, образование, медицина и прочих сферах высокоинтеллектуального труда, этими законами не предусматривался. Предоставлялись они лишь в тех случаях, когда пенсионеры из этих сфер деятельности переходили на производство или в сферу обслуживания.

Насущной проблемой, требовавшей неотложного решения, была проблема медицинского обслуживания пожилых людей, особенно престарелых и одиноких. Медицинский патронат в стране был развит слабо, даже в столичных городах, а в некоторых районах и вовсе отсутствовал. Уделом одиноких лиц преклонного возраста был дом для престарелых. Условия существования в этих, так называемых «деддомах» (как именовали их проникавшие туда журналисты) часто оказывались ниже всякой критики. Беспомощные люди страдали там от холода, недоедания, антисанитарных условий, отсутствия своевременной медицинской помощи и просто человеческого внимания. Эта проблема медицинского обслуживания престарелых в 1960-е — 1970-е гг. так и не была решена.

Важной сферой жизнедеятельности пенсионеров являлась организация их досуга. Речь шла вовсе не о развлечениях. Насущность этой проблемы была вызвана сужением круга общения с выходом на пенсию, проблемой одиночества, особенно острой для мужчин, утратой связи с коллективом, к которому они привыкли за долгие годы работы. Женщины, как правило, менее остро переживали выход на пенсию, что связано с занятостью домашним хозяйством и воспитанием внуков.

Одиночество усугублялось разобщенностью людей в условиях крупных городов, где место работы и местожительство друзей часто сильно территориально удалены друг от друга, а телефонная связь в то время была развита недостаточно. Правда, некоторым удавалось сохранить дружеские связи: 22% опрошенных мужчин и 25% женщин имели много друзей в пенсионном возрасте. Зато у других — друзей и вовсе не было: таких оказалось 16% среди мужчин и 18% среди женщин[43].

Как показали обследования в крупных городах, досуг пенсионеров был заполнен в основном просмотром телевизионных программ, чтением, прогулками. На первом месте у всех было чтение. Библиотеки в тот период работали активно. Женщины больше, чем мужчины читали художественную литературу. Зато мужчины больше, чем женщины, читали газеты. Большинство опрошенных предпочитало классику, книги по истории, мемуары и путешествия. Много читали книг о войне, произведе-

ний современной отечественной и зарубежной прозы (женщины читали литературу этого жанра чаще, чем мужчины). Чаще, чем мужчины, женщины интересовались детективами и реже — поэзией.

Как правило, пенсионеры-мужчины продолжали читать литературу по специальности.

Пенсионеры много времени уделяли просмотру передач по телевидению. 50,9% мужчин и 52,6% женщин более двух часов ежедневно смотрели телевизор. Как выяснилось, мужчины предпочитали «международное обозрение» и спортивные передачи, женщины — «Клуб кинопутешествий», «В мире животных» и художественные фильмы. Кинотеатры посещали реже. По признанию опрошенных 1/3 женщин и почти половина мужчин в кино почти не бывали. Чаще, чем мужчины, женщины посещали театры, концерты, музеи.

В основном, для пенсионеров характерен пассивный досуг и преодолеть одиночество такое его проведение помогало не всегда. Проблема эта интенсивно обсуждалась на страницах печати, но каких-либо эффективных мер по ее решению не предпринималось. Предприятия и учреждения, проводив своих сотрудников на пенсию, часто ими больше не интересовались.

Итак, в эти годы в основном решалась проблема материального обеспечения пожилых людей как путем увеличения самих пенсий, так и предоставлением возможности подрабатывать в меру их сил. Правда, вовлечение пенсионеров в производство было связано и с дефицитом трудовых ресурсов в условиях недостаточной интенсификации труда. Однако, хотя далеко не все проблемы материального обеспечения пожилых людей были решены и разрыв в размерах пенсий разных категорий населения был значителен, в рассматриваемый период все же прожиточный минимум им был в основном обеспечен.

Женщины и мужчины

Женщины и мужчины являются особыми общественными группами, выделяемыми по демографическому признаку. Женщина и мужчина в обществе выполняют такие важнейшие специфические функции как материнство и отцовство. Вовлечение женщин в профессиональную деятельность в России, рост их общественно-политической активности в XIX в., и особенно признание равенства мужчин и женщин в XX в. оказало значительное влияние на изменение социально-экономического и морально-психологического положения обоих полов. Трансформация статуса женщин в российском обществе разрушала патриархальную идеологию и меняла традиционные роли мужчин и женщин в брачно-семейных отношениях.

Хотя статистика фиксировала некоторое увеличение доли мужчин и снижение доли женщин в составе населения РСФСР и СССР к концу 1970-х гг., женщины продолжали численно преобладать над мужчинами на протяжении всего изучаемого периода.

Женский труд был широко распространен в обществе и использовался во всех сферах народного хозяйства. В РСФСР доля женщин, занятых в народном хозяйстве постоянно возрастала (в 1939 г. она составляла 44%, в 1959 г. — 49%, в 1979 г. — 50%), мужчин — снижалась[44]. Причем доля женщин, занятых в отраслях материального производства, сокращалась (соответственно — 46%, 46%, 44%), а в непроизводительных областях возрастала (35%, 56%, 63%). Напротив доля мужчин, занятых в отраслях материального производства, увеличивалась, в непроизводительных областях уменьшалась. Особенно высокий процент женщин фиксировался в таких областях, как просвещение, медицина, наука (58, 71, 73). Среди медицинских работников подавляющее большинство составляли женщины (82%, 92%, 90%). В РСФСР число женщин — научных работников с 1966 по 1977 г. увеличилось в 2 раза. Из них число женщин кандидатов и докторов наук выросло в 3 раза, а академиков, членов-корреспондентов и профессоров в 2 раза. Женщины-ученые были заняты в таких перспективных отраслях науки как генетика, космическая биология, математическая физика, радиотехника, требующих наиболее высокого уровня профессиональной подготовки. Однако в составе научных работников доля мужчин все-таки была преобладающей (в 1966 г. — 61%, в 1977 г. — 59%). Мужчины-ученые занимали ведущие места в физико-математических, технических, химических областях науки[45].

Женщины успешно руководили важнейшими объектами народного хозяйства. Так, в 1970 г. женщины, возглавлявшие органы государственного управления и их структурные подразделения, составляли 42%, в 1979 г. — 47%, а предприятия промышленности, строительства, лесного хозяйства, транспорта и связи — соответственно 23% и 26%. Вместе с тем приведенные данные свидетельствовали о том, что руководство объектами народного хозяйства в основном осуществлялось мужчинами.

Образовательный уровень женщин был таким же высоким, как и у мужчин. В РСФСР из общей численности специалистов с высшим образованием женщин было в 1965 г. — 54,2%, в 1976 г. — 54,5%, а со средним специальным образованием — соответственно 63,7% и 65,3%[46].

Большие изменения в сфере образования у женщин наблюдались в восточных республиках СССР. Из данных переписи населения 1979 г. — на 1000 женщин имели высшее и среднее (полное и неполное) образование: узбечки — 825, казашки — 800, таджички — 736, а на 1000 мужчин — узбеки — 871, казахи — 814, таджики — 801 и т. д. В этих республиках женщины достигли средних показателей по уровню образования мужчин.

Важно отметить, что большинство женщин в СССР и в РСФСР рассматривало повышение уровня своего образования и квалификации как важнейшее условие для профессионального роста и увеличения заработка[47].

Рост занятости женщин в отраслях народного хозяйства страны и повышение их образовательного уровня способствовали утверждению экономической, морально-психологической самостоятельности и активности женщин. Возрастание независимости женщин оказывало огромное

влияние на дальнейшую трансформацию отношений между мужчинами и женщинами в производственной сфере, общественной деятельности, в семье и в целом сказывалось на демографическом поведении населения в российском обществе.

Однако социологические исследования также показали, что, несмотря на высокий уровень образования у женщин, они часто существенно отставали от мужчин по квалификации. Так например, по сведениям З.А.Янковой, женщин-работниц, занятых трудом низкой квалификации на кондитерской фабрике им. Марата в Москве, насчитывалось 58%. Из данных статистики видно, что в СССР в 1976/1977 учебном году женщины директора начальных общеобразовательных школ составляли 83%, а средних — 30%. Отставание женщин по уровню квалификации от мужчин ярко проявлялось в сфере управления, где на руководящей работе, особенно в высших звеньях управления, преобладали мужчины. Женщины также отставали от мужчин по общественно-политической активности. В качестве типичного примера социологи приводят одно из предприятий, где женщины, составляя 63% всего персонала, были представлены на равных с мужчинами в составе рабочего совета, а в его президиуме находилась только одна женщина и восемь мужчин. Все это было обусловлено рядом факторов. Женщины вынужденно прерывали работу в связи с беременностью, родами и уходом за ребенком. Они значительно больше, чем мужчины, затрачивали времени на домашние дела, воспитание детей, а в сельской местности и на личное подсобное хозяйство[48].

В конце 1970-х — начале 1980-х гг. уровень активности женщин в общественной жизни трудовых коллективов и всей страны стал возрастать. Наблюдалось увеличение удельного веса женщин в органах государственной власти. В составе Верховного Совета СССР (выборы 1974 г.) женщин было 31,3%; (выборы 1979 г.) — 32,5%. В Верховных Советах союзных республик (выборы 1975 г.) — 35,4%; (выборы 1980 г.) — 35,9%. Еще шире женщины были представлены в местных Советах народных депутатов. В 1977 г. их было — 49,0%, в 1982 г. — 51,1%. В составе Верховного Совета РСФСР (выборы 1975 г.) женщины составляли 35%, а в местных Советах этой республики (выборы 1977 г.) — 50%. Женщины были представлены во всех государственных органах восточных республик СССР. Удельный вес женщин в составе Верховного Совета Таджикистана (выборы 1980 г.) был равен 35%, местных Советов — 49,6%; в Узбекистане — соответственно 34,9 и 49,5%; в Казахстане — 35,7 и 49,1%; Туркмении — 35,5 и 49,5%; Грузии — 36,1 и 50,2%; Азербайджане — 39,8 и 48,1%. В районных и городских комитетах профсоюзов и ревизионных комиссиях СССР их было в 1977 г. — 59,2%, в 1982 г. — 61,5%. Женщины активное участие также принимали в работе Комитета советских женщин (Антифашистский комитет советских женщин был создан в 1941 г. для объединения усилий женщин СССР и зарубежных стран в борьбе за мир. В 1956 г. был переименован в Комитет советских женщин).

Однако, несмотря на рост общественной роли женщин, мужчины в большинстве случаев традиционно занимали лидирующее положение практически во всех звеньях организации и управления государством.

Это нередко ограничивало общественную активность и энергию женщин.

Исследование мотивов общественной активности женщин показало, что их интерес к общественной работе в основном был вызван желанием «быть в коллективе», «приносить пользу людям»[49].

Увеличение занятости женщин в общественном производстве порождало в российском обществе острейшую проблему, связанную с необходимостью совмещения двух важнейших функций — производственной деятельности и материнства.

Стремление женщин к равному с мужчинами овладению социальными ролями не снимало психофизических особенностей и социокультурных различий в исторически сложившемся предназначении мужчин и женщин. Однако в рассматриваемый период в российском обществе наблюдались важные изменения. Социологические обследования свидетельствовали о том, что для большинства женщин участие в производственной, общественной жизни и материнство было одинаково важно, и они стремились к их сочетанию. Однако практически это было невозможно. Так, в 1979—1980 гг. только 0,5% женщин с малолетними детьми могли работать неполный рабочий день или неполную рабочую неделю[50]. Если женщины выбирали материнство, то, как отмечалось, они отставали от мужчин по уровню квалификации, и по степени участия в общественной жизни коллектива, страны. В итоге женщины вынуждены были решать проблему своей занятости на производстве или своего участия в общественной жизни за счет материнства, своего здоровья и здоровья детей. Это стало одним из факторов изменения репродуктивного поведения женщин, снижения уровня рождаемости и естественного прироста в стране, а также увеличения числа малодетных семей.

В таких условиях государство приняло ряд мер по охране труда женщин. В 1970 г. Верховный Совет СССР утвердил основу законодательства Союза ССР и союзных республик о труде, в том числе о труде женщин. Так, запрещалось отказывать беременным женщинам или кормящим матерям в приеме на работу, а также увольнять по сокращению штата женщин, имеющих детей в возрасте до 1 года. Если женщина была уволена с предприятия и не поступила на новую работу, то запрещалось отчислять ее детей из яслей и детских садов. Женщина, имеющая детей в возрасте до 16 лет, имела право на работу с неполным рабочим днем. В апреле 1972 г. Совмин СССР и ВЦСПС приняли дополнительные меры по улучшению труда женщин, занятых в народном хозяйстве. В декабре 1981 г. было вновь принято постановление Совмином СССР и ВЦСПС об охране труда женщин. Оно предусматривало:

— запрещение труда на тяжелых работах и на работах с вредными условиями труда, а также на подземных работах;

— установление предельных норм переноски и передвижения тяжестей;

— ограничение труда женщин в ночное время;

— прием на работу с неполным рабочим днем или неполной рабочей неделей;

— охрану труда женщины-матери (облегчение условий труда, дополнительные перерывы для кормления ребенка, повышенные гарантии при приеме на работу)[51].

Принимались меры и по охране материнства. Напомним, что Указом Президиума Верховного Совета СССР от 23 ноября 1955 г. было отменено запрещение абортов, существовавшее в СССР с июня 1936 г. Одновременно предполагалось расширить обеспечение населения средствами контрацепции. Это существенно понизило число летальных случаев в результате искусственного прекращения беременности и оградило здоровье женщин от вреда, наносимого абортами, особенно сделанных во внебольничных условиях.

В 1956 г. был увеличен отпуск женщинам по беременности и родам с 77 до 112 дней (56 дней до родов и 56 после родов)*. Отпуск после родов увеличивался до 70 дней в случае патологической беременности и родов или многоплодной беременности.

В первой половине 1970-х гг. в партийных документах был поставлен вопрос об установлении для всех работающих женщин оплаты отпуска по беременности и родам в размере полного заработка и независимо от трудового стажа, а также об увеличении числа оплачиваемых дней по уходу за больным ребенком. Эти меры к середине 1970-х гг. были осуществлены как в Российской Федерации, так и в Советском Союзе в целом.

Улучшилось медицинское обслуживание женщин. В РСФСР была создана единая государственная система родовспоможения: родильные дома, женские консультации, акушерско-гинекологические отделения в общих и специальных гинекологических больницах.

При женских консультациях организовывались школы матерей, где женщин обучали правилам поведения во время беременности и родов. В колхозах создавались родильные дома и фельдшерско-акушерские пункты. Если в 1940 г. в РСФСР было 4917 женских консультаций, детских поликлиник и амбулаторий, то в 1965 г. их стало 10956, в 1975 г. — 12120, а в 1980 г. — 12586. В СССР — соответственно 8603, 19333, 22079, 24293. В Советском Союзе женских консультаций, поликлиник, амбулаторий в 1980 г. было в 3 раза больше, чем в 1940 г. Число коек для беременных женщин и рожениц в Российской Федерации также выросло. В 1940 г. их было 90,7 тыс., в 1965 г. — 118,3 тыс., в 1975 г. — 110,5 тыс., в 1980 г. — 113,1 тыс. В СССР — соответственно 147,1 тыс., 227,0 тыс., 223,0 тыс., 230,4 тыс. Таким образом, беременные женщины были обеспечены медицинским обслуживанием и необходимым лечением, а при родах квалифицированной помощью.

Кроме этого с целью совершенствования форм медицинского обслуживания работающих женщин на крупных предприятиях были организованы акушерско-гинекологические стационары с женской кон-

* Женщины — члены колхозов также имели право независимо от стажа работы на получение пособия во время отпуска по беременности и родам в 112 календарных дней по закону от 15 июля 1964 г. (Сборник законов и указов Президиума Верховного Совета СССР, 1938—1967. М., 1968. Т. 2. С. 242).

сультацией. Помимо лечебной деятельности осуществлялась санитарно-просветительная и профилактическая работа. Проводились научные исследования в области охраны здоровья женщин. Все это позволяло снизить уровень материнской и младенческой заболеваемости и смертности, а также сократить число мертворожденных детей[52]. В то же время особенности профессиональных нагрузок и состояния здоровья, образа жизни и досуга, психологии мужчин недостаточно исследовались специалистами.

Особое внимание государство уделяло многодетным матерям. Из статистических данных видно, что в СССР число многодетных матерей росло с 1945 по 1960 г. Однако в последующие годы их численность сократилась. Если в Советском Союзе в 1945 г. многодетных матерей было 844, в 1950 г. — 3078, в 1960 г. — 3455, то в 1970 г. — 3211. В связи с этим была разработана и осуществлена специальная система льгот, по которой матери, имеющие двоих детей, при рождении третьего и каждого следующего ребенка получали от государства единовременное пособие. Такие пособия получили в 1970 г. 3 211 000 многодетных матерей, в 1980 г. — 2 150 000. Матери, имеющие троих детей, при появлении четвертого и каждого следующего ребенка имели право на ежемесячное пособие. В Российской Федерации в 1976 г. 575 тыс. матерей, получали ежемесячные государственные пособия на четвёртого и более ребенка. Из них: 241 тыс. — на четвертого ребенка, 154 тыс. — на пятого, 76 тыс. — на шестого ребенка, 104 тыс. — на седьмого и более детей. Кроме того, 113 тыс. матерей, имеющих двоих детей, при рождении третьего ребенка получали единовременное государственное пособие. Женщины, родившие пять или более детей и воспитавшие их до восьмилетнего возраста, имели дополнительные льготы, как по возрасту, так и по стажу. Многодетным матерям предоставлялись льготы при получении жилой площади. Существовали меры и морального поощрения. Многодетным матерям присваивалось почетное звание «Мать-героиня». Они награждались орденом «Материнская Слава» и медалью «Материнство». С 1950 г. по 1976 г. звание «Мать-героиня» получили 209 тыс. женщин. Принятые меры способствовали увеличению числа семей с тремя и более детьми.

Ежемесячные пособия также получали матери, не состоявшие в браке, по достижению ребенком возраста 12 лет.

Однако во всех этих мерах поощрения рождаемости отсутствовал дифференцированный подход: не учитывались ни национальная принадлежность, ни городской образ жизни. Как показывала статистика, у горожан и у славянских народов даже второй ребенок в семье был редкостью. Меры поощрения распространялись на деле на сельских жителей и на без того многодетные семьи неславянских народов. Поэтому эти меры ожидаемого повышения рождаемости не дали.

В 1974 г. были введены выплаты пособий на детей в семьях, в которых доход на одного человека не превышал 50 руб. Это выравнивало материальные возможности семей с различными доходами[53].

Пособия и отпуска матерям существовали в странах Юго-Восточной Европы. В 1960-е гг., например, в Чехословакии, Венгрии, Болгарии

была введена новая система пособий и отпусков по материнству, стимулирующая рождение второго и третьего ребенка[54].

Огромную помощь работающим женщинам, имеющим детей, оказывала система дошкольных и внешкольных учреждений: ясли, детские сады, сады-ясли, а также пионерские лагеря, клубы и т.д. В изучаемые годы эта система развивалась особенно интенсивно. В РСФСР количество этих учреждений возросло с 1961 по 1981 г. с 47,6 тыс. до 74,5 тыс. Сеть дошкольных учреждений росла не только в городах, но и в селах. Так, в городах и поселках городского типа с 29,0 тыс. до 43,2 тыс.; в селах с 18,6 тыс. до 31,3 тыс. Увеличилось также число детей их посещавших. В РСФСР с 3038 тыс. до 8149 тыс.; в городах и поселках городского типа с 2447 тыс. до 6446 тыс.; в селах с 591 тыс. до 1703 тыс. Из приведенных данных видно, что количество детских дошкольных учреждений в сельской местности значительно отставало от города. В СССР количество дошкольных учреждений в 1965 г. составляло 91,9 тыс., в 1981 г. — 130,3 тыс., а число детей в них — соответственно 7673 тыс. и 14755 тыс., т.е. выросло почти в 2 раза. В городах СССР численность детей в яслях-садах возросла за эти годы с 2184 тыс. до 8669 тыс., а в сельской местности — с 742 тыс. до 2929 тыс. Кроме постоянных детских дошкольных учреждений летом организовывались сезонные детские учреждения и детские площадки.

Однако существовало много проблем, связанных с работой детских дошкольных учреждений. Это — улучшения качества работы детских учреждений, условий ухода за детьми, медицинского обслуживания, а также сокращение детской заболеваемости. Далеко не все эти проблемы были решены удовлетворительно.

Для детей школьного возраста создавались группы продленного дня, детские музыкальные, хореографические, спортивные школы, различные кружки, детские библиотеки, пионерские лагеря и т.д. Общее число детских внешкольных учреждений выросло в РСФСР с 36,5 млн в 1970 г. до 53,6 млн в 1980 г. В СССР — с 48,1 млн в 1965 г. до 103,1 млн в 1981 г. В Российской Федерации всеми формами детских пионерских лагерей было обслужено в 1965 г. 4,5 млн ребят, в 1970 г. — 5,4, в 1975 г. — 5,8, в 1980 г. — 6,7 млн. В СССР — соответственно 6,9, 8,8, 9,9, 12,1 млн ребят, т.е. по сравнению с 1965 г. число отдыхающих в них детей почти удвоилось. При этом 10% путевок в детские лагеря выдавалось бесплатно, а 90% — с различными видами льгот. Важно отметить, что при определении ребенка в детские дошкольные учреждения и в пионерские лагеря многодетным матерям, а также матерям, воспитывавшим детей без мужа, предоставлялись дополнительные льготы. Все это расширяло возможности женщин заниматься профессиональной деятельностью и воспитывать детей. Особую роль в этом играло использование работающими женщинами, имевшими малолетних детей, права работать неполный рабочий день. Однако такая помощь семьям со стороны государства понижала ответственность отцов за детей. Преобладающее влияние матери в воспитании детей нередко приводило к феминизации сыновей.

Большое значение для охраны материнства и детства имело улучшение порядка уплаты и взыскания алиментов на содержание детей. Принятые правила, прежде всего, затрагивали мужчин, злостных неплательщиков алиментов. В указе Президиума Верховного Совета СССР от 21 июля 1967 г. отмечалось, что получатель алиментов имел право в любое время обратиться в суд с иском о взыскании средств на содержание детей. Кроме того, удержание средств на содержание детей осуществлялось и по письменному заявлению лица, изъявившего желание добровольно платить алименты.

В 1960—1970-е гг. в российском обществе существовала не только проблема уплаты алиментов. Определенная часть мужчин наоборот была неудовлетворенна тем, что при разводе женщины находились в более благоприятной правовой ситуации по отношению к детям и могли значительно активнее участвовать в их воспитании.

Позитивное влияние на репродуктивное поведение населения и в целом на демографическое развитие семьи оказали изменения в налоговой политике СССР. В декабре 1957 г. было отменено взимание налога с рабочих, служащих и других граждан СССР, имеющих детей, а также с одиноких женщин, не имеющих детей. С января 1968 г. были снижены ставки подоходного налога и налога на холостяков, одиноких и малосемейных граждан СССР, получающих по месту основной работы заработную плату от 61 до 80 руб. в месяц включительно, в среднем на 25%[55].

Таким образом, в изучаемые годы в стране принимались демографические и социальные меры, направленные на улучшение положения работающих женщин, охрану их здоровья, физическое и нравственное воспитания детей. Реализация этих мер давала возможность женщинам раскрыть творческий потенциал и в производственной, и общественной деятельности, и в материнстве. В то же время в российском обществе не принимались меры по улучшению состояния здоровья мужчин.

Однако профессиональный рост и общественная активность женщин были значительно ограничены их загруженностью хозяйственными делами, воспитанием детей, помощью престарелым родителям и т.д. Женщины домашнему хозяйству уделяли, как отмечалось, в 2—3 раза больше времени, чем мужчины. Это не просто препятствовало их производственной занятости, профессиональному, общественно-политическому росту, но и вредно сказывалось на их здоровье, ограничивало возможности в воспитании детей, существенно сокращало их досуг, усиливало дестабилизацию брачно-семейных отношений из-за неудовлетворенности браком.

В изучаемые годы в РСФСР успешно развивалось бытовое обслуживание населения. В этой области были достигнуты существенные успехи, в том числе и в сельской местности. В Российской Федерации число предприятий бытового обслуживания составило в 1965 г. 95,4 тыс., а в 1975 г. — 120,7 тыс. В эти годы увеличилось число прачечных и химчисток. Так, прачечных было 59,6 тыс. и 177,6 тыс.; химчисток — 27,4 тыс. и 88,2 тыс. В СССР число предприятий бытового обслуживания выросло с 193 тыс. в 1965 г. до 263 тыс. в 1975 г. Одновременно увеличился объем реализации бытовых услуг населению. В 1970 г. по срав-

нению с 1960 г. он вырос в 2,1 раза, а в 1981 г. — в 5,3 раза, в том числе в сельской местности — соответственно в 3,0 и в 9,7 раза. Распространение сферы бытовых услуг населению снижало занятость женщин в домашнем хозяйстве.

Труд женщин в хозяйственно-бытовой сфере значительно облегчало применение бытовой техники. В Советском Союзе за период с 1965 по 1981 г. обеспеченность населения бытовой техникой возросла: стиральными машинами — на 1000 чел. населения с 59 штук до 205; электропылесосами с 18 до 92; швейными машинами с 144 до 190; холодильниками с 29 до 262 и т.д. При этом бытовая техника была широко распространена не только в городах, но и в селах. Применение бытовой техники существенно сокращало нагрузку домохозяйки. Кроме того, расширялось участие мужчин в повседневных хозяйственных делах и тем самым изменялось традиционное распределение ролей в семье. Однако бытовая техника нередко становилась дефицитным товаром особенно в небольших городах и селах, что затрудняло ее использование в домашнем хозяйстве.

Значительную помощь женщине оказывало развитие сети общественного питания. Если в 1966 г. в РСФСР насчитывалось 106,2 тыс. предприятий общественного питания, то в 1977 г. их было 146,4 тыс. В СССР в 1960 г. — 147,2 тыс., а в 1980 г. — 302,8 тыс.

Однако в целом при успешном развитии сферы обслуживания существовало множество нерешенных проблем. Так, ощущалась острая нехватка предприятий бытового обслуживания, особенно в республиках Средней Азии, Закавказья и Прибалтики. Наблюдалась неравномерность в их распределении в разных районах страны. Предприятия бытового обслуживания часто были удалены от места жительства. Качество их обслуживания оставалось низким. Это приводило к тому, что лишь ограниченная часть населения пользовалась услугами предприятий бытового обслуживания. Из данных социологических обследований, проведенных в 1960—1970-е гг., видно, что, например, в Черемушкинском районе Москвы в 1975 г. из 500 обследованных семей лишь 15,3% пользовались столовыми. Причем 60% респондентов не были удовлетворены качеством семейного питания в столовых. Регулярно стирали белье в прачечных 44,3% семей, обращались в Бюро добрых услуг всего 8%[56].

В связи с занятостью женщин в общественном производстве встал вопрос о перераспределении домашних обязанностей в семье. Однако в этой области брачно-семейных отношений имелись многочисленные условности, пережитки и предрассудки, традиционно порицающие участие мужчин в домашнем хозяйстве[57].

Изменение традиционных ценностей брачно-семейных отношений обусловило в изучаемые годы трансформацию репродуктивного поведения женщин. Так, женщины, не состоявшие в браке, особенно в средних возрастах, считали, что могут воспитать ребенка самостоятельно без участия его отца. Они принимали решение о рождении ребенка и становились одинокими матерями с детьми. Следствием этого было увеличение числа неполных семей с детьми, созданных не на брачной основе.

Эти семьи нуждались в особых социальных и демографических мероприятиях со стороны государства.

Таким образом, в 1960—1970-е гг. в российском обществе осуществлялись меры, направленные на решение наиболее острых демографических и социальных проблем. Претворение их в жизнь несколько сокращало фактическое неравенство, сохраняющееся в обществе между мужчинами и женщинами, улучшало условия труда и жизни работающим женщинам, совершенствовало охрану материнства и детства. В то же время в этой области сохранялось много нерешенных проблем. Нуждались в помощи неполные семьи, в том числе, состоявшие из отцов и детей.

Возрастающая в обществе активность женщин, существенно меняла, как отмечалось, не только профессиональные, производственные, но и морально-психологические отношения между полами. Женщины начинали приобретать традиционно мужские черты: рациональность, организованность, целеустремленность. Мужчины наоборот становились эмоциональнее, пассивнее и т.д. Одним из факторов таких трансформаций была государственная форма собственности и, как следствие этого, максимальная опека населения со стороны государства, значительное ограничение инициативы и самостоятельности в принятии решений.

Однако существовавшие условия по-разному воздействовали на поведение мужчин и женщин. Утрата мужчиной роли главы семьи, хозяина, которому подчинялись все домочадцы, экономическая независимость жены, потеря интереса к работе в общественном производстве, чувства хозяина и здесь, уравниловка в оплате труда порождали безынициативность и безответственность. Мужчина легко покидал семью, жену с детьми, тем более, что в существенной мере о них, как отмечалось, заботилось государство (бесплатное обучение, лечение, отдых и т.д.), позволял себе увлечься алкоголем тем паче, что дети в неблагополучных семьях получали всякого рода льготы.

Женщины стремились получить образование и профессию, реализовать потенциальные возможности и приобрести экономическую самостоятельность. Нередко в семье женщины зарабатывали больше мужей, были активнее в производственной и в общественной жизни. Исследования, проведенные в 1960—1970-е гг. в крупных городах Российской Федерации, показали, что женщины в большинстве случаев позитивно оценивали свою возрастающую активность в обществе. Многие из женщин стремились сочетать общественные и семейные обязанности, внесемейные и семейные интересы. Это свидетельствовало о появлении в российском обществе нового типа личности женщины.

Изменения проявлялись, прежде всего, в брачно-семейных отношениях. Тем более, что в 1960-е и особенно в 1970-е гг. сокращалась численная диспропорция мужчин и женщин в активных брачных возрастах. Это сказалось в конце 1970-х гг. на сокращении числа женатых и никогда не состоявших в браке мужчин, а также увеличении замужних женщин. К возрасту 60 лет прослеживалось сближение числа вступлений в брак, а также разводов у мужчин и женщин. Однако численность мужчин, вступавших в брак повторно, снижалась, а женщин возрастала[58].

В 1960—1970-е гг. в отличие от предыдущих лет возрастало число мужчин, проживавших совместно с семьей, а женщин сокращалось. В то же время, как и в прежние годы, среди членов семей, проживавших отдельно от семьи, но связанных с ней общим бюджетом, численно преобладали мужчины.

Росло число людей, не связанных с семьей общим бюджетом и не имевших семьи, т.е. никогда не состоявших в браке, вдовых и разведенных. В составе одиноких людей женщин, особенно в пожилых возрастах, было численно больше, чем мужчин[59].

Женщины наравне с мужчинами, а нередко самостоятельно решали проблемы семьи, включая наиболее важные. Они становились во главе не только неполных, но и полных семей. Изменялось распределение традиционных обязанностей в семье между мужем и женой. Они становились равномернее, особенно в молодых семьях. Супруги начинали учитывать наклонности, интересы, а также загруженность работой друг друга. Из данных обследования, проведенного в 1976—1977 гг. в Москве видно, что такое отношение к распределению семейных обязанностей было близко 65% женщин и 60% мужчин.

Однако многие женщины старались следовать ранее выработанному этикету и всячески подчеркивали престиж мужчины в семье. Традиционные семейные отношения также были широко распространены. Они фиксировались в городских семьях Поволжья, Северного Кавказа, Центральной России[60]. Сочетание многочисленных производственных, общественных и семейных обязанностей у большинства женщин порождало острейшие проблемы в брачно-семейных отношениях. Проведенные обследования семейно-бытовых ролей работающих женщин на промышленных предприятиях Москвы, Ленинграда, Пензы в 1965—1967 гг., а также Горького в 1962 г. и в 1970 г. выявили возрастание семейных обязанностей у женщин. Сохранялись традиционные женские обязанности: приготовление пищи, домашняя уборка, стирка, глажка, ремонт одежды и т.д. В то же время появлялись новые: распределение бюджета и закупки продуктов, предметов домашнего обихода, посещение детских учреждений, организация досуга семьи. Значительно усложнилось воспитание детей. При старом распределении ролей в семье между супругами, недостаточной, несмотря на рост числа бытовой техники, механизации домашнего труда, ограниченном развитии социальных услуг, низком их качестве, дефиците многих продуктов и товаров существенно увеличивало общий объем затрат внерабочего времени. Они составляли от 4 до 6 часов*. Однако в семье происходило перераспределение обязанностей между мужем и женой. Социологические исследования, организованные в Москве в 1973—1976 гг., показали высокий процент семей, где супруги совместно проводили наиболее трудоемкие работы по дому (91,1) и его снижение в случаях покупки продуктов питания (42,1), занятия с детьми (36,6), сдачи белья в прачечную, оплаты счетов за кварти-

* В 1930-е гг. общий объем затрат внерабочего времени у женщин составлял примерно 4 часа.

ру (35,0). Тем не менее это снимало с жен часть домашних нагрузок и меняло отношение к традиционному распределению ролей в семье. Вместе с тем перегруженность женщин домашними делами сохранялась, что часто ограничивало их профессиональный рост и реализацию потенциальных возможностей. Такие условия жизни обедняли личность женщин. Они редко могли провести свободное время в театре, кино, музее. Появление ребенка и особенно увеличение числа детей в семье сокращало у женщин время на сон, еду, а также на учебу, досуг и увеличивало — на выполнение домашних дел. Причем в воскресные и праздничные дни временные затраты на выполнение хозяйственных дел, а также воспитание детей возрастали. Это было особенно характерно для неполных семей (в большинстве случаев мать с детьми) и семей с работающими родителями, имеющими детей в возрасте до 11 лет[61]. Загруженность жен, отсутствие или недостаточная помощь в семье со стороны мужей порождала у женщин чувство неудовлетворенности и приводила к семейным конфликтам.

Неудовлетворенность отношениями в семье также возникала, даже если муж позитивно относился к карьере и профессиональному росту жены, но игнорировал выполнение хозяйственных дел и был невнимателен по отношению к членам семьи. Высокий образовательный уровень супругов нередко способствовал увеличению требований и претензий друг к другу.

В 1960—1970-е гг. новые черты в поведении мужчин и женщин общественное мнение воспринимало критически. В конце XX в. и в начале XXI в. отношение к ним в российском обществе изменилось. С.И. Голод, например, отметил, что такое поведение мужчин и женщин в современных условиях воспринимается в обществе «не как аномалия, а, скорее, как вариант нормы»[62].

Специалисты разных областей знания стремились объяснить наблюдавшуюся трансформацию традиционного мужского и женского поведения.

В России, как и в западных странах, традиционный образ мужчины представлялся волевым, мужественным, стойким. Неслучайно воспитание мальчиков в семье было связано с формированием именно этих мужских качеств. Если характер мужчины был эмоциональным, то это рассматривалось как отсутствие силы воли, стойкости и осуждалось родными, друзьями, коллегами. Проявление в поведении мужчины эмоциональности ассоциировалось с поведением женщины. В российском обществе отношение к такому мужчине было негативным. Это неблагоприятно влияло на его профессиональную и личную жизнь. Однако постоянное подавление в повседневной жизни эмоций и требуемая демонстрация волевых качеств, организованности, целеустремленности, успешности усиливала внутреннюю конфликтность. Невозможность разрешить возникшие противоречия в рамках стереотипных представлений о мужественности порождало пассивных, а нередко замкнутых, уязвленных и глубоко страдающих мужчин.

Женщины, пытаясь вырваться из традиционных отношений и обрести самостоятельность и независимость, копировали стереотипы мужско-

го поведения. При этом продолжали выполнять роли матерей, жен, дочерей. В итоге возникало трудно разрешаемое внутреннее противоречие, порождающее морально-психологические конфликты в брачно-семейных отношениях. Семейные конфликты нередко вызывали чувства неудовлетворенности своей жизнью, становились причинами многих личных драм, толкали не только женщин, но и мужчин к сознательному одиночеству[63].

В рассматриваемые годы, прежде всего, в городах нарастали проблемы, связанные с увеличением числа одиноких мужчин и женщин. Из данных переписи населения 1979 г. видно, что в возрасте 35—49 лет в основном были разведенные мужчины и женщины, а в возрасте 50 лет и старше — вдовые. Однако у мужчин в возрасте 30—34 года численно выделялась группа никогда не состоявших в браке (8%). Одиноких женщин в этом возрасте — 7%. Это было послевоенное поколение, рожденное в 1945—1949 гг. и в значительной степени связанное с негативными последствиями Великой Отечественной войны. Между тем, случаи, особенно мужского одиночества, были нередко обусловлены и другими причинами: желанием сделать карьеру, высокими требованиями к брачному выбору, боязнью неудачного брака и сложностей семейной жизни. Высокий процент никогда не состоявших в браке, а также разведенных мужчин и женщин в средних возрастах понижал уровень брачности и рождаемости населения. Такая демографическая ситуация порождала в обществе многочисленные социальные проблемы особенно с увеличением возраста одиноких людей[64].

Растущая общественная и профессиональная активность женщин нередко порождала у мужчин чувство неуверенности в своих силах, боязнь потерять авторитет и т.п. В то же время стремление мужчин скрыть истинное состояние порождало психологическое напряжение и не могло не отражаться на состоянии их здоровья[65].

Важной проблемой в российском обществе стала более низкая продолжительность жизни у мужчин по сравнению с женщинами. Так, в Российской Федерации в 1960—1961 гг. продолжительность жизни у мужчин была 64 года, в 1978—1979 гг. — 62 года, а у женщин — соответственно 72 и 73 года[66]. У мужчин наблюдался высокий уровень смертности в трудоспособных возрастах от болезней системы органов кровообращения, онкологии, а также от травм, отравлений, несчастных случаев в результате дорожно-транспортных происшествий, убийств и самоубийств. Смертность мужчин от болезней органов дыхания, пищеварения, заболеваний инфекционного характера также была в целом выше, чем у женщин. Серьезную озабоченность вызывал алкоголизм, наиболее распространенный у мужчин.

В этих условиях позитивную роль играли принятые в РСФСР и СССР законы социального характера. Сокращалась продолжительность рабочего времени на предприятиях и в учреждениях. В мае 1960 г. был принят закон о переводе рабочих и служащих на семи и шестичасовой рабочий день. В марте 1967 г. указом Президиума рабочие и служащие предприятий, учреждений и организаций переводились на пятидневную рабочую неделю с двумя выходными днями.

Проводились антиалкогольные мероприятия. В декабре 1958 г. ЦК КПСС и Совмин СССР приняли постановление «Об усилении борьбы с пьянством и наведении порядка в торговле крепкими спиртными напитками», а в мае 1972 г. «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма»*.

В российском обществе также принимались меры, направленные на решение проблемы одиноких мужчин и женщин. В 1970-е гг. в наиболее крупных российских городах создавались обычно в домах культуры клубы по интересам, проводились вечера встреч и т.д. Однако такие формы работы были в целом мало результативными. Изучение одиноких групп населения было явно недостаточным. В итоге увеличение числа одиноких мужчин и женщин в средних возрастах существенно обострило демографические и социальные проблемы в Российской Федерации в 1980—1990-е годы[67].

В изучаемые годы в российском обществе отсутствовала продуманная демографическая и семейная политика. Принимаемые меры по наиболее острым демографическим и социальным вопросам, несмотря на определенные позитивные результаты, сохраняли фактическое неравенство женщин в уровне профессиональной подготовки и квалификации, не было преодолено противоречие между трудовой функцией женщин и функцией материнства. Негативные последствия имело недостаточное внимание государства к проблемам семьи: росло число одиноких мужчин и женщин в средних возрастах, увеличивались морально-психологические сложности и конфликты между мужчинами и женщинами. Серьезной проблемой стал возрастающий разрыв в продолжительности жизни мужчин и женщин. Росла пассивность мужчин. Остро проявлялись «издержки» женской эмансипации. Вынужденная работать, поскольку мужчина часто не мог на свою зарплату содержать семью, и нести бремя домашних забот, женщина все более приобретала облик «деловой», утрачивая черты женственности, нежности, эмоциональности, и превращалась в мужеподобное существо: раздались плечи, сузились тазовые кости, создавая проблемы при деторождении, изменилась походка, манеры, голос, появилась грубость в общении.

Эти противоречия и проблемы можно было решать кардинально, меняя социальные условия и проводя научно-обоснованную демографическую политику.

---

* Подробнее об этом, см.: *Такала И.Р.* Веселие Руси: История алкогольной проблемы в России. СПб., 2002.

Глава XI
Грамотность и образовательный уровень населения России в 1960—1970-е гг.

Грамотность населения

В предвоенные годы в СССР, особенно в РСФСР, были достигнуты значительные успехи в ликвидации неграмотности населения. Однако неграмотность была ликвидирована лишь в основном, эта работа оставалась незавершенной. Некоторая часть населения, прежде всего в сельской местности, ни умела ни читать, ни писать, среди них большую часть составляли женщины пожилого возраста.

В тяжелые военные годы, особенно на оккупированных территориях, и сразу после войны не все дети смогли учиться. Число неграмотных теперь уже разного возраста возросло. Кроме того, было много и малограмотных людей, умевших читать по слогам и написать свою фамилию.

Между тем надвигалась перепись населения 1959 г. Правительство провело в 1957 г., чтобы выяснить действительную картину состояния дел в этой области, выборочную перепись населения. Эта перепись показала, что из переписанных 735,9 тыс. человек городского населения от 9 лет и старше 49,7 тыс. или 6,8% назвали себя полностью неграмотными. Число неграмотных среди женщин как в городе, так и особенно в деревне, было значительно выше, чем среди мужчин[1].

Министерства просвещения союзных республик и их местные органы фактически перестали заниматься ликвидацией неграмотности и малограмотности среди взрослого населения. Средства, отпускаемые на эти цели, не осваивались.

В большинстве городов, рабочих поселках, колхозах и совхозах пункты по ликвидации неграмотности и малограмотности были закрыты. Во многих случаях отсутствовала работа с малограмотными, в результате чего лица, прошедшие обучение, через несколько лет вновь становились неграмотными.

В связи со сложившейся неблагополучной ситуацией в канун переписи правительством был принят ряд срочных мер.

4 января 1958 г. ЦК КПСС и Совет министров СССР приняли развернутое постановление «О ликвидации неграмотности среди населения»[2]. Постановление предписывало ЦК компартий и Совминам союзных республик рассмотреть вопрос о принятии неотложных мер по полной ликвидации неграмотности до начала Всесоюзной переписи населения 1959 г.

В этих целях предписывалось провести полный учет неграмотного населения в возрасте от 16 до 50 лет, возложив эту работу на местные советы депутатов трудящихся. Для работы с неграмотными предлагалось использовать учителей, активистов-комсомольцев и других лиц,

способных вести эту работу. Наиболее отличившихся работников в деле обучения неграмотных рекомендовалось награждать грамотами и денежными премиями[3].

Исполкомам Советов депутатов трудящихся, директорам предприятий и совхозов, председателям правлений колхозов вменялось в обязанность выделить для обучения неграмотных необходимые помещения, обеспечив их отоплением, освещением и нужным оборудованием. Для обучения взрослых разрешалось использовать помещения учебных заведений во внеурочное время, а также клубов, красных уголков и учреждений во внеурочные часы. Предполагалось закрепить за каждой из общеобразовательных школ неграмотных, проживавших в микрорайоне данной школы. В случае необходимости рекомендовалось открывать пункты по ликвидации неграмотности и малограмотности, а также проводить индивидуальное обучение вне школы. Через городские и районные отделы народного образования министерствам предлагалось обеспечить методическое руководство делом обучения неграмотных, проверку знаний обучаемых и выдачу удостоверений лицам, окончившим обучение.

Партийные и советские органы обязывались принять меры к полному вовлечению всех детей от 7 до 16 лет в общеобразовательные школы или отдельные классы для переростков, не допуская впредь отсева детей из школ до завершения ими семилетнего образования.

ЦК компартий и Советы министров союзных республик, крайкомы, обкомы КПСС, обл(край)исполкомы советов были обязаны к 1 декабря 1958 г. доложить ЦК КПСС и Совету министров СССР итоги работы по ликвидации неграмотности и малограмотности среди взрослого населения[4].

В соответствии с этим постановлением начальник ЦСУ СССР В.Старовский 14 января 1958 г. издал приказ, в котором Отделу статистики и культуры ЦСУ СССР вменялось в обязанность в месячный срок подготовить указания по организации и проведению отчетности о ходе ликвидации неграмотности и малограмотности[5].

26 декабря 1958 г. ЦСУ СССР направил в ЦК КПСС и Совет министров СССР докладную записку. В ней отмечалось, что в течение января—октября 1958 г. в стране было учтено 1287 тыс. неграмотных в возрасте 16—50 лет, из которых 984 тыс. человек или 76% проживало в сельской местности, из общего числа неграмотных 1006 тыс. или 78% составляли женщины[6]. Из числа учтенных неграмотных обучалось 1200 тыс. или 93%, из которых окончило курс обучения 799 тыс. человек или 62%. На 1 ноября 1958 г. продолжали обучение 401 тыс. чел. или 31% неграмотных. Вместе с тем 87 тыс. чел. или 7% к числу учтенных неграмотных не были охвачены обучением, из них 74 тыс. или 83% составляли женщины. В числе окончивших курс обучения 9,2 тыс. чел. составляли допризывники. На 1 ноября 1958 г. в школах и группах по ликвидации неграмотности обучалось 2,5 тыс. допризывников[7].

В РСФСР за период январь—октябрь 1958 г. было учтено 623 тыс. неграмотных. Из них было охвачено обучением 567 тыс. чел., в том числе окончило курс обучения 360,8 тыс. чел. Доля окончивших обуче-

ние составила 58%. На 1 ноября 1958 г. обучалось 206,2 тыс. чел., что составляло 33% к числу неграмотных[8].

Однако учет неграмотных в ряде регионов был проведен неполно. Имели место случаи представления отчетов с завышенными данными о числе обученных на 1 ноября 1958 г. Так, в Каменском районе Тамбовской области из 106 чел. указанных в отчете обученными, фактически курс окончили только 33 чел., в Прионежском районе Карельской АССР — соответственно 113 и 39. В Мантуровском районе Курской области в отчете было указано 123 обученных, а фактически не было обучено ни одного человека[9].

Несколько лучше в Российской Федерации проводилась работа по ликвидации малограмотности. Из 550 тыс. малограмотных обучением было охвачено 352,4 тыс. чел. (64%), в том числе курс обучения окончило 180,1 тыс. (32,7%). На 1 ноября 1958 г. обучалось 172,3 тыс. или 31% из числа малограмотных. Неохваченными обучением оставались 5% малограмотных[10].

Несмотря на некоторые успехи в работе по ликвидации неграмотности среди взрослого населения, в ряде республик, краев и областей РСФСР продолжало оставаться значительное число неграмотных людей и в 1959 году. Об этом свидетельствуют письма начальников Статистических управлений областей, краев и республик, поступившие в апреле 1959 г. в ЦСУ СССР и ЦСУ РСФСР о численности лиц в возрасте от 9 до 50 лет, не умевших ни читать, ни писать. Они были как среди городского, так и сельского населения, среди мужчин и женщин. В целом по РСФСР их было более миллиона человек (см. табл. 40).

Таблица 40

Численность лиц Российской Федерации в возрасте от 9 до 50 лет, не умеющих ни читать, ни писать на январь 1959 г.

Название республики, края, области	Число лиц в возрасте от 9 до 50 лет, не умеющих ни читать, ни писать						В том числе не умеющих ни читать, ни писать по болезни			
	Обоего пола	%	Мужчины	%	Женщины	%	Обоего пола	%	Мужчины	Женщины
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Архангельская область	10134	100	2128	21	8006	79	740	7,3	1035	1495
Городское население	3894	100	662	17	3232	83	740	19	262	478
Сельское население	6240	100	1466	23,5	1466	76,5	1790	28,7	773	1007
Вологодская область	11914	100	2137	18	9777	82	3382	28,4	1205	2177

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Городское население	2685	100	423	15,7	2262	84,3	553	20,6	167	386
Сельское население	9229	100	1714	18,6	7515	81,4	2879	31,2	1038	1791
Ленинград	5021	100	958	19,1	4063	80,9	1605	32	647	958
Ленинградская область	7386	100	1481	20	5905	80	1628	22	680	948
Городское население	3124	100	563	18	2561	82	478	15,3	196	282
Сельское население	4262	100	918	21,5	3344	78,5	1150	27	484	666
Новгородская область	6426	100	1487	21,2	4939	78,8	2244	34,9	926	1318
Городское население	1488	100	299	20	1189	80	325	21,8	121	204
Сельское население	4938	100	1188	24	3750	76	1919	38,7	805	1114
Карельская АССР	5886	100	1101	18,7	4785	81,3	889	15,1	356	533
Городское население	2994	100	552	18,4	2442	81,6	438	14,6	202	236
Сельское население	2892	100	549	20	2343	80	451	15,6	154	297
Москва	21368	100	2579	12,1	18789	87,9	3037	14,3	1162	1875
Московская область	31250	100	5785	18,5	25465	81,5	8993	28,8	3654	5339
Городское население	18228	100	2581	14,2	15647	85,8	3322	18,2	1264	2058
Сельское население	13022	100	3204	26,6	9818	73,4	5671	43,5	2390	3281
Ивановская область	8827	100	1912	21,7	6915	78,3	3057	34,6	1257	1800
Городское население	4885	100	880	18	4005	82	1176	24	465	711
Сельское население	3942	100	1032	26,2	2910	73,8	1881	47,7	792	1089
Марийская АССР	4509	100	801	17,8	3708	82,2	1668	37	502	1166
Городское население	1291	100	194	15	1097	85	253	19,6	80	173
Сельское население	3218	100	607	18,9	2611	81,1	1415	44	422	993

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Чувашская АССР	4852	100	1135	23,4	3717	76,6	2427	50	881	1546
Городское население	1490	100	209	14	1281	86	275	18,4	92	183
Сельское население	3362	100	926	27,6	2436	72,4	2152	64	789	1363
Горьковская область	30492	100	5230	17,2	25262	82,8	8428	27,6	3075	5353
Городское население	13843	100	1949	34,4	11894	65,6	2370	17,1	887	1483
Сельское население	16649	100	3281	19,7	13368	80,3	6058	36,4	2188	3870
Тульская область	16565	100	3082	16,6	13483	83,4	3861	23,3	1537	2324
Городское население	8192	100	1381	16,9	6811	83,1	1381	16,8	534	847
Сельское население	8373	100	1701	20,3	6672	79,7	2480	29,6	1003	1477
Куйбышевская область	17042	100	2981	17,5	14061	82,5	4798	28,1	1678	3120
Городское население	8055	100	1368	17	6687	83	1691	21	622	1069
Сельское население	8987	100	1613	18	7374	82	3107	34,6	1056	2051
Саратовская область	16137	100	3170	19,7	12967	80,3	4683	29	1622	3061
Городское население	5112	100	1061	20,8	4051	79,2	1590	31,1	560	1031
Сельское население	11025	100	2109	19,1	8916	80,9	3093	28	1062	2031
Мордовская АССР	8042	100	1374	17,1	6668	82,9	2770	34,4	893	1877
Городское население	1611	100	181	11,2	1430	88,8	234	14,5	84	150
Сельское население	6431	100	1193	18,6	5238	81,4	2536	39,4	809	1727
Пензенская область	13404	100	2360	16,9	11144	83,1	5166	38,5	1621	3545
Городское население	4166	100	550	13,2	3616	86,8	738	17,7	236	502
Сельское население	9338	100	1810	19,4	7528	80,6	4428	47,4	1385	3043

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Татарская АССР	22987	100	1558	22,4	17829	77,6	8384	36,5	3089	5295
Городское население	9173	100	1590	17,3	7583	82,7	1881	20,5	652	1229
Сельское население	13814	100	3568	25,8	10246	74,2	6503	47	2437	4066
Курская область	7916	100	1796	22,7	6120	77,3	4082	51,6	1342	2740
Городское население	1572	100	277	17,6	1295	82,4	447	28,9	133	314
Сельское население	6344	100	1519	24	4825	76	3635	57,3	1209	2426
Ростовская область	30253	100	5003	16,5	25250	83,5	6270	20,7	2147	4123
Городское население	12236	100	1931	14,9	10415	85,1	2432	19,9	800	1622
Сельское население	17907	100	3072	17,2	14835	82,8	3848	21,5	1347	2501
Краснодарский край	25583	100	5000	19,5	20583	80,5	8327	32,6	2757	5570
Городское население	8157	100	1514	18,8	6643	81,4	2091	25,6	723	1368
Сельское население	17426	100	3486	20	13940	80	6236	35,8	2034	4202
Северо-Осетинская АССР	4942	100	994	18,9	4008	81,1	819	16,6	375	444
Городское население	2163	100	363	16,8	1800	83,2	301	13,9	157	144
Сельское население	2779	100	571	20,6	2208	79,4	518	18,6	218	300
Чечено-Ингушская АССР	39805	100	5983	15	33822	85	1627	40,9	474	1153
Городское население	5200	100	650	12,5	4550	87,5	297	5,7	110	187
Сельское население	34605	100	5333	15,4	29272	84,6	1330	3,8	364	966
Дагестанская АССР	9618	100	2277	23,7	7341	76,3	2090	21,7	707	1383
Городское население	3755	100	638	17	3117	83	354	9,4	102	252
Сельское население	5863	100	1639	28	4224	72	1736	29,6	605	1131
Свердловская область	41387	100	8514	20,6	32873	79,4	7486	18	3087	4399

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Городское население	27476	100	5297	19,3	22179	80,7	4003	14,6	1676	2327
Сельское население	13911	100	3217	23,1	10694	76,9	3483	25	1411	2072
Башкирская АССР	17096	100	3576	16,2	14330	83,8	7345	43	2540	4805
Городское население	5851	100	892	15,3	4959	84,7	1545	26,4	502	1043
Сельское население	12055	100	2684	22,3	9371	77,7	5800	48	2038	3762
Новосибирская область	21468	100	4059	19	17409	81	5735	26,7	1963	3772
Городское население	9919	100	1549	15,6	8370	84,4	1706	17,2	572	1134
Сельское население	11549	100	2510	21,7	9039	78,3	4029	34,9	1391	2638
Алтайский край	33884	100	6407	19	27477	81	8565	25,3	2912	5653
Городское население	10313	100	1768	17,2	8545	82,8	1406	13,6	484	922
Сельское население	23571	100	4639	19,7	18932	80,3	7159	30,4	2428	4731
Красноярский край	32498	100	7788	24	24710	76	7411	22,8	2809	4602
Городское население	12041	100	2790	23,2	9251	76,8	1868	15,5	713	1155
Сельское население	20457	100	4998	24,5	15459	75,5	5543	27	2096	3447
Хабаровский край	14077	100	2712	19,3	11365	80,7	1983	14	796	1187
Городское население	9079	100	1525	16,8	7554	83,2	1041	11,5	432	609
Сельское население	4998	100	1187	23,8	3811	76,2	942	18,8	364	578
Приморский край	16119	100	2968	18,4	13151	81,6	2585	16	1061	1524
Городское население	624	100	110	17,6	514	82,4	346	55,4	83	263
Сельское население	6063	100	1152	19	4911	81	1364	22,5	540	824
Калмыцкая АССР	3935	100	779	19,8	3156	80,2	1292	31,8	309	983

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Городское население	624	100	110	17,6	514	82,4	346	55,4	83	263
Сельское население	3311	100	660	20,2	2642	79,8	946	28,6	226	720

Составлено по: ГАРФ. Ф. А-374сч. Оп. 32с. Д. 1348. Л. 3—418.

Как свидетельствуют приведенные данные количество неграмотных в областях, краях и автономных республиках было различным и колебалось от 41 387 чел. в Свердловской области до 3935 человек в Калмыцкой АССР. Но в целом по регионам доля неграмотных насчитывалась в пределах 1% от общей численности населения. Несколько больший удельный вес лиц, не умевших ни читать, ни писать зафиксирован в ряде автономных республик. Так, в Калмыцкой АССР он составил 2,2%. Наибольшая доля неграмотных была отмечена в Чечено-Ингушской АССР — 5,5%[11].

Лица, не умевшие ни читать, ни писать за редким исключением проживали в сельской местности. Более четверти их остались неграмотными из-за болезни. В среднем по стране доля неграмотных составила 28,2%. Наибольшая их часть зафиксирована в Курской области — 51,6%, наименьшая — в Архангельской, где она составила 7,3%. Большую часть неграмотных в городах и селах составляли женщины.

31 июля 1962 г. ЦК КПСС вновь рассмотрел вопрос о завершении ликвидации неграмотности в стране. В постановлении отмечалось, что немало неграмотных имеется в ряде автономных республик и областей РСФСР. Среди неграмотных есть и молодежь, «что свидетельствует о недостатках в осуществлении всеобщего обязательного обучения детей»[12].

Были намечены меры по ликвидации неграмотности в ближайшие два—три года. Советам министров союзных республик было поручено обеспечить в месячный срок выявление всех неграмотных работников и членов их семей в возрасте от 16 до 49 лет, разработать конкретные планы полной ликвидации неграмотности к 1 июля 1965 года. В целях закрепления знаний лиц, ликвидировавших неграмотность, предлагалось расширить, начиная с 1962/63 учебного года, сеть 3—4 классов вечерних (сменных) школ.

Местные статистические органы обязаны были предоставлять в ЦСУ СССР отчеты о ходе завершения ликвидации неграмотности среди населения два раза в год до 1 июля 1965 года[13].

ЦСУ СССР 23 августа направил руководителям ЦСУ союзных республик, статистических управлений областей, краев автономных республик письмо, в котором обязывал их принять активное участие в организации работы по выявлению всех неграмотных тружеников и членов их семей в возрасте от 16 до 49 лет[14].

Для этой работы ЦСУ СССР рекомендовал использовать имевшиеся списки неграмотного населения, составленные при переписи населения

1959 г. В соответствии с распоряжением ЦСУ СССР от 19 мая 1959 г. эти списки были переданы в органы народного образования, что оказало большую помощь в выявлении неграмотного населения.

За период, прошедший со времени принятия этого постановления и до середины 1965 г., в стране было обучено грамоте 430 тыс. человек[15].

Работа по ликвидации неграмотности продолжалась и в последующий период. Определенный интерес представляют данные по РСФСР о численности лиц в возрасте 9—49 лет, не умеющих ни читать, ни писать в 1970 г. Всего их насчитывалось 269 180 чел., что составило 0,2% от общей численности населения[16]. В основном это были лица, не умевшие ни читать, ни писать по болезни: их насчитывалось 195 130 чел., что составило 72,5%. Неграмотных мужчин было выявлено 107 592 человека, в том числе по болезни — 89 709 (83,4%), женщин — 161 588, в том числе по болезни — 105 421 чел. (65,2%)[17].

Среди сельского населения численность неграмотных составила 178 411 чел. (66,3% от общей численности), в том числе по болезни — 130 364 (73%). Имелась немалая группа неграмотных и среди городского населения. Она насчитывала 90 769 чел. или 33,7% общей численности, в том числе по болезни — 64 766 (71,3%). Среди мужчин их было 36 127, в том числе по болезни — 30 018 чел., среди женщин соответственно — 54 642 и 34 748[18].

Численность лиц, не умевших ни читать, ни писать по экономическим районам выглядела следующим образом: Северо-Кавказский район — 40 454 чел., в том числе по болезни — 18 386, Поволжский — соответственно 38 678 и 29 917, Центральный — 37 065 и 33 067, Западно-Сибирский — 35 448 и 23 215, Уральский регион — 32 394 и 23 952[19].

Значительная численность лиц в 1970 г., не умевших ни читать, ни писать имелась в отдельных регионах. Так, в Чечено-Ингушской АССР их насчитывалось 13 557 чел., в том числе по болезни — 1016, среди мужчин — 1793, в том числе по болезни — 320, среди женщин — 1764, в том числе по болезни — 696 человек[20].

Обобщая вышеизложенное можно сделать вывод, что в 1960—1970-е гг. государственными и общественными организациями была проведена значительная работа по ликвидации неграмотности. Она привела практически к ликвидации этого явления. Вместе с тем полностью ликвидировать неграмотность не удалось.

Общеобразовательный уровень населения

Задачи в области повышения уровня образования населения постоянно менялись. Если в первые послевоенные годы основная ставка делась на получение молодежью всеобщего семилетнего (восьмилетнего) образования, то в 1960—1970-е гг. встала задача перехода ко всеобщему среднему образованию. Необходимость решения этой проблемы диктовалась попытками целенаправленного использования достижений науч-

но-технической революции, предпринимавшимися в нашей стране с конца 1950-х гг. Внедрение в промышленное, и в меньшей степени сельскохозяйственное, производство передовых технологий, связанных с полуавтоматическими и автоматическими поточными линиями, новейшими станками и механизмами, определило потребности в повышении общеобразовательного и профессионального уровня работников. Была расширена сеть учебных заведений начального профессионального образования, значительно увеличен прием в высшие и средние специальные учебные заведения. Замедление темпов экономического развития страны в 1970-е гг. не привело к изменению образовательной политики государства. В результате в стране постоянно росла доля лиц с высоким уровнем образования.

В период 1960—1970-х гг. значительно увеличилась численность учащихся общеобразовательных школ. Если на начало 1959/60 учебного года их насчитывалось 18 млн 744,3 тыс., то на начало 1978/79 учебного года — 20 млн 739 тыс. Количественный рост учащихся проходил при снижении общей численности общеобразовательных школ, связанных с процессом их укрупнения.

Повышение уровня образования населения страны определило процесс снижения удельного веса населения, имевшего начальное образование. Обратимся к материалам таблицы 41.

Таблица 41

Уровень лиц, имевших начальное образование в 1959, 1970 и 1971 гг. (на 1000 чел.)

	1959*	1970	1979
Городское и сельское население	325	257	167
Мужчины	409	289	177
Женщины	261	224	157
Городское население	312	206	125
Мужчины	383	235	133
Женщины	258	177	116
Сельское население	339	363	279
Мужчины	442	399	285
Женщины	265	327	272

* Данные за 1959 г. включают лиц, имевших начальное и незаконченное семилетнее образование.

Составлено по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: РСФСР. М., 1963. С. 102—107; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. М., 1982. Т. 3. Ч. 2. С. 78—79.

Данные таблицы показывают, что в 1960—1970-е гг. произошло снижение удельного веса лиц, имевших начальное образование. По сравнению с 1959 г. в 1970 г. он сократился в 1,3 раза, а в 1979 г. — в 2,1 раза. Особенно большое сокращение лиц, имевших начальное образование, произошло среди городского населения: в 1979 г. число горожан с начальным образованием по сравнению с 1959 г. уменьшилось в 2,5 раза. В сельской местности это сокращение было несколько меньшим и составило 1,2 раза.

Наибольшее сокращение удельного веса лиц с начальным образованием отмечено среди мужчин. По РСФСР в 1979 г. по сравнению с 1959 г. доля лиц с начальным образованием сократилась в 2,3 раза (с 32,5% до 16,7%), среди жителей городов в 2,9 раза, а удельный вес мужчин с начальным образованием, проживавших в сельской местности сократился в 1,5 раза.

Не так однозначно этот процесс проходил среди женского населения. В целом удельный вес женщин, имевших начальное образование за двадцать лет (1959—1979 гг.) уменьшился в 1,6 раза. Этот процесс в основном проходил за счет горожанок, среди которых удельный вес лиц с начальным образованием уменьшился в 2,2 раза. Среди сельчанок, наоборот, в 1960-е гг. произошло некоторое увеличение удельного веса лиц, имевших начальное образование. В 1970 г. доля женщин, имевших начальное образование, увеличилась в 1,2 раза. К 1979 г. отмечено сокращение удельного веса сельских жительниц с начальным образованием. По сравнению с 1970 г. он уменьшился в 1,2 раза. Однако он продолжал несколько превышать уровень 1959 г. (265 на 1000 жителей в 1959 г. и 272 — в 1979 г.). Причина данного явления может быть объяснена демографическими последствиями Великой Отечественной войны. Деформация половозрастного состава населения страны, вызванная войной и высоким уровнем послевоенной миграции, привела к тому, что в сельской местности преобладало женское население старших возрастов[21], имевшее низкий общеобразовательный уровень.

Повышение образовательного уровня населения страны выразилось в росте удельного веса лиц, имевших среднее (полное и неполное) образование. Этому способствовала политика правительства. Начиная с середины 1960-х гг. в стране осуществлялся переход к всеобщему среднему образованию. Происходил рост числа средних общеобразовательных школ и количества учащихся, обучающихся в них. В 1959/1960 учебном году в стране действовало 14,6 тыс. средних общеобразовательных школ, в которых обучались 8724 тыс. учащихся. В 1978/1979 учебном году количество средних школ увеличилось в 1,8 раза и составило 25,9 тыс., число обучавшихся в них в 1,6 раза и составило 14 537 тыс. чел.[22] Результаты этой деятельности представлены в таблице 42.

Материалы, приведенные в таблице 42, красноречиво свидетельствуют об успехах в области повышения образовательного уровня населения страны за двадцатилетие 1959—1979 гг. Если в 1959 г. среднее образование (полное и неполное) имела треть населения страны старше 10 лет, то в 1979 г. более половины граждан страны (57,4%) окончили среднюю и восьмилетнюю школу. Необходимо отметить, что в возрасте 10—55 лет

лица, имевшие среднее (полное и неполное) образование, составляли более половины населения всех возрастных групп.

Таблица 42

Лица, имевшие среднее (включая неполное) образование в 1959 и 1979 гг. (на 1000 чел.)

Возраст	1959 г.			1979 г.		
	Всего	Мужчины	Женщины	Всего	Мужчины	Женщины
10—19	337	334	421	841	822	864
20—29	504	456	553	891	896	883
30—39	467	472	466	736	731	742
40—49	225	308	174	526	504	546
50—54	132	186	117	477	462	490
55—59	108	162	101	449	482	432
60 и старше	76	88	61	165	253	129
Итого	337	355	323	574	614	540

Составлено по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. С. 102—103; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. М., 1982. Т. 3. Ч. 1. С. 22—23.

Повышение образовательного уровня произошло во всех возрастных группах. Особенно ярко оно проявилось в возрастных категориях молодого и юношеского возраста: в 1959 г. в возрасте 10—19 лет среднее образование имели 33,7% молодежи, в 1979 г. этот показатель вырос до 84,1% (рост в 2,5 раза). В возрастной группе 20—29 лет в 1979 г. среднее образование имело подавляющее большинство населения — 89,1%, в то время как в 1959 г. — только половина (50,4%). В следующих возрастных группах, исключая лиц старше 60 лет, отмечается следующая закономерность, чем выше возрастная категория, тем в большее количество раз вырос ее образовательный уровень по сравнению с 1959 г. Так, в возрастной группе 30—39 лет удельный вес лиц со средним образованием увеличился в 1,6 раза (с 46,7% до 73,6%), в группе 40—49 лет рост составил 2,3 (с 22,5% до 52,6%), в возрасте 50—54 лет в 3,6 раза (с 13,2% до 47,7%), 55—59 лет в 4,2 раза (с 10,8% до 44,9%). Как уже отмечалось, у лиц старше 60 лет этот показатель уменьшился и составил 2,2 раза (с 7,6% до 16,5%).

Образовательный уровень мужского и женского населения страны повышался одинаково и вырос за этот период в 1,7 раза. В целом по стране удельный вес лиц, имевших среднее образование, у мужчин превосходил этот показатель у женского населения. В 1959 г. среднее (полное и неполное) образование имели 35,5% мужчин и 32,3% женщин. В 1979 г. этот показатель составил 61,4% и 54% соответственно. Эти данные свидетельствуют о некотором увеличении разрыва между образова-

тельным уровнем мужчин и женщин к 1979 г. В 1959 г. удельный вес мужчин со средним образованием был на 3,2% выше, чем у женщин, а в 1979 г. этот показатель составил 7,4%. Это объясняется превышением уровня среднего образования мужчин в ряде возрастных категорий, прежде всего в старших возрастах (60 лет и старше), где удельный вес мужчин со средним образованием в 2 раза превысил соответствующий показатель у женщин. В отношении возрастной категории 20—29 лет можно отметить, что превышение удельного веса мужчин со средним (полным и неполным) образованием может быть объяснено тем, что в этой возрастной категории отмечено резкое преобладание удельного веса женщин с высшим образованием над соответствующим показателем у мужского населения (об этом будет сказано ниже).

Тенденция опережающего роста образовательного уровня женского населения сохранилась. В возрастной группе 10—19 лет удельный вес женщин со средним образованием превосходил соответствующий показатель у мужчин на 4,2%. Такое же положение отмечено и в следующих возрастных категориях, за исключением населения в возрасте 20—29 лет и лиц в возрасте 55 лет и старше. В этих возрастных категориях удельный вес мужчин со средним образованием превысил соответствующий показатель у женщин.

Определенное влияние на уровень образования оказывали факторы проживания населения в городской и сельской местности, а также отдельных регионов страны. Зависимость образовательного уровня от городской и сельской местности показывают материалы, приведенные в таблице 43.

Таблица 43

Лица, имевшие среднее (включая неполное) образование в 1979 г. в зависимости от возраста и места проживания (на 1000 чел.)

Возраст	Город			Село		
	Всего	Мужчины	Женщины	Всего	Мужчины	Женщины
Всего в возрасте 10 лет и старше	629	659	604	451	515	396
10—15 лет	217	214	221	182	181	183
16—19	986	982	990	956	953	961
20—29	891	898	883	889	892	886
30—39	750	743	756	694	690	698
40—49	586	560	611	390	382	398
50—54	546	519	566	340	342	338
55—59	523	539	516	303	365	271
60 лет и старше	231	330	191	58	122	34

Составлено по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. Т. 3. Ч. 1. С. 24—27.

Как свидетельствуют материалы таблицы 43 удельный вес лиц, имевших среднее (полное и неполное) образование в городской местности был несколько (в 1,4 раза) выше, чем в сельской местности. Это превышение отмечается во всех возрастных категориях. Вместе с тем, следует отметить, что в возрастных категориях 16—19 и 20—29 лет эта разница была крайне незначительна. Начиная с 30-летнего возраста, разница в удельном весе лиц со средним образованием постоянно повышается: от 8% в возрасте 30—39 лет до четырехкратного превышения в возрастной категории 60 лет и старше. Эти данные наглядно свидетельствуют, что показатели уровня среднего образования городского и сельского населения постепенно выравнивались.

Практически сравнялись показатели удельного веса мужчин и женщин, имевших среднее (полное и неполное) образование и проживающих в городской местности (у мужчин — 65,9%, у женщин — 60,4%). Как уже было отмечено, во всех возрастных категориях до 55 лет, за исключением возрастной группы 20—29 лет удельный вес женщин со средним образованием превышал соответствующий показатель у мужчин. В возрастной группе 20—29 лет удельный вес лиц со средним образованием среди мужчин превышал соответствующий показатель у женщин. Однако и в этой возрастной категории разница была весьма незначительной — 1,5%. Поэтому можно отметить, что наметившаяся в послевоенные годы тенденция на опережающий рост уровня женского образования сохранялась. В целом по стране превышение удельного веса мужчин со средним образованием было достигнуто за счет лиц старше 55 лет. Особенно велика разница в уровнях образования была в возрастной группе 60 лет и старше (удельный вес мужчин в этой возрастной группе составлял 33%, женщин — 19,1%).

В сельской местности разница между удельным весом мужчин и женщин со средним (полным и неполным) образованием была более значительной, чем в городской местности (в городе этот показатель равнялся 5,5%, в селе — 11,9%). Однако и здесь просматривалась та же самая тенденция опережающего роста уровня женского образования. Удельный вес женщин со средним образованием превышал соответствующий показатель у мужчин в возрастных категориях лиц моложе 50 лет (в городе — моложе 55 лет). Как и в городской местности, исключение составила возрастная группа 20—29 лет, где разница выразилась всего в 0,6% (у мужчин — 89,2%, женщин — 88,6%). По сравнению с городской местностью значительно больший разрыв удельного веса мужчин и женщин, имевших среднее образование, наблюдался в старших возрастах. У лиц 60 лет и старше он составил 3,6 раза, в то время как в городе этот показатель равнялся 1,7 раза. В этой возрастной группе среднее образование имели 12,2% мужчин и 3,4%, женщин.

Перепись 1979 г. выявила определенную разницу в уровнях образования населения, живших в промышленно развитых и аграрно-сырьевых регионах страны. Представленная таблица (см. табл. 44) дает возможность не только проанализировать уровень образования населения, но показывает изменения, произошедшие за двадцатилетний (по сравнению с переписью 1959 г.) период.

В 1979 г. наиболее высокий уровень высшего и среднего (общего, специального и неполного) образования имело население городов Ленинграда (80,2%) и Москвы (79%). По сравнению с переписью 1959 г., которая также определила образовательный уровень жителей этих мегаполисов как наивысший, уровень образования ленинградцев возрос в 1,9 раза, а жителей столицы в 2 раза.

Таблица 44

Число лиц, имевших среднее (общее и специальное, и неполное) образование, по автономным республикам, краям и областям (на 1000 чел.)

	Городское и сельское население		Городское население		Сельское население	
	1959	1979	1959	1979	1959	1979
1	2	3	4	5	6	7
Северо-Западный район						
Оба пола	303	703	368	757	185	495
Мужчины	300	750	358	797	195	569
Женщины	306	666	376	726	177	435
Ленинград						
Оба пола	424	802	424	802	—	—
Мужчины	242	841	422	841	—	—
Женщины	426	772	426	772	—	—
Мурманская область						
Оба пола	327	763	331	759	274	797
Мужчины	311	799	315	796	268	820
Женщины	341	728	345	723	282	773
Центральный район						
Оба пола	301	677	364	738	205	464
Мужчины	301	726	357	778	215	538
Женщины	301	640	369	707	197	407
Москва						
Оба пола	407	790	407	790	—	—
Мужчины	402	831	402	831	—	—
Женщины	411	760	411	760	—	—
Тульская область						
Оба пола	270	620	318	675	196	430
Мужчины	264	660	307	707	196	497

1	2	3	4	5	6	7
Женщины	275	587	328	650	196	379
Волго-Вятский район						
Оба пола	235	605	323	702	179	448
Мужчины	250	672	324	747	201	545
Женщины	224	552	323	666	162	376
Марийская АССР						
Оба пола	223	614	318	715	186	497
Мужчины	247	689	319	760	217	607
Женщины	206	555	317	680	163	410
Мордовская АССР						
Оба пола	211	587	355	736	179	460
Мужчины	233	667	357	774	203	571
Женщины	195	525	352	705	161	376
Центрально-Черноземный район						
Оба пола	389	570	557	719	320	413
Мужчины	408	636	557	761	343	500
Женщины	373	517	557	686	298	348
Поволжский район						
Оба пола	260	626	342	712	183	463
Мужчины	286	674	343	749	197	530
Женщины	269	588	342	682	171	406
Татарская АССР						
Оба пола	444	637	528	733	377	475
Мужчины	466	690	530	769	411	558
Женщины	428	599	527	704	343	407
Куйбышевская обл.						
Оба пола	286	670	347	725	186	474
Мужчины	290	711	345	759	201	541
Женщины	282	636	348	697	175	419
Северо-Кавказский район						
Оба пола	255	600	350	694	186	484
Мужчины	271	650	358	735	206	548
Женщины	242	558	343	661	168	431
Ростовская обл.						
Оба пола	293	637	365	705	197	485

1	2	3	4	5	6	7
Мужчины	309	684	375	745	218	547
Женщины	281	534	356	672	180	434
Дагестанская АССР						
Оба пола	192	522	291	650	151	437
Мужчины	240	597	319	705	206	521
Женщины	152	459	267	600	106	368
Калмыцкая АССР						
Оба пола	168	589	325	670	151	532
Мужчины	178	625	330	701	161	547
Женщины	160	554	321	644	141	486
Карачаево-Черкесская АО						
Оба пола	210	577	316	673	178	503
Мужчины	234	628	323	710	206	569
Женщины	191	534	310	643	155	449
Чечено-Ингушская АССР						
Оба пола	201	524	325	708	114	504
Мужчины	220	603	330	736	146	536
Женщины	185	489	321	684	85	478
Уральский район						
Оба пола	406	637	471	691	276	477
Мужчины	403	681	456	728	321	542
Женщины	409	600	487	661	291	421
Свердловская обл.						
Оба пола	272	663	305	695	167	437
Мужчины	266	706	295	734	176	501
Женщины	277	628	313	662	159	386
Башкирская АССР						
Оба пола	412	606	502	711	348	466
Мужчины	431	656	495	748	381	531
Женщины	397	565	509	680	315	411
Западно-Сибирский район						
Оба пола	385	630	466	696	277	491
Мужчины	382	667	450	726	287	542
Женщины	389	599	482	670	268	447

1	2	3	4	5	6	7
Алтайский край						
Оба пола	351	588	466	673	283	493
Мужчины	348	627	444	701	290	548
Женщины	353	556	488	651	276	447
Восточно-Сибирский район						
Оба пола	397	656	452	712	295	509
Мужчины	388	678	452	737	300	546
Женщины	405	625	453	690	291	473
Красноярский край						
Оба пола	389	646	475	715	285	490
Мужчины	381	678	453	742	290	532
Женщины	396	618	497	690	281	450
Дальневосточный район						
Оба пола	460	718	494	751	371	619
Мужчины	432	743	466	776	346	646
Женщины	488	693	523	726	396	592
Хабаровский край						
Оба пола	289	466	315	495	215	372
Мужчины	274	438	298	468	210	352
Женщины	303	493	330	523	220	392
Якутская АССР						
Оба пола	410	703	492	768	308	594
Мужчины	417	721	474	781	339	618
Женщины	402	685	510	755	278	571

Составлено по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: РСФСР. С. 133—140; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. Т. 3. Ч. 1. С. 190—287.

Уровень образования населения экономических районов страны распределялся следующим образом: наиболее высокий образовательный уровень (выше 70%) был отмечен в Дальневосточном — 71,8% и Северо-Западном — 70,3% регионах. Вслед за ними идут районы, где уровень образования населения колебался от 60% до 70%: Центральный — 67,7%, Восточно-Сибирский — 65,6%, Уральский — 63,7%, Западно-Сибирский — 63%, Поволжский — 62,6%, Волго-Вятский — 60,5%. Третью группу составили районы, где уровень образования составил 60 и менее процентов: Северо-Кавказский — 60% и Центрально-Черноземный — 57%. В первом регионе этой группы невысокий уровень образо-

вания обеспечивался за счет недостаточно высокой образованности населения автономных республик, во втором — преобладанием сельского населения, имевшего более низкий образовательный уровень по сравнению с городским. Наиболее высокий уровень образования был отмечен в отдаленных от Центра районах — Дальневосточном, Восточно-Сибирском и Западно-Сибирском. Высокий уровень образованности населения этих регионов начал складываться в 1930-е г., когда в них проходило усиленное промышленное строительство. В последующие годы благодаря потребностям индустрии в высококвалифицированных кадрах, этот уровень продолжал оставаться высоким.

Распределение экономических районов страны по уровню образованности очередной раз подтверждает закономерность: чем выше уровень индустриального развития того или иного региона, тем выше уровень образованности его населения. Эту тенденцию подтверждает и уровень образования населения отдельных областей. Наиболее высокий уровень образования перепись зафиксировала в таких индустриально развитых областях, как Мурманская — 76,3%, Куйбышевская — 67%, Волгоградская и Свердловская — 66,3%, Саратовская — 63,8%, Тульская — 62%, Якутская АССР — 70,3% и в других промышленных регионах.

Невысокий уровень образования был отмечен в автономных республиках и округах. В Калмыцкой АССР уровень образования составил 58,9%, Мордовской АССР — 58,7%, Карачаево-Черкесской АССР — 57,7%. Наиболее низкий уровень образования был зафиксирован в Чечено-Ингушской — 52,4% и Дагестанской — 52,2% автономных республиках. В этих республиках только половина населения имела среднее (полное и неполное) образование. Отмечая более низкий уровень образования в этих республиках, необходимо уточнить, что по сравнению с материалами переписи 1959 г. уровень образованности населения автономных республик значительно вырос. Так, в Мордовской АССР удельный вес населения со средним образованием увеличился в 2,8 раза (с 21,1% до 58,7%), в Дагестанской АССР в 2,7 раза (с 19,2% до 52,2%), такое же увеличение отмечено и в Карачаево-Черкесской АССР (с 21% до 57,7%), в Чечено-Ингушской — в 2,6 раза (с 20,1% до 52,4%). Особенно резко возрос уровень образованности населения в Калмыцкой АССР. По этому показателю в 1959 г. республика занимала последнее место в России. С 1959 г. удельный вес лиц со средним образованием увеличился в 5,5 раза (с 16,8% до 58,9%).

Материалы переписи выявили еще одну закономерность: чем выше был уровень индустриального развития региона, тем меньший разрыв наблюдался между уровнем образования городского и сельского населения. В Дальневосточном регионе удельный вес горожан со средним (полным и неполным) образованием превысил этот показатель в сельской местности в 1,2 раза. В Северо-Западном, Поволжском, Уральском, Западно- и Восточно-Сибирских регионах уровень образованности городского населения в 1,4—1,5 раза превышал соответствующий показатель у сельского населения. В то же время в Центральном, Центрально-Черноземном и Волго-Вятском районах уровень образованности город-

ского населения был выше сельского в 1,6—1,7 раза. Исключение составил Северо-Кавказский район, где соответствующий показатель был равен 1,4.

Уровень образованности городского населения во всех административных единицах за исключением Мурманской области был выше сельского. В последней удельный вес лиц со средним образованием, проживавших в сельской местности (79,7%) превысил соответствующий показатель у городских жителей (75,9%). Это связано со спецификой экономического развития и географического положения области. Основную массу населения ее сельской местности составляли военнослужащие и работники горной промышленности. В сельском хозяйстве было занято не более 4% населения трудоспособного возраста[23].

Из данных таблицы 44 видно, что в регионах уровень грамотности мужского населения превышал соответствующий показатель у женского населения, но показатели этого превышения были различны. Достаточно большой разрыв в уровнях образования мужчин и женщин отмечен в республиках Северного Кавказа. В то время как эти показатели в целом по региону составляли 65% у мужчин и 55,8% у женщин (разница 9,2%). В Дагестанской АССР среднее образование имели 59,7% мужчин и 45,9% женщин (разница 13,1%), в Чечено-Ингушской АССР соответственно 60,3% и 48,9% (разница 11,4%), в Карачаево-Черкесской АССР (9,4%).

В то же время за двадцать лет отмечен высокий рост удельного веса женщин со средним образованием среди кавказских народов. Если в целом по стране рост составил 1,7 раза, то в Дагестанской АССР удельный вес женщин со средним образованием увеличился в 3 раза, в то время как у мужчин он вырос в 2,5 раза. В Карачаево-Черкесской и Чечено-Ингушской АССР эти показатели были практически равны и соответственно составляли в первой у мужчин — 2,7, женщин — 2,8 раза, во второй — 2,7 и 2,6 раза. Особенно впечатляющие успехи роста образованности женщин кавказских республик отмечены в сельской местности. В Дагестанской АССР удельный вес женщин со средним (включая неполное) образованием увеличился в 3,5 раза, а в Чечено-Ингушской АССР — в 5,6 раза, в Карачаево-Черкесской — 2,9 раза.

Еще большие успехи в повышении уровня образования были зафиксированы среди занятого населения страны.

Материалы таблицы 45 красноречиво показывают, что за двадцатилетие (1959—1979 гг.) среди занятого населения удельный вес лиц, имевших среднее (полное и неполное) образование, увеличился по сравнению с 1959 г. в 1970 г. в 1,4, а в 1979 г. — в 1,7 раза. В 1979 г. 7 из 10 человек имели такое образование. Достижение 70% уровня среднего (полного и неполного) образования занятого населения стало большим успехом образовательной политики государства.

Наибольшее повышение образовательного уровня населения страны отмечено в сельской местности, где этот процесс шел более интенсивными темпами. Образовательный уровень сельчан повысился к 1979 г. по сравнению с 1959 г. в 2 раза, в то время как среди городского населения этот показатель составил 1,5 раза. Таким образом, продолжался процесс

сокращения различий в уровне образования жителей сельской и городской местностей. В городах среднее (полное и неполное) образование имели 73,1% жителей, в сельской местности — 62,5%. Для сравнения отметим, что в 1959 г. такой уровень образования имели 49,5% городских жителей и 30,2% сельчан. Таким образом, если в 1959 г. удельный вес лиц со средним (полным и неполным) образованием в городах был выше, чем в сельской местности в 1,6 раза, то в 1979 г. разница в уровне образования составила 1,2 раза.

Таблица 45

Лица, имевшие среднее (включая неполное) образование в 1959, 1970 и 1979 гг. (на 1000 чел.)

	1959	1970	1979
Городское и сельское население	405	590	702
Мужчины	392	578	700
Женщины	417	602	704
Городское население	495	651	731
Мужчины	463	635	727
Женщины	530	666	736
Сельское население	302	462	625
Мужчины	309	462	634
Женщины	295	462	616

Составлено по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. Т. 3. Ч. 1. С. 292.

Содержание таблицы (см. табл. 45) свидетельствовало, что к концу 1970-х гг. уровень полного и неполного среднего образования мужчин и женщин был практически одинаков, при незначительном опережении образовательного уровня женщин (70% у мужчин и 70,4% у женщин).

Отметим, что повышение удельного веса лиц со средним образованием у мужчин и женщин в городской и сельской местности проходило неодинаково. В сельской местности удельный вес лиц со средним образованием у мужчин и женщин вырос в 2 раза. Среди городских жителей рост удельного веса мужчин, имевших среднее образование, несколько превысил подобный показатель у женщин. Несмотря на это образовательный уровень женского населения, проживавших в городской местности был выше, чем у мужчин: среднее (полное и неполное) образование имели 72,7% горожан и 73,6% горожанок. В сельской местности удельный вес мужчин со средним образованием был выше, чем у женщин: и составил соответственно 63,4% и 61,6%.

Переход к всеобщему среднему образованию и рост учащихся старших классов средних школ и средних специальных учебных заведений

изменили соотношение между лицами, имевшими полное среднее (общее и специальное) и неполное среднее образование. Сравним материалы переписей 1970 г. и 1979 г. В 1970 г. среднее полное образование имели 14,1% жителей страны, среднее специальное — 11,1%, неполное среднее — 32,6% чел. Численность населения, имевшего среднее неполное образование, более чем на 70% превышала количество лиц, окончивших полную среднюю общеобразовательную и специальные школы. К 1979 г. в этих показателях произошли большие изменения. Удельный вес группы населения, имевшей среднее (общее и специальное) образование превысил удельный вес жителей с неполным средним образованием. Полное среднее (общее и специальное) образование имели 30,7% населения (среднее общее — 24,3%, среднее специальное — 16,4%), в то время как жителей с неполным средним образованием насчитывалось 28,3%. Таким образом, к 1979 г. в образовательном уровне населения страны произошли кардинальные изменения — более половины имели среднее (полное и неполное) образование.

Переход к всеобщему среднему образованию привел к повышению удельного веса лиц, имевших законченное (полное) образование. Обратимся к материалам таблицы 46.

Таблица 46

Лица, имевшие среднее (общее и специальное) образование в 1959 г. и 1979 г. (на 1000 чел.)

	1959	1979
Городское и сельское население	110	304
Мужчины	107	304
Женщины	112	304
Городское население	153	356
Мужчины	145	349
Женщины	159	360
Сельское население	60	187
Мужчины	63	202
Женщины	58	176

Составлено по: Итоги всесоюзной переписи 1959 года: РСФСР. С. 102—107; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. Т. 3. Ч. 1. С. 22—27.

Материалы таблицы наглядно свидетельствуют о значительном повышении удельного веса лиц со средним полным (общим и специальным) образованием. К 1979 г. по сравнению с 1959 г. их удельный вес вырос в 2,8 раза (в 1959 г. среднее полное образование имели 11% жителей страны в возрасте 10 лет и старше, а в 1979 г. — 30,4%). Опережаю-

щими темпами рос удельный вес лиц со средним полным образованием в сельской местности, где он повысился с 6% до 18,7% (рост в 3,1 раза). В городской местности этот показатель вырос с 15,3% до 35,6% (рост в 2,3 раза). Повышенный рост образовательного уровня сельчан позволил сократить разрыв в уровне среднего образования между городом и селом. В 1959 г. удельный вес лиц со средним полным образованием, проживавших в городской местности в 2,5 раза превышал этот показатель в сельской местности. В 1979 г. разница в уровнях образования сократилась до 1,9 раза. Однако, несмотря на опережающие темпы роста, удельный вес лиц со средним образованием, проживавших в городской местности, был значительно выше, чем на селе (в городе — 35,6%, в сельской местности — 18,7% населения).

Значительные изменения произошли в образовательном уровне мужчин и женщин. В 1979 г. удельный вес мужчин и женщин, имевших среднее полное образование, сравнялся и составил 30,4%, в то время как в 1959 г. женщины по этому показателю несколько превосходили мужчин (11,2% — у женщин и 10,7% — у мужчин). В то же время, следует отметить, что в городской местности удельный вес женщин со средним образованием по-прежнему превышал этот показатель у мужчин (соответственно 36% и 34,9%), а в сельской местности образовательный уровень мужчин был выше, чем у женщин (соответственно 20,2% и 17,6%).

Наибольшие темпы роста удельного веса лиц со средним образованием отмечены у мужского населения, за двадцатилетие он вырос в 3 раза. При этом у сельских жителей они были выше, чем у горожан (рост соответственно составил 3,2 и 2,8 раза). Эта же тенденция просматривалась и в повышении образовательного уровня женского населения. В целом удельный вес женщин со средним полным образованием увеличился в 2,8 раза, в то время как у сельчанок этот показатель вырос в 3 раза, а у горожанок — в 2,7 раза.

Удельный вес лиц со средним полным образованием во многом зависел от возраста населения. В 1979 г. наивысший уровень среднего (общего и специального и незаконченного высшего) образования имели лица в возрасте 20—29 лет (63,7%). Достаточно высок он был и в возрастных группах: 16—19 лет — 50,2%, 30—39 лет — 43,2%. Наименьший удельный вес лиц со средним полным образованием зафиксирован в старшей возрастной группе (лица 60 лет и старше), где он составил 9,1%. Обращает на себя внимание и тот факт, что лица возрастной группы 55—59 лет имели более высокий уровень среднего образования, чем население в возрасте 50—54 лет: соответственно 21,3% и 18,3%[24]. В этом сказывалось еще одно негативное последствие Великой Отечественной войны: школьный возраст населения 50—54-летних пришелся на военные годы, что обусловило невысокий образовательный уровень этой группы населения.

Удельный вес лиц, имевших среднее полное образование в различных возрастных группах, зависел от места проживания последних. Минимальная разница в уровнях образования городских и сельских жителей была в возрастной группе 20—29 лет. Горожане, имевшие среднее образование, составляли 67,2%, а сельчане — 52,8% населения этого

возраста. Это свидетельствовало о процессе выравнивания образовательного уровня жителей городской и сельской местности.

Примерно в 1,5 раза удельный вес горожан со средним образованием был выше, чем в сельской местности в возрастных группах 16—19 (в городе — 54,7%, на селе — 38,2%) и 30—39 лет (47,7% и 29,3% соответственно). В возрастной группе 16—19 лет, превышение удельного веса горожан во многом объясняется тем, что большая часть выпускников неполной, а особенно полной средней школы покидала сельскую местность и выезжала в город для продолжения образования в вузах и техникумах и получения рабочей специальности в училищах профтехобразования. Сельскохозяйственное производство не могло предложить молодежи со средним образованием достойное применение своих знаний. Начиная с возрастной группы 30—39 лет, удельный вес горожан со средним образованием превышал этот показатель в сельской местности в 2,3—2,4 раза. И только в возрастной группе 60 лет и старше этот разрыв несколько сократился, составив 1,9 раза. Это сокращение произошло за счет невысокого удельного веса городских жителей, имевших полное среднее образование.

Суммируя все вышесказанное, следует отметить, что в 1960—1970 гг. были достигнуты значительные успехи в развитии образования населения страны. Численность и удельный вес лиц, имевших среднее полное, специальное и неполное образование значительно возросли во всех регионах страны. Можно сказать, что проблема среднего образования в стране была решена.

Развитие высшего и среднего специального образования

Перепись 1959 г. зафиксировала значительные успехи страны в развитии высшего и среднего специального образования. Однако вопрос о развитии среднего специального и высшего образования продолжал оставаться актуальным. Мощное индустриальное развитие, а также по преимуществу экстенсивный путь развития экономики требовали постоянного пополнения хозяйства дипломированными специалистами. В стране открывались новые средние специальные и высшие учебные заведения, постоянно увеличивался прием студентов. В 1959 г. в РСФСР действовало 1948 средних специальных учебных заведений, в которых обучалось 1162,2 тыс. учащихся и 438 высших учебных заведений, с 1417,3 тыс. студентов. За двадцатилетие число средних специальных учебных заведений увеличилось на 551, а количество обучавшихся на 1271,1 тыс. чел., число высших учебных заведений увеличилось на 50, а число студентов на 1608,1 тыс. В 1979/1980 учебном году в 2499 средних специальных учебных заведениях обучалось 2688,4 тыс. учащихся, а 488 вуза насчитывали 3025,4 тыс. студента.

Большое внимание уделялось открытию высших и средних специальных учебных заведений в отдаленных районах. В 1959 г. в азиатской части Российской Федерации действовало 130 вузов и 675 техникумов, в

1979 г. — 153 вуза и 942 техникума. За это время в автономных республиках Северного Кавказа было открыто 5 вузов и 44 техникума[25].

Рассмотрим тенденцию развития среднего специального образования. Для этого обратимся к материалам таблицы 47.

Таблица 47

Лица, старше 10 лет, имевшие среднее специальное образование в 1959 и 1979 гг.

	1959		1979	
	Численность лиц со средним специальным образованием (тыс. чел.)	в % к общей численности населения	Численность лиц со средним специальным образованием (тыс. чел.)	в % к общей численности населения
Городское и сельское население	4829	5,3	13639,2	11,5
Мужчины	2036,4	5,2	5419,5	10,2
Женщины	2792,6	5,3	8219,7	12,8
Городское население	3419	6,9	11081,9	13,5
Мужчины	1449	6,7	4443,9	12
Женщины	1970	7	6638	14,9
Сельское население	1410	3,3	2557,3	7,1
Мужчины	587,3	3,3	975,5	6,2
Женщины	822,7	3,3	1581,7	7,9

Составлено по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: РСФСР. С. 102—107; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. Т. 3. Ч. 1. С. 112—113.

С 1959 по 1979 г. удельный вес лиц, имевших среднее специальное образование, вырос более чем в два раза, а их численность возросла в 2,8 раза. Более быстрыми темпами удельный вес лиц со средним специальным образованием рос в сельской местности, где он увеличился за двадцатилетие в 2,2 раза, в то время как в городской местности этот рост составил 1,9 раза. Несмотря на это, удельный вес городских жителей с таким образованием превышал соответствующий показатель в сельской местности и разрыв в уровнях среднего специального образования за период с 1959 по 1979 г. сократился незначительно: если в 1959 г. доля лиц со средним специальным образованием среди городских жителей в два раза превышала этот показатель в сельской местности, то в 1979 г. этот показатель уменьшился до 1,9.

Обращает на себя внимание следующая тенденция — опережающий рост удельного веса женщин со средним специальным образованием. В

1959 г. удельный вес мужчин и женщин был одинаков, при незначительном превышении женщин городской местности. За двадцатилетие удельный вес мужчин со средним образованием увеличился в 2 раза, а женщин — в 2,4 раза. Уровень роста для мужчин городской и сельской местности был одинаков. Удельный вес женского населения со средним образованием рос быстрее в селе, где за двадцатилетие он увеличился в 2,3 раза. В городской местности рост составил 2,1 раза.

В 1979 г. удельный вес женщин со средним специальным образованием на 2,6% превысил соответствующий показатель у мужского населения. Это превышение было характерно как для городской, так и для сельской местности. Причем в городской местности оно было более значительным, чем в сельской (соответственно 2,9% и 1,7%).

Таким образом, за двадцатилетие с 1959 по 1979 г. удельный вес населения, имевшего среднее специальное образование увеличился в два раза. В 1979 г. 11,5% населения страны 10 лет и старше имели среднее специальное образование.

Для анализа изменений в развитии высшего образования проведем сравнение материалов переписей 1959 и 1979 гг. (см. табл. 48).

Таблица 48

Лица, имевшие высшее образование в 1959 и 1979 гг. (на 1000 чел.)

	1959	1979
Городское и сельское население	19	71
Мужчины	22	77
Женщины	17	66
Городское население	31	91
Мужчины	35	98
Женщины	29	86
Сельское население	6	25
Мужчины	7	28
Женщины	5	23

Составлено по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: РСФСР. С. 108; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. Т. 3. Ч. 1. С. 22—27.

Как показывают материалы таблицы, большие изменения произошли и в распределении лиц с высшим образованием среди мужского и женского населения городов и сельской местности. Численность населения с высшим образованием за двадцатилетие увеличилось в 3,7 раза. Если в 1959 г. в стране было менее 2% населения, имевших дипломы о высшем образовании, то к 1979 г. их количество достигло 7,1%. Темпы роста об-

разовательного уровня жителей сельской местности превышали этот показатель у жителей города. За двадцатилетие удельный вес лиц с высшим образованием в городской местности повысился почти в 3 раза (с 3,1% до 9,1%), в сельской местности в 4 раза (с 0,6% до 2,5%). Это привело к некоторому сокращению в показателях уровня образования. Если в 1959 г. на одного сельского жителя с высшим образованием приходилось 5 жителей города с дипломами о высшем образовании, то в 1977 г. этот показатель сократился до 3,6.

Обратимся к анализу уровня высшего образования у мужского и женского населения страны. В 1979 г., как и в 1959 г., сохранился более высокий уровень высшего образования у мужского населения, составив 7,7%, в то время как у женщин — 6,6%. В то же время темпы роста удельного веса лиц с высшим образованием у женщин превосходили этот показатель у мужчин. Среди мужского населения удельный вес лиц с высшим образованием вырос в 2,6 раза (с 2,9% до 7,7%), у женщин повысился в 3 раза (с 2,2% до 6,6%). Это связано с увеличением количества женщин среди студентов высших учебных заведений. Если в 1965/1966 учебном году женщины составляли 45% студенческого контингента, то к 1980 г. этот показатель достиг 53%.

Несмотря на опережающие темпы роста образовательного уровня женского населения, разница в уровнях образования мужчин и женщин в 1979 г. по сравнению с 1959 г. изменилась незначительно: в 1959 г. высшее образование имели 2,2% мужчин и 1,7% женщин (1,3:1), в то время как в 1977 г. этот показатель соответственно был равен 7,7% и 6,6% (1,2:1). Но и они свидетельствовали о сближении уровней высшего образования мужского и женского населения.

Наиболее высокий уровень высшего образования в 1979 г. был в группе городских мужчин — 9,8% (у женщин этот показатель был равен 8,6%). Низший показатель удельного веса лиц с высшим образованием был зафиксирован в группе женщин, жительниц сельской местности, — 2,3% (у мужчин он был равен 2,8%). Обращает на себя внимание и тот факт, что разница в уровнях образования у мужчин, проживавших в городской и сельской местностях, была большей, чем у женского населения (удельный вес мужчин-горожан, имевших высшее образование, в 3,5 раза превышал соответствующий показатель у мужчин сельской местности, а подобный показатель у женского населения составил 2,9 раза). Подобное положение может быть объяснено тем, что среди профессий, требующих высшего образования, в сельской местности большой востребованностью пользовались профессии, где женщины составляли большинство работавших — учителя, врачи, частично сельскохозяйственные специалисты (агрономы и зоотехники). Следует отметить, что удельный вес женщин, имевших указанные специальности, постоянно возрастал. Так, если в 1959 г. удельный вес женщин среди учителей составлял 77%, то в 1979 г. этот показатель составил 89%.

Рассмотрим процесс повышения уровня высшего образования по возрастным категориям.

Таблица 49

Лица, имевшие высшее образование в 1959 и 1979 гг. (на 1000 чел.)

Возраст	Городское и сельское население		Городское население		Сельское население	
	1959	1979	1959	1979	1959	1979
Всего	24	71	39	91	8	25
20—29 лет	30	81	42	91	12	50
30—39 лет	45	154	55	181	17	69
40—49 лет	32	105	50	138	9	32
50—54 года	30	67	51	90	5	19
55—59 лет	27	71	50	98	3	19
60 лет и старше	17	34	34	52	1	5

Составлено по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: РСФСР. С. 102—107; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. Т. 3. Ч. 1. С. 22—27.

Увеличение удельного веса лиц с высшим образованием коснулось всех возрастных категорий: в возрастной группе 20—9 лет удельный вес лиц с высшим образованием вырос в 2,9 раза, в группе 30—39-летних в 3,4 раза, в возрасте 40—49 лет в 3,3 раза, у лиц 50—59 лет он увеличился в 2,5 раза, у лиц старше 60 лет — в 2 раза. Наибольший рост числа лиц с высшим образованием произошел в возрастной группе 30—39 и 40—49 лет. Их вступление во взрослую жизнь пришлось на вторую половину 1950-х — первую половину 1960-х гг., когда в стране шел процесс активного развития высшего образования. Реформа образования 1958 г. привела к расширению вечерней и заочной форм обучения. Это позволило лицам и более старших возрастов получить высшее образование.

Рост удельного веса лиц с высшим образованием происходил в городской и сельской местностях. Темпы его роста в сельской местности были выше, чем в городах. Количество сельчан с высшим образованием на 1000 жителей возросло в 3 раза, в то время как среди городских жителей этот показатель увеличился в 2,3 раза. Более быстрый рост лиц с высшим образованием среди сельчан объяснялся постоянным ростом их востребованности в связи с усиливающейся интенсификацией сельскохозяйственного производства.

Анализ показателей уровней высшего образования в 1959 и 1979 гг. показывает, что в стране шел процесс сокращения разрыва в уровнях высшего образования в городской и сельской местностях. В 1959 г. удельный вес лиц с высшим образованием, проживающих в городской местности превышал соответствующий показатель на селе почти в 5 раз,

в то время, как в 1979 г. этот разрыв значительно сократился, составив 3,6 раза.

Более высокий рост удельного веса лиц с высшим образованием происходил и во всех возрастных группах сельского населения по сравнению с городским (в возрасте 20—29 лет у горожан этот показатель увеличился в 2,2 раза, сельчан — в 4,1; у возрастной группы 30—39 лет эти показатели соответственно составили 3,3 и 4; в группе 40—49 лет у горожан рост составил 2,8, сельчан — 3,5 и так далее). Исключение составили сельчане старших возрастов. Однако в этих возрастных категориях высокие показатели роста удельного веса лиц с высшим образованием достигались в основном за счет крайне низкого уровня высшего образования населения, зафиксированного переписью 1959 году. Так, в возрасте 55—59 лет в селе на 1000 человек в 1959 г. приходилось 3 человека с высшим образованием, в 1979 г. — 19 (увеличение в 6,3 раза).

В то же время в стране сохранилась значительная разница в уровнях высшего образования между жителями городской и сельской местности. Удельный вес лиц с высшим образованием в городской местности составил 7,1%, а в сельской — 2,5%. Это свидетельствовало о том, что уровень высшего образования в городах был в 3,6 раза выше, чем на селе. Превышение удельного веса лиц с высшим образованием в городской местности явление вполне закономерное. Сельская жизнь требовала значительно меньшего числа лиц с высшим образованием. На селе в основном его имели учителя, врачи, агрономы, инженеры-механики.

Как видно из материалов, представленных в таблице 49, во всех возрастных группах уровень высшего образования у городского населения был выше, чем у жителей сельской местности. При этом просматривается определенная закономерность — чем выше был возраст населения, тем больший разрыв наблюдался в уровне высшего образования между горожанами и сельскими жителями. В возрастной группе 20—29 лет удельный вес горожан, имевших высшее образование, в 1,8 раза превышал этот показатель у жителей сельской местности, в возрастной группе 30—39 лет разница в уровнях образования увеличилась до 2,6, в группе 40—49 лет она составила 4,3; в возрастной группе 50—54 года — 4,7, а в группе 55—59 лет — 5,2, в возрасте 60 лет и старше — 10,4 раза. Это свидетельствовало о том, что образовательная политика, проводимая государством в области высшего образования, способствовала постепенному сближению уровней образования между городскими и сельскими жителями.

В распределении населения с высшим образованием по возрастным группам обращает внимание, что наибольший удельный вес лиц с высшим образованием, в целом по стране, а также как в городе, так и в селе был в возрастной группе 30—39 лет (соответственно 15,4%, 18,1% и 6,9%). Удельный вес населения с высшим образованием в этой и следующей возрастной группе (40—49 лет) был выше, чем у лиц в возрасте 20—29 лет. Подобное положение объясняется двумя моментами: во-первых, в этой возрастной группе (20—29 лет) был высок удельный вес лиц, продолжавших обучение в высших учебных заведениях, и попавших в категорию лиц с незаконченным высшим образованием. Во-вторых, в

стране широкое распространение получили вечерняя и заочная форма высшего образования. К 1970 г. по сравнению с 1959 г. количество студентов, обучавшихся на вечерних отделениях вузов возросло с 15,2% до 27,4%, на заочных отделениях число студентов увеличилось с 31,9% до 40%[26]. Как правило, на вечерних и заочных отделениях вузов обучалась большая категория лиц зрелого возраста. Это приводило к росту лиц с высшим образованием в более старших возрастных группах.

Для определения уровня развития высшего и среднего специального образования среди работающего населения страны обратимся к материалам таблиц 50 и 51.

Таблица 50

Уровень образования населения, занятого физическим трудом по отдельным занятиям в 1979 г. (на 1000 чел.)

	Высшее, незаконченное высшее и среднее специальное	Среднее общее	Неполное среднее
Занятые преимущественно физическим трудом	79	274	371
Занятые на силовых установках (машинисты, электромонтеры)	83	193	359
Горняки	122	258	368
Металлурги и литейщики	119	319	369
Занятые в машиностроении и металлообработке	119	374	351
Химики	153	384	312
Деревообработчики	51	236	402
Полиграфисты	119	415	350
Текстильщики	55	327	407
Пищевики	74	279	379
Строители	58	249	413
Железнодорожники	110	255	375
Водники	148	353	350
Рабочие связи	101	389	367
Рабочие коммунального, хозяйственного и бытового обслуживания	39	133	311

Составлено по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. Т. 9. Ч. 2. С. 188—195.

Уровень высшего и среднего специального образования среди работников занятых физическим трудом в целом был весьма невысок. Он весьма отличался по отраслям производства. Наиболее высокий уровень образования имели химики — 15,3%, водники — 14,8%, горняки — 12,2%. В целом, среди работников физического труда высшее и среднее специальное образование имели 7,9% населения. Ниже этого уровня находились профессиональные группы пищевиков, деревообработчиков, текстильщиков, строителей и других. Наиболее низкий уровень данного вида образования был у сплавщиков леса — 3,4%.

Невысок был и уровень среднего общего образования. Среди населения занятого физическим трудом удельный вес лиц с высшим, средним специальным и средним общим образованием составил 35,5%. Выше среднего уровня образование имели химики — 53,7%, полиграфисты — 53,4%, водники — 50,1%, машиностроители — 49,3%, рабочие связи — 49%, металлурги и литейщики — 43,8%, горняки — 38%, текстильщики — 38,2%, железнодорожники — 36,5%, пищевики — 39,5%. По итогам переписи 1959 г. наиболее высокий уровень высшего и среднего образования был у полиграфистов. В 1979 г. наиболее высокий уровень образования был у химиков. Это было связано с бурным развитием химической промышленности в стране. В остальных отраслях производства этот вид образования имели менее трети работников. Невысокий образовательный уровень работников промышленности был препятствием на пути внедрения достижений научно-технического прогресса в производство. Это естественно требовало дальнейшей работы по повышению образовательного уровня работников промышленности занятых физическим трудом.

Особо низкий образовательный уровень был отмечен в сельском хозяйстве. Но в то же время в этой отрасли хозяйства рост образовательного уровня за двадцатилетие был наиболее высоким (см. табл. 51).

Уровень образования работников сельскохозяйственного производства за двадцатилетие повысился в 2,4 раза. Если в 1959 г. на 1000 чел. населения, занятого сельскохозяйственным производством приходилось 238 чел., имевших высшее, среднее специальное и среднее (включая неполное) образование, то в 1979 г. число лиц, имевших такое образование, увеличилось до 566. Рост уровня образования отмечен во всех профессиональных группах. Особенно вырос уровень образования в группе пастухов и чабанов. В 1959 г. по этому показателю они находились на последнем месте. Хотя они и остались в 1979 г. по этому показателю на последнем месте, но их уровень образования увеличился в 4 раза и приблизился к скотникам и дояркам.

Наименьший рост уровня образования был у механизаторов сельского хозяйства, но и там он увеличился в два раза. Как и в 1959 г. по уровню образования сельские механизаторы занимали второе место по этому показателю. Наивысший уровень образования был у бригадиров сельскохозяйственного производства. В этой профессиональной категории населения более трех четвертей занятых имели высшее и среднее (включая неполное) образование.

Таблица 51

Уровень образования сельскохозяйственных работников (на 1000 чел.)

	Имеют высшее и среднее (включая неполное) образование		Во сколько раз больше в 1979 г. по сравнению с 1959 г.
	1959 г.	1979 г.	
Сельскохозяйственные занятия	238	566	2,4
Бригадиры в сельском хозяйстве	325	767	2,4
Звеньевые	259	579	2,2
Трактористы и другие механизаторы	315	644	2
Скотники, доярки, конюхи	186	445	2,4
Садоводы, овощеводы	237	542	2,3
Пастухи, чабаны	104	422	4

Составлено по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г.: РСФСР. С. 295; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. Т. 9. Ч. 2. С. 192; Народное хозяйство РСФСР в 1979 г. М., 1980. С. 175.

Двадцать лет, прошедшие после переписи 1959 г., были отмечены крупными успехами в повышении уровня образования населения, занятого в сельском хозяйстве. Более половины численности этой группы населения имели высшее, среднее специальное и среднее (включая неполное) образование. Вместе с тем, значительная часть населения этой группы по-прежнему была с низким уровнем образования, что требовало серьезной работы по его повышению.

Лучшее положение с уровнем образования было у руководящих кадров сельскохозяйственного производства. 95% председателей колхозов и 98% директоров совхозов имели законченное высшее и среднее специальное образование. Данный уровень образования отмечен у 96% главных специалистов (гл. агрономы, гл. зоотехники, гл. инженеры), 96% агрономов, 93% зоотехников, 73% ветврачей и ветфельдшеров, 65% инженеров и техников, 92% экономистов, 64% прорабов и бригадиров строительных бригад. Наиболее низкий уровень этого образования был у руководителей среднего звена. Его имели 37% бригадиров производственных бригад в растениеводстве, 39% заведующих и бригадиров животноводческих ферм[27].

В образовательном уровне руководителей сельскохозяйственных предприятий просматривается тенденция более высокого образовательного уровня руководящих работников и специалистов совхозов. В последних высшее и среднее специальное образование имели 80% работников, а в колхозах это образование имел 71% работников данного уровня. Отмечая достаточно высокий образовательный уровень руководящих ра-

ботников сельскохозяйственного производства, нельзя не заметить, что и у данной категории населения имелись перспективы для его повышения.

Значительно более высокий уровень высшего и среднего специального образования перепись зарегистрировала среди населения, занятого умственным трудом. Об этом свидетельствуют материалы таблицы 52.

Таблица 52

Уровень образования населения, занятого умственным трудом по отдельным занятиям в 1979 г. (на 1000 чел.)

	Высшее	Незаконченное высшее и среднее специальное	Среднее общее	Неполное среднее
Занятые преимущественно умственным трудом	315	399	175	90
Руководители органов государственного управления	461	312	156	64
Руководители предприятий	421	388	86	76
Инженерно-технические работники	343	453	131	59
Агрономы, зоотехники	345	523	50	56
Медицинские работники	268	614	79	31
Научные работники, преподаватели, воспитатели	557	332	87	20
Работники литературы и печати	636	178	162	22
Культурно-просветительные работники	245	405	264	75
Работники искусства	238	392	278	80
Юридический персонал	758	140	82	17
Работники планирования и учета	129	373	292	177

Составлено по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. Т. 9. Ч. 2. С. 196—200.

Данные таблицы показывают, что в образовательном уровне работников занятых преимущественно умственным трудом произошли большие изменения. В 1959 г. высшее, среднее специальное, среднее общее (включая неполное) образование на 1000 чел. имели 875, а в 1979 г. это образование было у 979 чел. Несколько ниже был уровень профессионального образования (высшее, незаконченное высшее и среднее специ-

альное). Его имели 71,4% населения данной группы. Анализ уровня образования профессиональных групп показывает, что наиболее высокий уровень имели юридический персонал — 89,8% и научные работники и преподаватели — 88,9%. Более 70% населения, имевшие данное образование, входили в указанные профессиональные группы: медицинские работники — 88,2%, агрономы и зоотехники — 86,8%, работники литературы и культуры — 81,9%, руководители предприятий — 80,9%, инженерно-технические работники — 79,6%, руководители органов управления — 77,3%. Наиболее низкий уровень профессионального образования был у работников планирования и учета. Профессиональное образование имели только половина населения этой профессиональной группы.

Выделяются профессиональные группы, в которых более половины занятого населения имели высшее образование. Это юридический персонал, работники литературы и печати, научные работники, преподаватели, воспитатели. В то же время достаточно высокий удельный вес занимали лица, не имевшие профессионального образования. По этому показателю лидирующее положение занимали работники планирования и учета, где эта категория населения составила 49,8%, работники искусства — 37%, культурно-просветительные работники — 35%. В ряде профессиональных групп лиц, занятых преимущественно умственным трудом достаточно высока была прослойка работников, не имевших среднего общего образования. Особенно велика она была в группе работников планирования и учета — 20,6%. Достаточно большой эта прослойка была в группах работников искусства — 9,2%, культурно-просветительских работников — 8,6%. Даже в группе руководителей предприятий и их структурных подразделений удельный вес этой образовательной группы составил 10,5%.

Подводя итоги можно сделать вывод, что среди лиц занятых умственным трудом высшее образование имели 31,5%, а среднее специальное — 39,9%. Таким образом удельный вес населения, имевшего профессиональную подготовку составило 71,4%. Достигнутый уровень отражал успехи страны в области высшего образования, но сохранял актуальность его дальнейшего развития.

Рост образовательного уровня у работников промышленности и сельскохозяйственного производства привел к существенным изменениям в образовании рабочих, крестьян и служащих (см. табл. 53).

Приведенные в таблице данные свидетельствуют, что уровень образования у рабочих увеличился в 2,1 раза, причем у мужчин это увеличение было несколько большим, чем у женщин: соответственно в 2,2 и 2 раза. Женщины по своему образовательному уровню практически сравнялись с мужчинами, но несколько замедлили темпы роста своего образовательного уровня по сравнению с двадцатилетием 1939—1959 гг. Значительно повысился образовательный уровень городских рабочих. В 1959 г. среднее образование, включая неполное, имел примерно каждый второй рабочий, в 1979 г. только около четверти городских рабочих не имели данного образования. В городах повышение образовательного уровня мужчин и женщин происходило одинаковыми темпами, и разница в образовательных уровнях составила 4,2% в пользу мужчин.

Таблица 53

Уровень образования рабочих, служащих и крестьян

	На 1000 занятых имели высшее и среднее (включая неполное) образование					
	Рабочие		Служащие		Колхозники	
	1959	1979	1959	1979	1959	1979
Городское и сельское население						
Оба пола	349	746	876	979	222	543
Мужчины	353	766	832	978	256	591
Женщины	343	718	925	980	185	482
Городское население						
Оба пола	406	785	890	983	244	—
Мужчины	409	804	863	984	286	—
Женщины	401	762	909	982	192	—
Сельское население						
Оба пола	292	628	863	962	200	535
Мужчины	297	659	802	948	227	578
Женщины	285	589	914	971	178	480

Составлено по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: РСФСР. С. 184; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. Т. 7. С. 61.

Несколько больше повысился образовательный уровень сельскохозяйственных рабочих. Если в городе он вырос в 1,9 раза, то в селе в 2,1 раза. В сельской местности более быстрыми темпами повышался образовательный уровень мужчин. Это привело к сокращению различий в образовательных уровнях городских и сельских рабочих. В 1959 г. удельный вес рабочих со средним образованием в городе в 1,4 раза превосходил соответствующий показатель в сельской местности. В 1979 г. этот разрыв сократился до 1,2 раз.

Сравнивая итоги переписей 1959 и 1979 гг. можно констатировать, что образовательный уровень рабочих значительно вырос. Женщины-рабочие по уровню образования практически догнали мужчин, уровень образования сельских рабочих приблизился к городским.

Более высокими темпами за двадцатилетие увеличился образовательный уровень колхозников. В 1959 г. только пятая часть колхозников получила среднее (включая неполное) образование. В 1979 г. более половины колхозников имели такой уровень образования. У колхозников наблюдался приоритет роста уровня женского образования: образовательный уровень мужчин увеличился в 2,5, а женщин — в 2,7 раза. Это позволило женщинам по своему образовательному уровню приблизиться к мужчинам, хотя разрыв ликвидирован и не был: данный уровень образования имело на 10% мужчин больше, чем женщин.

Таблица 54

Уровень образования занятого населения в 1959 и 1979 гг. (на 1000 чел.)

	1959				1979			
	Высшее и среднее специальное	Среднее общее	Среднее неполное	Начальное и незаконченное семилетнее	Высшее и среднее специальное	Среднее общее	Среднее неполное	Начальное и незаконченное семилетнее
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Городское и сельское население								
Рабочие								
Оба пола	19	52	299	440	85	288	373	217
Мужчины	21	48	303	494	89	291	386	208
Женщины	16	57	293	364	78	283	357	228
Колхозники								
Оба пола	8	16	177	392	64	142	337	377
Мужчины	11	19	199	485	68	173	350	352
Женщины	6	14	159	316	60	101	321	409
Служащие								
Оба пола	481	129	273	103	716	175	88	19
Мужчины	508	105	233	136	789	124	65	20
Женщины	462	146	303	79	674	204	102	18
Городское население								
Рабочие								
Оба пола	23	62	321	429	97	317	371	184
Мужчины	25	57	327	479	103	317	384	177
Женщины	19	68	314	360	89	317	356	194
Служащие								
Оба пола	486	135	269	97	730	173	80	16
Мужчины	537	111	215	121	809	120	55	15
Женщины	449	153	307	79	683	204	95	16
Сельское население								
Рабочие								
Оба пола	12	29	251	465	48	201	379	312
Мужчины	14	29	254	525	49	215	395	298

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Женщины	9	30	246	373	48	182	359	329
Колхозники								
Оба пола	8	16	176	392	63	133	339	384
Мужчины	11	18	198	484	66	160	352	363
Женщины	5	14	159	317	58	100	322	411
Служащие								
Оба пола	468	110	285	120	648	185	339	35
Мужчины	433	91	278	173	682	147	352	49
Женщины	497	125	292	76	631	205	322	27

Составлено по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: РСФСР. С. 183; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. Т. 7. С. 61.

Повысился и образовательный уровень служащих, однако темпы его роста были самыми низкими, вследствие достаточно высокого стартового уровня. В 1979 г. 979 служащих из 1000 имели высшее и среднее (включая неполное) образование. Образовательный уровень городских и сельских служащих почти сравнялся: данное образование имели 98,3% служащих в городе и 96,2% в селе. Среди служащих более высокий уровень образования был у женщин, особенно в сельской местности: это образование имели 97,1% женщин и 94,8% мужчин. В городской местности образовательный уровень мужчин и женщин был практически равен. Однако и в этой категории темпы роста образовательного уровня мужчин несколько превышали соответствующие показатели у женщин.

О росте образовательного уровня основных социальных групп населения за период 1959—1979 гг. свидетельствуют материалы таблицы 54.

Из материалов таблицы следует, что уровень образования всех общественных групп населения значительно возрос. Особенно он впечатляющ в группе рабочих, имевших высшее, среднее специальное и среднее общее образование. В 1959 г. высшее и среднее специальное образование имели 1,9% рабочих, а в 1979 г. — 8,5% (рост в 4,5 раза). Еще больший рост произошел в категории рабочих имевших среднее общее образование. Удельный вес этой категории рабочих вырос в 5,5 раз. Таким образом, в 1979 г. каждый десятый рабочий имел соответствующий уровень образования. Особенно повысился образовательный уровень рабочих в городской местности. 78,5% рабочих имели высшее и среднее (специальное и общее, включая неполное) образование, в то время как в 1959 г. данный уровень образования имели 40,6% рабочих. В сельской местности рост образовательного уровня рабочих был еще более заметен. В 1979 г. данный вид образования был у 62,8% рабочих, в то время как в 1959 г. его имели 29,2% (рост в 2 раза).

Образовательный уровень мужчин-рабочих был выше образовательного уровня женщин. Высшее и среднее образование имели 38% муж-

чин и 36,1% женщин. Следует отметить, что уровень высшего и среднего специального образования в сельской местности был равен.

Еще более впечатляют успехи в росте образовательного уровня колхозников. За двадцатилетие удельный вес лиц с высшим, средним специальным и средним общим образованием увеличился более чем в 8 раз. В 1959 г. данный вид образования имели 2,4% членов колхозов, в 1979 г. — 19,6%, т.е. пятая часть. Удельный вес лиц с данным видом образования быстрее повышался у женщин. За двадцатилетие удельный вес женщин с высшим и средним (специальным и общим) образованием вырос у женщин в 8,3 раза, а у мужчин — в 7,8 раза. Более быстрыми темпами рос удельный вес женщин с высшим и средним специальным образованием. Если в целом он вырос в 7,8 раза, то у женщин он увеличился в 11,6 раза, а у мужчин — в 6 раз.

Повысился образовательный уровень служащих. Удельный вес этой категории населения, имевшей высшее и среднее (специальное и общее) образование увеличился в 1,5 раза и составил 89,1%. Значительно увеличилась прослойка служащих с высшим и средним специальным образованием. В 1959 г. его имели 48,1%, а в 1979 г. — 71,6% (рост в 1,5 раза). Темпы роста уровня образования мужчин и женщин были практически одинаковы с незначительным их преобладанием у мужского населения.

Несколько выше общероссийских были темпы роста образовательного уровня у служащих города. В городах удельный вес этой категории населения с высшим и средним специальным образованием увеличился в 1,5 раза, а в селе в 1,4 раза. Это привело к некоторому увеличению разрыва в уровнях данного вида образования у служащих города и деревни. В 1959 г. удельный вес служащих с высшим и средним специальным образованием в городе превышал этот показатель в сельской местности на 1,8%, а в 1979 г. уже на 8,2%. Этот разрыв был более заметен у мужчин, у которых он составил 12,7%, в то время как у женщин он был в два раза меньше и составил 5,2%.

Суммируя вышеизложенное можно отметить следующее. За двадцатилетие с 1959 по 1979 г. произошло значительное повышение уровня образования всех социальных групп страны. В то же время у рабочих и колхозников (за исключением городских рабочих) среднее образование имели менее половины населения. Поэтому задача овладения ими средним образованием оставалась актуальной и в последующие годы.

Анализ состояния высшего и среднего специального образования в стране свидетельствовал о крупных успехах в его развитии. За двадцать лет удельный вес населения имевшего высшее и среднее специальное образование возрос почти в 3 раза (с 7,2% до 18,6%), причем удельный вес населения с высшим образованием увеличился в 3,7 раза (с 1,9% до 7,1%), а среднего специального в 2,2 раза (с 5,3% до 11,5%). В целом проблема развития высшего и среднего специального образования была решена. Вместе с тем постоянное развитие технического прогресса диктовало необходимость дальнейшего развития высшего и среднего специального образования в стране.

В целом материалы переписи 1979 г. продемонстрировали большие достижения в повышении уровня высшего образования у населения страны. Вместе с тем, общий уровень высшего образования, а его имели

7,1% населения страны, был недостаточен и не соответствовал статусу мощной индустриальной державы.

Уровень образования народов России

Уровень образования народов, населявших такую многонациональную страну, как Россия, был различен. Политика в области образования, проводимая государством, способствовала определенному выравниванию образовательного уровня различных народов. В то же время, различный уровень образования, достигнутый различными народами в начале XX в., национальный менталитет оказывали влияние на уровень образованности различных народов. Обратимся к анализу образовательного уровня отдельных народов.

Таблица 55

Уровень образования населения различных национальностей, проживающих на территории РСФСР в 1979 г. (на 1000 чел. 10 лет и старше приходится на лиц с образованием)

Национальность	Высшее	Незаконченное высшее, среднее специальное и общее	Неполное среднее
Русские	71	323	255
Украинцы	109	379	227
Белорусы	87	358	259
Башкиры	32	256	286
Буряты	95	333	216
Мордва	25	242	242
Осетины	98	361	205
Татары	42	295	283
Тувинцы	31	248	195
Евреи	434	347	104
Армяне	94	398	227
Карачаевцы	60	293	199
Чеченцы	18	214	259
Чуваши	33	268	297
Якуты	61	318	221

Составлено по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. Т. 4. Ч. 2. С. 130—139.

По уровню среднего (включая неполное) образования лидировали евреи — 88,5%. Высокий образовательный уровень превышающий 70% был отмечен у армян — 71,9%, украинцев — 71,5%. Русские по уровню среднего образования среди трех основных славянских народов, живших в РСФСР, занимали последнее место. Среднее, включая неполное, образование у украинцев имели 71,5% населения, белорусов — 69,3%, русских — 64,9%. Наиболее низкий уровень этого вида образования отмечен у карачаевцев — 55,2%, мордвы — 50,9%, чеченцев — 49,1%, тувинцев — 47,4%. У этих народов менее половины или половина населения имела среднее (включая неполное) образование. Необходимо отметить, что ряд народов, имевших в начале XX в. крайне низкий уровень образования, достигли впечатляющих успехов. У бурятов среднее образование имели 68,7%, осетин — 66,4%, якутов — 60%, чувашей — 59,8%.

По уровню высшего образования бесспорными лидерами были евреи. 43,4% представителей этой нации имели диплом о высшем образовании. Высоким уровнем высшего образования отличались украинцы, осетины, армяне, белорусы, буряты. Низкий уровень высшего образования отмечен у башкир, мордвы, татар, чеченцев, чувашей. У этих народов менее 5% населения имели высшее образование.

За двадцатилетие, прошедшее с момента переписи 1959 г. уровень образованности всех народов, проживавших в Российской Федерации, значительно вырос. Об этом свидетельствуют данные таблицы 56.

Таблица 56

Уровень образования населения наиболее многочисленных национальностей в 1959 и 1979 гг. (на 1000 чел. имеют высшее и среднее образование, включая неполное среднее образование)

	1959	1979	Во сколько раз больше в 1959 г. по сравнению с 1979 г.
1	2	3	4
Русские			
Оба пола	82	629	2,2
Мужчины	289	693	2,4
Женщины	277	614	2,2
Украинцы			
Оба пола	284	715	2,5
Мужчины	285	767	2,7
Женщины	284	661	2,3
Белорусы			
Оба пола	378	567	1,5
Мужчины	395	623	1,6

1	2	3	4
Женщины	358	505	1,4
Балкарцы			
Оба пола	165	564	3,4
Мужчины	221	623	2,8
Женщины	117	505	4,3
Башкиры			
Оба пола	200	574	2,9
Мужчины	222	627	2,8
Женщины	182	526	2,9
Буряты			
Оба пола	207	644	3,1
Мужчины	234	687	2,9
Женщины	184	604	3,3
Евреи			
Оба пола	600	885	1,3
Мужчины	695	902	1,3
Женщины	686	871	1,3
Ингуши			
Оба пола	105	644	6,1
Мужчины	180	733	4
Женщины	36	561	15,6
Кабардинцы			
Оба пола	220	783	3,5
Мужчины	249	801	3,2
Женщины	195	764	3,9
Калмыки			
Оба пола	96	710	7,4
Мужчины	122	727	5,9
Женщины	72	692	9,6
Карелы			
Оба пола	180	694	3,8
Мужчины	185	682	3,7
Женщины	177	705	4
Коми			
Оба пола	228	784	3,4

1	2	3	4
Мужчины	231	768	3,3
Женщины	227	795	3,5
Марийцы			
Оба пола	166	719	4,3
Мужчины	213	770	3,6
Женщины	132	671	5
Мордва			
Оба пола	158	680	4,3
Мужчины	190	719	3,8
Женщины	135	649	4,8
Народности Дагестана			
а) аварцы Оба пола	169	628	3,7
Мужчины	245	731	3
Женщины	106	531	5
б) даргинцы Оба пола	146	586	4
Мужчины	205	677	3,3
Женщины	97	497	5,1
в) кумыки Оба пола	163	693	4,2
Мужчины	220	793	3,6
Женщины	114	623	5,5
г) лезгины Оба пола	190	687	3,6
Мужчины	278	784	2,8
Женщины	113	591	5,2
Осетины			
Оба пола	336	819	2,4
Мужчины	333	804	2,4
Женщины	339	837	2,5
Татары			
Оба пола	243	620	2,6
Мужчины	252	666	2,6
Женщины	225	581	2,6
Тувинцы			

1	2	3	4
Оба пола	102	525	5,1
Мужчины	116	523	4,5
Женщины	88	528	6
Чеченцы			
Оба пола	67	592	8,8
Мужчины	123	696	5,6
Женщины	17	501	29,5
Чуваши			
Оба пола	253	775	3
Мужчины	294	806	2,7
Женщины	224	745	3,3
Якуты			
Оба пола	164	774	4,7
Мужчины	190	776	4
Женщины	138	772	5,6

Составлено по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: РСФСР. С. 416—417; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. Т. 4. Ч. 2. С. 18—49.

Наибольший подъем образовательного уровня отмечен у народов, имевших к концу 1950-х гг. более низкий уровень образованности: у калмыков доля лиц имевших среднее (включая неполное) образование выросла в 7,4, у тувинцев — в 5,1, якутов — в 4,7, марийцев — в 4,3 раза. Особенно значительный рост образовательного уровня произошел у народов, населявших Кавказ. У ингушей удельный вес лиц со средним полным и неполным образованием увеличился в 6,1 раз, аварцев в 4,8, кумыков — в 4,2, даргинцев — в 4, балкарцев — в 3,4. Наибольший рост образовательного уровня отмечен у чеченцев, где он составил 8,8 раз. Практически у всех народов повышение образовательного уровня женщин происходило более высокими темпами, чем у мужчин. Особенно впечатляющи успехи в росте образованности у женщин Кавказа. Удельный вес чеченок с данным образованием вырос в 29,5 раза (с 1,7% до 50,1%), этот же показатель у ингушек увеличился в 15,6 раза, у кумыков — в 5,5 раза, лезгинок — в 5,2, аварок — в 4 раза. У ряда народов (осетин, тувинцев, коми) образовательный уровень женщин превысил образовательный уровень мужского населения.

Суммируя вышеприведенные данные можно сделать заключение, что в на образовательном уровне народов, населявших РСФСР, произошли значительные перемены. Однако проблема среднего, прежде всего полного, и высшего образования продолжала оставаться актуальной для целого ряда народов страны.

Обобщая изученный материал можно сделать вывод, что к концу 1970-х гг. образовательный уровень населения страны значительно вырос. В конце 1950-х гг. среди рабочих и крестьян лиц со средним (включая неполное) образованием было соответственно 34,9% и 22,2%, через двадцатилетие их насчитывалось 74,6% и 54,3%. Можно констатировать, что проблема среднего образования в целом была решена. Однако образовательный уровень сельского населения по-прежнему несколько отставал от среднего образовательного уровня населения страны.

Несколько сложнее стоял вопрос о среднем специальном и высшем образовании. Если среди лиц, занятых преимущественно умственным трудом, его имели более 70% населения, то среди работников, занятых преимущественно физическим трудом, таким образованием обладало менее десятой части работников. Дальнейшее развитие научно-технического прогресса требовало расширения этой категории населения.

Глава XII
Население России в 1970-е гг.: численность, размещение, демографические процессы

В 1970 г. население СССР насчитывало 241,7 млн чел., т.е. возросло по сравнению с 1959 г. на 15,8%; а на 17 января 1979 г. — 262,4 млн чел. и увеличилось по сравнению с 1970 г. на 8,6%[1]. Из этих данных следует, что в течение всего двадцатилетия происходил процесс возрастания численности населения, однако, темпы этого роста явно замедлялись.

В РСФСР в 1970 г. перепись зафиксировала 130,1 млн чел., т.е. на 10,6% больше, чем в 1959 г. В 1979 г. население РСФСР выросло по сравнению с 1970 г. на 5% и достигло 137,6 млн чел.[2] Следовательно, мы наблюдаем ту же тенденцию замедления прироста населения. Это говорит о различных темпах протекания демографического перехода у разных народов и в разных регионах СССР и РСФСР.

В 1970-е гг. рост населения проходил за немногим исключением во всех районах РСФСР, даже в тех, где был сильный миграционный отток. Так как в этот период еще наблюдался устойчивый естественный прирост населения, из-за заметного снижения смертности на фоне не повсеместно понижающейся рождаемости.

В 1979 г. СССР занимал площадь в 22,4 млн кв. км, в том числе РСФСР — 17,1 млн кв. км. Плотность населения в СССР составляла 11,8 чел. на 1 кв. км., в РСФСР — 8,1 чел. на 1 кв. км., что заметно превышало плотность населения в 1970 году[3].

Активно развивающийся процесс урбанизации привел к тому, что процент городского населения непрерывно возрастал и в 1970 г. составил 62 от всего населения СССР — 56 (136 млн), а в 1979 г. — 62 (163,6 млн), в РСФСР соответственно — 62 (81,0 млн) и 69 (95,4 млн чел.)[4].

Северо-Западный район в 1970 г. насчитывал 12,2 млн чел. жителей, а в 1979 г. — 13,3 млн, т.е. прирост населения за 1970-е гг. составил 9,2%[5] (выше, чем в среднем по РСФСР). В 1979 г. Северо-Западный район занимал площадь в 1662,8 кв. км и имел более низкую, чем в РСФСР, плотность населения — 8,0 чел. на кв. км[6].

Самым высоким в данном районе показатель плотности населения был в Ленинграде и Ленинградской области — 71,1 чел. на 1 кв. км. Ниже этот показатель был в Псковской и Новгородской областях: 13,1 и 15,4 чел. на 1 кв. км, а самый низкий показатель был зафиксирован, как впрочем и в 1959 г., в Ненецком автономном округе — 0,3 чел. на 1 кв. км. Довольно низким, хотя и значительно выше, чем по Ненецкому АО, был показатель плотности населения в обширных по занимаемой территории Коми и Карельской АССР, а также в Архангельской области — 2,7,4,3 и 2,5 чел. на кв. км. Эти показатели несколько возросли по сравнению с концом 1950-х гг. Если в большинстве областей и автономий плотность населения повышалась, то в некоторых областях ее показатели падали.

Примером может служить Псковская область, в которой происходило сокращение численности населения за счет миграций. В целом же плотность населения в большинстве областей Северо-Западного района по сравнению с другими районами РСФСР была невелика, за исключением, как и в конце 1950-х гг., Ленинграда[7].

Наиболее крупной по числу жителей в районе была и в 1970 и 1979 гг. Ленинградская область с городом Ленинградом: соответственно 5,4 млн и 6,1 млн чел., в том числе Ленинград насчитывал — 4,0 и 4,6 млн. Таким образом, Ленинградская область концентрировала 45% населения района. Кроме того, значительная часть населения приходилась на Архангельскую и Вологодскую области. В 1970 г. в них проживало 1,4 и 1,3 млн чел., в 1979 г. — 1,5 и 1,3 млн.

Население района росло довольно быстрыми темпами не только в старых торгово-промышленных центрах и в центрах развивающейся индустрии, но и автономиях. Так, в Мурманской области число жителей увеличилось на 20,8%, приблизившись к миллиону человек, а в Коми АССР — на 15,9%[8]. Рост населения происходил, прежде всего, за счет городов. Число городских жителей в них превосходило в процентном отношении ко всему населению района и общереспубликанский и общесоюзный показатели. В 1970 г. в городах проживало 73% всех жителей Северо-Западного района, а в 1979 г. — 79%. За 10 лет городское население увеличилось во всех без исключения областях района. Кроме вышеназванных, резким возрастанием показателей численности городского населения отличались Новгородская и Псковская области — на 21,0 и на 26,0%. Однако эти области выделялись столь же резким снижением численности сельского населения — на 24% в каждой из них. Это обстоятельство не могло не сказаться на общем приросте населения, в результате чего в Новгородской области за те же 10 лет его численность осталась примерно на том же уровне (0,7 млн в 1979 г.), а в Псковской области даже уменьшилась на 2,9% (0,9 млн)[9].

При повсеместном росте городского населения наиболее высокий процент горожан от всех жителей области приходился традиционно и в 1970 и в 1979 гг. на Ленинградскую и Мурманскую области, составляя соответственно по Ленинградской — 89,0 и 90%, а по Мурманской — 89,0 и 89,6%. Несколько ниже этот показатель был в Архангельской области — 66,0 и 72,0%. Наименьшей доля городского населения относительно всех других областей была в Псковской и Вологодской областях. В 1970 г. в Псковской области удельный вес горожан был ниже, чем сельских жителей и составлял 48,0%. Преобладание сельских жителей над городскими наблюдалось и в Вологодской области — 52,0 против 48,0%. Однако в 1979 г. положение изменилось и в этих двух областях городское население составило большинство — соответственно по областям — 55,0 и 59,0%[10].

Переписи зафиксировали также довольно высокий процент городского населения и в автономиях — Коми АССР — 62,0% в 1970 г. и 71,0% в 1979 г., Карельской соответственно — 69,0 и 78,0%. Из приведенных данных видно, насколько интенсивным в районе был процесс урбанизации. В 1970-е гг. он охватывал все области и автономии района:

повсеместно городское население к 1979 г, превалировало над сельским[11].

Население в Северо-Западном районе концентрировалось в крупных городах. В 1970 г. в городах с населением 500 тыс. и более проживало около 40% всего городского населения. В городах с населением от 100 до 499,9 тыс. — 19%; от 50 до 99,9 тыс. — 7,6 %; от 20 до 49,9 тыс. — 13%. Как видно по численности жителей лидировали крупные города, а в малых городах проживало всего 5% городского населения района[12].

К 1979 г. ситуация приобрела определенную специфику: городское население растет не за счет мегаполисов, а за счет крупных городов от 100 до 499,9 тыс. В них было сосредоточено около 25% горожан. Удельный вес населения в малых городах имел тенденцию к убыли[13].

В Центральном районе в 1970 г. проживало 27,7 млн чел., а в 1979 г. — 29,0 млн. Таким образом прирост населения составил 4,7%[14]. Этот показатель был ниже республиканского, так как Центральный район не имел национальных автономий и отличался высоким уровнем урбанизации, а следовательно демографический переход к современному типу воспроизводства населения, проявлялся здесь очень ярко и раньше, чем в ряде других регионов вступил в свою завершающую стадию. Кроме того, из Центрального района, прежде всего из Нечерноземья, шел в этот период отток населения в районы «нового освоения».

В 1979 г. Центральный район занимал площадь в 485,1 кв. км с очень высокой, по сравнению с общесоюзной и общереспубликанской, плотностью населения — 57,7 чел. на кв. км. (напомним, что в 1959 г. она была равна 53,8 чел. на кв. км). Следует заметить, что этот район традиционно отличался высокой плотностью населения.

Наиболее высокими показатели в этом отношении были в Тульской (74,2 чел. на кв. мк), Ивановской (55,3 чел. на кв. км), Владимирской (54,5 чел. на кв. км) областях. Высокими были показатели плотности населения и в Брянской области — 43,2 чел. на кв. км, и в Ярославской — 39,1 чел. на кв. км, и в Московской — 36,1 чел. на кв. км. Менее плотно, чем другие области района были заселены плотность Костромская и Калининская области: соответственно — 13,4 чел. на кв. км и 19,6 чел. на кв. км. Однако нельзя не заметить, что показатели плотности населения в некоторых из перечисленных областей района в 1959 г. были выше (например, в Костромской), а в других областях остались на том же уровне, что и в 1959 г. (например, в Ивановской и Тульской областях). Зато в ряде областей плотность населения значительно возросла. В итоге по району в целом фиксируется тенденция роста плотности населения[15].

Наибольшая масса населения Центрального района концентрировалась в Москве.

В 1970 г. в столице проживало 7,1 млн чел., в Московской области 5,8 млн, а в 1979 г. соответственно — 8,0 млн чел. и 6,4 млн, то есть вместе столица и область насчитывали 14,4 млн чел. Иначе говоря, здесь было сосредоточено 50% населения района. Однако и другие области района отличались многочисленным населением. Так, в Тульской области было в 1970 г. 2,0 млн, в Калининской — 1,7 млн, в Брянской — 1,6 млн, во Владимирской 1,5 млн и т.д. (в 1979 г. соответственно —

1,9, 1,7 1,6 млн). Несколько меньше были населены Орловская и Калужская области. Но и там численность населения приближалась к миллиону: в Калужской — в 1970 г.насчитывалось 994,9 тыс. чел., а в 1979 г. — 1007,0 тыс. чел, а в Орловской соответственно — 931,0 тыс. чел. и 892,5 тыс. В наименее населенной Костромской области в 1970 г. было зафиксировано 870,6 тыс. чел., а в 1979 г. — 803,9 тыс. чел.[16]

Уже по этим данным видна тенденция роста численности населения в крупных промышленных центрах и сокращение численности населения в прилегающих областях. Рост численности населения происходил за счет миграции сельских жителей в города, активизировавшейся в 1970-е гг. Мигранты прибывали не только из своего района, но и из других районов республики. Рост миграций осуществлялся на фоне снижающейся рождаемости, в том числе и в сельской местности, где отмечалась резкая убыль населения. Так, за 10 лет между переписями сельское население в Брянской области сократилось на 25,7%, что привело к сокращению общей численности жителей в этой области на 4,8%, в Калининской области соответственно на 25,9 и 4,0%, в Костромской — на 28,3 и на 7,6%, в Орловской — на 29,7 и на 4,1%, в Рязанской — 24,0 и на 3,5%[17].

Ряд областей сохранил прежний уровень численности населения, практически не дав прироста — Калужская, Ивановская, Ярославская. При этом рост городского населения отмечался во всех без исключения областях района.

Более всего выросло городское население в Смоленской, Калужской, Брянской, Владимирской, областях (на 27,0, 21,0, 18,0 и 15,9%), а также в Московской области — на 20,0%, в Москве — на 13,1%. Однако рост городского населения в этих старых промышленных центрах не мог компенсировать убыли сельского населения и обеспечить ощутимый прирост населения в этих областях. Общий прирост населения фиксируется больший, чем по району в целом, лишь в Московской и Владимирской областях: соответственно на 10,4 и 4,6%. Но и в этих областях происходило сокращение сельского населения — в Московской на 10,5%, а во Владимирской — очень значительно — на 19,2%. Самое резкое сокращение сельского населения отмечалось, как мы уже видели выше, в Орловской и Костромской областях — 29,7 и на 28,3%[18].

Уровень урбанизации в Центральном районе всегда был высоким, а за 1970-е гг. возрос еще более. Городское население составило в 1970 г. уже 71,0% всего населения района, а в 1979 г. — увеличилось до 78,0%.

В 1979 г. самый высокий удельный вес имело городское население в Ивановской области — 80,0% от всего населения области. Немногим меньше он был в Тульской и Ярославской областях — по 78,0% в каждой, а также в Московской и Владимирской — по 75,0% в каждой. Самым меньшим этот показатель был в Брянской области, но и там он достигал почти 60,0%[19].

Если сопоставить эти данные с данными, зафиксированными в 1970 г., то станет совершенно явным быстрый рост городского населения[20]. Действительно, удельный вес его в Ивановской области увеличился на 6,0%, в Тульской и Ярославской — на 7,0 и на 8,0%. В некоторых

областях района в 1970 г. горожане уступали по своей численности и удельному весу жителям села. Например, в Брянской области, Рязанской и Смоленской удельный вес городского населения составлял в 1970 г. от всего населения соответствующей области 47—48%. В 1979 г. во всех этих областях доля городского населения была выше, чем сельского.

В Центральном районе в 1970 г. преобладающая часть городского населения проживала в сверхкрупных и крупных городах. Так, на города с населением свыше 500 тыс. приходилось 38% горожан, от 100 до 499,9 тыс чел. — 24%, то есть заметно больше, чем в Северо-Западном районе. В средних городах с населением от 50 до 99,9 тыс. чел. и от 20 до 49,9 тыс. чел. соответственно проживало 10 и 13%, т.е. значительно меньше, чем в крупных городах. В малых же городах удельный вес горожан от всего городского населения был так же, как и в Северо-Западом районе, невелик. В городах с населением менее 5 тыс. чел. насчитывалось лишь 3% от всего городского населения[21].

Таким образом, хотя в Центральном районе происходила концентрация городского населения в сверхкрупных и крупных городах, но расселение там было более равномерным, чем в Северо-Западном районе, за счет большего количества крупных городов, которые наряду с мегаполисом сосредоточивали значительную массу населения.

К 1979 г. соотношение удельного веса население в городах разного типа почти не изменилось. В городах с населением более — 500 тыс. чел. концентрировалось 39% горожан, в городах от 100 до 499,9 тыс. — 26%; в средних городах с населением от 50 до 99,9 тыс. чел. — 10%, от 20 до 49,9 тыс. чел — 11%, а в малых городах — по-прежнему 3%[22].

Волго-Вятский район, как и в начале 1960-х гг. заметно уступал по показателям численности и плотности населения Центральному и Северо-Западному районам. На протяжении 1970-х гг. общая численность населения претерпела очень незначительные изменения. В 1970 г. ее показатель был равен 8,4 млн чел., а в 1979 г. — 8,3 млн[23].

В 1979 г. Волго-Вятский район занимал площадь в 263,3 тыс. кв. км с плотностью населения 31,7 чел. на кв. км., т.е. плотность населения была значительно выше среднереспубликанской[24]. Однако с конца 1950-х гг. ее показатель почти не изменился. Наибольшей плотностью населения отличалась Чувашская АССР, причем, в отличие от среднего по республике, ее показатели заметно увеличились: в 1959 г. — 60 чел на кв. км, а в 1979 г. — 70,6.

Высокой была плотность населения в Горьковской области (49,4 чел. на кв. км), но по отношению к 1959 г. она практически не изменилась. Кировская область продолжала сохранять самую низкую плотность населения: в 1959 г. — 15,6 чел. на кв. км, а в 1979 г. — 13,8, обнаружив даже тенденцию к еще большему понижению.

На уровне конца 1950-х гг. сохранилась плотность населения в Мордовской АССР — 37,8 чел. на кв. км против 38,3 чел. на кв. км в 1959 г. В Марийской АССР плотность заселения повысилась с 27,9 чел. на кв. км в 1959 г. до 30,3 чел.

Таким образом, за исключением Чувашской АССР, показатели плотности населения в Волго-Вятском районе не претерпели за двадцатиле-

тие с конца 1950-х гг. каких-либо существенных изменений[25]. Район в целом не был центром притяжения, равно как и оттока населения. Демографический переход охватывал здесь в значительной степени и национальные автономии. Естественный прирост населения продолжал быть положительным, демографические характеристики населения района стабильными.

Население самой крупной по численности области района — Горьковской — осталось по сравнению с 1970 г. и в 1979 г. на прежнем уровне и насчитывало 3,7 млн чел. Численность населения Кировской области сократилось на 3,8%, составив 1,7 млн чел. Численность населения входящих в район автономий — Марийской и Чувашской АССР — увеличилась соответственно на 2,6 и 5,6% и насчитывала 0,7 млн и 1,3 млн чел. Напротив население Мордовской АССР сократилось на 3,8%: в 1970 г. число жителей здесь превышало 1 млн, а в 1979 г. составило 990,6 тыс.[26]

Сокращение численности населения происходило, как и в ранее рассматриваемых районах, за счет сельского населения. В целом по району число сельских жителей уменьшилось на 0,8 млн. Значительнее всего убыль сельского населения отмечалась в Горьковской (на 23,1%) и в Кировской (на 24,1%) областях. Сельское население в автономиях также уменьшалось, хотя и не столь высокими темпами. Так, в Чувашской АССР оно сократилось на 11,3%[27]. При этом городское население повсеместно увеличивалось. Хотя в Волго-Вятском районе процент городского населения был ниже, чем в Северо-Западном и в Центральном районах, однако, оно увеличивалось очень быстро. Если в 1959 г. удельный вес горожан был значительно ниже 50,0% от всего населения района (иначе говоря, сельское население преобладало), то в 1970 г. он уже составлял 53,0%, а в 1979 г. поднялся до 62,0%. Теперь уже две трети населения района проживало в городах. Самый высокий удельный вес горожан был в Горьковской области — в 1970 г. — 65,0%, а в 1979 г. — 73,0% и в Кировской — соответственно: 55,0 и 64,0%.

Что касается автономных республик, входящих в состав района, то в них урбанизационные процессы развивались медленнее. Только в Марийской АССР к 1979 г. городские жители по численности и удельному весу превзошли сельское население (53% против 41% в 1970 г.). В Чувашской и Мордовской АССР продолжало преобладать сельское население. Однако и там доля городского населения росла довольно быстро: в 1970 г. она в первой автономии составила 36, а в 1979 г. — уже 46%, а во второй — соответственно 36 и 47%[28].

Распределение населения по городам разного типа здесь было иным, чем в рассматриваемых выше районах. Так, в 1970 г. в мегаполисах с населением свыше 500 тыс. чел. проживало чуть более четверти городского населения — 27,0%. Почти столько же было зафиксировано жителей в городах с населением от 100 до 499,9 тыс. чел. — 26,0%. Всего 5,5% горожан проживало в городах с населением от 50 до 99,9 тыс. чел. Зато в средних и мелких городах число горожан было значительным. Так, жители городов с населением от 20 до 4.9,9 тыс. чел. составляли по удельному весу 18% от всех горожан, а в мелких городах с населением

до 5 тыс. чел. — 6%. Расселение горожан по разному типу городов, как мы видим, довольно ровное, нет преобладания мегаполисов и вообще крупных городов. В 1979 г. ситуация несколько изменилась. В сверхкрупных городах по-прежнему проживало 26% горожан. Зато обозначилась тенденция к росту городов от 100 до 499,9 тыс. жителей — 27%, Эта тенденция еще ярче проявилась в городах с населением от 50 до 99,9 тыс. жителей — 10,5%. Напротив, удельный вес жителей, проживавших в городах с населением от 20 до 49,9 тыс., упал до 13%[29]. Происходит совершенно очевидный процесс укрупнения городов, доля жителей средних городов убывает.

При этом малые города еще более или менее значительно представлены в структуре городских поселений, в них, как и в 1970-е гг., проживало около 6% городских жителей района.

Центрально-Черноземный район* отличался от всех прочих районов РСФСР убылью населения. За период с 1970 по 1979 г. число жителей здесь сократилась примерно на 2,5%[30]. Причиной был, прежде всего, отток населения в промышленные районы на фоне невысокой рождаемости (особенно по сравнению с национальными автономиями). ЦЧР продолжал сохранять преимущественно сельскохозяйственную специализацию. Даже в 1970 г. сельское население составляло 40% всего населения района. Лишь к концу 1970-х гг. урбанизационные процессы приводят и в этом районе к тому, что городское население превысило сельское, достигнув 52%.

Численность населения сократилась в большинстве областей: в Воронежской — с 2526,9 тыс. в 1970 г. до 2478,5 тыс. в 1979 г ; в Курской — с 1473,9 тыс. до 1398,9 тыс.; в Тамбовской — с 1511,9 тыс. до 1390,1 тыс. Рост населения отмечался только в Белгородской области — 1261,1 тыс. в 1970 г. против 1304,7 тыс. в 1979 году.

Одновременно городское население во всех областях за тот же период выросло, причем выросло значительно: на 54,7% в Белгородской, на 37,2 в Курской, на 27,3 в Липецкой и даже в Тамбовской, где был самый низкий естественный прирост населения — на 15,2%.

Однако сокращение сельского населения, происходившее во всех областях ЦЧР, было еще более значительным, чем рост городского, что и привело к уменьшению населения в целом. В среднем по ЦЧР сельское население убыло более, чем на 20,0%, а в абсолютных цифрах на 1 млн чел. При этом миграция сельских жителей направлялась не только в города собственного района, но и в города других районов республики, как удаленных, так и близлежащих. Мигранты достигали иной раз даже Дальнего Востока. Естественный прирост населения в ЦЧР и в городах, и в селах устойчиво снижался за счет низкой рождаемости и старения населения.

Более всего сократилось сельское население Курской области (на 25,9%), но и в других областях ситуация в данном отношении была

* Орловская область в рассматриваемый период входила в Центральный район.

близкой. Так, в Белгородской области население убыло на 24,4%, в Тамбовской — на 23,0%, в Липецкой — на 21,7%. Лишь в Воронежской области убыль сельского населения была меньшей — на 17,2%, хотя и эта цифра высока[31].

В результате в 1979 г. во многих областях доля горожан превысила долю сельских жителей. В Липецкой области городское население превышало сельское на 6%, в Белгородской — на 3%, в Воронежской — на 4%. В Курской же и Тамбовской областях удельный вес городского населения приблизился к 50%, составив 48—49% от всего населения. В 1970 г. ни в одной из областей района городское население не превалировало над сельским. Удельный вес горожан колебался от 33% в Курской области до 46% в Воронежской[32].

В 1979 г. ЦЧР занимал площадь в 167,7 кв. км с очень высокой плотностью населения — 46,5 чел. на кв. км, однако, по сравнению с 1959 г. она осталась практически на том же уровне. Показатели плотности населения в областях района колеблются от 50,8 чел. на кв. км в Липецкой области (где по сравнению с 1959 г. плотность населения повысилась), до 40,5 чел. на кв. км в Тамбовской области, где в 1959 г. плотность была несколько выше и составляла 45,2 чел. на кв. км. Возрос показатель плотности населения в Воронежской области с 45,2 до 47,3 чел. на кв. км, а в Курской — несколько понизился с 49,8 чел. на кв. км в 1959 г. 46,9 чел. на кв. км в 1979 году[33].

Крупные города в 1970 г. сосредоточивали и в этом районе довольно значительный процент городских жителей. Так, в городах с населением 500 тыс. и более проживало 20% горожан; в городах с населением от 100 до 499,9 тыс. — 33%. Таким образом, первое отличие от рассматриваемых выше районов состоит в том, что в ЦЧР нет столь крупных мегаполисов, как в Северо-Западном и Центральном районах. В городах с населением от 50 до 99,9 тыс. чел. было зафиксировано всего 8% горожан; с населением от 20 до 49,9 тыс. — 16%; от 10 до 19,9 тыс. — 10%. В малых же городах городское население представлено незначительно и составляло всего 2% от всех горожан района. Развитие крупных и средних городов — второе отличие данного района от вышеназванных[34].

В 1979 г. процент горожан, проживающих в городах с населением свыше 500 тыс. по сравнению с 1970 г. не изменился. В городах с населением от 100 до 499,9 тыс. доля горожан выросла на 4%; в городах с населением от 50 до 99,9 тыс. увеличилась лишь на 1%; в городах с населением от 20 до 49,9 тыс., напротив, сократилась на 1%, а в малых городах — возросла на 0,6%[35]. Иными словами, за десятилетие наблюдается рост населения прежде всего крупных городов, а изменения в распределении населения между средними и мелкими городами незначительны. Однако мелкие города устойчиво сохранялись, массового отлива населения из них не было.

Поволжский район в рассматриваемый период включал в свой состав Астраханскую, Волгоградскую, Куйбышевскую, Пензенскую, Саратовскую, Ульяновскую области, Башкирскую, Калмыцкую и Татарскую АССР. Население этого района составляло в 1970 г. 1,8 млн чел., а в 1979 г. — 1,9 млн чел., то есть население района увеличилось за это де-

сятилетие на 5,6%[36]. Такой показатель соответствовал общереспубликанскому.

Поволжский район в 1979 г. занимал площадь в 680 тыс. кв. км с плотностью населения 28,5 чел. на кв. км. Показатель плотности населения был, таким образом, ниже, чем в Промышленном районе и Черноземном центре и близок к Волго-Вятскому. По сравнению с 1959 г. плотность населения в Поволжском районе осталась на том же уровне (тогда было 27 чел. на кв. км). Наибольшая плотность населения, как и в 1959 г., отмечалась в Куйбышевской области — 57,7 чел. на кв. км. и Татарской АССР — 50,5 чел. на кв км. Довольно высокой плотность населения была также в Ульяновской, Пензенской, Саратовской областях и в Башкирской АССР, составив соответственно: 34,0; 34,8; 25,5; 26,8 чел. на кв. км.

Самый низкий показатель плотности населения наблюдался в Калмыцкой АССР — 3,9 чел. на кв. км. В принципе многие области увеличили плотность населения по сравнению с 1959 г.: Куйбышевская — на 16,6 чел. на кв. км, Астраханская — почти на 5, Саратовская — на 3,9[37].

Больше всего выросло население одной из самых крупных по численности жителей областей района — Куйбышевской — на 12,4%, достигнув 3,1 млн чел. против 2,8 млн в 1970 году.

Рост населения был значительным и в Татарской АССР — на 9,7% (с 3,1 млн чел. до 3,4 млн). Быстрый прирост населения имел место и в самой малонаселенной Калмыцкой АССР: с 268,0 тыс. чел. до 293,5 тыс. или на 9,5%. Увеличилось число жителей и в других областях района: Волгоградской — на 6,6%, Саратовской и Ульяновской на 4% в каждой. Сократилось население лишь Пензенской области с 1536,0 тыс. чел. до 1503,2 тыс. или на 2,1%. Эти изменения в численности населения были связаны в основном с промышленным строительством. Рост городского населения отмечался повсеместно. Очень интенсивно число горожан росло в Татарской АССР — на 34,6%, в Куйбышевской области — на 22,7%, в Ульяновской на 25,6%, в Калмыцкой АССР — на 29,8%, в Пензенской — на 21,5%.

В итоге городское население района превышало 12 млн, из которых проживало в городах Куйбышевской области 2,4 млн чел., в Башкирской АССР — 2,2 млн, Татарской АССР — 2,2 млн, Саратовской — 1,8 млн, Волгоградской — 1,8 млн человек.

Сельское население, как и в ранее рассмотренных районах, сокращалось во всех областях, причем существенно: в Куйбышевской на 13,5, в Астраханской — на 12,7, в Саратовской — на 13,6%. Особенно интенсивно происходила убыль сельского населения в Ульяновской (на 20,3%) и в Пензенской (20,9%) областях. Столь резкое сокращение населения в этих двух областях не могло не повлиять на показатель общего прироста населения по обеим областям. В итоге в первой из них прирост населения составил менее 4%, а во второй он даже сократился.

Уменьшилось сельское население и в автономиях, причем быстрыми темпами: в Татарской АССР — на 16,7%, а в Башкирской — на 16,0%. Исключением являлась Калмыцкая АССР, в которой на фоне бы-

строго роста городского населения сельское практически осталось на том же уровне[38].

Удельный вес городского населения в Поволжском районе вырос с 57% от всего населения района в 1970 г. до 66% в 1979. Самая высокая доля горожан наблюдалась в Куйбышевской области: там уже в 1970 г. она составляла 72% от всего населения области, а в 1979 г. ее показатель поднялся до 78%. Куйбышевская область была, как мы видим, одной из самых урбанизированных областей РСФСР.

Высоким (более $^2/_3$ населения) был удельный вес горожан в Астраханской области: в 1970 г. — 61%, в 1979 г. — 67%, в Волгоградской области соответственно 66 и 71%, в Саратовской — 65 и 71%. В 1979 г. резко поднялся удельный вес городских жителей в Татарской АССР и Ульяновской области. В автономии доля городского населения в 1970 г. едва превышала половину всех жителей, а в 1979 г. ее показатель достиг 63%. Близким был показатель удельного веса горожан и в Ульяновской области. Быстрыми темпами росло городское население в Башкирской АССР и Пензенской области. Если в 1970 г. там преобладало сельское население, а городское составляло соответственно 48 и 44%, то в 1979 г. доля городского населения превосходила долю сельского, достигнув 57% в Башкирии и 55% в Пензенской области. В Калмыцкой АССР в 1970-е гг. продолжало преобладать сельское население, хотя нельзя не отметить, что и городское население быстро увеличивалось — с 34,0% в 1970 г. до 41,0% в 1979 году[39].

Распределение по типам городских поселений в Поволжском районе отличалось высоким удельным весом городского населения в сверхкрупных городах с 500 тыс. и более жителей: в 1970 г. он составлял 40,6%, а в 1979 г. — 43,0%. В крупных городах жителей несколько меньше — соответственно 22,3 и 26,3%. В средних городах (например, с числом жителей от 20 до 49,9 тыс.), население увеличивалось относительно медленно, оно даже сократилось в некоторых городах. Доля жителей в них составляла от всего городского населения в 1970 г. 11,7, а в 1979 г. — 9,1%. В малых городах проживала небольшая часть городского населения: например, в городах с населением до 5 тыс. — 2,7% в 1970 г., а в 1979 г. — 2, 6%[40]. Таким образом, мы наблюдаем за десятилетие рост крупных городов и стабильно высокую концентрацию населения в сверхкрупных и крупных городах.

Северо-Кавказский район отличался за рассматриваемое десятилетие более быстрым ростом населения, чем вышеназванные районы Европейской России. Если в 1970 г. в нем проживало 14,3 млн чел., то в 1979 г. — уже 15,5 млн, то есть население увеличилось более, чем на один миллион человек или на 8,4% (выше общереспубликанского показателя)[41]. Большую роль играл приток населения в города этого района жителей и из других районов республики, и из страны в целом. При этом ситуация с сокращением аграрного населения в Северо-Кавказском районе была не столь однозначной, как во многих районах Европейской России.

Район занимал площадь в 355,1 тыс. кв. км. Плотность населения была очень высокой — 43,6 чел. на кв. км. Она сильно возросла по сравнению с концом 1950-х гг., главным образом потому, что в то время в

район входила Калмыцкая АССР с очень низким показателем плотности населения*. Однако и рост населения влиял на этот показатель в сторону увеличения. В Краснодарском крае плотность населения на кв. км за период с 1959 по 1979 г. увеличилась с 45,0 до 57,6 чел. на кв. км; в Ростовской области он возрос с 32,9 до 40,5 чел. на кв. км. В Дагестанской АССР был самый низкий показатель плотности в 1979 г. — 32,4 чел. на кв. км. Но и он заметно вырос по сравнению с 1959 г. В Северо-Осетинской АССР этот показатель к 1979 г. достигал 74,6%[42].

Более всего повысилась численность населения автономий: Дагестанской АССР на 14,0% (с 1,4 до 1,6 млн), в том числе и городского населения — на 26,7, и сельского — на 7,0%; Кабардино-Балкарской АССР на 14,7% (с 0,6 до 0,7 млн), прежде всего горожан на фоне сокращения сельского населения; Северо-Осетинской АССР — на 8,0%, также за счет городского населения, которое достигло 0,4 млн при стабильности сельского населения; Чечено-Ингушской АССР — на 8,4% (с 1,1 до 1,2 млн), в том числе городского населения — на 10,5%, а сельского — на 6,8%[43].

Выше среднерайонных показателей отмечен рост населения в Ставропольском крае — на 10,1%, в том числе городского на 29,2% или на 286 тыс. человек.

Краснодарский край и Ростовская область имели прирост населения выше среднего по району, но незначительно — 6,8 и 6 ,5%. Близкие показатели имели и Адыгейская и Карачаево-Черкесская автономные области, увеличившие свое население соответственно — на 4,9 и на 6,9%. И в Краснодарском крае и во всех автономных областях происходил рост городского населения при сокращении сельского. Так, городское население в Ростовской области выросло на 15,9%, а в Карачаево-Черкесской АО — на 42,5%, сельское же убыло на 9,6 и на 10,4%[44].

В целом в районе преобладала тенденция роста городского и сокращения сельского населения. При этом мы наблюдаем в изменении численности населения при всех имевших место различиях одинаковые тенденции и в региональном, и в национальном разрезе.

Городское население в районе выросло с 7,1 млн в 1970 г. до 8,5 млн. в 1979 г. В то же время сельское население уменьшилось с 7,2 до 7,0 млн чел. В результате городское население достигло в районе в 1970 г. 50% от всех жителей, а в 1979 г. — уже 55%. Однако в 1970 г. лишь в Ростовской области и Северо-Осетинской АССР городское население превышало сельское и составляло свыше 60% от всего населения данной области или автономной республики. В остальных же преобладало сельское население, составляя 67 и 65% в Карачаево-Черкесской АО и Дагестанской АССР; 52—53% в Кабардино-Балкарской АССР и Краснодарском крае. В 1979 году уже во многих автономиях и областях городское население составило свыше половины — в Краснодарском крае, в Ставропольском крае, в Кабардино-Балкарской АССР, и выше $^2/_3$ населения в Ростовской области и Северо-Осетинской АССР. Самым меньшим был

* Данные по Калмыцкой АССР см. в параграфе о Поволжском районе.

удельный вес горожан в Дагестанской АССР — всего 39%, Карачаево-Черкесской АО и Чечено-Ингушской АССР — по 43% в каждой[45]. Но и тенденция к росту городского населения прослеживалось со всей очевидностью.

Рост городов и концентрация в них населения отличались в районе некоторой спецификой. Крупные города с населением от 100 до 499,9 тыс. чел. в 1970 г. концентрировали 40,9% городского населения, а в 1979 г. — 36,2%. Тенденция к росту численности их населения была здесь выражена слабее, чем в других рассматриваемых районах. В малых же городах (до 5 тыс. населения) проживала небольшая по удельному весу часть городского населения — в 1970 г. — 1,5% и доля его продолжала убывать — в 1979 г. она снизилась до 1,0%. Особенностью же являлся невысокий процент (11) городского населения в сверхкрупных городах с числом жителей более 500 тыс. чел.[46]

Правда, он проявлял тенденцию к росту и в 1979 г. составлял 17,8%. Более значительным, чем в других районах РСФСР, был удельный вес городских жителей в городах с населением от 50 до 99,9 тыс., а также с населением от 20 до 49,9 тыс. жителей. На каждый из этих двух типов поселений приходилось почти по 16—18% всех горожан района[47]. При этом следует заметить, что численность жителей в поселениях такого типа увеличивалась.

Уральский район — старый промышленный центр, в котором фиксировался в 1970-е гг. отлив населения во вновь осваиваемые районы. Прирост населения — величина положительная, хотя и небольшая. Отлив был менее интенсивен, чем из Центрально-Земледельческого района. Наблюдалась и низкая смертность населения, обеспечивавшая положиельное сальдо естественного прироста населения. В целом число жителей района выросло с 15,2 млн в 1970 г. до 15,6 млн в 1979 г. Прослеживается тенденция к росту городского населения, хотя по сравнению с другими районами небольшому — на 11,0% на фоне значительного сокращения сельского (на 16,1%)[48].

Уральский район, несмотря на высокую степень урбанизации, имел по сравнению с ранее рассмотренными районами не особенно высокие показатели плотности населения, хотя выше среднего по РСФСР. Площадь района составляла 680,4 тыс. кв. км с плотностью в 1979 г. — 22,9 чел. на кв. км, тогда как в 1959 г. она была равна всего 8,2 чел. на кв. км[49]. Такой рост показателя плотности населения объясняется прежде всего изменениями административно-территориальных границ района, поскольку в рассматриваемый период в него уже не входили Башкирская АССР, а также Тюменская область* — обширные и слабонаселенные территории. Плотность населения территории Уральского района неравномерна: самая высокая она в Челябинской области — 39,1 чел на кв.км и в Удмуртской АССР — 35,5 чел. на кв. км Довольно высокие показатели плотности населения имела Свердловская об-

* Данные по Башкирской АССР см. в Поволжском районе, данные по Тюменской области — в Западно-Сибирском районе.

ласть — 22,9 чел. на кв. км. В других областях эти показатели заметно ниже: в Курганской — 15,2, в Оренбургской — 16,8 чел. на кв. км. Малонаселенным оставался Коми-Пермяцкий национальный округ — всего 5,3 чел. на кв. км[50].

Во всех областях района за десятилетие наблюдался очень невысокий прирост населения: от 4,6% в Челябинской (в 1970 г. 3,3 млн, а в 1979 — 3,4 млн) до 1,9% в Оренбургской (соответственно — 2050,0 тыс. и 2088,6 тыс.). В Курганской и Пермской областях численность жителей практически не изменилась, в Коми-Пермяцком автономном округе население убывает с 212,1 тыс. до 173,2 тыс. чел. В Удмуртской АССР, где фиксировался самый большой по району рост городского населения в связи с промышленным строительством в г. Ижевске — более, чем на 160 тыс. или на 20,7%, общий прирост населения из-за сокращения сельского невелик (5,4%). Сокращение сельского населения происходит по всем областям и автономиям района. Более всего этот процесс ощущается в Свердловской и Пермской областях, а также в Коми-Пермяцком автономном округе (соответственно — на 20,1, 20,7 и 23,5%). Наиболее стабильна численность сельского населения в Челябинской области, но и там оно сократилось почти на 11%. Однако и городское население здесь растет не очень значительно. Самый высокий его прирост отмечается, как уже говорилось, в Удмуртской АССР, а также — в Курганской области (на 17,8%), и — в Оренбургской (15,8%). Самый низкий прирост городского населения фиксируется в Коми-Пермяцком автономном округе — 3,2%. В остальных областях прирост городского населения колеблется от 9 до 10%[51].

Соотношение городского и сельского населения типично для старопромышленного района — преобладало городское население. В Уральском районе это преобладание значительно — число горожан здесь составляло 69% в 1970 г., а в 1979 г. увеличивалось до 74%. Однако ситуация в различных частях региона неодинакова: в Свердловской и Челябинской областях уровень урбанизации очень высок и процент городского населения достиг соответственно — 81 и 78% в 1970 г., а в 1979 г. — 85 и 81%. Высоким также процент городского населения был в Пермской области: в 1970 г. — 67, а в 1979 г. — 74%. В Курганской области удельный вес горожан в 1970 г. составлял менее половины всего населения. Однако за 10 лет произошел быстрый рост его доли, которая достигла 51% от всего населения области. Увеличился удельный вес городского населения в Оренбургской области и Удмуртской АССР. В итоге к 1979 г. и в области, и в автономии доля городского населения превышала 60%. Доля горожан в Коми-Пермяцком автономном округе невелика: в 1970 г. она составляла всего 19%, а в 1979 г. — 24%[52].

Городское население в Уральском районе в 1970 г. концентрировалось как в сверхкрупных городах (население свыше 500 тыс. чел.), так и в крупных городах (от 100 до 499,9 тыс. чел.). В первых проживало 26,3, а во втором — 28,5% всех горожан района. Были распространены города с населением от 50 до 99,9 тыс. чел. и от 20 до 49,9 тыс. чел. В них проживало соответственно — 12,2 и 16,0% всех городских жителей. Соотношение этих типов поселений характерно для старопромышленных

центров. В малых городах, как правило, проживает малое число жителей района — в данном случае всего 3,2 %[53].

Заметен, и это специфично для данного района — значительный рост сверхкрупных городов. В них проживало уже в 1979 г. 32,7% городского населения. Остальные типы поселений по удельному весу проживавшего в них городского населения остались примерно на том же уровне. Города с населением от 20 до 49,9 тыс. проявили тенденцию к снижению удельного веса своих жителей. К 1979 г. этот показатель уменьшился до 14,1%, а в малых городах он падает до 2,8%[54].

Западно-Сибирский район отличается более высоким приростом населения, чем многие районы Европейской России и более высоким, чем средний показатель по РСФСР. Население этого района выросло за 10 лет с 12,1 до 13,0 млн или на 7,0%[55].

Особенно высокие темпы прироста отмечались в Тюменской области — на 0,5 млн чел. или на 34,2%. Существенно увеличилась численность населения входивших в Тюменскую область Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов соответственно — на 298,0 тыс. чел., или на 110,0%, т.е. вдвое, и на 77,6 тыс., или на 97,1%. В этих округах традиционно росло сельское население — на 23,1 и на 70,4%. Но в 1970-е гг. отмечался и бурный рост городского — на 161,2 и на 132,7%.

Более быстрыми темпами, чем в среднем по району, возрастало население областей Томской и Омской: в первой оно увеличилось на 10,2%, а во второй — на 7,2%, достигнув соответственно в 1979 г. — 0,9 млн и 2,0 млн. человек.

Несколько медленнее росло население Новосибирской области — с 2,5 млн в 1970 г. до 2,6 млн в 1979 г. или на 4,5%. Примерно на том же уровне осталось население Кемеровской области и Алтайского края, которые сосредоточивали очень большую массу населения Западной Сибири. В 1970 г. в Кемеровской области перепись зафиксировала 2,9 млн чел., в 1979 г. — 3.0 млн, в Алтайском крае — 2,7 в 1970 и в 1979 годах.

Во всех этих областях рост населения происходил за счет городского населения. Так, в Новосибирской области число горожан увеличилось с 1638,5 до 1871,6 тыс., или на 14,2%. в Томской области — с 465,8 до 567,0 тыс., или на 21,7%, в Омской области — с 1007,6 тыс. до 1228,5 тыс., или на 21,9%. Очень значительно увеличилось (на 66,8%) городское население Тюменской области, составив в 1979 г. 1150,2 тыс. человек.

Менее всего в этот период возросло городское население в Кемеровской области — на 6,2% или примерно на 150 тыс. чел. При этом область отличалась высокой численностью городского населения: в 1979 г. оно достигало 2,6 млн человек.

Сельское население убыло во всех областях, кроме Тюменской, где его прирост составил 2,9%. Сокращение сельского населения коснулось Горно-Алтайской автономной области, где оно уменьшилось на 4,6 тыс. чел. или на 3,6%. В принципе уменьшение численности сельского населения колеблется в пределах от 21,2% в Кемеровской — до 6,6% в Томской областях[56].

В среднем по району горожане увеличили свою численность с 7,4 млн в 1970 г. до 8,8 млн в 1979 г. (то есть на 18%). Одновременно сельское население сократилось, хотя и не столь значительно, как в Уральском, Волго-Вятском и ряде других районов — с 4,7 млн в 1970 г. до 4,2 млн в 1979 г. (на 10,4%). Процесс урбанизации успешно развивался в этом районе, охватывая все новые области и округа. Процент городского населения в Западно-Сибирском районе интенсивно увеличивался — 61 в 1970 г., а в 1979 г. — уже 68. Особенно значителен удельный вес городского населения в Кемеровской области — соответственно 82% в 1970 г. и 86% в 1979, а также в Новосибирской области — соответственно 65 и 71%. В Тюменской области и Алтайском крае в 1970 г. в городах проживало менее половины населения — 49 и 46%, но в 1979 г. в Алтайском крае горожан стало 52%, хотя во входившей в состав края Горно-Алтайской автономной области их было всего 28%. В Тюменской области к 1979 г. доля горожан достигла 61%, в том числе в Ханты-Мансийском автономном округе — в 1970 г. — 63% и в 1979 г. — 78%.

В Ямало-Ненецком округе удельный вес горожан также заметно возрос за десятилетие — на 8%. Теперь здесь городское население превысило половину всего населения округа и составило 51%. Высоким процентом городского населения отличались Томская и Омская области. Уже в 1970 г. там горожан было более половины, а в 1979 г. — уже более двух третей всего населения этих областей. Район, таким образом, отличался высокой степенью урбанизации.

В 1979 г. Западно-Сибирский район занимал обширную территорию в 2427,2 кв. км, а плотность населения при этом была низкой — 5,3 чел. на кв. км, что резко отличает его от районов Европейской России. По сравнению с 1959 г. этот показатель в 1970-е гг. заметно снизился, что связано, прежде всего, с включением в состав района обширной и относительно малонаселенной Тюменской области.

Плотность заселения на территории района неравномерна. В Кемеровской области она достигала — 31 чел. на кв. км. (в 1959 г. она была равна 29,2 чел). В Новосибирской и Омской областях плотность населения была хотя и невысокой, но значительно выше средней по району — 14,7 и 14,0 чел. на кв. км. Очень низким был этот показатель в Томской области — 2,7 чел. на кв. км, а еще ниже в Тюменской — 1,3 чел. на кв. км. В Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах она составляла соответственно 1,1 и 0,2 чел. на кв. км. Следует при этом отметить, что по сравнению с 1959 г. она несколько увеличилась, особенно в Ханты-Мансийском округе, где тогда равнялась 0,2 чел. на кв. км. В целом же в Тюменской области в 1959 г. этот показатель составил 0,8 чел. на кв. км. Низкой была плотность населения в Горно-Алтайской автономной области — 1,9 чел. на кв. км., но в целом в Алтайском крае — значительно выше среднего по району — 10,2 чел. на кв. км[57].

В 1970 г. городское население Западной Сибири концентрировалось прежде всего в крупных городах с населением 100—499,9 тыс. чел. Там проживало более 40% горожан. Сверхкрупные города с населением 500 тыс. и более чел., хотя и сосредотачивали значительную долю горожан, однако, сильно уступали по числу и удельному весу жителей круп-

ным городам: 26,7%. Очень развиты в районе были средние города с числом жителей от 20 до 49,9 тыс. — на них приходилось 14% всех городских жителей. В городах с населением 50—99,9 тыс. чел. было немногим более 4% горожан. На малые же города приходилось 2,2% городского населения.

К 1979 г. ситуация заметно изменилась. Прежде всего, проявилась тенденция к быстрому росту сверхкрупных городов. Удельный вес населения в них составил уже 38,8%. Крупные же города с населением от 100 до 499,9 тыс. испытывали отлив населения. Численность и удельный вес жителей в них снизились до 29,4% от всего городского населения. Сократился, хотя и менее значительно, удельный вес проживавших в городах с населением от 20 до 49,9, теперь он составлял менее 12% всего городского населения района. Доля проживавших в малых городах практически не изменилась[58].

Восточно-Сибирский район быстрее, чем Западно-Сибирский, увеличивал население. Это был район нового освоения и сюда стекался поток мигрантов. Однако по численности населения он уступал и Западно-Сибирскому и Уральскому регионам. В 1970 г. в нем насчитывалось 7,5 млн жителей, а в 1979 г. — 8,2 млн, т.е. их число выросло на 9,3%. Рост населения происходил за счет городов, куда направлялся миграционный поток из старых обжитых районов. В то же время естественный прирост населения в городах был ниже, чем в сельской местности. Города увеличивали численность населения за счет, прежде всего, механического прироста. Сельское население убывало, в первую очередь, из-за оттока его в города. Городское население выросло с 4,6 млн до 5,6 млн или на 21,5%, сельское же сократилось на 300 тыс. или на 10,5%. Население района возросло и за счет традиционно высокой рождаемости в национальных автономиях, показатели смертности в рассматриваемый период были невысокими[59].

Быстро увеличивалось население входивших в состав Красноярского края Эвенкийского автономного округа — на 24,1%, Таймырского (Долгано-Ненецкого) автономного округа — на 15,9%, Хакасской автономной области — на 12,2%, в то время как показатели роста населения в целом по Красноярскому краю (8,0%) были ниже средних по Восточно-Сибирскому району. Выше средних по району показателей были темпы увеличения жителей в Тувинской и Бурятской АССР — соответственно на 11,0 и 15,4%. Однако ситуация в национальных автономиях была неоднозначной. Например, в Усть-Ордынском Бурятском автономном округе, и так малонаселенном, наблюдался отлив населения. В 1970 г. там проживало 148 тыс. чел., а в 1979 г. — 132,7 тыс. чел. Во всех остальных областях и округах Восточной Сибири население численно выросло: в Иркутской области с 2,3 млн до 2,6 млн, в Читинской — с 1,1 до 1,2 млн, в Агинском Бурятском автономном округе, входившем в состав Читинской области — с 65,8 тыс. до 69,3 тыс. чел. Темпы роста, как мы видим, различны, но тенденция к росту устойчива.

Городское население в Восточной Сибири растет высокими темпами, особенно в автономиях. Например, в Бурятской АССР — на 41,3%,

достигнув к 1979 г. 512,5 тыс. чел., в Тувинской — на 30,2%, составив к 1979 г. 113,3 тыс. жителей.

Быстрыми темпами прибывало население в Эвенкийском автономном округе, но городское население там было очень малочисленно (в 1979г. 5,5 тыс. чел.). В Красноярском крае, Иркутской и Читинской областях, сосредоточивавших большие массы городского населения, оно еще больше возросло: в Красноярском крае в период с 1970 по 1979 г. — с 1, 8 млн чел, до 2,2 млн (на 21,2%), в Иркутской области соответственно — с 1,7 млн до 2,0 млн (на 18,6%); в Читинской области — с 0,7 млн до 0,8 млн (на 18,0%).

Сельское же население проявляло во всех областях тенденцию к сокращению. Наиболее значительно оно убыло в Красноярском крае — на 13,4%, в Иркутской области — на 10,1%, в Читинской области — на 6,2%. Иной была ситуация с сокращением сельского населения в национальных автономиях. Там эта тенденция проявлялась не повсеместно. Если в Бурятской АССР численность сельского населения заметно снизилась — на 13,7%, то в Тувинской, напротив, возросла на 6,4%; в Хакасской автономной области, входившей в состав Красноярского края, сельских жителей стало меньше на 11,5%, а в Таймырском и Эвенкийском округах, также входивших в состав Красноярского края, больше соответственно — на 5,8 и на 11,8%. В Усть-Ордынском Бурятском автономном округе (в составе Иркутской области) сельское население заметно сократилось — на 12,1%, а в Агинском Бурятском автономном округе (в составе Читинской области) — оно осталось практически на том же уровне[60].

Соотношение городского и сельского населения в областях и национальных автономиях имело существенные различия. В целом в районе городское население заметно преобладало над сельским[61]. В 1970 г. доля горожан составляла 62%, а в 1979 г. — 69%. Близкой была ситуация и в Красноярском крае, Хакасской автономной области и в Таймырском автономном округе. Самый высокий удельный вес городского населения наблюдался в Иркутской области — 72% в 1970 г., а к 1979 г. он достиг 78%. В Читинской области доля городского населения гораздо ниже — 57% в 1970 г. и 63% в 1979 году.

В национальных автономиях Восточной Сибири, кроме уже упоминавшихся Хакасской автономной области и Таймырского автономного округа, в 1970 г. сельское население преобладало над городским. Однако городское население и здесь продолжало расти. В Бурятской АССР к 1979 г. городское население превысило сельское: 57% против 45% в 1970 г. В Тувинской АССР соответственно — 43 против 38%, то есть доля городского населения приближалась к 50%. В автономных округах региона урбанизационные процессы еще слабо развиты. Хотя городское население росло повсюду, но удельный вес его пока был незначителен. Так, к 1979 г. в Усть-Ордынском Бурятском автономном округе доля горожан составила 19%, в Агинском Бурятском — 26%, в Эвенкийском — 35%.

Плотность населения очень низкая — 2,0 чел. на кв. км при обширной территории в 4122,8 тыс. кв. км. По областям и автономиям показа-

тели плотности разнятся, но практически везде невелики: в Иркутской области — 3,3, в Читинской — 2,9, в Бурятской АССР — 2,6, Тувинской АССР — 1,6. Самый высокий показатель плотности населения зафиксирован в Хакасской автономной области — 8,1 чел. на кв. км, самый низкий — в Эвенкийском автономном округе — 0,02 чел. на кв. км. При этом нельзя не отметить, что по сравнению с концом 1950-х гг. он несколько возрос[62].

В 1970 г. самый большой удельный вес городского населения приходился на крупные города района. Доля их в городском населении составляла 31,2%. В сверхкрупных городах проживало 14,1% всех горожан района. В городах с населением 50—99,9 тыс. жителей было зафиксировано 12,6% всех горожан, с населением от 20 до — 49,9 тыс. — 13,7%. На малые города приходился несколько больший удельный вес городского населения, чем в прилегающих районах — более 5%[63].

К 1979 г. сверхкрупные города значительно выросли и по абсолютной и по относительной численности (на их долю приходилось уже 24% горожан). Крупные города также увеличивали численность своего населения, прежде всего за счет быстрорастущих сверхкрупных городов. Удельный вес жителей крупных городов в городском населении района составлял 30,2%. Отличительной чертой района является более интенсивное, чем в других районах, развитие малых городов (до 5 тыс. чел.). К 1979 г. их доля в городском населении не сократилась и так же, как и в 1970 г., продолжала составлять 5,5%[64].

Дальневосточный район — район интенсивного освоения в 1970-е гг., притяжения миграционных потоков. Показатели естественного прироста населения там выше, чем в центральных районах, вследствие большого притока молодежи и наличия автономий с более высокой рождаемостью. Общий прирост населения по району составил 18%, в результате население увеличилось с 5,8 до 6,8 млн чел. Причем увеличение населения происходило как за счет городского населения, так и за счет сельского, хотя рост сельского населения значительно отставал от городского. Так, за десятилетие городское население увеличилось на 1 млн чел. или на 23,0%, а сельское — на 0,1 млн чел. или на 5,4%. Однако и такой слабый рост населения в сельской местности был, как мы видели, редким явлением на территории РСФСР[65].

Плотность населения этого огромного по территории района, занимавшего 6215,9 тыс. кв. км в 1979 г. была, несмотря на его освоение, очень низкой 1,1 чел. на кв. км. При этом в Корякском автономном округе этот показатель составлял 0,1 чел. на кв. км, в Чукотском — 0,2 чел., в Магаданской области — 0,4, в Якутской АССР 0,3 чел. на кв. км. Наибольшая плотность населения отмечалась в 1979 г. в Приморском крае и в Сахалинской области — 11,9 и 7,5 чел. на кв. км[66].

Особенно быстро росло население в 1970-е гг. на Камчатке (на 31,7%), в Магаданской области и входящем в ее состав Чукотском автономном округе (более чем на 30%), а также в Якутской АССР (на 26,3%). Самые большие массы населения в этом районе были сосредоточены в 1970 г. в Приморском и Хабаровском краях: 1,7 и 1 ,4 млн чел. а к 1979 г. соответственно — 2,0 и 1,6 млн человек.

Городское население увеличивалось по всему району высокими темпами: в Камчатской области — на 42,8%, в Якутской АССР — на 37,3%, в Магаданской области — на 38,2%. Были немногочисленные районы и с более медленными темпами роста городов, но и там показатели его достаточно высоки. Например, городское население Амурской области увеличилось на 24,2% или на 118,8 тыс. чел., в Сахалинской области — на 11,7% или на 56,7 тыс. человек.

Сельское население практически во всех областях и автономиях медленно росло. Убыль сельских жителей отмечается только в Сахалинской области — на 13,1% и в Камчатской — на 4,3%. Довольно большой процент прироста сельских жителей отмечался в Чукотском автономном округе — 28,3%.

Дальний Восток традиционно отличался высоким процентом городского населения. В 1970-е гг. доля горожан в населении района продолжала расти: с 71% в 1970 г. до 75% в 1979 г. Городское население, таким образом, составляло три четверти всех жителей региона.

Все области отличались высоким удельным весом городского населения, а особенно Камчатская и Сахалинская области, где горожане составляли в 1979 г. соответственно — 83 и 82%. Несколько ниже была доля горожан в населении в Якутской АССР и Амурской областях — 61 и 65%. В Корякском автономном округе она была еще более низкой: в 1970 г. — 34%, а в 1979г. — 39%[67].

В 1970 г. в Дальневосточном районе не было городов с населением, превышающим 500 тыс. чел. В крупных городах с населением от 100 до 499,9 тыс проживало 44,1% горожан. Как и во многих других районах республики города с числом жителей — 20—49,9 тыс. имели больший удельный вес, чем города с населением от 50 до 99,9 тыс. чел.: 13,8 против 8,0% от всех горожан. Были довольно развиты и малые города, в них проживало 10,1% городского населения. В 1979 г. на Дальнем Востоке два города перешагнули рубеж 500 тыс. чел. и сосредоточивали 21,1% населения — Владивосток и Хабаровск[68]. К 1979 г. малые города несколько уменьшили свой удельный вес — до 9,0% от всех горожан, но и в этом случае он оставался более высоким по сравнению с другими районами РСФСР. Средние и крупные города, как и в 1970 г., продолжали концентрировать значительную часть населения[69].

Демографические процессы. Возрастнополовой состав

В 1970-е гг. практически все районы России отмечены низким уровнем смертности и низким уровнем рождаемости, что говорит о завершающей стадии демографического перехода. При этом, как мы видели, рост населения происходит во всех районах РСФСР. Повсюду имеет место положительный естественный прирост населения, хотя и невысокий. Вместе с тем фиксируются определенные региональные различия в темпах естественного прироста населения и, прежде всего показателей

рождаемости. Наибольший разброс в показателях естественного движения населения наблюдается в национальных районах, хотя значительное снижение рождаемости характерно почти для всех народов, населяющих Россию. В целом в РСФСР коэффициент рождаемости в 1970 г. составил 14,6‰, а в 1980 г. — 15‰, смертности соответственно — 8,7 и 11,0‰, а естественный прирост населения — 5,9 и 4,9‰[70].

В центральных районах России эти показатели все 1970-е гг. держались на очень низком уровне, а естественный прирост населения проявлял тенденцию к понижению своего показателя. Так, в Центральном районе рождаемость в 1970 г. держалась на уровне 12,4‰, а смертность — 9,5‰, естественный прирост населения, 2,9‰; в 1980 г. соответственно — 13,4, 12,1 и 1,3‰. В Центрально-Черноземном районе, испытывавшем сильный отлив трудоспособного и детородного населения, естественный прирост в 1970 г. был равен 3,1‰, а к 1980 г. опустился до 0,3‰. В Поволжском и Волго-Вятском районах он был несколько выше: в 1970 г. 6,2 и 4,9‰, а в 1980 г. — 4,8 и 3,3‰. При этом в Марийской и Татарской АССР, входивших в состав этих районов, естественный прирост был выше общероссийского. Так, в 1980 г. в Татарской АССР коэффициент рождаемости составлял 15,3‰, естественный прирост — 6,3‰, а в Марийской — 18,6 и 7,2‰. Более высокие показатели естественного прироста населения были на Северном Кавказе. Например, в Дагестанской АССР в 1970 г. — 22,1‰, а в 1980 г. — 19,9‰. В среднем же по району его показатель равнялся 8,0 и 6,7‰. Показатели естественного прироста выше по сравнению с общереспубликанскими в Сибири, особенно в Восточно-Сибирском регионе и на Дальнем Востоке. В Восточно-Сибирском районе в 1970 г. он составлял 9,8‰, а в 1980 г. — 10,1‰, на Дальнем Востоке — 10,6 и 9,7‰[71].

Рождаемость значительно выше, чем в Центральном районе в тех же районах — Восточно-Сибирском, где она составляла в 1970 г. 17,5, а в 1980 г. — 19,8‰, и на Дальнем Востоке — 17,8 и 18,5‰. В этих районах показатели смертности нестабильны. При том, что они ниже, чем в других районах страны, они несколько повышаются от 1970 к 1979 г. с 7,7 до 9,7‰. Показатели смертности в районах центра выше, поскольку там острее чувствуется постарение населения, напротив, в районах Дальнего Востока и Сибири в миграционных потоках преобладала молодежь, наличие которой понижало коэффициенты смертности и повышало показатели рождаемости и брачности.

Наиболее высокие темпы естественного прироста населения сохранились на протяжении 1970-х гг. в Калмыкии (1980г. — 14,6‰), в Якутии (1980 г. — 12,2‰) и в Дагестане (1980 г. — 19,9‰), но и в этих районах они имеют, хотя и несколько неустойчивую, тенденцию к понижению[72].

Приведенные данные свидетельствуют о том, что при в общем-то довольно низких показателях рождаемости и смертности от 1970 к 1980 г. наблюдается неустойчивое, неповсеместное пока повышение смертности. Одновременно к концу этого десятилетия начинает повышаться рождаемость. Увеличение показателей смертности связано с постарением населения, ухудшением экологии, а также с понижавшимся год от года

качеством медицинского обслуживания населения, растущим дефицитом лекарственных препаратов. Что касается рождаемости, то ее повышение связано с активизировавшейся к концу десятилетия государственной демографической политикой, предоставившей ряд существенных льгот матери и ребенку. Пик этой поощрительной демографической политики пришелся на начало 1980-х годов.

Таким образом, тенденция к стабилизации показателей смертности и рождаемости достаточной устойчивости еще не имела, поскольку не были изжиты окончательно некоторые неблагоприятные тенденции в демографическом развитии, которые к началу 1980-х гг. начали усиливаться.

Тесно связана с показателями рождаемости и смертности статистика заболеваемости. В 1970 г. статистика фиксирует остроинфекционные заболевания, хотя перечень этих болезней по сравнению с военным и послевоенным периодами сильно сократился за счет исчезновения чумы, холеры, черной оспы. Однако в этом перечне еще присутствуют и брюшной тиф, и паратиф. Случаи этих заболеваний нечасты, но они еще не изжиты: в 1970 г. фиксируются 6,4 случая заболевания на 100 000 чел., в 1979 г. — 4,4. Остроинфекционные кишечные заболевания были представлены более широко: 1008,1 случай на 100 000 чел. в 1970 г. и 1290,0 случаев на 100 000 чел. в 1975 г. Отмечались вирусные гепатиты — 118,4 случая в 1970 г. и 189,3 случая в 1975 г. Зафиксированы, хотя и немногочисленные, случаи заболеваний менингококковой инфекцией[73].

Среди детских заболеваний в 1970 г. чаще всего встречаются скарлатина, корь и ветряная оспа, причем заболеваемость ветряной оспой в 1970-е гг. росла: в 1970 г. наблюдалось 468,4 случая, а в 1980 г. -642,7 случаев. В 1970-е гг. возрастала заболеваемость сальмонеллезом — с 17,2 случая в 1970 г. до 42,5 случаев в 1980 г. Первое место среди острозаразных заболеваний приходилось на остроинфекционные заболевания верхних дыхательных путей и на грипп. При этом они обнаруживали тенденцию к росту. Так, инфекциями верхних дыхательных путей страдало в 1970 г. более 14 тыс. чел. на 100 000, а в 1980 г. — уже свыше 22 тыс.[74]

В 1970-е гг. не перестала существовать, хотя и сокращалась, заболеваемость активным туберкулезом. Если в 1970 г. было выявлено с впервые установленным диагнозом «активный туберкулез» — 72,5 на 100 000 чел., то в 1975 г. — 58,8, а в 1980 г. — 47,4 человек[75].

На смену старым инфекционным болезням пришли новые — грипп с его осложнениями, сальмонеллез, венерические заболевания. Статистика последних в 1970-е гг. растет: число больных от 1970 к 1980 г., впервые заболевших сифилисом, увеличилось в 2,5 раза в расчете на 100 000 чел., гонореей соответственно — с 13,55 чел. до 196,6 чел. Надо еще учитывать, что статистика венерических заболеваний страдает неполнотой, многие предпочитали лечиться анонимно[76].

Наконец, существенно возросла заболеваемость злокачественными образованиями: число больных, состоявших на учете в 1970 г., было 663, в 1975 — 815, в 1980 г. — 949, с впервые установленным диагнозом соответственно —198, 218, 232[77].

Таким образом несмотря на значительное сокращение статистики заболеваний в 1970-е гг., болезни, являющиеся экзогенными причинами смерти, еще далеко не были изжиты. Фиксировался рост заболеваемости злокачественными новообразованиями, которые относятся к «псевдоэндогенным» причинам смерти. Кроме того, в 1970-е гг. растет заболеваемость алкоголизмом и алкогольными психозами: за десятилетие заболеваемость выросла в 2,5 раза. Наркомания и токсикомания в то время практически еще не фиксировались.

В 1970-е гг. проявились важные изменения в брачном, внебрачном и добрачном поведении населения: участились разводы, добрачные и внебрачные связи, распространялся фактический брак. Увеличилась «безотцовщина», уже не связанная с гибелью отцов на фронтах войны, а при живых отцах, заметно возросло число неполных семей в результате в основном разводов. Получила достаточно широкое распространение так называемая «вторая семья» и «гражданская» жена (муж). Явление это было столь масштабным, что активизировало государственную политику, направленную на укрепление молодых семей. Был предпринят ряд социологических обследований в области семейно-брачных отношений, разрабатывалась система поощрительных мер, которые впоследствии, в частности в 80-е г. были усилены. Однако это не могло кардинально изменить ситуацию и впоследствии негативные изменения в брачности продолжали нарастать.

Дисбаланс в соотношении полов — следствие пережитых Россией войн, в первую очередь Великой Отечественной войны, а также социально-политических и экономических потрясений, в 1970-е гг. в значительной степени сглаживается. В рассматриваемый период потери мужского населения в локальных вооруженных конфликтах были незначительны и существенного влияния на возрастнополовой состав населения не оказали[78]. Соотношение полов в детских и молодых возрастах нормализуется. Так, в 1970 г. мужчин было несколько больше, чем женщин в возрастах от 0 до 24 лет, так как мальчиков рождается больше, а снизившаяся детская смертность приводит к тому, что выравнивание соотношения полов происходит позднее, чем в традиционном обществе с высокой детской смертностью. Женщин становится больше, чем мужчин, в возрасте 30—34 года[79].

В возрасте 45—49 лет (т.е. у лиц 1920—1924 гг. рождения) происходит скачок, резко меняющий соотношение полов в пользу женщин. Их уже 62% в этой возрастной группе. Сказываются последствия войны, прежде всего на продолжительности жизни мужчин. Дисбаланс в соотношении полов продолжает с возрастом увеличиваться. В результате общее соотношение полов несколько нарушено: мужчин 46, а женщин 54%[80].

В 1979 г. происходит соответствующая подвижка: нарушение соотношения полов в пользу женщин проявляется в более поздней по возрасту группе 35—39 лет. Однако оно еще невелико — 51,1%. Резкий скачок происходит теперь в возрасте 55—59 лет, где женщин уже 65,6%[81]. В возрастной группе 70 лет и старше женщины составляют уже более 70%. Кроме более высокой смертности мужчин в пожилых возрастах, являв-

шейся в тот период характерной чертой демографического развития России, накладывает отпечаток, о чем уже говорилось выше, «эхо» войны, очень длительное после столь огромных людских потерь.

Таблица 57

Возрастной состав населения РСФСР в 1959—1979 гг. (в %)

Возраст (лет)	Мужчины		Женщины		Оба пола	
	1959	1979	1959	1979	1959	1979
0—4	13,0	8,4	10,1	7,0	11,4	7,7
5—9	12,1	7,8	9,4	6,4	10,6	7,1
10—14	8,2	7,6	6,4	6,3	7,2	6,9
15—19	8,6	10,1	6,9	8,1	7,6	9,0
20—24	11,1	10,5	8,8	8,6	9,8	9,5
25—29	10,0	9,5	8,2	7,9	9,0	8,7
30—34	9,6	6,4	9,3	5,4	9,4	5,8
35—39	4,7	6,5	6,1	5,8	5,5	6,1
40—44	4,5	8,0	5,9	7,3	5,3	7,6
45—49	5,1	7,0	6,9	6,6	6,1	6,8
50—54	4,1	6,6	5,8	7,5	5,1	7,1
55—59	2,8	3,0	5,0	5,0	4,0	4,1
60—64	2,2	2,7	3,7	4,6	3,0	3,7
65—69	1,6	2,7	2,8	5,1	2,3	4,0
70—74	1,2	1,7	2,3	3,9	1,8	2,9
75—79	0,7	0,8	1,3	2,5	1,0	1,8
80—84	0,3	0,4	0,7	1,2	0,5	0,8
85—89	0,1	0,2	0,3	0,5	0,3	0,3
90—94	0,0	0,1	0,1	0,2	0,1	0,1
95—99	0,0	0,0		0,1		0,0
100 и более	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
возраст не ук.	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Все население	100	100	100	100	100	100

Составлено по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Ч. 2. Д. 1530. Л. 37—39. Ч. 4. Д. 6128. Л. 4—8.

По регионам наблюдается также более позднее нарушение соотношения полов в пользу женщин с некоторыми различиями. В большинстве регионов в 1979 г. Европейской России оно проявляется в 30—

34 года, на Урале и в Сибири — в 35—39 лет[82]. Исключением является Центральный район, где нарушение в соотношении полов в пользу женщин проявляется уже в 24—29 лет[83]. В основном, эти различия связаны с миграцией, прежде всего взрослых молодых мужчин в районы нового освоения из старых центров. На Дальнем Востоке, например, куда шел в этот период очень активный миграционный поток, нарушение полов в пользу женщин выражено слабее и начинается позже — только в возрастной группе 40—44 г. женщин становится 51,4% от всех лиц данного возраста[84]. Резкое изменение в нарушении соотношения полов происходит по всей стране в 55—59 лет, т.е. в наиболее пострадавшей во время войны группе[85]. В престарелом возрасте также по всем регионам наблюдается большой перевес женщин. Как правило, уже в 70—74 года женщин 74—75%[86]. Только на Северном Кавказе и на Дальнем Востоке такое соотношение наступает в более позднем возрасте — после 80 лет[87].

К 1979 г. возрастная пирамида по сравнению с 1959 г. заметно изменилась.

Удельный вес детей от 0 до 9 лет в возрастной структуре населения значительно уменьшился. Если он в 1959 г. составлял почти 22% от всего населения, то в 1970 г. — 16,4%, а в 1979 г. — 14,5%. При этом в Центральной России их удельный вес (по переписи 1979 г.) еще меньше — в Центральном районе — 12,4%, в Центрально-Черноземном — 12,6, в Северо-Западном — 13,9. На Северном Кавказе и в Сибири этот показатель заметно выше — 16—18%[88]. В итоге, несмотря на явную тенденцию к снижению, удельный вес детей в возрастной структуре населения, особенно по Южным и Восточным регионам России, еще довольно значителен, как и вообще молодежных возрастных групп. Если в 1959 г. молодежь в РСФСР до 30 лет составляла более половины населения, то в 1970 г. 49,1%, то есть почти половину, хотя и была меньше по удельному весу, чем в 1959 г. В группу 15—19 лет входили люди, рожденные в послевоенные годы, когда в РСФСР имело место повышение рождаемости, хотя и не столь сильное, как в странах Западной Европы и в США. Люди же, которые родились в военное время (им было в 1970 г. 25—29 лет) были малочисленны: их удельный вес составлял всего 5,5%, а лиц, родившихся до войны (30—34 года) было 9%[89].

Группа 35—39 лет включала в себя родившихся в голодные 1932—1933 гг., их удельный вес меньше сопредельных с ними групп: 7,2%, в то время как группы 40—44 года — 8,5%. Как видно демографические ямы сохраняются на протяжении жизни всего данного поколения.

Начиная с возрастной группы 45 лет и старше видны людские потери на фронтах Великой Отечественной войны. Так, в возрастной структуре мужчин лица 1916—1924 годов рождения составляли в 1970 г. 8%, а женщины — 10,6%.

Удельный вес пожилых лиц 60 лет и старше в 1970 г. выглядит значительнее, чем в конце 1950-х гг.: 11,5% вместо 9%[90]. К 1979 г. эта группа увеличивается до 15,5%, в том числе старше 70 лет — 5,9% (см. табл.). Процесс старения населения явно нарастает. Ощутимее он, как и следовало ожидать, в Центральных районах России: например, в Цент-

ральном — лиц 70 лет и старше 7,1% от всего населения района, в Центрально-Черноземном — 8,6%, в то время как на Урале, в Западной и Восточной Сибири этот показатель колеблется в пределах — 4,7—5,4%[91]. При этом и в целом по России и в регионах вследствие нарушения в соотношении полов и продолжающей существовать значительной разнице в продолжительности мужской и женской жизней среди женщин в конце 1970-х гг. значительно больше было пожилых и престарелых, чем среди мужчин. Так, удельный вес женщин в возрасте 70 лет и старше в возрастной структуре женщин в РСФСР составлял в 1979 г. 8,4%, а соответственно мужчин — 3,2% (см. табл.); в Центрально-Черноземном районе эти показатели составляли 4,5 и 11,5%; в Центральном — 3,8 и 9,9; в Поволжье — 3,2 и 8,7; в Западной Сибири — 2,5 и 6,7[92] и т.д.

Однако молодежь до 30 лет все еще составляла 48,9%, незначительно снизив свой удельный вес по сравнению с 1970 г., так как ее формируют уже люди 1950-х и более поздних годов рождения. Несколько ниже удельный вес в возрастной структуре лиц 35—39 лет (военных годов рождения), чем десять лет тому назад — 6,1%. Еще более понизился по сравнению даже с 1970 г., удельный вес группы 30—34- летнего возраста. Видимо, сказывается ослабленное здоровье родившихся в годы войны или в первые послевоенные годы. Это характерно для всех районов России. Следует также отметить еще одну особенность возрастной структуры — на фоне старения населения и при увеличении его общей численности в РСФСР уменьшается абсолютная численность долгожителей, в частности лиц, перешагнувших столетний рубеж. В 1970 г. их 8,6 тыс. чел., в 1979 г. — соответственно — 6,3 тыс. Удельный же вес среди них женщин растет: в 1970 г. — 80%, в 1979 г. — 85%[93]. Более всего по абсолютной численности 100-летних в Северо-Кавказском районе — 2,5 тыс. чел., менее всего — в Дальневосточном — всего 174 человека[94].

Итак, возрастная структура 1970-х гг. характеризуется, с одной стороны, старением населения, а с другой все еще значительными по удельному весу молодежными группами. Все еще не изжиты последствия военных потерь и голодных лет. В старших и пожилых возрастах наблюдается дисбаланс полов, но среди молодежи его уже нет. Таким образом, несмотря на ряд особенностей, налицо основные признаки возрастной структуры, характерной для современного типа воспроизводства населения.

Глава XIII
Демографический переход в России и его особенности (вместо заключения)

Первые признаки демографического перехода* отмечаются в Центральных и Западных районах Российской империи еще в 90-е годы XIX в., когда наметилась, хотя и слабая тенденция к снижению смертности, а в первые десятилетия XX в. — к некоторому снижению рождаемости. Однако эти признаки касались не всего населения страны, а преимущественно городского населения и, прежде всего, отдельных социальных слоев, таких как дворянство, интеллигенция, некоторые группы мещанства. Фиксировались эти признаки в Западных и Центральных индустриально развитых районах России. На большей части российской территории продолжал преобладать традиционный способ воспроизводства населения с его высокими показателями рождаемости и смертности.

В то время, как демографический переход к новому типу воспроизводства населения в большинстве стран Западной Европы начался значительно раньше, развивался достаточно динамично и ко второй половине XX в. был в основном завершен, в России его развитие было осложнено рядом факторов объективного и субъективного порядков, в силу чего он приобрел специфический характер.

Специфика демографического перехода в нашей стране заключалась прежде всего в том, что он имел прерывный (интераптивный) характер. Это выражалось в том, что его естественное развитие на протяжении всего XX столетия неоднократно прерывалось факторами экзогенного порядка. Среди этих факторов — кровопролитные войны на территории России, в том числе Первая и Вторая мировые и Гражданская войны,

* Демографический переход (демографическая революция) — концепция, применяемая в современной демографии для объяснения смены типов воспризводства населения. Процесс перехода от традиционного к современному типу воспроизводства населения начался в конце XVIII в. в наиболее индустриально развитых странах Западной Европы, а к середине XX века охватил весь мир. Развитие этого перехода связано с изменением типов смертности и рождаемости. Характерным является снижение уровней смертности и рождаемости, увеличение средней продолжительности жизни, сокращение экзогенных причин смерти, снижение смертности в детском и молодом возрастах и т.д. Преобладающей становится простая (нуклеарная) семья, состоящая из супружеской пары с детьми, не состоящими в браке. Темпы естественного прироста населения снижаются. Наблюдается старение населения. При нормальном протекании демографического перехода на его завершающей стадии происходит демографическая стабилизация, результатом которой является простое воспроизводство населения, когда показатель естественного прироста равен 0. Численность населения стабилизируется (см. подробнее Демографический энциклопедический словарь. М., 1994. С. 103—113, 432—433 и др.). В разных странах протекание демографического перехода имеет свои, часто значительные, особенности.

унесшие миллионы человеческих жизней, частые локальные военные конфликты. Страна не раз переживала глубокие политические и социально-экономические катаклизмы и кризисы. Ситуация усугублялась массовыми репрессиями. Население России понесло большие потери в связи с голодом 1921, 1932—1933 и 1947 гг. и т.д. Все эти события имели глубокие демографические последствия и ввергали страну в демографические кризисы и катастрофы, поскольку сопровождались значительным повышением смертности, приводили к неоправданно резкому понижению рождаемости, ослаблению здоровья населения, распространению хронических заболеваний, в том числе в молодых и детских возрастах.

Последствия кризисных демографических ситуаций охватывали несколько десятилетий, прерывая демографический переход на длительный срок, иногда на долгие годы изменяя естественное течение демографических процессов.

В самом деле, по известным подсчетам Ю.А. Полякова, население России в годы Гражданской войны уменьшилось на 11—15 млн чел. (включая эмиграцию), в том числе из-за разных инфекционных заболеваний. Военные потери, ослабленное здоровье истощенных людей, антисанитария, недостаток питания и отопления и пр. привели к тому, что показатель смертности населения возрос, в частности, в Европейской России — до 40,9%[2]. При этом смертность мужчин была в полтора раза выше, чем женщин.

Вследствие голода 1921 г. уровень смертности еще более увеличился, особенно в городах. Так, в пострадавших от голода зонах он составил: в Саратове — более 60%, в Казани — 45%, в Самаре 60,3% и т.д. В ряде городов смертность превысила рождаемость. Так, в городах Владимирской губернии в 1920 г. на 100 родившихся было 368 умерших, в Калуге — 212, в городах Орловской губернии — 266, в Перми — 211[3].

За годы Первой мировой и Гражданской войн катастрофически снизилась рождаемость. В России в конце XIX в. показатель рождаемости был равен 50,5%[4], а в 1920 г. его величина колебалась по разным губерниям от 23 до 35%[5].

В связи с последствиями голода рождаемость еще более сократилась. Например, в городах Саратовской губернии — с 32,9% в 1921 г. до 21,4% в 1922 г., в сельской местности соответственно с 33,4 до 27,4%, в Казани 34 и 14%, в сельской местности Орловской губернии — с 41,4 до 30,3% и т.д.[6] Особенно высокими были показатели детской и младенческой смертности[7].

Рождаемость в 1919 г. начала было повышаться в связи с первой волной демобилизации. Однако эта тенденция не была устойчивой. В ряде местностей коэффициент рождаемости продолжал понижаться и после демобилизации. В 1920 г. после окончания Гражданской войны последовала вторая волна демобилизации. Это несколько увеличило долю мужского населения и повысило рождаемость. Однако рост рождаемости наблюдался отнюдь не повсеместно. Например, в Ярославле и Орле показатель его даже понизился.

После окончания Гражданской войны последовал период демографической компенсации. Он охватывал 1925—1928 гг. Эти годы характеризовались высокими показателями рождаемости. Общий коэффициент рождаемости в Европейской части страны ни разу не опустился ниже 44,7‰, а эффективной рождаемости — 30,7‰[8]. Однако довоенный уровень рождаемости так и не был достигнут.

В мирных условиях начали проявляться признаки демографического перехода. Во второй половине 1920-х гг. развивается внутрисемейное регулирование, прежде всего в городах Европейской России. Уменьшается размер семьи и количество детей в ней. Процесс этот шел постепенно, довольно медленно, рождаемость даже в городах оставалась еще высокой (например, в 1926 г. — 33,7‰)[9] , тем более — в сельской местности (45,4‰)[10]. Однако само различие в показателях рождаемости между городом и селом характерно для демографического перехода. Смертность в компенсаторный период несколько сократилась. Общий коэффициент ее понизился до 24‰. Увеличилась в Центральной России средняя продолжительность жизни: мужчин до 42 лет, а женщин — до 47[11]. Однако уже к концу 1920-х гг. коэффициент смертности вновь повысился. При этом начала увеличиваться ранняя смертность мужчин в трудоспособных и детородных возрастах.

Таким образом, даже в этот относительно благоприятный для реализации демографического перехода период не были преодолены нарушения в развитии демографических процессов. Тем не менее тенденция к нормализации демографических процессов успела проявиться с достаточной очевидностью.

Однако коллективизация и особенно голод 1932—1933 гг. снова нарушили естественное течение демографических процессов. В 1933 г. в сельской местности Европейской России смертность составила 735‰. Высокая смертность была зарегистрирована и у детей. Процент умерших детей в возрасте до одного года из родившихся в 1933 г. в городах Европейской части РСФСР был равен 42, а в селах 35,3. Из родившихся в 1934 г. — 58 и 64,7. Высокая смертность наблюдалась в 1934 г. не только в детских, но и в молодых возрастах. Число потерь населения от голода в СССР в целом по подсчетам исследователей составляло 7—8 млн чел.[12] Голод охватил обширную территорию РСФСР. Значительные потери от этого бедствия понесли большинство районов Кубани, Дона и Ставрополья. В Поволжье наиболее высокие показатели смертности от голода фиксировались в Саратовской и Самарской (Куйбышевской) областях, Автономной Республике Немцев Поволжья. Пострадало население Сталинградской (Волгоградской), Оренбургской, Пензенской областей. Голод охватывал часть Уральской области — территорию современной Курганской области, юг современной Свердловской области и часть Челябинской. В Западно-Сибирском крае — территорию современного Алтайского края, юг современной Новосибирской области, южную часть Омской области. Пострадало от голода население Восточной Сибири и Дальнего Востока. В итоге жертвы голода в РСФСР составили по современным оценкам исследователей — 2—2,5 млн человек[13].

В 1933 г. был зафиксирован отрицательный прирост населения в СССР.

Демографические процессы испытывали на себе на протяжении 1930-х гг. не только воздействие голода, но и таких тяжелых по своим последствиям факторов как переселение раскулаченных и целых народов, шквал репрессий. И все же в этих сложных условиях в середине 1930-х гг. вновь проявляется краткосрочная и неустойчивая тенденция к нормализации демографических процессов: заметно снижается смертность даже по сравнению с концом 1920-х гг., не говоря уже о голодных годах, повышается рождаемость. По существующим оценкам, коэффициент последней колеблется в пределах 35—42‰[14]. Даже в городах она держится на довольно высоком уровне (по имеющимся данным на конец десятилетия — 31,5‰)[15]. Вместе с тем ее относительные показатели имеют тенденцию к снижению, в том числе и в сельской местности. Так, в деревне суммарный коэффициент рождаемости составлял во второй половине 1920-х гг. 5,4 рождений на одну женщину, а во второй половине 1930-х — 4,4[16]. Уменьшается средний размер семьи. В Центральной России в 1939 г. уже преобладали семьи из 3-х человек[17], особенно в городах. Разумеется, в связи с все большим вовлечением женщины в производственную деятельность, с получением ею образования растут ее внесемейные интересы. Соответственно распространяется регулирование рождаемости. Однако не надо преувеличивать развития в те годы внутрисемейного планирования. На сокращение числа детей в семье влияла не только и не столько эта причина, но целый ряд факторов экзогенного порядка. В первую очередь — голод, а также последствия насильственных переселений и репрессий. Супруги разлучались, многие из них погибали или теряли здоровье в заключении, разрушались семьи. Детей из репрессированных семей помещали в распределители и детские дома, где не все из них выживали. Немало детей погибало и при выселениях, которые производились в необжитые и трудные для обитания даже для взрослых, физически крепких людей, местности. Перепись 1939 г. фиксирует резкое увеличение неполных семей (где был только один из родителей), а также бездетных пар[18].

Следует также учесть, что и само регулирование рождаемости зачастую было реакцией на внешние причины: от рождения ребенка отказывались из-за напряженной внешней и внутриполитической обстановки, из-за тяжелых условий жизни и т.д. Кроме того, супруги часто разлучались из-за назначений на работу мужа или жены в другой город или район, причем супругу (супруге) не создавалось возможности, а иногда и запрещалось следовать за членом своей семьи в связи с производственной нецелесообразностью и проч. Не поощряла внутрисемейного регулирования рождаемости и государственная политика. Притом, что средства контрацепции были мало распространены, в 1935 г. были запрещены аборты. Аборт был тогда основным средством прерывания беременности, кстати, нелегким и небезопасным.

Демографические процессы в 1930-е гг. испытали на себе влияние интенсивных миграций. Понижение рождаемости в сельской местности

кроме голодных потерь также в значительной степени связано с оттоком в города и, особенно, сельской молодежи на новостройки.

Обращает на себя внимание неровный, скачкообразный характер динамики демографических показателей, то повышение, то понижение их, на очень коротком отрезке времени, прежде всего, в городах России. Так, наметившаяся в середине 1930-х гг. тенденция снижения смертности уже к концу 30-х годов сменилась повышением[19]. Смертность, в том числе детская, росла из-за экзогенных причин[20], прежде всего, инфекционных эпидемических заболеваний, что тоже свойственно лишь ранней стадии демографического перехода.

Людские потери касались не только детских, но и всех возрастных групп населения. В результате в мирные годы (конец 1920-х — вторая половина 1930-х гг.) сверхсмертность в СССР составила около 11 млн[21] человек, в том числе в РСФСР на протяжении 1930-х гг. (без Казахстана и Киргизии) с учетом новых данных о потерях от голода 1932—1933 гг. — более 4-х млн человек.

В условиях сложной демографической ситуации началась Великая Отечественная война, которая унесла миллионы человеческих жизней. Потери населения составили 27 млн чел. Война повлекла за собой повышение смертности не только на фронтах, но и в тыловых районах, не говоря уже о зонах оккупации. Так, с мая 1941 по май 1942 г. показатели смертности выросли в 1,7 раза[22]. И в городах, и в селах смертность поражала, прежде всего, детей от 0 до 4-х лет. Резко сократилась во время войны и рождаемость. Показатель рождаемости в 1943 г. составил всего 9,9‰, а в 1944 г. 10,5‰[23].

С 1942 по 1945 г. на территориях СССР (без прифронтовых и оккупированных районов) имела место депопуляция, фиксировался отрицательный прирост населения[24].

В тыловых районах оставалось очень мало мужчин в брачном возрасте, отсюда и показатель брачности в годы войны был очень низким. По сельскому учету населения на 1 января 1943 г. среди лиц 25—49 лет женщины составляли 76,5%, а мужчины — всего 23,5[25].

Необходимо к тому же учитывать и следующий момент. Людские потери военных лет наложились на неблагоприятную демографическую ситуацию, существовавшую в предвоенные годы. Свою роль в усилении демографических последствий войны сыграли и послевоенная разруха и форсированное восстановление хозяйства страны, что потребовало от населения колоссального напряжения духовных и физических сил. Все эти вместе взятые причины привели к устойчивости «демографического эха» войны, продолжавшего сказываться на протяжении многих десятилетий. Свою отрицательную роль сыграл здесь и голод 1947 г., нарушивший процесс демографической компенсации. В результате компенсаторный период оказался очень коротким, охватив лишь конец 1940-х — начало 1950-х гг. В дальнейшем, в 1950-е гг. фиксируется понижение рождаемости. При этом отмечаются и в 1950-е гг., как и в конце 1940-х гг. периодическое повышение детской и младенческой смертности. Врожденная слабость, преждевременное рождение и различные болезни новорожденных все 1950-е гг. оставались одними из основных причин смерт-

ности младенцев. Участились случаи мертворождений. От преждевременных рождений умирало в начале этого периода 17% новорожденных. Основная причина тому — ослабление женского организма. Таким образом, сложившаяся в послевоенные годы демографическая ситуация не укладывается в рамки естественного развития демографического перехода

С первой особенностью демографического перехода в России связана и другая — большая и сохранявшаяся в течение длительного хронологического периода роль в воздействии на демографические процессы факторов экзогенного порядка. Это приводило к тому, что внутрисемейное регулирование, в данном случае сознательное ограничение рождаемости основывалось зачастую не на внутренних психологических потребностях семьи, не было следствием сознательного стремления к малодетности (как мы уже показывали это на примере 1930-х гг.). Снижение рождаемости было результатом воздействия внешних факторов: участия мужчин и женщин в военных действиях, военных конфликтах разного масштаба, их гибели на фронтах, насильственных миграций, репрессивной политики государства, длительного раздельного проживания супругов. В течение всего рассматриваемого периода назначения и переводы на работу в удаленные районы, бесконечные командировки и проч., практиковались не только в 1930-е, но и в 1950-е гг. Как правило, это негативным образом сказывалось на семейных отношениях, порой приводило к разрушению семьи. Женщина была перегружена производственной и общественной деятельностью. Ситуация усугублялась неразвитостью сферы обслуживания. К тому же государство не оберегало семью и не считалось с ее потребностями. Проводился жесткий курс на предпочтение общественных интересов личным, то есть обеспечивались, в первую очередь, производственные интересы, а не семейно-бытовые. Этому соответствовала и вся система государственного и общественного воспитания личности. В течение длительного времени в государственной политике вовсе не принимались в расчет интересы и нужды молодой семьи.

В-третьих демографический переход в России развивался в условиях глубокой деформации возрастнополовой пирамиды: дисбаланса полов в пользу женщин и так называемых «демографических ям» в возрастной структуре населения. После окончания Гражданской войны по данным переписи 1926 г. женщин на территории РСФСР было больше, чем мужчин на 4,5 млн. В ряде возрастных групп доля женщин достигала 62%. Особенно пострадали в этом отношении молодые люди от 25 до 34 лет, т.е. в самом детородном возрасте. Мужчин в этих возрастах было на 7% меньше, чем женщин.

Нарушение в соотношении полов в конце 30-х годов продолжало оставаться очень резким. Мужчин было меньше, чем женщин уже на 8 млн. Голод и усиливавшиеся репрессии, принявшие массовый характер, не позволяли выправить ситуацию.

После Великой Отечественной войны был нарушен баланс полов в пользу женщин еще более чем в 1930-е гг. Среди лиц 1920—1924 гг. рождения, особенно пострадавших от потерь во время войны, на 100 женщин приходилось всего 63 мужчины. Тяжелым следствием деформации

состава населения по полу и в СССР и в РСФСР был несостоявшийся «бэби-бум», охвативший после войны все участвовавшие в ней страны.

Лишь в конце 1960 — начале 1970-х гг. дисбаланс полов, хотя и не был преодолен, но начал сглаживаться. По всему населению России в 1959 г. на 1000 мужчин приходилось 1242 женщины, в 1970 г. — 1196, в 1979 г. — 1174. При этом нарушение в соотношении полов стало отмечаться все больше в старших возрастных группах.

Деформирована была и возрастная структура населения. Статистика обнаруживает несколько демографических ям. Первая — это дети, рожденные во время Гражданской войны. В 1926 г. доля детей этих годов рождения составляла всего 10% от всего населения России, а доля детей, родившихся после войны — 15,3%. Следующую демографическую яму составляли молодые люди, которым в военные годы было от 16 до 25 лет, принимавшие активное участие в боевых действиях. В дальнейшем эти пострадавшие от войн возрастные группы определяли пониженный естественный прирост населения и привели перед началом Великой Отечественной войны к сокращению числа лиц призывного возраста.

В 1930-е гг. добавилась еще одна демографическая яма. Это — дети, рожденные в 1932—1934 гг., т.е. в голодные годы.

Великая Отечественная война привела, как уже было сказано, к сокращению в возрастной структуре, прежде всего, лиц 1914—1924 гг. рождения, т.е. тех, кому было 17—27 лет в начале войны. В результате военных потерь понизилась и доля мужчин более старших возрастов. Небольшим был удельный вес возрастной группы, родившейся перед началом Великой Отечественной войны. Численность этой группы сократилась (несмотря на действовавший в период их рождения закон о запрещении абортов) в связи с детскими эпидемиями конца 1930-х годов.

В возрастной пирамиде возникла еще одна демографическая яма — это пониженная численность детей, родившихся во время войны: результат не только пониженной рождаемости, но и высокой детской смертности. В итоге эта возрастная детская группа имела в 1959 г. очень низкий удельный вес в возрастном составе населения — всего 7—8%. Кроме того у этих детей фиксировалось отставание в весе и росте по сравнению с детьми, рожденными в предвоенные годы. Так, в 1942 г. в Свердловске вес новорожденных мальчиков снизился на 200 граммов, а девочек — на 171. Рост уменьшился соответственно — на 0,71 и 0,74 см. В Москве в 1943 и 1944 гг. годовалые дети по сравнению с рожденными в довоенное время имели дефицит веса в 650 граммов, а роста в 1,5 см. По обследованию в г. Уфе в 1945 г. рост мальчиков 4—7 лет был меньше, чем у детей того же возраста в 1937 г. на 4,5 см, вес у семилетних уменьшился на 2 кг и на 1 кг у четырехлетних детей.

Поколение этих детей выросло более слабым, среди них большее распространение, чем до войны, имели разного рода хронические заболевания, и потомство этих когорт по достижении ими детородного возраста было более слабым. Демографическое эхо войн сказывалось долго.

Прерывный характер демографического перехода (его признаки были очень неустойчивыми, периодически исчезали), наложил отпечаток на длительность и соотношение его фаз (стадий).

Демографический переход в России начался, как уже говорилось выше, позднее по сравнению с индустриально-развитыми странами Западной и Центральной Европы. В этих странах, как правило, на первой стадии демографического перехода снижалась смертность, а на второй — на фоне понизившейся смертности и увеличившейся продолжительности жизни происходило снижение рождаемости. Затем наступала длительная стабилизация. В России же затянулась именно первая фаза демографического перехода, связанная с понижением смертности, так как низкие показатели смертности в течение очень длительного периода не могли установиться и стабилизироваться. Причем большую роль играли причины смерти экзогенного характера. Помимо людских потерь вследствие голода, войн и т.д. это были еще и инфекционные эпидемические заболевания (тиф, оспа, дизентерия и т.д.), а также инфекционные хронические заболевания, среди которых на первом месте стоит туберкулез. Эти причины смерти устойчиво фиксируются на протяжении всей первой половины XX в. За три года гражданской войны от острых инфекционных болезней погибло более 2-х млн человек, в частности от сыпного тифа в 1919 г. умерло 764 тыс. чел., а в 1920 г. 834 тыс. чел. На протяжении всех 1930-х гг. фиксируются детские эпидемии кори и скарлатины, унесшие сотни тысяч жизней. Великая Отечественная война привела к новой вспышке инфекционных хронических заболеваний. В конце 1940-х гг. туберкулез стоял на первом месте среди причин смерти. Отмечалось также широкое распространение желудочно-кишечных инфекций.

В структуре причин смерти проявилось запаздывание в России так называемого эпидемиологического перехода.

К концу 1950-х гг. экзогенные причины смерти уходят на задний план, но зато такие болезни как гипертония, стенокардия, сердечно-сосудистый невроз отмечаются не только в пожилых, что было бы естественным, а и в молодых возрастах, начиная с 20 лет. Учащаются случаи тяжелых нейро-психических расстройств. Причины этого — последствия ранений и контузий, тяжелых условий труда, плохого питания, бытовой неблагоустроенности. Важную роль сыграло огромное нервно-психическое напряжение в военные годы.

Таким образом, первая фаза демографического перехода оказалась очень длительной. Отмеченные ранее нарушения в возрастнополовом составе населения также сыграли свою роль. Зато вторая, связанная с понижением рождаемости, разворачивалась очень быстро, причем на фоне еще значительной смертности. Это привело к тому, что у нас в стране не было так называемого «демографического выигрыша», т.е. такого состояния в развитии демографических процессов, когда смертность уже значительно понизилась, а рождаемость, снижаясь медленно, постепенно, остается еще довольно высокой. Подобная ситуация привела во многих странах к демографическому взрыву, обеспечившему высокий прирост населения.

Однако, начиная с середины XX в., демографическая ситуация в России начинает меняться под воздействием новых факторов, характерных для индустриально развитых стран. Это, прежде всего, модернизация экономики на основе НТР, интенсивный процесс урбанизации, сопро-

вождающийся резким увеличением городского населения. В период с 1954 по 1975 г. за каждое пятилетие его численность возрастает на 4,4 — 5,5%, достигнув к 1979 г. 69%. Вместе с тем повышается общий образовательный уровень населения, улучшаются вместе с резким увеличением в 1960-е гг. жилищного строительства бытовые условия жизни населения. Повышается уровень медицинского обслуживания. Население в своей массе приобщается к медицинским знаниям. Наконец, в 1960-е — 1970-е гг. получают широкое распространение средства регулирования деторождения. Одним из главных средств все еще остается аборт, но делаются более доступными по сравнению с предшествующим периодом отечественные и импортные средства контрацепции.

Во второй половине 1950-х гг. и в России наблюдается устойчивая тенденция снижения рождаемости: 1950 г. — 26,9, 1955 г. — 25,7, 1959 г. — 23,7‰[26].

Особенно ярко эта тенденция проявляется в 1960-е гг. Рождаемость в СССР и РСФСР резко падает, ее показатели стабилизируются. В 1960 г. она составляла 23,2‰, а в 1965 — 15,7‰, в 1970 — 14,6‰, затем поднимается, но незначительно: в 1975 г. — 15,7‰, в 1979 г. — 15,8‰. Это быстрое снижение показателя рождаемости охватывает все районы РСФСР. Приведем данные за 1960 и 1970 гг. по отдельным регионам. В ЦПР — 21,8 и 12,6‰; на Северном Кавказе — 24, и 16,3; в Поволжском районе — 23,6 и 14,7; в Уральском районе — 26,6 и 15,6; Западно-Сибирском — 26,7 и 15,2; в Восточно-Сибирском — 27,7 и 17,5; на Дальнем Востоке — 25,0 и 17,8[27]. В особом положении находились Северо-Западный и Центральный районы, где снижение рождаемости произошло раньше и таких резких скачков ее показатели не испытывали. Типична повсеместная тенденция к снижению возраста матерей, уменьшению числа рождений у женщин в возрасте после 35 лет[28].

Эти годы отмечены и значительным понижением смертности и выравниванием ее показателей в городе и селе. Смертность городского населения в 1960 г. составляла 6,7‰, а в селе — 8,2‰, в 1970 г. соответственно — 7,9 и 10,07. При этом сокращается роль экзогенных причин смерти. Если инфекционные и паразитарные болезни в 1960 г. унесли 62 тыс. жизней (52,2 на 100 000 населения), то в 1970 г. — 31 тыс. (24,0), а в 1979 г. — 28 тыс. (20,5). Основными причинами смерти становятся болезни эндогенного характера — на первом месте — органов кровообращения, а на втором — новообразования. Среди младенцев на фоне снижающейся смертности также уменьшается число умерших от инфекционных и паразитарных болезней. Если в 1960 г. от них погибло 11 тыс. младенцев, то в 1970 г. — только 2 тыс. К концу 1970-х гг. — этот показатель несколько поднимается — до 7 тыс. Основными причинами младенческой смертности в эти годы являются болезни органов дыхания, а также отдельные состояния, возникающие в перинатальном периоде. Таким образом, произошли существенные изменения в соотношении причин общей и детской смертности. Смерть младенцев от врожденных аномалий в 1960-е гг. пока еще незначительна, однако к концу 1970-х гг. ее показатель имеет тенденцию к увеличению. Сказывается резкое ухудшение экологической ситуации, особенно в промышленных

районах страны. В целом же уровень младенческой смертности в России в этот период (в 1970-м г. — 23‰, в 1980-м — 22,1‰) был ниже соответствующих показателей некоторых европейских стран — Италии (25,9‰), Испании (29,6‰).

В 1960-е — первой половине 1970-х гг. Россия поднимается на уровень мировых показателей продолжительности жизни российского населения, характерных для индустриально-развитых стран. В среднем ожидаемая продолжительность жизни при рождении составляла в этот период в 1961—1962 г. 68,8 лет, при этом среди мужчин — 63,8, среди женщин — 72,4; в 1970—1971 соответственно — 68,9, 63,2 и 73,6. Однако к концу 1970-х гг. наметились неблагоприятные тенденции — сокращение продолжительности жизни, прежде всего мужчин. В итоге в 1979 г. — соответствующие показатели составили 67,7, 61,7 и 73,1.

В течение всего исследуемого периода был зафиксирован положительный естественный прирост населения в России. В 1960 г. он еще весьма высок — 15,8%, в 1970 — 5,9%, в 1979 — 5,0%. Здесь проявилась присущая завершающей стадии демографического перехода тенденция к снижению естественного прироста, однако ни разу за все рассматриваемое двадцатилетие он не опустился до нулевого, а тем более до отрицательного уровня.

В 1960—1970-е гг. в России демографический переход, успешно развиваясь, вступает в свою завершающую фазу, когда коэффициент рождаемости приближается к уровню простого воспроизводства населения, а коэффициент смертности, испытав некоторое повышение, под воздействием процесса старения населения, остается низким. Низкие показатели рождаемости и смертности имеют тенденцию к стабилизации. Уменьшаются региональные различия в демографических показателях. Можно сказать, что к середине 1970-х гг. демографический переход в России был в принципе, в основных своих чертах, завершен. К этому времени стала преобладающей простая, нуклеарная семья, состоящая из супружеской пары с детьми. Семья стала не только малочисленной, но и малодетной: в среднем — 1—2 ребенка.

Однако специфика протекания в России демографического перехода наложила отпечаток на демографические характеристики населения — наличие в возрастном составе многочисленных демографических ям, сохранение существенной разницы в продолжительности жизни мужчин и женщин и т.д. На сглаживание этих остаточных явлений требовалось время.

Но уже к началу 1980-х гг. вновь проявляются неблагоприятные тенденции в структуре причин смерти, сокращение ожидаемой продолжительности жизни, прежде всего мужчин, заметный рост показателей смертности в детском и трудоспособном возрастах и т.д. Длительная демографическая стабилизация не состоялась, она вновь была прервана.

Примечания

Глава I

[1] Народное хозяйство СССР за 60 лет: Юбилейный статистический ежегодник. М.: Статистика, 1977. С. 40.

[2] Народное хозяйство РСФСР в 1960 году: Статистический ежегодник. Госстатиздат ЦСУ СССР. М., 1961. С. 34.

[3] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 27. Д. 984. Л. 2.

[4] Там же.

[5] Народное хозяйство РСФСР в 1960 году. С. 34.

[6] Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР, М., 1963. С. 202—205.

[7] Там же. С. 312—337.

[8] Народное хозяйство РСФСР в 1960 году. С. 34.

[9] Там же.

[10] Там же. С. 35.

[11] Там же.

[12] Там же.

[13] Там же.

[14] Там же. С. 36.

[15] Там же.

[16] Там же. С. 37.

[17] Там же.

[18] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Ч. 2. Д. 1530. Л. 55—60, 67—72, 79—84 (подсчеты автора).

[19] Там же. Л. 121—126, 139—144, 151—156 (подсчеты автора).

[20] Там же. Л. 55—60, 67—72, 79—84, 97—102, 109—114, 121—126, 151—156, 163—168 (подсчеты автора).

[21] Там же (подсчеты автора).

[22] Там же (подсчеты автора).

[23] Там же (подсчеты автора).

[24] Там же. Л. 67—72, 79—84, 109—114 (подсчеты автора).

[25] Там же. Л. 109—114, 97—102, 79—84 (подсчеты автора).

[26] Там же. Л. 121—126, 139—144 (подсчеты автора).

[27] Там де. Л. 67—72 (подсчеты автора).

[28] Там же. Л. 55—60, 67—72, 79—84, 97—102, 109—114, 121—126, 151—156, 163—168 (подсчеты автора).

[29] Там же.

[30] Там же. Л. 109—114, 121—126, 139—144, 151—156 (подсчеты автора).

[31] Там же. Л. 163—168 (подсчеты автора).

[32] Там же. Л. 109—114, 121—126 (подсчеты автора).

[33] Там же. Л. 55—60, 67—72, 79—84, 97—102, 109—114, 121—126,151—156, 163—168 (подсчеты автора).

[34] Там же. Л. 37—39; Народное хозяйство РСФСР в 1960 году. М., 1960. С. 7—8.

[35] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Ч. 2. Д. 1530. Л. 55—60, 67—72, 79—84, 97—102, 109—114, 121—126,151—156, 163—168 (подсчеты автора).

[36] Там же.

[37] Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. С. 74—86, 390—409.

Глава II

[1] *Покшишевский В.В.* Население и география. М., 1978.С. 139.

[2] Народное хозяйство РСФСР за 70 лет: Стат. ежегодник. М., 1987. С. 264.

[3] Рассчитано по: *Корель Л.В.* Перемещение населения между городом и селом в условиях урбанизации. Новосибирск, 1982. С. 36.

[4] Рассчитано по: Население СССР. 1987: Стат. сб. М., 1988. С. 8, 112; Демографический ежегодник СССР. 1990. С. 31, 91, 509; Население СССР. 1988: Стат. ежегодник. М. С. 8, 40; Народное хозяйство РСФСР в 1990 г.: Стат. ежегодник. М., 1991, С. 77.

[5] Население СССР. 1987. С. 8; Демографический ежегодник СССР. 1990. С. 32.

[6] См.: *Хорев Б.С.* Проблемы городов. М., 1971.

[7] Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. Т. 10. М., 1981. С. 5, 7, 13: Население СССР за 70 лет. М., 1988. С. 37.

[8] Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. 7. М., 1974, С. 9; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. Т. 10. С. 5, 7, 13. Население СССР за 70 лет. С. 37.

[9] См.: Социальные факторы и особенности миграции в СССР. М., 1978. С. 108—110.

[10] Социология и проблемы социального развития. М., 1978. С. 174.

[11] *Удальцова М.В.* Городская агломерация как социально-экономическая система. Томск, 1985. С. 97.

[12] См. *Воробьев В.В., Гладышева Е.Н., Переведенцев В.И., Покшишевский В.В.* Об основных закономерностях миграции // Материалы к IV съезду Географического общества. Ч. 2. Л., 1964. С. 40; Занятость в небольших городах. М., 1978. С. 71.

[13] Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. 7. С. 163.

[14] Рассчитано по тем же данным.

[15] См.: География и практика народного хозяйства СССР. М., 1979. С. 112—123.

[16] См. *Аитов Н.А.* Социальное развитие регионов. М., 1985. С. 146.

[17] *Удальцова М.В.* Указ. соч. С. 122.

[18] См.: Там же.

[19] Советский город: Социальная структура. М., 1988. С. 225.

[20] *Хорев Б.С.* Проблемы городов. М., 1975. С. 267.

[21] Советский город: Социальная структура. С. 225.

[22] *Бойко В.В.* Малодетная семья. Социально-психологическое исследование. М., 1980. С. 29—30.

[23] Подробнее см.: Социальная активность рабочей молодежи автономных республик. Межвузовский сб. научн. тр. Чебоксары, 1988. С. 29—30.

[24] Социальное развитие рабочего класса СССР. М., 1977. С. 27.

[25] Человек и общество. Вып. 19. Проблемы социального развития крупных городов. Л., 1982. С. 41.

[26] *Титма М.К., Саар Э.Л.* Молодое поколение. М., 1986. С. 72—74.

[27] Урбанизация и развитие городов в СССР. Л., 1985. С. 129—130.

[28] *Аитов Н.А.* Указ. соч. С. 120.

[29] Там же. С. 121.

[30] Миграция сельского населения. Новосибирск, 1969. С. 91; *Удальцова М.В.* Указ. соч. С. 123.

[31] См.: *Корель Л.В.* Указ. соч. С. 37.

Глава III

[1] Численность, состав и движение населения РСФСР. М., 1990. С. 92—97; Демографический ежегодник Российский Федерации, 1993. М., 1994. С. 81; ГА РФ. Ф. А-374. Оп. 36. Д. 11230. Л. 1—2; *Синельников А.Б.* Брачность и рождаемость в СССР. М., 1989. С. 37; Демографический ежегодник, 1998: Статистический сборник. М., 1998. С. 89.

[2] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 27. Д. 1015. Л. 4—4об. (подсчеты автора).

[3] Там же. Д. 1007. Л. 1—1об., 2—2об.; Д. 1008. Л. 1—1об., 2—2об.; Д. 1173. Л. 2—2об.; Население России, 1996. М., 1997. С. 164; Население СССР за 70 лет. М., 1988. С. 104—105. Табл. 3.21.

[4] *Янкова З.А.* Городская семья. М., 1979. С. 63—64.

[5] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 27. Д. 1010. Л. 1—1об., 4—4об.; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. М., 1990. Т. 6. Ч. 3. С. 3—9 (подсчеты автора), 106—107.

[6] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 27. Д. 999. Л. 4; Д. 1017. Л. 76—76об., 84—84об.; Демографический ежегодник Российский Федерации, 1993. С. 65; Численность, состав и движение населения РСФСР. С. 92—97; Население Западной Сибири в XX веке. Новосибирск, 1997. С. 85; Население Урала. XX век: История демографического развития. Екатеринбург, 1996. С. 165—169.

[7] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 27. Д. 1182. Л. 2—2об., 36—36об., 98—98об., 122—122об., 132—132об., 143—143об.; *Галецкая Р.А.* Особенности современного демографического развития в СССР // Экономика. Демография. Статистика. М., 1990. С. 213; Население Западной Сибири в XX веке. С. 84.

[8] Демографический ежегодник России, 1998. С. 100; Население Западной Сибири в XX веке. С. 85; *Кузьмин А.И.* Семья на Урале: Демографические аспекты выбора жизненного пути. Екатеринбург, 1993. С. 26.

[9] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 27. Д. 984. Л. 10; Д. 999. Л. 11 (подсчеты автора); Д. 1000. Л. 15—16, 79—80, 110—111, 112—113, 124—125, 134—135, 186—189; Д. 1186. Л. 4—6об.; Население России, 1994. М., 1994. С. 101—104, 118. Табл. 7.10, 7.11—7.13

[10] *Соколова Н.С.* О влиянии детской смертности на динамику рождаемости // Советское здравоохранение. 1967. № 2. Табл. 3.

[11] *Галецкая Р.А.* Указ. соч. С. 213.

[12] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 27. Д. 1020. Л. 2—2об.; Д. 1021. Л. 4—4об.; Д. 1182. Л. 2.

[13] Там же. Д. 1000. Л. 15—16 (подсчеты автора).

[14] Там же. *Богомольский М.А.* К вопросу о заболеваемости детского населения некоторых городов // Советское здравоохранение. 1965. № 2. С. 12—15.

[15] Население России, 1994. С. 96—98.

[16] Численность, состав и движение населения РСФСР. С. 92—97; Демографический ежегодник Российский Федерации, 1993. С. 87; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 27. Д. 984. Л. 206; Д. 999. Л. 4; Население России, 1994. С. 26—28. Табл. 1.10а.

[17] Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. М., 1972. Т. 2. С. 19; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. М., 1989. Т. 2. Ч. 1. С. 8—9, 12—17, 40—41.

[18] Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: РСФСР. С. 98; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. 2. С. 18—19; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. Т. 2. Ч. 1. С. 40—41.

Глава IV

[1] См.: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. М., 1963. С. 11; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. Т. 1. М., 1989. С. 27.

[2] Народонаселение. Энциклопедический словарь. М., 1994. С. 124.

См. об этом: *Эбэрхардт.* География населения России. СПб., 2003. С. 165 и др.

[3] Подсчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. С. 24—29; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т.1. С. 10—15; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. Т. 1. С. 45—49.

[4] Население России. 1994. Второй ежегодный демографический доклад. М., 1994. С. 36; *Горбачев О.В.* На пути к городу: Сельская миграция в Центральной России (1946—1985 гг.) и советская модель урбанизации. М., 2002. С. 41.

[5] См.: *Иоффе Г.В.* Нечерноземье: социальная география и хозяйство. М., 1986.С. 8; *Денисова Л.Н.* Исчезающая деревня России: Нечерноземье в 1960—1980-е гг. М., 1996. С. 132.

[6] *Горбачев О.В.* Указ соч. С. 41.

[7] *Денисова Л.Н.* Указ. соч. С. 38.

[8] Население Западной Сибири в XX веке. Новосибирск, 1997. С. 103.

[9] *Тюрина А.П.* Социально-экономическое развитие советской деревни. 1965—1980. М.,1982. С. 60, 62.

[10] *Игудина А.И., Иоффе Г.В.* Сдвиги в размещении сельского населения Нечерноземной зоны РСФСР // Известия АН СССР. Сер. географ. 1985. № 5. С. 75.

[11] РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 4. Д. 2099. Л.20.

[12] *Тюрина А.П.* Указ. соч. С. 54.

[13] *Денисова Л.Н.* Указ. соч. С. 35.

[14] См.: *Зеленин И.Е.* Аграрная политика Н.С. Хрущева и сельское хозяйство. М., 2001. С. 234.

[15] *Горбачев О.В.* Указ. соч. С. 129.

[16] *Зайончковская Ж.А.* Новоселы в городах. М., 1972. С. 72—74.

[17] *Денисова Л.Н.* Указ. соч. С. 132.

[18] Там же. С. 135.

[19] Население СССР. 1987: Стат. Сб. М., 1988. С. 110—120; Население Западной Сибири в XX веке. С. 103.

[20] Демографическая ситуация и расселение населения в сельской местности РСФСР. М., 1986. С. 18.

[21] Население России. 1994: Второй ежегодный демографический доклад. С. 26.

[22] Подсчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. Т. I. С. 28—35.

[23] Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. М., 1963. С. 18—29.

[24] Там же. С. 11.

[25] Город и деревня в Европейской России: Сто лет перемен. М., 2001. С. 236—237.

[26] Там же.

[27] Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. С. 50—51.

[28] *Ковалев С.А.* Сельское расселение. (Географическое исследование). М., 1963.С. 142.

[29] Там же. С. 145.

[30] Город и деревня в Европейской России, С. 260; ГА РФ. Ф. А-374. Оп. 36. Д. 11226. Л. 83.

[31] Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. С. 265; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. М., 1972. Т. VI. С. 27.

[32] Программа КПСС. М., 1961. С. 85.

[33] *Ковалев С.А.* Указ. соч. С. 148—153.

[34] *Беленький В.Р.* Российская деревня: Из прошлого в будущее. М., 1991. С. 20—21.

[35] Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. С. 18—23; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. 1. С. 10—15; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. Т. 1. С. 28—35.

[36] Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. С. 146—147; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. Т. 1. М., 1989. С. 218—219.

[37] Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. 1. С. 146—149.

[38] *Тюрина А.П.* Указ. соч. С. 57—58.

[39] Демографическая ситуация и расселение населения в сельской местности РСФСР. М., 1986. С. 6.

[40] Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. С. 48—51; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. 1. С. 146—150; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. Т. 1. С. 334—353.

[41] Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. С. 18—23; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. 1. С. 10—15; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. Т. 1. С. 28—35.

[42] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1986. Т. 12. С. 405.

[43] *Тюрина А.П.* Указ. соч. С. 58.

[44] *Хорев Б.С.* Вопросы совершенствования научно-технической политики в области развития сельских населенных мест // Демографическая ситуация и расселение населения в сельской местности РСФСР. М., 1986. С. 70.

[45] Динамика систем расселения. М., 1977. С. 36.

[46] См.: *Безнин М.А.* Крестьянский двор в Российском Нечерноземье. 1950—1965 гг. М.—Вологда, 1991. С. 31, 225.

[47] Региональное расселение в СССР. М., 1984. С. 162—163.

[48] См.: Демографическая ситуация и расселение населения в сельской местности РСФСР. М., 1986. С. 42.

[49] Подсчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. С. 18—213; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. Т. 1. С. 28—35.

[50] Текущий архив Госкомстат РФ. Папка 1965 г.

[51] Там же.

[52] Подсчитано по: Российский статистический ежегодник, 2001. М., 2002. С. 88.

[53] ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 36. Д. 11223. Л. 59; Д. 11224. Л. 84, 186.

[54] Текущий архив Госкомстата РФ. Папка 1965 г.

[55] Там же.

[56] См. об этом: Население Западной Сибири в XX веке. С. 83.

[57] Российский статистический ежегодник. 2001. С. 246.

[58] Текущий архив Госкомстата РФ, 1965 г.

[59] См.: Народное хозяйство СССР. 1922—1972: Юбил. стат. ежегодник. М., 1972. С. 42—43.

[60] Текущий архив Госкомстата РФ. Папка 1970 г.

[61] Там же. Папки 1970 и 1980 гг.

[62] См.: Там же; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 33. Д. 4529. Л. 128.

[63] Население России. 1996: Четвертый ежегодный демографический доклад. М., 1997. С. 114—115.

[64] Там же. С. 117.

[65] Российский статистический ежегодник. 2001. С. 127.

[66] Население России. 1994: Второй ежегодный демографический доклад. М., 1994. С. 101.

[67] Текущий архив Госкомстата РФ. Папки 1965 и 1970 гг.

[68] Российский статистический ежегодник. 2001. С. 104.

[69] Население России. 1994: Второй ежегодный демографический доклад. С. 26.

[70] Подсчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. Т. I. С. 28—35.

[71] Население России. 1996: Четвертый ежегодный демографический доклад. М., 1997. С. 29.

[72] Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. С. 60—61.

[73] ГА РФ. Ф. А-374. Оп. 36. Д. 11224. Л. 154.

[74] Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. II. С. 7, 11.

[75] См.: Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. Т. II. Ч. 1. С. 422—423.

[76] Подсчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. С. 86—91 и Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. Т. II. Ч. 1. М., 1989. С. 136—387.

[77] Подсчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. Т. II. С. 36— 39.

[78] Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. С. 86—97; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. Т. II. Ч. 1. С. 136—387.

[79] *Россет Э.* Процесс старения населения. М., 1968. С. 69.

Глава V

[1] См., например: *Исупов А.* Национальный состав населения СССР. М., 1964; *Козлова В.И.* Национальности СССР. Первое изд.: М., 1975; Второе изд.: М., 1981; Современные этнические процессы в СССР. М., 1977.

[2] Словарь национальностей и языков. М., 1969; Словарь национальностей и языков. М., 1978.

[3] См.: *Исупов А.* Указ. соч. С. 12.

[4] *Tolts M.* Jews in Russia: A Case Study of Population Declime // Paper Presented at the Conference "Population of Russia in the 20th Century". Moscow. December 21—222. 1998.

[5] *Козлов В.И.* Национальности СССР. М., 1975. С. 83.

[6] Об этом говорят результаты исследований в области рождаемости, смертности и брачности. См. например: *Бондарская Г.А.* Этническая дифференциация рождаемости в СССР и ее сущность // Рождаемость (Проблемы изучения). М., 1976; *Бондарская Г.А., Ильина И.П.* Этническая дифференциация брачности женщин в СССР. Демографический аспект // Демографическое развитие семьи. М., 1979; *Добровольская В.М.* Этническая дифференциация смертности // Демографические процессы в СССР. М., 1990.

[7] О характеристиках типов воспроизводства см.: *Вишневский А.Г.* Воспроизводство населения и общество. М., 1982; Энциклопедический словарь народонаселения. М., 1994; Воспроизводство населения СССР. М., 1985.

[8] *Добровольская В.М.* Указ. соч. С. 150.

[9] *Богоявленский Д., Школьников В., Андреев Е.* Этнические различия // Неравенство и смертность в России. М., 2000. С. 49—50.

[10] Воспроизводство населения СССР. М., 1983. С. 102.

[11] *Денисенко М.Б.* Изменение половозрастного состава населения России во второй половине XX века // Население России на рубеже XX—XXI веков: Проблемы и перспективы. М., 2002.

Глава VI

[1] См.: *Заславская Т.И.* Становление экономико-социологического коллектива (1967—1972 гг.) // Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы. Новосибирск, 1999.

[2] Миграция сельского населения / Под ред. Т.И. Заславской. М., 1970.

[3] Миграционная подвижность населения в СССР / Под ред. Б.С. Хорева, В.М. Моиссеенко. М., 1974.

[4] *Пивоваров Ю.Л.* Современная урбанизация. М., 1976. С. 28.

[5] Там же.

[6] *Алексеев А.И.* Размещение населения России // Население России на рубеже XX—XXI веков: Проблемы и перспективы. М., 2002. С. 205.

[7] *Татевосов Р.В.* Исследование пространственных закономерностей миграции // Статистика и миграция населения. М., 1973. С. 42—44.

[8] *Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л.* Демографическая история России. М., 1998.

[9] Здесь и далее приводятся данные: Население России. М., 1993.

[10] *Корель Л.В.* Перемещения населения между селом и городом в условиях урбанизации. Новосибирск, 1982. С. 33—34, 51—54, 60—61.

[11] *Лимонова Н.А.* Право граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства. М., 2001. С. 26—27.

[12] Рынок труда и социальная политика в Центральной и Восточной Европе: Переходный период и дальнейшее развитие. М., 1977.

[13] Численность и состав населения СССР: По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. М., 1984.

Глава VII

[1] Население СССР за 70 лет. М., 1988. С. 75—76; Эволюция семьи и семейная политика в СССР / Под ред. А.Г. Вишневского. М., 1992. Табл. 1.1.

[2] Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. М., 1972. Т. 2. С. 263; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. М., 1989. Т. 2. Ч. 2. С. 747; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 6155. Л. 1—24; Д. 6156. Л. 1—139.

[3] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 6156. Л. 1—139. См.: *Тольц М.С.* Демографический анализ брачности: Проблемы, методы, интерпретация результатов // Методы исследования. М., 1986. С. 85; Демографическое развитие СССР в послевоенный период. М., 1984. С. 31, 32. Табл. 3.

[4] *Голод С.И.* Семья и брак: Историко-социологический анализ. СПб., 1998. С. 51, 54—58, 66.

[5] Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. 2. С. 263.

[6] *Киселева Г.П., Синельников А.Б.* Эволюция брачно-семейной структуры населения СССР в послевоенный период // Демографическое развитие СССР в послевоенный период. С. 27, 28. Табл. 2; *Волков А.Г.* Семья как фактор изменения демографической ситуации // Социологические исследования. 1981. № 1. С. 36; он же. Семья — объект демографии. М., 1986. С. 113—114. Табл. 3.2; Население СССР за 70 лет. С. 80—81. Табл. 3.3, 3.4; Социологические исследования. 1979. № 1. С. 85.

[7] Демографический ежегодник России, 1998: Статистический сб. М., 1998. С. 115.

[8] Демографические перспективы России: Доклад. М., 1993. С. 28.

[9] Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. М., 1973. Т. 4. С. 384; *Бондарская Г.А., Ильина И.П.* Этническая дифференциация брачности женщин в СССР: Демографический аспект // Демографическое развитие семьи. М., 1979. С. 16. Табл. 3; Русские (этносоциологические очерки). М., 1992. С. 157.

[10] Там же. С. 192; *Волков А.Г.* Семья — объект демографии. С. 80; *Сусоколов А.А.* Межнациональные браки в СССР. М., 1987. С. 94—95, 100, 104.

[11] Демографическое развитие СССР в послевоенный период. С. 37; Население СССР за 70 лет. С. 88—89.

[12] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 27. Д. 1006. Л. 1; Население России, 1995: Третий ежегодный демографический доклад. М., 1996. С. 34. Табл. 3.4; Демографические перспективы России. С. 29; *Голод С.И.* Указ. соч. С. 76—87.

[13] Ведомости Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик. 1965. № 49. Ст. 725; 1968. № 27. Ст. 241.

[14] *Янкова З.А.* Городская семья. М., 1979. С. 149, 152; Население России, 1995. С. 34, Табл. 3.4. Население СССР за 70 лет. С. 86; *Волков А.Г.* Семья как фактор изменения демографической ситуации. С. 37; *Толчинский Л.Е.* Оценка уровня разводимости в СССР // Демографическое развитие семьи. М., 1979. С. 190; *Тольц М.С.* Указ. соч. С. 80.

[15] Население СССР за 70 лет. С. 88 (Табл. 3.11), 89.

[16] Там же. С. 90—91; Население России: Ежегодный демографический доклад. М., 1993. С. 19. Табл. 2.7.

[17] Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: СССР. М., 1962. С. 242; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: РСФСР. М., 1963. С. 426, 450; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года: Статистический сб. М., 1990. Т. 6. Ч. 1. С. 48 (подсчеты авторов), 54; *Волков А.Г.* Семья — объект демографии. Табл. 2.4; *Янкова З.А.* Указ. соч. С. 33.

[18] Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года: Статистический сб. М., 1990. Т. 6. Ч. 2. С. 349.

[19] Там же. С. 54.

[20] *Борусяк Л.Ф.* Статистическое исследование нуклеаризации семей в СССР. М., 1982. С. 7, 12.

[21] Там же. С. 13. Табл. 1; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. Т. 6. Ч. 2. С. 52.

[22] Там же. Т. 6. Ч. 1. С. 54—166.

[23] См.: *Васильева Э.К.* Семья и ее функции (Демографо-статистический анализ). М., 1975 . С. 39; *Янкова З.А.* Указ. соч. С. 32; *Волков А.Г.* Семья как фактор изменения демографической ситуации. С. 34.

[24] Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. М., 1974. Т. 7. С. 238, 252—255; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. Т. 6. Ч. 2. С. 5—6, 8—9, 216—219, 272—275.

[25] Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. 7. С. 250, 380—381, 444, 450, 452; *Янкова З.А.* Указ. соч. С. 34.

[26] *Белова В.А., Дарский Л.Е.* Статистика мнений в изучении рождаемости. М., 1972. С. 65.

[27] *Гурко Т.А.* Трансформация института современной семьи // Социологические исследования. 1995. № 10. С. 95—96; *Голод С.И.* Указ. соч. С. 60, 87.

[28] Эволюция семьи и семейная политика в СССР. М., 1992. С. 25; Народонаселение: Энциклопедический словарь. М., 1994. С. 431.

[29] *Антонов А.И., Борисов В.А.* Кризис семьи и пути его преодоления. М., 1990. С. 4—5.

[30] *Вишневский А.Г.* Демографическая модернизация России и ее противоречия: Тезисы доклада // Население России в XX в. М., 1998. С. 4; *Голод С.И.* Указ. соч. С. 89.

[1] *Файнбург З.* Влияние эмоциональных отношений в семье на ее стабилизацию // Социальные исследования. М., 1972. С. 4, 10; *Кон С.И.* Введение в сексологию. М., 1988. С. 173.

[2] *Голод С.* Социально-психологический эксперимент как метод социального исследования проблем брака и семьи // Проблемы быта, брака и семьи. Вильнюс, 1970. С. 39; *Вишневский А.Г.* Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М., 1988. С. 148.

[3] *Кон И.С.* Сексуальная культура в России: Клубничка на березке. М., 1997. С. 176—177; *Голод С.И.* Семья и брак: Ист.-соц. анализ. СПб., 1998. С. 50—89; Он же. XX век и тенденции сексуальных отношений в России. СПб., 1996. С. 65—71.

[4] *Мокеров И.П., Кузьмин А.И.* Экономико-демографическое развитие семьи. М., 1990. С. 52—53; *Голод С.* Социально-психологический эксперимент как метод социологического исследования проблем брака и семьи. С. 39.

[5] *Харчев А.Г., Голод С.И.* Молодежь и брак // Человек и общество. Л., 1969. Вып. 6. С. 125—142; *Мокеров И.П., Кузьмин А.И.* Указ. соч. С. 54; *Кон И.С.* Введение в сексологию. С. 171—172, 174; *Голод С.И.* Семья и брак. С. 66.

[6] Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. М., 1972. Т. 2. С. 263; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. М., 1989. Т. 2. Ч. 2. С. 718; Демографический ежегодник России, 1998. М., 1998. С. 126—127; РГАЭ. Ф.1562. Оп. 27. Д. 1031. Л. 1об., 3об., 121об., 142об., 161об., 162об., 171об., 183об., 201об., 207об., 213об., 219об., 225об.; ГАРФ. А-374. Оп. 36. Д. 1138. Л. 1—10об.

[7] *Файнбург З.И.* К вопросу об этической мотивации брака // Социальные исследования. М., 1970. Вып. 4. С. 74. Табл. 9; *Мокеров И.П., Кузьмин А.И.* Указ. соч. С. 52—53.

[8] Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. 2. С. 263; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. Т. 2. Ч. 2. С. 747.

[9] Население СССР за 70 лет. М., 1988. С. 92—94. Табл. 3.14.

[10] Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. 2. С. 263—268; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. Т. 2. Ч. 2. С. 715—776; Демографические перспективы России: Доклад. М., 1993. С. 28.

[11] Там же. С. 28—29. Табл. 4.11.

[12] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 27. Д. 984. Л. 8—9; Д. 1005. Л. 4—4об.; Д. 1006. Л. 1—16 (подсчеты автора); Население России. 1995: Третий демографический доклад. М., 1996. С. 28—29, 108; ГА РФ. Ф. А-374. Оп. 36. Д. 11181. Л. 2—2об., 5, 8, 11, 14, 17, 20, 23, 26, 29.

[13] Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. Т. 2. Ч. 2. С. 715—746; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1530. Л. 40—42; Д. 6155. Л. 4—6, 16—18; Д. 6156. Л. 1—139.

[14] Русские (этносоциологические очерки). М., 1992. С. 191—192, 202; *Волков А.Г.* Семья — объект демографии. М., 1986. С. 80.

[15] Население СССР за 70 лет. С. 88—89.

[16] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 27. Д. 1005. Л. 4—4об.; Д. 1006. Л. 76 (подсчеты автора); ГА РФ. Ф. А-374. Оп. 32а. Д. 11461. Л. 1—3об., 4—6об., 22—24об; Население России. 1995. С. 33, 108; *Янкова З.А.* Городская семья. М., 1979. С. 146; Население Западной Сибири в XX веке. Новосибирск, 1997. С. 62.

[17] *Янкова З.А.* Указ. соч. С. 150, 151; *Харчев А.Г.* Брак и семья в СССР. Л., 1964. С. 212; *Кон И.С.* Указ. соч. С. 251, 255.

[18] *Голод С.* Социально-психологический эксперимент как метод социологического исследования проблем брака и семьи. С. 39, 41; *Кондратова В.* Взрослые и дети // Народное образование. 1968. № 9. С. 84; *Кон И.С.* Указ. соч. С. 174—175.

[19] *Соловьев Н.Я.* Развод как предмет социологического обследования. М., 1970. С. 5—9; *Волков А.Г.* Указ. соч. С. 148; *Файнбург З.И.* Указ. соч. С. 70.

[20] *Янкова З.А.* Указ. соч. С. 149, 151; *Волков А.Г.* Указ. соч. С. 140—148.

[21] Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: РСФСР. М., 1963. С. 450; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. М., 1990. Т. 6. Ч. 1. С. 48.

[22] Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. М., 1974. Т. 7. С. 188—195, 414—415; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. М., 1990. Т. 6. Ч. 2. С. 349; *Герасимова И.А.* Структура семьи. М., 1976. С. 44, 76, 79; *Янкова З.А.* Указ соч. С. 33.

[23] Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. Т. 6. Ч. 2. С. 52.

[24] Там же. С. 54—166; *Герасимова И.А.* Указ. соч. С. 73. Табл. 16.

[25] Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. 7. С. 252—255, 272—273, 278—281; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. Т. 6. Ч. 2. С. 8—9, 118—120, 122—124, 216—219, 272—274; *Васильева Э.К.* Указ. соч. С. 44. Табл. 7.

[26] Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. 7. С. 250; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. Т. 6. Ч. 2. С. 60 (подсчеты автора).

[27] *Белова В.А., Дарский Л.Е.* Статистика мнений в изучении рождаемости. М., 1972. С. 81—82, 97.

[28] Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. 7. С. 250—251, 380—381 (подсчеты автора по городской семье РСФСР), 444, 450, 452; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. Т. 6. Ч. 2. С. 60—61 (подсчеты автора); *Янкова З.А.* Указ. соч. С. 25. Табл. 3.

[29] *Янкова З.А.* Указ. соч. С. 59; *Янкова З.А., Родзинская И.Ю.* Проблемы большого города. М., 1982. С. 21—22; Русские: (Этносоциологические очерки). С. 179—183; *Голод С.И., Клецин А.А.* Состояние и перспективы развития семьи: Теоретико-типологический анализ. СПб., 1994. С. 6—7.

[30] *Шилин Н.Д.* Указ. соч. С. 232. (Табл. 3), С. 244. (Табл. 6); *Харчев А.Г., Емельянова К.Л.* Брак: Идеал и действительность // Социальные исследования. М., 1970. Вып. 4. С. 65; Русские: (Этносоциологические очерки). С. 181—182.

[31] *Янкова З.А.* О семейно-бытовых ролях работающих женщин: Социальные исследования. М., 1970. Вып. 4. С. 81.

[32] *Кондратова В.* Взрослые и дети // Народное образование. 1968. № 3. С. 83—84; *Леванов Е.Е.* Семейное воспитание: Состояние и проблемы // Социологические исследования. 1976. № 1. С. 117; *Акопджанян К.А.* Хозяйственная деятельность различных поколений семьи // Взаимоотношения поколений в семье. М., 1977. С. 12—133.

[33] *Харчев А.Г., Емельянова К.Л.* Указ. соч. С. 64; *Радзинская И.Ю.* Влияние старшего поколения на стабильность молодой семьи // Взаимоотношение поколений в семье. С. 85—86; 93—94; *Шмелева М.Н.* Традиционные бытовые связи современной городской семьи (по материалам Центральных областей РСФСР) // Русские: семейный и общественный быт. М., 1989. С. 66—67; Взаимоотношение поколений в семье. С. 87, 127—128, 135—136.

[34] *Шмелев М.Н.* Указ. соч. С. 64—65, 68—76; *Янкова З.А.* О семейно-бытовых ролях работающих женщин. С. 130—141.

Глава IX

[1] Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. II. М.,1972. С. 18—19.

[2] *Вербицкая О.М.* Население российской деревни в 1939—1959 гг. Проблемы демографического развития. М., 2002. С. 207.

[3] Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. С. 18-19.

[4] Там же. С. 263.

[5] См.: *Вербицкая О.М.* Указ. соч. С. 208—209.

[6] Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. II.С. 363.

[7] См. об этом: *Алексеев А.И.* Многоликая деревня (население и территория). М., 1990. С. 162—163.

[8] Текущий архив Госкомстата Российской Федерации. Папка 1965 г.

[9] ГА РФ. Ф. А-374. Оп. 36. Д. 11223. Л.88.

[10] См.: Ведомости Верховного Совета СССР. 1965. № 49. Ст. 725; Там же. 1968. Ст. 241.С. 27.

[11] ГА РФ. Ф. А-374. Оп. 36. Д. 11223. Л. 11.

[12] *Панкратова М.* Сельские жители России. Судьбы и семьи в XX веке. М., 1995. С. 44.

[13] Российский статистический ежегодник. 2001. С. 127.

[14] Текущий архив Госкомстата Российской Федерации. Папки 1975 и 1980 гг.

[15] См.: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. VII. С. 206—219; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. Т. VI. Ч. I. С. 54—71.

[16] См.: Население России. 1994. С. 55. Табл. 4.

[17] *Алексеев А.И.* Указ. соч. С. 165.

[18] Там же.

[19] Население России: Второй ежегодный демографический доклад. М., 1994. С. 58.

[20] Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. Т. VI. Ч. II. С. 52.

[21] Там же.

[22] Там же.

[23] Население России. 1994. С. 59.

[24] *Кузьмин А.И.* Семья на Урале: Демографические аспекты выбора жизненного пути. Екатеринбург, 1993. С. 67.

[25] См.: Текущий архив Госкомстата Российской Федерации. Папки 1970, 1975 и 1980 гг.

[26] Там же.

[27] Там же.

[28] *Алексеев А.И.* Указ. соч. С. 166.

[29] Проблемы деревни и города. Т. II. Таллинн—Тарту, 1979. С. 114.

[30] *Касьянов Н.Р.* Тенденции развития брачно-семейных отношений советского крестьянства. Дис. ... к. философ. н. М., 1972. С. 45.

[31] *Байкова В.Г., Дучал А.С., Земцов А.А.* Свободное время и всестороннее развитие личности. М., 1965. С. 241.

[32] *Панкратова М.Г.* Сельская семья в XX веке. ДиС. ... д. соц. н. в форме науч. докл. М., 1996. С. 41.

[33] *Харчев А.Г.* Брак и семья в СССР. М., 1964. С. 291.

[34] *Панкратова М.* Сельские жители России. Судьбы и семьи в XX веке. С. 36.

[35] Там же. С. 35.

Глава X

[1] Молодежь, ее интересы, стремления, идеалы. М., 1969. С. 68.

[2] Народное хозяйство СССР за 60 лет. М., 1977. С. 579; СССР в цифрах в 1983 году. М., 1984. С. 221, 223.

[3] Там же. С. 100, 121—123.

[4] Социологические исследования. 1982. № 1. С. 135.

[5] О дальнейшем совершенствовании системы профессиональ-но-технического образования: Постановление ЦК КПСС и Совета Министров от 23 июня 1972 г. // Вопросы идеологической работы: Сборник документов, 1965—1973. М., 1973. С. 535—540.

[6] СССР в цифрах в 1973 году: Стат. ежегодник. М., 1974. С. 209; СССР в цифрах в 1974 году: Стат. ежегодник. М., 1975. С. 210; СССР в цифрах в 1977 году: Стат. ежегодник. М., 1978. С. 224.

[7] Там же.

[8] Молодежь как общественная группа. М., 1972. С. 104, 105, 107.

[9] *Абуков А.Х.* Туризм сегодня и завтра. М., 1978. С. 9, 31

[10] Формула досуга. Аргументы и факты. 1986. № 39.

[11] Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. 2. М., 1972. С. 12—13, 16—17; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. Т. 2.Ч. 2. М., 1989. С. 32, 38.

[12] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Ч. 2. Д. 1530. Л. 37—39.

[13] Там же.

[14] Ведомости Верховного Совета СССР. 1956, № 15. Ст. 313.

[15] СП СССР. 1972. № 17. Ст. 86.

[16] Там же. 1971. № 11. Ст. 85.

[17] См.: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 21 ноября 1973 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1973. № 48. Ст. 678.

[18] См.: *Захаров М.Д., Проценко К.В.* Профактиву о пенсионном законодательстве. М., 1977. С. 4, 39—40.

[19] Там же. С. 39.

[20] См. напр., уже упоминавшийся Указ Президиума Верховного Совета СССР от 21 ноября 1973 г.

[21] Ведомости Верховного Совета СССР. 1983. № 27. Ст. 413.

[22] Правда. 1984. 31 декабря.

[23] Указ Президиума Верховного Совета СССР от 3 июня 1971 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1971. № 23. Ст. 238.

[24] СП СССР. 1972. № 17. Ст. 86; Ведомости Верховного Совета СССР. 1971. № 23. Ст. 238; Ведомости Верховного Совета СССР. 1973. № 48. Ст. 678.

[25] *Новицкий А.Г., Миль Г.В.* Занятость пенсионеров. Социально-демографический аспект. М., 1981. С. 27.

[26] Постановление Совмина СССР от 17 марта 1973 г. // СП СССР. 1973 г. № 8. Ст. 34.

[27] См.: Закон 1956 г. Ст. I3; Указ Президиума Верховного Совета СССР от 3 июня 1971 г.; Указ Президиума Верховного Совета СССР от 21 ноября 1973 г.; Положение 1972 г. Пункт 19.

[28] Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 сентября 1967 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1967. № 39. Ст. 521; Положение о порядке назначения и выплаты государственных пенсий, утвержденное Советом Министров СССР от 3 августа 1972 г. // СП СССР. 1972. № 17. Ст. 86; Указ Президиума Верховного Совета СССР от 7 марта 1975 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1975. № 11. Ст. 182.

[29] Народное хозяйство СССР. 1922—1972: Юб. стат. ежегодник. М., 1972. С. 382; Народное хозяйство СССР за 60 лет: Юб. стат. ежегодник. М., 1977. С. 532.

[30] Там же; Народное хозяйство СССР. 1922—1972. С. 382.

[31] *Ачаркан В.А., Соловьев А.Г.* Работающие пенсионеры. М.. 1975; *Новицкий А.Г., Миль Г.В.* Указ. соч.; *Ланцев М.С.* Социальное обеспечение в СССР. М., 1976; *Шапиро В.Д.* Фактор трудовой активности пенсионеров (Итоги исследования 1973—1975 гг.) // Социологические исследования. 1976. № I; Пожилые люди в нашей стране. М., 1977; Профессиональный труд в пенсионном возрасте. М., 1976.

[32] *Новицкий А.Г., Миль Г.В.* Указ. соч. С. 25.

[33] Там же. С. 98.

[34] *Дмитриев А.В.* Социальные проблемы людей пожилого возраста. Л., 1980. С. 11.

[35] Правда. 1985. 19 января.

[36] Ведомости Верховного Совета СССР. 1974. № 4. Ст. 75, 76.

[37] СП СССР. 1973. № 21. Ст .116.

[38] *Ланцев М.С.* Указ. соч. С. 137.

[39] *Новицкий А.Г., Миль Г.В.* Указ. соч. С. 32.

[40] Там же. С. 63.

[41] Ведомости Верховного Совета СССР. 1968. № 25. Ст. 314.

[42] См.: *Новицкий А.Г., Миль Г.В.* Указ. соч. С. 173, 185.

[43] *Дмитриев А.В.* Указ. соч. С. 67—68.

[44] Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. М., 1963. С. 285—286; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. М., 1990. Т. 9. Ч. 1. С. 177—184. Табл. 19; Народное хозяйство РСФСР за 60 лет: Стат. ежегодник. М., 1977. С. 31, 215; Народное хозяйство РСФСР за 70 лет: Статистический ежегодник. М., 1987. С. 57.

[45] Народное хозяйство РСФСР за 60 лет. С. 31 (подсчеты автора).

[46] Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: РСФСР. С. 285—286; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. Т. 9. Ч. 1. С. 177—184. Табл. 19; Народное хозяйство РСФСР за 60 лет. С. 31, 215; Народное хозяйство РСФСР за 70 лет. С. 57.

[47] Численность и состав населения СССР: По данным Всесоюзной переписи населения 1979 года. М., 1984. С. 51, 52, 59; Янкова З.А. Советская женщина (социальный портрет). М., 1978. С. 24.

[48] *Янкова З.А.* Указ. соч. С. 41; Народное хозяйство СССР за 60 лет: Юб. стат. ежегодник. С. 581; *Голод С.И.* Семья и брак: Историко-социологический анализ. СПб., 1998. С. 66—67, 159—160.

[49] Народное хозяйство РСФСР за 60 лет. С. 17; Народное хозяйство СССР, 1922—1982: Юб. стат. ежегодник. М., 1982. С. 10;. С. 45, 47, 50; *Харчев А.Г., Голод С.И.* Профессиональная работа женщины и семья (социологические исследования). М., 1971. С. 66.

[50] См.: *Голод С.И.* XX век и тенденции сексуальных отношений в России. СПб., 1996. С. 73—75.

[51] Сборник законов и указов Президиума Верховного Совета СССР, 1938—1967. М.,1968. Т. 2. С. 181—182, 240, 242, 248; *Груздева Е.Б., Чертихина Э.С.* Труд и быт советских женщин. М., 1983. С. 63, 65, 66, 117; *Янкова З.А.* Городская семья. М., 1979. С. 181—182.

[52] Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР, 1938—1967. Т. 2. С. 423; Основы Советского законодательства. М., 1974. С. 231; Никончик О.К. Охрана здоровья женщин в СССР // Советское здравоохранение. 1965. № 2. С. 3—7; *Бодяжина В.И.* Основные направления научных исследований в области здоровья женщин // Там же. С. 7—11; Народное хозяйство СССР, 1922—1982. С. 546; Вестник статистики. 1972. № 1. С. 93.

[53] Народное хозяйство СССР, 1922—1982. С. 23, 453; Народное хозяйство СССР за 60 лет. С. 240, 521; Вестник статистики. 1972. № 1. С. 93; *Янкова З.А.* Указ. соч. С. 181.

[54] См.: *Урланис Ц.Б.* Демографическая политика и ее влияние на демографическое поведение населения. М., 1970. С. 5, 9, 10.

[55] Народное хозяйство СССР, 1922—1982. С. 439, 451, 505, 506; Народное хозяйство РСФСР за 70 лет. С. 368, 369; Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР, 1938—1967. Т. 2. С. 331, 335, 421.

[56] Там же. С. 448, 482, 493; *Харчев А.Г.* Брак и семья в СССР. М., 1979. С. 280—281, 284; Народное хозяйство за 60 лет. С. 258, 269.

[57] См.: Социологические исследования. 1983. № 2. С. 141; 1985. № 1. С. 106—108.

[58] Население СССР за 70 лет. М., 1988. С. 90—91; Население России: Ежегодный демографический доклад. М., 1993. С. 19. Табл. 2.7.

[59] Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: СССР. М., 1962. С. 242; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: РСФСР. М., 1963. С. 426, 450; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года: Стат. сб. М., 1990. Т. 6. Ч. 1. С. 48 (подсчеты авторов), 54; *Волков А.Г.* Семья — объект демографии. М., 1986. Табл. 2.4; *Янкова З.А.* Указ. соч. С. 33.

[60] *Янкова З.А.* Городская семья. М., 1979. С. 59; *Янкова З.А., Родзинская И.Ю.* Проблемы большого города. М., 1982. С. 21—22; Русские (Этносоциологические очерки). С. 179—183; *Голод С. И., Клецин А.А.* Состояние и перспективы развития семьи: Теоретико-типологический анализ. СПб., 1994, С. 6—7.

[61] *Янкова З.А.* О семейно-бытовых ролях работающих женщин // Социальные исследования. М., 1970. Вып. 4. С. 76—82; *Шилин Н.Д.* Личность женщины и семья: Методологические и социологические проблемы исследования. Горький, 1972. С. 234. Табл. 4, 5; *Акопджанян К.А.* Хозяйственная деятельность различных поколений семьи (анализ данных эмпирического исследования в Москве) // Взаимоотношения поколений в семье. М., 1977. С. 136.

[62] *Голод С. И.* XX век и тенденции сексуальных отношений в России. С. 96.

[63] См.: Там же. С. 72—75, 78—81, 95—97; Сильная женщина и мужчины: Как стать сильной женщиной и стоит ли мужчинам ее бояться. М., 1997. С. 6—19, 29, 39—40, 263—264; *Мольтманн-Вендель Э.* И сотворил Бог мужчину и женщину: (Феминистская теология и человеческая идентичность) // Вопросы философии. 1991. № 3. С. 97.

[64] См.: Гурко Т.А., Мацковский М.С. Одинокий мужчина в большом городе (Постановка проблемы) // Становление брачно-семейных отношений. М., 1979. С. 7—11.

[65] Сильная женщина и мужчины. С. 11—19, 35—36.

[66] Население России. 1995. М., 1996. С. 108.

[67] Из истории борьбы с пьянством, алкоголизмом, самогоноварением в Советском государстве (1917—1985). М., 1988. С. 77—81.

Глава XI

[1] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 33. Д. 3671. Л. 1.

[2] Там же.

[3] Там же. Л. 2.

[4] Там же. Л. 1—4.

[5] Там же. Л. 4.

[6] Там же. Л. 201.

[7] Там же. Л. 201—202.

[8] Там же. Л. 202.

[9] Там же.

[10] Там же. Л. 206.

[11] Подсчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: РСФСР. М., 1963. С. 24—26; и материалам таблицы № 1.

[12] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 33. Д. 5293. Л. 5.

[13] Там же.

[14] Там же. Л. 5, 7.

[15] Там же. Д. 6299. Л. 1.

[16] Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1970 г. М., 1976. С. 173; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 33. Д. 7940. Л. 9.

[17] Там же.

[18] Там же. Л. 10—11.

[19] Там же. Л. 15—16.

[20] Там же.

[21] Подробнее см.: Население России в XX веке: Исторические очерки. М., 2001. Т. 2. С. 243.

[22] Народное хозяйство РСФСР в 1979 г. М., 1980. С. 308—309.

[23] Мурманской области 60 лет: Юбилейный статистический сборник. Мурманск, 1998. С. 23.

[24] Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. М., 1982. Т. 3. Ч. 1. С. 6—7.

[25] Народное хозяйство РСФСР в 1959 г. М., 1960. С. 520; Народное хозяйство РСФСР в 1979 г. С. 326.

[26] ГА РФ. Ф. А-374. Оп. 32а. Д. 2760. Л. 77—78; Д. 2761. Л. 37—76.

[27] Подсчитано по: Народное хозяйство РСФСР в 1979 г. С. 175.

Глава XII

[1] Итоги Всесоюзной переписи 1970 г. Т. 1. М., 1972. С. 7; Итоги Всесоюзной переписи 1979 г. Т. 1. М., 1989. С. 28—29.

[2] Там же; Итоги Всесоюзной переписи 1970 г. Т. 1. С. 7; Численность и состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 года. М., Финансы и статистика. 1984. С. 10.

[3] Итоги Всесоюзной переписи 1979 г. Т. 1. С. 8.

[4] Там же. С. 28—29; Итоги Всесоюзной переписи 1970 г. Т. 1. С. 10—11.

[5] Там же; Итоги Всесоюзной переписи 1979 г. Т. 1. С. 28—29.

[6] Там же. С. 8.

[7] Там же; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: РСФСР. М., 1963. С. 12.

[8] Итоги Всесоюзной переписи 1970 г. Т.1. С. 10—11; Итоги Всесоюзной переписи 1979 г. Т. 1. С. 28—29.

[9] Там же.

[10] Там же. С. 29.

[11] Там же.

[12] Итоги Всесоюзной переписи 1970 г. Т. 1. С. 76—77.

[13] Итоги Всесоюзной переписи 1979 г. Т. 1. С. 128—129 (подсчеты автора).

[14] Там же. С. 28—29; Итоги Всесоюзной переписи 1970 г. Т. 1. С. 10—11.

[15] Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: РСФСР. С. 12; Итоги Всесоюзной переписи 1979 г. Т. 1. С. 8.

[16] Там же. С. 28—29; Итоги Всесоюзной переписи 1970 г. Т. 1. С. 10—11.

[17] Там же; Итоги Всесоюзной переписи 1979 г. Т. 1. С. 28—29.

[18] Там же.

[19] Там же.

[20] См.: Итоги Всесоюзной переписи 1970 г. Т. 1. С. 10—11.

[21] Там же. С. 78—83 (подсчеты автора).

[22] Итоги Всесоюзной переписи 1979 года. Т. 1. С. 130—131 (подсчеты автора).

[23] Там же. С. 30—31; Итоги Всесоюзной переписи 1970 г. Т. 1. С. 10—11.

[24] Итоги Всесоюзной переписи 1979 г. Т. 1. С. 10.

[25] Там же; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: РСФСР. С. 12.

[26] Итоги Всесоюзной переписи 1970 г. Т. 1. С. 10—11; Итоги Всесоюзной переписи 1979 г. Т. 1. С. 30—31.

[27] Там же; Итоги Всесоюзной переписи 1970 г. Т. 1. С. 10—11.

[28] Там же; Итоги Всесоюзной переписи 1979 г. Т. 1. С. 30—31.

[29] Там же. С. 134—135; Итоги Всесоюзной переписи 1970 г. Т. 1. С. 82—83 (подсчеты автора).

[30] Там же. С. 10—11; Итоги Всесоюзной переписи 1979 г. Т. 1. С. 30—31.

[31] Там же.

[32] Там же; Итоги Всесоюзной переписи 1970 г. Т. 1. С. 10—11.

[33] Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: РСФСР. С. 14; Итоги Всесоюзной переписи 1979 г. Т. 1. С. 10—11.

[34] Итоги Всесоюзной переписи 1970 г. Т. 1. С. 84—87 (подсчеты автора).

[35] Итоги Всесоюзной переписи 1979 г. Т. 1. С. 136—137 (подсчеты автора).

[36] Там же. С. 30—31; Итоги Всесоюзной переписи 1970 г. Т. 1. С. 12—13.

[37] Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: РСФСР. С. 14; Итоги Всесоюзной переписи 1979 года. Т. 1. С. 10—11.

[38] Там же; Итоги Всесоюзной переписи 1970 года. Т. 1. С. 12—14.

[39] Там же; Итоги Всесоюзной переписи 1979 года. Т. 1.С. 30—31.

[40] Там же. С. 138—139; Итоги Всесоюзной переписи 1970 года. Т. 1. С. 86—87 (подсчеты автора).

[41] Там же. С. 12—13; Итоги Всесоюзной переписи 1979 г. Т. 1. С. 30—33.

[42] Там же. С. 10; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: РСФСР. С. 12.

[43] Итоги Всесоюзной переписи 1979 г. Т. 1. С. 30—33; Итоги Всесоюзной переписи 1970 г. Т. 1. С. 12—13.

[44] Там же; Итоги Всесоюзной переписи 1979 года. Т. 1. С. 30—33.

[45] Там же. С. 30—31; Итоги Всесоюзной переписи 1970 года. Т. 1. С. 12—13.

[46] Там же. С. 88—89 (подсчеты автора).

[47] Итоги Всесоюзной переписи 1979 года. Т. 1.С. 140—141 (подсчеты автора).

[48] Там же.С. 32-33; Итоги Всесоюзной переписи 1970 г. Т. 1. С. 2—13.

[49] Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: РСФСР. С. 14; Итоги Всесоюзной переписи 1979 г. Т. 1.С. 12—13.

[50] Там же.

[51] Там же. С. 32—33; Итоги Всесоюзной переписи 1970 года. Т. 1. С. 12—13.

[52] Там же. Итоги Всесоюзной переписи 1979 года. Т. 1. С. 32—33.

[53] Итоги Всесоюзной переписи 1970 г. Т. 1. С. 90—91 (подсчеты автора).

[54] Итоги Всесоюзной переписи 1979 г. Т. 1. С. 142—143 (подсчеты автора).

[55] Там же. С. 32—33.

[56] Там же; Итоги Всесоюзной переписи 1970 года. Т. 1. С. 12—13.

[57] Итоги Всесоюзной переписи 1979 года. Т. 1. С. 12—13; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: РСФСР. С. 16.

[58] Итоги Всесоюзной переписи 1970 года. Т. 1. С. 94—95; Итоги Всесоюзной переписи 1979 г. Т. 1. С. 144—145 (подсчеты автора).

[59] Там же. С. 32—35; Итоги Всесоюзной переписи 1970 года. Т. 1. С. 14—15.

[60] Там же; Итоги Всесоюзной переписи 1979 года. Т. 1. С. 32—35.

[61] Там же; Итоги Всесоюзной переписи 1970 года. Т. 1. С. 14—15.

[62] Итоги Всесоюзной переписи 1979 года. Т. 1. С. 12—15.

[63] Итоги Всесоюзной переписи 1970 года. Т. 1. С. 96—97 (подсчеты автора).

[64] Итоги Всесоюзной переписи 1979 года. Т. 1. С. 146—147 (подсчеты автора).

[65] Там же. С. 34—35; Итоги Всесоюзной переписи 1970 года. Т. 1. С. 14—15.

[66] Итоги Всесоюзной переписи 1979 года. Т. 1. С. 14—15; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: РСФСР .С. 16.

[67] Там же. С. 34—35; Итоги Всесоюзной переписи 1970 г. Т. 1. С. 14—15.

[68] Численность и состав населения СССР. С. 15, 19.

[69] Итоги Всесоюзной переписи 1970 г. Т. 1. С. 100—101; Итоги Всесоюзной переписи 1979 года. Т. 1. С. 150—151 (подсчеты автора).

[70] Население России за 100 лет (1897—1997). М., 1998. С. 84—85.

[71] Там же. С. 116—138.

[72] См. там же.

[73] Российский стат. ежегодник. М., 2001. С. 247.

[74] Там же. С. 248.

[75] Там же. С. 249.

[76] Там же. С. 250.

[77] Там же. С. 248.

[78] Потери мужского населения в локальных вооруженных конфликтах подсчитаны Г.Ф. Кривошеевым. В арабо-израильских войнах (1967—1974 гг.) умерло от ран и болезней 52 советских военнослужащих; в пограничных военных конфликтах в районе о. Даманский на Дальнем Востоке (март 1969 г.) и у озера Жаланашколь в Казахстане (август 1969 г.) советские войска потеряли убитыми и умершими от ран 58 чел., ранеными и контуженными 94 чел., потери пограничников у заставы Жаланашколь составили 12 чел. (2 убитых, 10 раненых); в период Карибского кризиса (1962—1964 гг.) умерло 66 советских военнослужащих и 3 советских гражданских лиц; во время войны во Вьетнаме (1965—1974 гг.) потери советских военнослужащих и специалистов из числа гражданского персонала составили 16 чел.; в локальных войнах и военных конфликтах в странах африканского континента: во время разминирования территории в Алжире (1962—1964) погибло, умерло от ран и болезней 25 советских специалистов; в Анголе (1975—1979 гг.) погибло, умерло от ран и болезней 11 чел.; в Сомалийско-эфиопской войне (1977—1979 гг.) погибло, умерло от ран и болезней 27 чел., в период Чехословацкого кризиса (в ходе дислокации и размещения советских войск, август — сентябрь 1968 г.) безвозвратные потери составили 98 чел., травмировано 87 чел. (Источники: Россия и СССР в войнах XX века. М., 2001. С. 526, 529, 530, 533—534; Книга памяти РФ. М., 1999. Т. 10. С. 438, 475—477).

[79] Итоги Всесоюзной переписи 1970 года. Т. 2. М., 1972. С. 16—17.

[80] Там же.

[81] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Ч. 4. Д. 6128. Л. 3—4, 6—8.

[82] Там же. Л. 16, 37, 100, 130, 135, 156, 177 (подсчеты автора).

[83] Там же. Л. 79.

[84] Там же. Д. 6129. Л. 16.

[85] Там же. Л. 16, 37, 79, 100, 135, 156, 177 (подсчеты автора).

[86] Там же. (подсчеты автора).

[87] Там же. Л. 130. Д. 6129. Л. 16.

[88] Там же. Л. 1, 22, 64, 106, 85,127, 141, 162; Д. 6129. Л. 1 (подсчеты автора).

[89] Итоги Всесоюзной переписи 1970 года. Т. 2. М., 1972. С. 16—17.

[90] Там же.

[91] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Ч. 4. Д. 6128. Л. 25—26, 67—68, 128об.—129, 144—145, 165—166 (подсчеты автора).

[92] Там же. Д. 6128. Л. 25—26, 67—68, 88—89, 144—145, 165—166 (подсчеты автора).

[93] Там же; Итоги Всесоюзной переписи 1979 года. Т. 2. М., 1989. С. 38—39; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Ч. 4. Д. 6129. Л. 4—6.

[94] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Ч. 4. Д. 6128. Л. 110; Д. 6129. Л. 5.

Глава XIII

[1] Население России в XX веке: Исторические очерки. Т. 1. 1900—1939 годы. М.: РОССРЭН. 2000. С. 95.

[2] Там же. С. 150.

[3] *Лубны-Герцык Л.И.* Движение населения на территории СССР: За время мировой войны и революции. М., 1926. С. 100, 103, 113; *Араловец Н.А.* Городская семья в России. 1897—1926: Историко-демографический аспект. М., 2003. С. 119.

[4] *Жиромская В.Б.* После революционных бурь: Население России в первой половине 20-х годов. М., 1996. С. 7.

[5] *Дробижев В.З.* У истоков советской демографии. М., 1987. С. 65—67.

[6] Там же. С. 90—91.

[7] См. например: *Гаврилова И.Н.* Население Москвы: Исторический ракурс. М., 2001. С. 303.

[8] *Жиромская В.Б.* Указ. соч. С. 11.

[9] Население России за 100 лет (1897—1997). М., 1998. С. 86.

[10] Там же. С. 88.

[11] *Adametz S., Blum A., Zakharov S.* Disparites et variabilites des catastrophes demographiques en URSS. P., 1994. P. 72—73.

[12] См.: Население России в XX веке: Исторические очерки. Т. 1. 1900—1939. С. 265—275; Трагедия советской деревни: Коллективизация и раскулачивание. 1927—1939: Документы и материалы. Т. 3. 1930—1933 М., 2001; *Зеленин И.Е.* Кульминация крестьянской трагедии // Трагедия советской деревни: Коллективизация и раскулачивание. 1927—1939; *Зеленин И.Е., Ивницкий Н.А., Кондрашин В.В., Осколков Е.Н.* О голоде 1932—1933 годов и его оценке на Украине // Отечественная история. 1994. № 6; *Зеленин И.Е.* «Закон о пяти колосках»: Разработка и осуществление // Вопросы истории. 1998. № 1; Он же. Революция «сверху»: Завершение и трагические последствия // Вопросы истории. 1994. № 10; *Данилов В.П.* К истории коллективизма // История СССР. 1991. № 5; Он же. Коллективизация: Как это было? // Страницы истории советского общества. Факты, проблемы, люди. М., 1989; Он же. Дискуссия в западной прессе о голоде 1932—1933 годов и демографическая катастрофа 30—40-х годов в СССР // Вопросы истории. 1988. № 3; *Ивницкий Н.А.* Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М., 1994; Голод 1932—1933 років в Україні:Ппричини та наслідки. Киев, 2003; *Кульчицький С.В.* Трагічна статистика голодомору // Минуле України. Видновлені сторинкі. К. 1991; Он же. Демографические последствия голода 1933 г. на Украине // Философская и социологическая мысль. 1989. № 6; Он же. Україна між двома війнами (1921—1939 рр.) К. 1999; *Перковский А.Л., Пирожков С. И.* К истории демографического развития 30—40-х годов (на примере Украинской ССР) // Экономика. Демография. Статистика. М., 1990; *Абылхожин Ж.Б., Козыбаев М.К., Татимов М.Б.* Казахстанская трагедия // Вопросы истории. 1989. № 7; *Алексеенко А.Н.* Голод начала 30-х годов в Казахстане (методика определения числа пострадавших) // Историческая демография: новые подходы, методы, источники. М., 1992; *Батырбаева Ш.* Население Кыргызстана в 20—50-е годы XX века: Историко-демографический анализ. Бишкек, 2003; *Уиткрофт С.Г., Дэвис Р.У.* Кризис в советском сельском хозяйстве 1931—1933 // Отечественная история. 1998. № 6; *Уиткрофт С.Г.* О демографических свиде-

тельствах трагедии советской деревни в 1931—1933 гг. // Трагедия советской деревни: Коллективизация и раскулачивание. 1927—1939 гг. С. 866—887; *Wheatcroft S.G., Davies R.W.* In the Mirror of the Soviet Statistics // *R.W.Davies, M.Harrison, S.G.Wheatcroft (eds.)*. The Economic Transformation of the Soviet Union, 1913—1945. Cambridge, 1994; *Максудов С.* Потери населения в годы коллективизации // Звенья. М., 1991. № 1; Он же. Потери населения СССР. Вермонт, 1989; *Конквест Д.* Жатва скорби: Советская деревня и террор голодом. Лондон, 1988; и др.

[13] Расчеты автора по: *Осколков Е.Н.* Голод 1932—1933 гг. в Северо-Кавказском крае. Росторв-на-Дону, 1991; *Кондрашин В.В.* Голод 1932—1933 гг. в деревне Поволжья // Вопросы истории. 1991. № 6; *Кондрашин В.В.* Голод 1932—1933 гг. в деревне Поволжья: Авт. дис. канд. ист. наук. М., 1991; *Корнилов Г.Е.* Уральское село и война. (Проблемы демографического развития). Екатеринбург, 1993; *Исупов В.А.* Демографические последствия голода 1932—1933 гг. в Западной Сибири // Демографическое развитие Сибири. 30 — е-80-е гг. (Ист. опыт и совр. пробл.). Новосибирск, 1991; Он же. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: Историко-демографические очерки. Новосибирск, 2000; *Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л.* Демографическая история России: 1927—1959. М., 1998. С. 83; *Жиромская В.Б.* Демографическая история России в 1930-е годы: Взгляд в неизвестное. М., 2001. С. 52—53. В расчетах учтены новые данные о географии голода и числе потерь.

[14] *Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л.* Указ. соч. С. 164.

[15] Население России за 100 лет. С. 86.

[16] Население России в XX веке: Исторические очерки. Т. 1. 1900—1939 гг. М., РОССПЭН, 2000. С. 204.

[17] Там же. С. 188.

[18] Там же.

[19] *Жиромская В.Б.* Демографическая история России в 1930-е годы: Взгляд в неизвестное. М., 2001 С. 14—15.

[20] Подробнее см.: Там же. С. 21—30.

[21] См.: *Жиромская В.Б.* Указ. соч. С. 46, 218; Население России в XX веке: Исторические очерки. Т. 1. 1900—1939 гг. С. 354.

[22] Там же. Т. 2. 1940—1959 гг. С. 87.

[23] Там же. С. 100.

[24] Там же. С. 102.

[25] Там же. С. 103.

[26] Там же. С. 84.

[27] Там же. С. 114—137.

[28] Там же. С.145.

Указатель географических названий

Агинский Бурятский н.о. — 10, 259, 260.

Адыгейская А.о. — 8, 83, 84, 94, 95.

Азербайджанская Советская Социалистическая Республика (Азербайджанская ССР) — 5, 30, 33, 111, 113, 116, 118, 159, 160, 188, 124, 126, 134.

Алтайский край — 9, 45, 62, 68, 206, 218, 257, 258, 271, 277.

Амурская о. — 10, 262.

Англия — 152.

Армянская Советская Социалистическая Республика (Армянская ССР) — 5, 111, 118, 125, 126, 134, 159.

Архангельская о. — 6, 8, 184, 202, 207, 244, 245.

Астраханская о. — 8, 251.

Башкирская АССР — 8, 9, 73, 83, 84, 85, 86, 87, 92, 94, 95, 206, 251, 252, 253, 255.

Белгородская о. — 7, 43, 49, 250, 251.

Белорусская Советская Социалистическая Республика (БССР) — 5, 30, 113, 124, 125, 126, 142, 159.

Болгария — 191.

Брянская о. — 7, 43, 47, 63, 246, 247, 248.

Бурятская АССР — 9, 10, 83, 84, 85, 86, 94, 95, 259, 260, 261.

Венгрия — 191.

Владивосток г. — 262.

Владимирская губ. — 270.

Владимирская о. — 7, 43, 57, 69, 246, 247.

Волго-Вятский район — 7, 30, 35, 42, 44, 48, 49, 56, 57, 114, 141, 156, 157, 158, 159, 248, 252, 253, 258.

Волгоградская о. —218, 251, 253.

Вологодская о. — 6, 184, 202, 245.

Воронежская о. — 6, 7, 63, 65, 69, 250.

Восточно-Сибирский район — 9, 10, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 30, 35, 44, 48, 49, 56, 140, 141, 156, 157, 217, 218, 219, 259, 263, 268. 277.

Германия — 118.

Германская Демократическая Республика (ГДР) — 152.

Горно-Алтайская А.о. — 9, 83, 84, 94, 95, 257, 258.

Горький г. — 196.

Горьковская о. — 7, 63, 204, 248, 249.

Грузинская Советская Социалистическая Республика (Грузинская ССР) — 5, 111, 113, 116, 124, 126, 159, 188.

Дагестанская АССР — 6, 8, 53, 61, 73, 83, 84, 85, 86, 87, 94, 95, 97, 98, 101, 106, 116, 117, 205, 218, 219, 241, 254, 255, 263.

Дальневосточный район — 10, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 30, 35, 42, 43, 44, 46, 53, 56, 57, 60, 63, 73, 96, 114, 154, 156, 157, 159, 160, 214, 250, 261, 262, 263, 267, 277.

Днепродзержинск г. — 34.

Дон — 50, 271.

Европейская часть РСФСР — 8, 13, 14, 15, 51, 52, 54, 57, 257, 258, 271.

Закавказье — 43, 82, 121, 122, 126, 134, 142, 194.

Западная Европа — 11, 49, 50, 267, 269, 276.

Западно-Сибирский район — 9, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 30, 32, 35, 44, 45, 54, 56, 111, 114, 136, 156, 157, 159, 161, 208, 214, 257, 258, 268.

Ивановская о. — 7, 43, 46, 68, 69, 203, 246, 247.

Ижевск г. — 256.

Израиль — 117, 118.

Индия — 86, 92.

Иркутская о. — 6, 9, 10, 259, 260, 261.

Испания — 278.

Италия — 76, 278.

Кабардино-Балкарская АССР — 8, 61, 62, 83, 84, 85, 86, 94, 95, 254.

Казань г. — 32, 270.

Казахская Советская Социалистическая Республика (Казахская ССР) — 5, 30, 31, 33, 78, 111, 113, 116, 118, 122, 124, 125, 126, 159, 273.

Калининградская о. — 6, 88.

Калининская о. — 6, 7, 46, 47, 64, 65, 73, 159, 246.

Калмыцкая АССР — 8, 52, 62, 73, 83, 84, 85, 86, 92, 94, 95, 97, 206, 207, 218, 252, 253, 254, 263.

Калуга г. — 26, 270.
Калужская о. — 7, 43, 47, 68, 246, 247.
Камчатская о. — 10, 69, 261, 262.
Каратау г. — 176.
Карачаево-Черкесская а.о. — 8, 83, 84, 94, 95, 218, 254, 255.
Карельская АССР — 6, 69, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 97, 202, 203, 244, 245.
Каспий — 51.
Кемерово г. — 109.
Кемеровская о. — 9, 45, 62, 257, 258.
Киргизская Советская Социалистическая Республика (Киргизская ССР) — 5, 113, 124, 125, 134, 159, 273.
Кировская о. — 7, 47, 54, 57, 62, 68, 71, 184, 248, 249.
Коми АССР — 5, 6, 62, 83, 84, 85, 86, 94, 95, 244, 245.
Коми-Пермяцкий Н.о. — 8, 9, 83, 86, 256.
Копейск г. — 34.
Корякский Н.о. — 6, 10, 261, 262.
Костромская о. — 7, 43, 46, 62, 68, 246, 247.
Крайний Север — 82, 115, 175.
Краснодар г. — 51.
Краснодарский край — 8, 53, 87, 184, 205, 254, 255.
Красноярский край — 9, 10, 259, 260.
Крым — 51.
Кубань — 271.
Куйбышев г. — 32, 33.
Куйбышевская о. — 8, 69, 87, 203, 204, 214, 251, 252, 253.
Курганская о. — 8, 9, 256, 271.
Курская о. — 7, 49, 65, 71, 175, 202, 205, 207, 250.

Латвийская Советская Социалистическая Республика (Латвийская ССР) — 5, 30, 33, 48, 121, 122, 123, 124, 125, 126, 159.
Ленинград г. — 6, 25, 26, 62, 87, 88, 101, 131, 132, 136, 141, 203, 214, 244, 246.
Ленинградская о. — 32, 87, 203, 244, 246.
Ливны г. — 163.
Липецкая о. — 7, 69, 250, 251.
Литовская Советская Социалистическая Республика (Литовская ССР) — 5, 23, 48, 113, 121, 124, 125, 126, 159.
Лянгасово пос. — 184.

Магаданская о. — 10, 11, 116, 117, 261, 262.
Магнитогорская о. — 32, 33.
Марийская АССР — 6, 7, 83, 84, 85, 87, 94, 95, 203, 248, 249, 263.
Мордовская АССР — 7, 73, 83, 84, 85, 86, 87, 94, 95, 204, 218, 248, 249.
Молдавская Советская Социалистическая Республика (Молдавская ССР) — 5, 113, 124, 125, 126, 134.
Москва г. — 7, 32, 35, 62, 87, 88, 109, 116, 131, 136, 141, 144, 145, 184, 194, 196, 246, 275.
Московская о. — 7, 54, 69, 88, 131, 173, 184, 203, 246, 247.
Мурманск г. — 26.
Мурманская о. — 69.
Мценск г. — 163.

Немцев Поволжья АССР — 271.
Ненецкий Н.о. — 6, 244.
Нечерноземье — 42, 46, 58, 59, 65.
Нижегородская о. — 69.
Новосибирск г. — 32.
Новгородская о. — 6, 64, 68, 159, 203, 244, 245.
Новосибирская о. — 6, 9, 69, 135, 206, 257, 258, 271.

Омская о. — 9, 257, 258, 271.
Орел г. — 163, 270.
Оренбургская о. — 8, 9, 184, 256, 271.
Орловская губ. — 270.
Орловская о. — 7, 8, 47, 62, 63, 69, 247, 250.

Пакистан — 86, 92.
Пенза г. — 194.
Пензенская о. — 8, 135, 203, 204, 252, 253.
Пермская о. — 6, 8, 9, 68, 87, 131, 256.
Поволжский район — 8, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 30, 42, 44, 49, 56, 73, 82, 83, 96, 98, 100, 111, 114, 140, 141, 142, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 162, 163, 164, 196, 208, 218, 251, 252, 253, 255, 263, 268, 271, 277.
Польша — 118.
Прибалтика — 31, 48, 118, 194.
Приморский край — 10, 88, 135, 206, 261.
Причерноморье — 51.
Псковская о. — 6, 52, 64, 68, 159, 244, 245.

Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика (РСФСР) — 3, 5, 6, 8, 10, 11, 12, 13,

15, 16, 18, 20, 21, 22, 23, 24, 29, 30, 33, 34, 35, 36, 37, 39, 41, 42, 44, 45, 47, 48, 50, 51, 52, 54, 55, 56, 57, 58, 60, 61, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 72, 74, 75, 76, 78, 80, 82, 84, 85, 86, 89, 93, 94, 96, 97, 103, 104, 107, 106, 108, 110. 111, 112, 113, 115, 116, 117, 119, 120, 122, 123, 124, 125, 127, 128, 131, 133, 134, 136, 138, 139, 140, 142, 143, 146, 149, 151, 152, 154, 155, 156, 161, 162, 167, 168, 173, 174, 177, 183, 184, 186, 187, 188, 190, 191, 192. 193. 198, 200, 201, 202, 207, 208, 210, 223, 238, 239, 244, 255, 257, 261, 262, 263, 266, 267, 271, 273, 274, 275, 277.

Россия — 3, 11, 13, 14, 15, 50, 51, 52, 54, 60, 63, 64, 65, 67, 69, 71, 75, 77, 78, 79, 83, 85, 86, 92, 93, 97, 99, 100, 103, 105, 118, 127, 129, 130, 147, 153, 161, 200, 238, 244, 263, 265, 267, 268, 270, 276, 277, 278.

Ростов-на-Дону г. — 51.

Ростовская о. — 8, 87, 173, 205, 254.

Рязанская о. — 8, 9, 43, 47, 62, 63, 68, 73, 247, 248.

Самара г. — 270.

Саратов г. — 270.

Саратовская губ. — 270.

Саратовская о. — 6, 8, 135, 204, 218, 251, 252, 271.

Сахалинская о. — 10. 87, 261, 262.

Свердловск г. — 32, 33, 109, 132.

Свердловская о. — 8, 9, 69, 205, 206, 207, 218, 255, 256, 271, 275.

Север — 54, 83, 96, 98, 106, 142.

Северо-Западный район — 6, 13, 15, 16, 17. 18, 30, 32, 44, 45, 46, 48, 49, 57, 73, 114, 140, 154, 156, 157, 158, 159, 161, 218, 244, 245, 246, 248, 249, 251, 252, 267, 269.

Северо-Кавказский район — 8, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 30, 35, 42, 44, 45, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 82, 83, 92, 96, 98, 100, 114, 116, 127, 141, 142, 154, 196, 208, 217, 219, 224, 242, 253, 263, 267, 277.

Северо-Осетинская АССР — 8, 61, 62, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 94, 95, 97, 205, 254, 255.

Сибирь — 45, 46, 53, 57, 60, 63, 73, 83, 96, 100, 154, 158, 175, 263, 267.

Смоленская о. — 7, 63, 64, 68, 73, 184, 248.

Соединенные Штаты Америки (США) — 117, 118, 144, 152.

Союз Советских Социалистических Республик (СССР) — 3, 5, 20, 21, 23, 33, 47, 75, 89, 97, 107, 108, 111, 115, 117, 118, 119, 122, 124, 126, 127, 128, 134, 136, 140, 142, 143, 177, 180, 186, 187, 188, 190, 191, 192, 193, 200, 201, 244, 271, 273, 274, 275, 277.

Средняя Азия — 30, 31, 33, 82, 92, 118, 121, 122, 126, 134, 142, 159, 160, 194.

Ставропольский край — 6, 8, 87, 254, 271.

Сталинградская о. — 8, 135.

Старая Русса — 50.

Ступино г. — 34.

Таганрог г. — 26.

Таджикская Советская Социалистическая Республика (Таджикская ССР) — 5, 124, 125, 134, 159, 188.

Таймырский (Долгано-Ненецкий) Н.о. — 10. 259, 260.

Тамбовская о. — 7, 8, 69, 202, 250, 251.

Татарская АССР — 6, 8, 62, 73, 83, 84, 85, 87, 94, 95, 164, 205, 251, 252, 253, 263.

Ташкент г. — 175.

Томская о. — 9, 257, 258.

Тува — 73.

Тувинская АССР — 9, 10, 83, 84, 85, 94, 95, 97, 259, 260, 261.

Тульская о. — 7, 43, 62, 68, 69, 204, 218, 246, 247.

Туркменская Советская Социалистическая Республика (Туркменская ССР) — 5, 124, 125, 134, 159, 188.

Тюменская о. — 8, 9, 45, 255, 256, 257, 258.

Тюмень г. — 175.

Удмуртская АССР — 8, 9, 73, 83, 84, 85, 94, 95, 131, 255, 256.

Узбекская Советская Социалистическая Республика (Узбекская ССР) — 5, 116, 124, 125, 134, 188.

Украинская Советская Социалистическая Республика (УССР) — 5, 23, 31, 48, 51, 113, 118, 123, 124, 125, 126, 134, 142, 159.

Ульяновская о. — 8, 251, 252, 253.

Уральский район — 8, 13, 15, 16, 17, 18, 30, 44, 46, 49, 51, 54, 56, 57, 60, 65, 83, 111, 114, 133, 156, 157, 158, 159, 161, 207, 208, 214, 255, 256, 258, 267, 268, 277.

Усть-Ордынский Бурятский Н.о. — 10, 259, 260.

Уфа г. — 275.

Федеративная Республика Германия (ФРГ) — 118, 152.

Франция — 152.

Хабаровск г. — 262.

Хабаровский край — 10, 87, 206, 261.

Хакасская А.о. — 6, 9, 10, 83, 84, 85, 94, 95, 259, 260. 261.

Ханты-Мансийский Н.о. — 8, 9, 257, 258.

Центральная Европа — 49.

Центральное Нечерноземье — 47, 71, 154.

Центрально-Черноземный район — 7, 30, 35, 42, 44, 49, 53, 56, 57, 73, 83, 141, 156, 157, 159, 161, 217, 218, 267, 268.

Центральный район — 6, 7, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 30, 35, 43, 44, 46, 49, 56, 57, 62, 73, 83, 111, 114, 140, 154, 156, 157, 158, 196, 208, 218, 248, 249, 251, 252, 253, 263, 267, 269, 271, 272.

Челябинск г. — 33, 34.

Чехословакия — 191.

Чечено-Ингушская АССР — 8, 62, 78, 83, 84, 85, 86, 94, 95, 97, 205, 207, 208, 218, 254, 255.

Читинская о. — 9, 259, 260, 261.

Чувашская АССР — 7, 73, 83, 84, 85, 86, 94, 95, 248, 249.

Чукотский Н.о. — 11, 261.

Швеция — 152.

Эвенкийский Н.о. — 10, 259, 260, 261.

Эстонская Советская Социалистическая Республика (Эстонская ССР) — 5, 30, 33, 48, 111, 116, 121, 123, 124, 125, 126, 159, 176.

Юго-Восточная Европа — 191.

Югославия — 76.

Южный Урал — 51.

Якутская АССР — 9, 10, 52, 53, 83, 84, 85, 94, 95, 162, 218, 261, 262, 263.

Ямало-Ненецкий Н.о. — 8, 9, 257, 258, 259.

Япония — 152.

Ярославская о. — 6, 43, 68, 69, 71, 73, 246, 247.

Указатель составлен Евтеевым А.К.

Список принятых сокращений

АССР — Автономная Советская Социалистическая Республика
А.о. — автономная область
губ. — губерния
г. — город
Н.о. — национальный округ
о. — область
пос. — поселок

Оглавление

Предисловие 3
Глава I.
Население и территория СССР и РСФСР в начале 1960-х гг. 5
Глава II.
Демографические последствия урбанизации 20
Глава III.
Демографическое развитие городского населения РСФСР в 1960—1970-е гг. 29
Глава IV.
Демографическая характеристика сельского населения в 1960—1979 гг. 41
Глава V.
Особенности демографического развития народов России в 1960—1970-е гг. . . . 75
Глава VI.
Миграция и эмиграция в Россиив 1960—1970-е гг. 107
Глава VII.
Основные тенденции развития брачно-семейных отношений в 1960—1970-е гг. . . . 119
Глава VIII.
Особенности городской семьи 131
Глава IX.
Сельская семья 147
Глава X.
Социально-демографические группы в населении и социально-
демографическая политика 166
Глава XI.
Грамотность и образовательный уровень населения России в 1960—1970-е гг. 200
Глава XII.
Население России в 1970-е гг.: численность, размещение, демографические процессы 244
Глава XIII.
Демографический переход в России и его особенности (вместо заключения) . . . 269
Примечания 279
Указатель географических названий 300
Список принятых сокращений 303

Население России в XX веке
Исторические очерки
Т. 3, кн. 1

Художественное оформление *А. Сорокин*
Компьютерная верстка *Н. Мерзляков*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 10.10.2005
Формат 60x90 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная
Усл. печ. л. 19. Уч.-изд. л. 17. Тираж 1000 экз. Заказ № 5889

Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)
117393, Москва, Профсоюзная ул., д. 82.
Тел. 334-81-87 (дирекция) Тел/факс 334-82-42 (отдел реализации)

Отпечатано во ФГУП ИПК "Ульяновский Дом печати"
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14